

150
2000

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОЙ ССР

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Сборник материалов конференции)

Алма-Ата, 1989

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОЙ ССР

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Сборник материалов конференции)

Алма-Ата, 1989

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д. н. н. К. М. Байпаков (отв. редактор), А. К. Кекильбаев, академик
М. К. Козымбаев, к. н. н. З. С. Самашев (зам. отв. редактора), Е. А. Сма-
гулов (отв. секретарь).

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1989 ГОДА, АЛМА-АТА

В тезисах и докладах отражены результаты исследований археологов, историков, этнографов, историков архитектуры по многим аспектам древней и средневековой истории Казахстана, культурному наследию республики.

Среди авторов известные и молодые исследователи, представляющие многие научные центры и школы СССР.

Сборник рассчитан на археологов, историков, этнографов, историков архитектуры, литературоведов, искусствоведов.

В мае 1989 г. академику АН Казахской ССР А. Х. Маргулану исполнилось бы 85 лет. Он скончался 12 января 1985 г., полный творческих планов, рабочих задумок... Но до сих пор в свет выходят его фундаментальные научные труды, посвященные культурному наследию казахского народа, изучению которого ученый посвятил всю свою жизнь, свой талант.

А. Х. Маргулан родился 11 мая 1904 г. в ауле № 2 Акпектинской волости (ныне Баянаульский район Павлодарской области). В 1920 г. окончил учительские курсы в г. Павлодаре и преподавал в школе. В 1921 г. он поступает в Семипалатинский педагогический техникум, а в 1925 г. успешно его заканчивает. В этом же году Алькей Хаканович поступает на литературный факультет Восточного института в г. Ленинграде. Одновременно он посещает лекции в Ленинградском университете и Институте истории искусств, слушает лекции профессоров В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, А. Н. Самойловича, В. В. Струве, Б. Я. Владимирова, И. И. Мещанинова.

Будучи студентом, А. Х. Маргулан принимает участие в Казахстанской и Алтайской экспедициях Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик АН СССР. По результатам экспедиционных работ А. Х. Маргулан подготовил научные публикации, посвященные этнографии казахов.

После окончания Восточного института Алькей Хаканович работает в Наркомпросе Казахской АССР. В 1931 г. он поступает в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде, где под руководством А. Ю. Якубовского и С. Ф. Ольденбурга специализируется по археологии, искусству и средневековой истории Восточного Туркестана, участвует в археологических экспедициях.

С 1936 по 1938 гг. А. Х. Маргулан стажирется, а затем работает научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР, а с конца 1938 г. он сотрудник Казахского филиала АН СССР. С тех пор вся его творческая жизнь была связана сначала с казахским филиалом, а затем

с Академией наук Казахской ССР. В 1941—1946 гг. он заведует сектором истории, в 1946—1951 гг. — сектором археологии, в 1958—1976 гг. — отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. С 1976 г. он старший научный сотрудник.

В 1943 г. А. Х. Маргулан защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук на тему «Историческое значение ярлыков и набизов», а в 1945 г. — диссертацию на соискание степени доктора филологических наук на тему «Эпические сказания казахского народа». С 1946 г. он член-корреспондент АН Казахской ССР, с 1958 г. — академик АН Казахской ССР, с 1960 г. — профессор.

А. Х. Маргулан был ученым широкого диапазона, он много сделал в изучении археологических памятников, внес крупный вклад в изучение истории архитектуры, занимался вопросами литературы и фольклористики, истории и историко-героического эпоса казахского народа, востоковедением. Велика его заслуга в подготовке к публикации и изданию собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова.

А. Х. Маргулан был организатором и руководителем Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, которая покрыла своими маршрутами Сары-Арку. Им были обследованы выдающиеся памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, обнаружена самобытная культура раннего железного века, выявлены следы оседлой и городской культуры в предгорьях Улутау, в долинах Кенгира и Сарысу. Выход в свет таких монографий, как «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана», «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», явился крупным событием в научной жизни республики и страны.

Всего перу исследователя принадлежит более 300 научных и научно-популярных публикаций, посвященных важнейшим проблемам археологии, архитектуры, этнографии, древней и средневековой истории, истории культуры и литературы Казахстана. Они не только содержат новый материал, но и насыщены новаторскими идеями, глубоким анализом. Все это принесло А. Х. Маргулану широкую известность у ученых Советского Союза и зарубежных стран.

Велика роль исследователя в воспитании и подготовке кадров ученых. Им подготовлены кандидаты и доктора наук, которые плодотворно трудятся в археологии, этнографии, истории.

Настоящий сборник содержит статьи, подготовленные к первым Маргулановским чтениям. Они продолжают и развивают научные идеи и начинания ученого, разносторонних интересов, широкой эрудиции, замечательного человека и педагога.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

Акишев К. А.

А. Х. МАРГУЛАН-АРХЕОЛОГ

Академик АН Казахской ССР Алькей Хаканович Маргулан — разносторонний ученый. В каждый предмет своего исследования, в предмет своего увлечения он вносил весомый вклад.

Однако среди многих творческих увлечений Алькея Хакановича есть одна отрасль науки, которой он был предан с самого начала своей научной работы, которую он считал делом всей своей жизни, — это древняя история и история материальной культуры, это археология.

Преданность и увлечение археологией не объясняются лишь романтикой профессии, профессии идущих в глубь веков в поисках следов исчезнувших цивилизаций, в поисках имен мертвых племен и народностей, оставивших нам в наследство Бегазы и Сапгору, Бесшатыр и Тасмола, Домбаул и Айша-биби, Иссык и Чиликты, Отрар и Тараз, Сыгнак и Испиджаб.

Причина была во много крат серьезнее, глубже и благороднее. Прекрасное знание Алькеем Хакановичем древних и средневековых письменных источников, знание того, что в них очень мало сведений о казахах и Казахстане, привело ученого к заключению, что эту историческую несправедливость, этот пробел могут восполнить наука о древностях, археологические изыскания.

Ведь в такой же мере как создание и рост промышленного потенциала республики находится в прямой зависимости от развития геологических наук, так и воссоздание истории Казахстана с древнейших времен невозможно без археологии. Кстати, понимание этой идеи привело в свое время выдающихся сынов казахского народа, широко известных ученых

своей эпохи Ч. Ч. Валиханова и академика К. Н. Сатпаева к увлечению археологией. Академик АН Казахской ССР А. Х. Маргулан — достойный их преемник и последователь.

Поездки его с научной целью по просторам древней казахской земли начались еще в студенческие годы.

В 1926—1927 гг. он принимает участие в Казахстанской и Алтайской экспедициях АН СССР по изучению производительных сил и населения под руководством академика А. Е. Ферсмана и профессора С. И. Руденко.

Как вспоминал С. И. Руденко, обаятельность Алькея Хакановича, прекрасное знание языка, быта и нравов казахского народа сыграли большую роль в успехе работы экспедиции. В свободное время он собирает материалы об устном и музыкальном творчестве, домашнем ремесле и прикладном искусстве, о генеалогии и родо-племенном составе казахов. Собранный материал был обобщен и издан в виде научных статей под названием «Адаевны» (1927), «Найманы» (1930).

Экспедиционные поездки продолжались и в последующие годы. В 1931—1932 гг. — на Алтай и в Сибирь в составе экспедиций, руководимых С. И. Руденко и А. А. Миллером, в 1933 г. — в Байдарскую долину в Крым вместе с Н. И. Репниковым и в 1935 г. — на Алтай в экспедиции М. П. Грязнова.

После открытия республиканской Академии наук Алькей Хаканович руководит первой археологической экспедицией, организованной Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Его Центрально-Казахстанская экспедиция в течение почти сорока лет ведет систематические поиски и изучение древностей Сары-Аркы.

Для выяснения вопросов взаимодействия культур и расселения племен, а также для установления границ распространения отдельных типов памятников обследованию подвергались территории, лежащие на периферии Центрального Казахстана: на западе — бассейн рек Эмбы и Сагыз, на востоке — верховья Иртыша, Калба и Нарым, на севере — степи Атбасара и предгорья Кокшетау и, наконец, на юге — низовья рек Сарысу, Чу, Талас и северные предгорья Каратау.

Работам А. Х. Маргулана свойственны не только большие территориальные масштабы, но и широкий хронологиче-

ский диапазон исследуемых древностей. Экспедиция обнаружила и обследовала тысячи и раскопала сотни памятников археологии и архитектуры. Среди них — стоянки эпохи неолита и энеолита, поселения и могильники андроновской и бегазы-дандыбаевской культуры; погребальные сооружения VII—I вв. до н. э. и курганы V—VIII вв. н. э.; наскальные писаницы и каменные скульптуры; древние ирригационные сооружения и средневековые караванные пути; монументальные памятники каменной архитектуры VIII—X вв. и руины средневековых городов; шатровые мавзолеи XIII—XIV вв. и казахские кумбезы XVI—XIX вв.

Новое в науку внесли результаты поисков и изучения следов оседлой культуры в стране кочевников Дашт-и Кыпчаке. Остатки развитой городской культуры были обнаружены и обследованы на северных склонах Каратау (городища Тарсатобе, Баба-Ата, Кумкент, Чулак-Курган, Саудакент, Аксумбе). Из этих городищ лишь Кумкент и Саудакент упоминаются на страницах письменных источников. Следы городской культуры в виде остатков поселений, караван-сарая, городов, ирригационных сооружений были прослежены гораздо севернее Каратау, в степных оазисах и бассейне рек Сарысу, Кенгир, в горных долинах Улутай и низовьях реки Нуры.

Так, памятники городской культуры были открыты и раскопаны в пустынной зоне, в северной и западной Бетпак-Дале.

Значительное внимание уделялось раскопкам и регистрации надмогильных сооружений, курганов, оград, архитектурных памятников — дынов (каменные пирамидальные сооружения), мазаров, мавзолеев, а также стоянки с микролитическим инвентарем и наскальными изображениями в пустыне Бетпак-Дала. Научным открытием являются результаты раскопок плиточных оград в известном могильнике Бегазы.

Итоги первых лет работы Алькея Хакановича в Центральном Казахстане внесли поправки в существующую в науке концепцию, согласно которой считалось, что земледельческая культура и городская цивилизация на территории Казахстана распространена лишь в бассейнах рек Сырдары, Таласа, верховьях Чу. Итоги дали новые данные о более тесной взаимо-

связи кочевого и оседлого населения, кочевнической и земледельческой культур Казахстана, чем это предполагалось раньше.

В работах А. Х. Маргулана этих лет основное внимание уделялось изучению двух проблем: истории возникновения и развития оседлых поселений и городов и истории архитектуры культовых сооружений.

При разработке первой проблемы особое внимание обращалось на такие вопросы, как взаимодействие кочевников и земледельцев и роль кочевников в формировании средневекового города и его населения.

Научные итоги работ и концепция ученого на многие узловые вопросы истории древних городов, строительного искусства и архитектуры изложены в его монографиях «Из истории городов и строительного искусства Казахстана» и «Архитектура Казахстана».

Время с 1951 по 1960 гг. длиной в целое десятилетие было посвящено Алькеем Хакановичем и коллективом экспедиции массовым раскопкам памятников эпохи бронзы и железа. Результаты превзошли все прогнозы. Было доказано, что еще 3000—3500 лет назад Центральный Казахстан был центром высокой по тому времени, яркой и самобытной культуры, зародившейся на базе богатых месторождений цветных металлов. Именно в ту далекую от нас эпоху были освоены медно-рудные месторождения Джезказгана, Успенского, Каундара и Саяка, оловоносные месторождения Атасу, золоторудные месторождения Степняка.

Так был открыт Центральный Казахстан как мощный очаг древней металлургии, как крупный центр древнейшей культуры. Материалы этих исследований обобщены в солидной книге под названием «Древняя культура Центрального Казахстана», написанной Алькеем Хакановичем совместно с сотрудниками экспедиции К. Акишевым, А. Оразбаевым и М. Кадырбаевым. В 1967 г. эта коллективная монография была удостоена премии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР.

Несколько лет назад А. Х. Маргулан издал фундаментальную монографию «Бегазы-дандыбаевская культура», получившую положительную оценку ученых и общественности.

В ней проанализирован большой по объему археологический материал, накопленный исследователем за весь период его экспедиционной деятельности, начиная с 1947 г.

Бегазы-дандыбаевская культура — феноменальное явление в степях Сары-Арки, не уступающая по яркости культурных достижений и уровню развития социально-экономических отношений хозяйственно-культурным типам Триполья, Карасука. Все известные в науке памятники этой культуры (кроме Дандыбая) открыты и раскопаны А. Х. Маргуланом, они — его осуществленная мечта и его гордость первооткрывателя.

Дандыбай, Бегазы, Сангру, Бельасар, Елышбек достойно пополнили сокровищницу достижений человечества, они обогатили мировую культуру.

Аргынбаев Х. А.

ОБ ЭКЗОГАМНОМ ЗАПРЕТЕ У КАЗАХОВ

В условиях дореволюционного Казахстана у казахов бытовали различные формы брака, брачные отношения и связанные с ними обычаи и обряды, которые содержат архаичные пережиточные элементы, позволяют определить особенности эволюции форм брака и понять сложную и длительную историю развития казахской семьи.

Основные ее формы были обусловлены, главным образом, господством патриархально-феодалных отношений в дореволюционном казахском обществе. Для вступления в брак были необходимы соблюдения определенных ограничений, связанных с экзогамными нормами, а также социальными, сословными, национальными признаками и вероисповеданиями.

Экзогамный барьер у казахов, в основном, ограничивался седьмым поколением. Однако в некоторых районах Казахстана в зависимости от уровня развития социально-экономических отношений он колебался от 5 до 13 колен. Поэтому понятно, что в работах многих дореволюционных авторов имеются различные, порою противоречивые сведения об экзогамном барьере у казахов.

Так, в начале XIX в. А. Левшин отмечает, что экзогамный барьер у казахов уходит настолько далеко вглубь, что иногда даже в пределах таких крупных казахских родов, как Жагалбайлы, строго соблюдается экзогамия (Левшин А., 1832).

Неизвестный автор второй половины XIX в. отмечает о существовании родовой экзогамии среди казахов северо-восточной части Казахстана.

Разумеется, что представители одного рода могли вступить в брак с девушками другого рода или даже другого племени не в силу экзогамности этих родов, так как в XIX в., как свидетельствуют полевые материалы, архивные и литературные источники, крупные казахские роды были эндогамны.

Впрочем, А. Левшин в той же работе указывал, что соблюдение экзогамных ограничений в пределах рода довольно редкое явление.

Мы полагаем, что показания литературных источников о существовании родовой экзогамии у казахов не совсем соответствуют действительности. Во всяком случае, они произвольно определяли понятие рода и также произвольно оперировали термином «родовая экзогамия».

Трудно точно определить число поколений казахских родов. Так, у казахов за последние 200 лет не было ни одного рода в пределах 7—8 поколений. Следовательно, как я предполагаю, казахский род объединял гораздо большее число поколений.

Существующий экзогамный барьер у казахов в пределах 7 поколения объясняется тем, что на 7 поколениях от общего предка родственные связи постепенно теряются. Свидетельствами могут служить термины родства, охватывающие только 7 колен, для 8 поколения не было и не существует соответствующей терминологии. После седьмого поколения родственные связи уступают свойственным связям, создаваемым уже путем заключения брачных союзов. При наличии тесных родственных связей до 7 колена не было особой необходимости в установлении свойственных связей, а в случившемся факте родственные связи во всех обстоятельствах давили над свойственными. В основном, до окончательного исчезновения реальных родственных связей придерживались экзогамного барьера до 7 поколения, что, как нам кажется, нельзя считать родовой экзогамией, а следовало бы отнести ее к пережиткам.

На основе собранных нами литературных и полевых материалов попытаемся разобраться, как конкретно обстояло дело с соблюдением экзогамного барьера в различных

районах дореволюционного Казахстана. Разные группы казахского населения, расселенные на обширной территории, по-разному подвергались влиянию извне и влиянию ислама. У северных казахов под влиянием российской экономики, а у оседлого населения в окрестностях Ташкента, Чимкента и Туркестана под влиянием городской культуры юга и ислама родственные связи заметно слабее, чем у населения, расселенного в отдаленных районах от культурных центров, что и привело к некоторым особенностям в соблюдении экзогамного барьера.

Так, И. Алтынсарин отмечал, что во второй половине XIX в. казахами Северо-Западного Казахстана экзогамный барьер соблюдался до 8 патрилинейного поколения. По материалам П. Е. Маковецкого казахи Северо-Восточного Казахстана, если раньше не вступали в брак в пределах 7 поколения, то в 80-х годах XIX в. экзогамный барьер у них опустился до 3 колена (Алтынсарин И., 1870; Маковецкий П. Е., 1886).

По данным ряда исследователей, сырдарынский казахи до конца XIX в. придерживались экзогамного барьера до 7 колена, в начале же XX в. встречались факты, когда вступали в брак в пределах 3—4 колена (Загряжский Г., 1876; Гродеков Н., 1889).

Архивные и литературные источники, относящиеся к концу XIX в., свидетельствуют о том, что у семиреченских казахов экзогамный барьер строго соблюдался до 8—9 поколения (ЦГА Казахской ССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 69; Изразцов Н., 1897).

По нашим полевым материалам, среди потомков 12 родов племени Жалаир и рода Сары племени Албан экзогамный барьер строго соблюдался до 30-х гг. XX в., хотя они уже давно перешагнули семипоконный рубеж (полевые записи). Реальные родственные связи придерживаются между ними до 7 колена, но экзогамный барьер по традиции продолжается и дальше. Дело в том, что раньше, достигнув 7 патрилинейного поколения, собирались на сход почтенные старцы-аксакалы и договаривались между собой об отмене экзогамного запрета уже на восьмом поколении. При этом, принося в жертву плодотворную белую кобылу, осуществляли первую церемонию сватовства на 8 поколении, закрепляя договор чте-

нием молитвы из Корана. Это диктовалось объективной необходимостью, связанной с различными обстоятельствами: во-первых, компактностью расселения представителей одного рода, во-вторых, их изолированностью от других родов и, в-третьих, естественным ростом рода, где после 7 колена постепенно исчезали родственные связи и т. п.

В наше время подобные обстоятельства окончательно отпали, поэтому среди потомков вышеуказанных групп казахов экзогамный запрет продолжается в силу инерции.

Как видно из вышеприведенных данных, для казахов, в основном, было характерным соблюдение экзогамного барьера до 7 поколения. Но в начале XX в., как свидетельствуют наши полевые материалы, в северных районах имели место заключения брачных союзов в пределах 5 поколения.

Приведенные выше сведения относительно 3—4 поколений, вступающих между собой в брак, видимо, относятся к потомкам привилегированных социальных групп — султанов (торе) и духовенства (кожа), которые, ставя кастово-сословные ограничения, оставались эндогамными даже в пределах двоюродных родственников. Однако они охотно рождались с феодальной верхушкой казахов, пренебрегая рядовыми. Иногда подобные свойственные отношения продолжались на протяжении нескольких поколений.

Так, взаимное сватовство между потомками Вали-хана и казахского бия Шормана из Баян-Аула продолжалось в течение всего прошлого столетия. Под влиянием этой постоянной свойственной связи и потомки Шормана стали практиковать между собой заключение брачных союзов в пределах третьего поколения. Эти факты среди казахов встречались редко.

В XVII—XVIII вв. нарушители экзогамного барьера в пределах 5—6 поколения наказывались очень строго — вплоть до изгнания из рода, а двоюродные или даже троюродные родственники по нормам обычного права в подобных случаях приговаривались к смерти (Левшин А., 1832).

В качестве примера можно привести трагедию начала XVIII в. «Калкаман-Мамыр» из рода Табыкты (Шакарим, 1988). Пренебрегая экзогамными запретами, троюродные родственники Калкаман и Мамыр вопреки воле родителей соединили свои судьбы. Старший брат Мамыр Кокенай дал себе обет убить обоих нарушителей экзогамных норм. Через

некоторое время, когда стали затухать страсти, Мамыр поехала с повинной в свой аул в надежде на милость родных. Но своенравный Кокенай убил ее, поразив стрелой из лука. При первой же возможности такая же участь ожидала и Калкамана. Неоднократные переговоры аксакалов с Кокенаем привели к тому, что Калкаман на быстром скакуне Арда Курен должен был пронестись перед натянутой тетивой Кокенай. В случае смерти Калкамана его родственники не должны требовать за него куна, а если же Кокенай промахнется, то этим должны были положить конец мести. Кокенай промахнулся, но обиженный Калкаман, как гласит предание, навсегда оставил родные места. Его потомки по сей день живут в Джамбулском районе Алма-Атинской области и хорошо помнят эту кровавую трагедию «Калкаман-Мамыр».

В XIX в., особенно в конце его и в начале XX в., по отношению нарушителей экзогамного барьера подобные крайние меры не применялись, в большинстве случаев они подвергались насмешкам, в худшем же — заставляли их развестись.

Таким образом, соблюдаемые, в основном, до сего времени у казахов экзогамные запреты, несомненно, являются пережитком патриархально-родовой экзогамии и с каждым годом заметно сдают свои позиции.

Алимбаев Н.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЗАХСКОГО ФОЛЬКЛОРА. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Сложившееся к настоящему времени отношение между этнографической наукой и фольклористикой Казахстана напоминает некие параллельные линии, которые, будучи в одной плоскости, никогда не могут иметь общую точку взаимопересечения. Не вдаваясь в подробности этого печального обстоятельства — хотя оно вполне заслуживает быть предметом очень серьезного размышления, — отметим, что такая ситуация чревата принципиальной невозможностью представить кочевничество во всей его сложности и конкретности.

В действительности связи между традиционной этнографической реальностью и фольклором более чем глубокие

(Чистов К. В., 1986). Содержание этих связей едва ли следует объяснить исходя только лишь из принципа дополнительности, поскольку границы между ними весьма условны и проницаемы. В бесписьменной культурной среде, в особенности кочевой, фольклор, будучи органически включенным в мнемонико-сакральный комплекс, прежде всего в ритуально-обрядовое действо, является важнейшим средством обеспечения нормальной циркуляции инфосвязи (о понятии «инфосвязь» см.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н., 1972) как на уровне диахронно-межпоколенных, так и синхронно-интрасоциальных отношений.

Необходимость представить казахский фольклор в том историческом естестве, в каком максимально реализовались его жизнеутверждающие потенции и функции, предполагает изучение пространственного состояния этого этнокультурного в сущности образования. Самоутверждающее качественное состояние фольклора проявляется лишь в соответствующей этнокультурной нише с ее определенной пространственно-временной амплитудой бытия. Причем этнически характерные функции фольклора определяются плотностью и объемом его связей с этнокультурной нишей, образующими своего рода интегральную величину. Отличительная черта этих связей — непосредственность, которая означает актуальную включенность фольклора в живую ткань традиции.

В целях предметного обсуждения вопроса следует учесть обобщенный и известный абстрактный характер понятия «фольклор». Отсюда нецелесообразность представить фольклор и его внешние связи в целом. Под непосредственностью связей фольклора с традицией следует понимать непосредственную, живую включенность в этнографическую действительность его различных компонентов, которые, взаимодействуя с соответствующими этнокультурными образованиями и функционально перевоплощаясь, опредмечиваясь в них, конституируют пространственность фольклора. Последняя есть не что иное, как пространство этнографическое, которое означает актуальное функционирование фольклора как своего рода «текста» данной этнокультурной тра-

диции*. Иначе говоря, в кочевой среде фольклор реализовал свои функции в качестве плана выражения глубинных, семантически значимых пластов этнической культуры, т. е. функционировал как средство воспроизводства традиционной системы мировоззрения и норм и линий социального поведения.

Вместе с тем следует учесть, что «в традиционных обществах все «этнографические» аспекты жизни — как ритуал, так и повседневный обиход, этикет и быт, система родства, вещи и технология — в высокой степени семантичны и в этом смысле не отличаются от символичности такой системы, как фольклор» (Байбурин А. К., Левинтон Г. А., 1984). Это означает, что и этнографические артефакты (элементы материальной культуры), и фольклор, по сути дела, являются символическими выражениями «подлинных» истоков традиции: повествовательный текст и ритуал-операция могут совпадать семантически, т. е. их функции могут реализоваться соответственно как словесный и действенный планы выражения одного и того же семантически значимого феномена (Мелетинский Е. М., 1977).

Практически все жанры казахского фольклора, содержание которых апеллирует к традиционным нормам и принципам народного мировосприятия, этикета и морали и т. п., — с одной стороны, известная процедура ухода и угощения гостей у казахов — с другой, послужат типичной иллюстрацией репрезентативности этого положения. По своим основополагающим семантическим параметрам они обнаруживают удивительные соответствия. Если в словесном выражении глубинные смысловые «нагрузки» традиционной культуры обще-

* В науке не только «словесные» и «действенные» формы, но и вещные памятники традиции, обладающие определенной семантичностью, рассматриваются как тексты прочтения архивных представлений, трактующих как парадигма-миф. — См.: Байбурин А. К., Левинтон Г. А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» / В кн.: Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. — Л., 1984, с. 229—245; см. также Новик Е. С. Камлание шамана как драматизированное описание Вселенной / В кн.: Сборник статей по вторичным моделирующим системам. — Тарту, 1973, с. 20—25; там же: Иванов Вяч. Вс. Категория «видимого» — «невидимого» в текстах архивных культур, с. 34—38; Топоров В. Н. Пространство и текст / В кн.: Текст: семантика и структура. — М., 1983, с. 227—284, и др.

ния у казахов фиксируются в соответствии с родовыми характеристиками фольклора, так сказать, ситуативно, функционально, формульно, то в процедуре ухода и угощения гостей они как бы опредмечиваются.

Процедура эта представляет сложнейшую ритуал-операцию, т. е. ритуальную модель культуры общения у кочевников. Традиция строго регламентировала время и место жертвоприношения. При этом учитывалась не только степень упитанности животного. Существенное значение имели также его биологический вид, возраст, пол и масть. Выбор животного по этим, обладающим высокой степенью семантичности, признакам находился в непосредственной зависимости от статуса основного гостя, которым он наделен актуально действующей традицией.

Главный смысл этой процедуры концентрированно выражается в процессе раздачи таких компонентов блюда (приготовленного из баранины), как бас (голова), жамбас (бедро), төс (грудника) и т. д. Распределение их по соответствующим назначениям, по сути дела, представляет собой метафорическое обозначение линий поведения и статусов сотрапезников. Происходит как бы сгущение пространства социальных отношений людей в пространство обряда угощения. Традиционные этнические понятия, стереотипы и принципы социального поведения и отношений интериоризуются в семантическую структуру трапезы. Тем самым символически демонстрируются неизблемость и фундаментальность традиционных норм, форм и принципов социального поведения и отношений у кочевников...

Вместе с тем в кочевой среде фольклор по отношению к этнографической реальности не есть «софункционалирующее» начало, а является одним из ее структурообразующих компонентов. В известном смысле в бесписьменной традиции именно фольклором определяется качественное состояние многих элементов культуры этноса (вряд ли мыслимы, например, свадебные казахские обряды без «сынсу», «жар-жар» и других ритуальных атрибутов, а целый комплекс ритуально-магических символов — без специфического текста-заговора «бадік айтыс» и т. п.).

Отсюда следует, что фольклор актуализирует жизнеобеспечивающий механизм традиции. В то же время это является

основным условием его естественного функционирования. Иначе говоря, естественное состояние фольклора в конечном счете обеспечивается определенным объемом и плотностью его связей с традицией, точнее, с такими этнокультурными компонентами, как этнофор с его сложившейся школой исполнения текста, система ритуально-обрядовых действий, этническое сознание (традиционная этика и мораль, этнические стереотипы поведения и т. п.), институциональные отношения (Алимбаев Н., 1983, 1988) и т. д.

Именно «естественный» объем и плотность «этнографических» связей фольклора обуславливает столь же естественное бытие этого феномена: его функциональное перевоплощение в такие «действительные» формы традиции, как например, различные виды ритуалов и обрядов и т. п.

В известном смысле именно многие элементы этнической культуры функционируют как «действительные» и «вещные» формы выражения семантической структуры фольклора. «Фольклоризованность» этих компонентов культуры свидетельствует об их непосредственной включенности в традиционный образ жизни кочевников. Отсутствие же такого функционально выраженного качественного состояния сигнализирует о потере соответствующими этнокультурными компонентами, в первую очередь, фольклором своей непосредственной живой связи с актуально действующей традицией.

В такой «неестественной» для них среде фольклор функционирует лишь ситуативно, а не актуально (так сказать, от случая к случаю). Иными словами, фольклор весьма болезненно реагирует на структурные и функциональные изменения своей естественной среды. Следствием этого является трансформация его семантической структуры в формально-логическую, т. е. архаичные эмоционально-образные установления (по Байбурину и Левинтону, «парадигма-миф») под корректирующим воздействием социокультурных факторов преобразуется в образно-сюжетную структуру текста. Это означает, что фольклор в новых для него условиях функционирует преимущественно как литературно-художественное образование. Так что фольклор с полным основанием следует отнести к разряду тех этнографических артефактов, которые обладают высокой степенью диагностичности.

В естественном «фольклоризованном» состоянии этнокультурные компоненты традиции вкупе с фольклором обра-

зуют некую интегральную величину — целостность, в которой и благодаря которой последний осуществляет свои одухотворяющие и оживляющие информационные функции. Такая целостность и есть этнически выраженная форма бытия — этнографическое пространство казахского фольклора, обладающее структурированностью, протяженностью, известной автономностью, функциональной динамичностью и в то же время находящееся в постоянном взаимодействии со всеми другими элементами этнографической действительности кочевничества.

Что касается пространства в самом фольклоре, плодотворно изученного Вяч. Вс. Ивановым (1973), В. И. Топоровым (1983), С. Ю. Неклюдовым (1975), Т. В. Цивьян (1975) и др., то оно качественно отлично от этнографического пространства фольклора, поскольку является пространством мифопоэтического сознания, моделирующего реальность в соответствии с принципами этого типа мышления.

Вместе с тем весьма заманчива реконструкция данного типа пространства в сугубо «этнографическом» русле, имея в виду огромную эвристическую возможность успешно применяемого этими учеными метода лексико-семантической идентификации пространственных модусов мифопоэтического сознания (например: путь, колодец, река и т. д., расшифровывающиеся соответственно как медиатор-посредник, связывающий свой мир с чужим миром; вход в иной мир; граница между своим локусом и хаотическим космосом и т. п.).

Такая плодотворно апробированная во многих «этнографически» ориентированных штудиях аналитическая процедура организации и интерпретации фольклорного материала позволяет не только идентифицировать историческую поэтику изустной народной исторнографии, но и высокой степенью доказательности показать этнические функции фольклора как фактора устойчивости и стабильности функционирования бесписьменной культурной традиции. Это было бы еще одним серьезным шагом на пути преодоления укоренившегося в «литературном» сознании этнографов и фольклористов Казахстана представления-стереотипа о фольклоре как только лишь о литературно-художественном феномене.

Ахияжанов С. М.

А. Х. МАРГУЛАН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КЫПЧАКОВ

В многогранной научно-исследовательской деятельности академика А. Х. Маргулана значительное место отводилось актуальным вопросам кыпчакской этнокультурной общности средневекового Казахстана. Будучи непоколебимо уверенным, что кыпчакская проблема является ключевой в этногенезе казахского народа, А. Х. Маргулан постоянно уделял различным аспектам этой сложной и малоизученной темы пристальное внимание.

Широта научных интересов ученого в таких областях знания, как история средневековья и востоковедение, филология и фольклор, этнография и археология, топонимика, позволили А. Х. Маргулану рассматривать кыпчакскую проблематику комплексно и в довольно полном объеме, что не могло не дать положительных результатов.

Отдельные аспекты им намечены и исследованы впервые, по ним имеются оригинальные решения и выводы, по другим — поставлены цели и задачи, определены дальнейшие направления их изучения.

По инициативе и при непосредственном участии А. Х. Маргулана в 1946 г. была организована Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, бессменным руководителем которой он был почти тридцать лет.

Одной из главных задач этой экспедиции было открытие и введение в научный оборот археологических объектов материальной культуры кыпчаков средневековья. Приходится только сожалеть, что А. Х. Маргулан не успел дать монографическое фундаментальное исследование по истории кыпчаков, хотя такие планы у него были. Однако и то, что он совершил в этой области, является уникальным и еще до конца не оцененным современными исследователями.

Не касаясь в настоящем кратком сообщении вопросов изучения кыпчакской проблематики по данным филологии и фольклора, эпических сказаний и искусства кочевников, в котором вклад А. Х. Маргулана также весом, обратимся к археолого-историческим аспектам изучения этой проблематики.

На основе многолетних археологических исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в районах, ранее почти не затронутых лопатой археологов, в стесненных просторах Сары-Арки, по необозримым пространствам которой А. Х. Маргулан проделал тысячи километров, была выявлена, обследована и описана самобытная кочевая культура степных номадов Центрального Казахстана. Трудом А. Х. Маргулана было показано, что Дешт-и Кыпчак не был, как полагали до него некоторые исследователи, пустым местом, только транзитной территорией, лежащей на пути миграционных процессов кочевых этносов с востока на запад.

А. Х. Маргулан обратил внимание на важность изучения сырьевого богатства Дешт-и Кыпчака, структуру экономики, населения, обитавшего в нем. Он пришел к выводу, что для кыпчаков был характерен не только кочевой быт, они имели многоотраслевое хозяйство, заключающееся в том, что кыпчаки занимались скотоводством, земледелием, а также добычей и плавкой железной руды, различными ремеслами, торговлей, причем торгово-экономические и культурно-этнические связи кыпчаков прослеживались в разноплановом аспекте.

Большая научная эрудиция, широта мышления, умение одновременного привлечения данных письменных и археологических источников для выявления определенной истины позволяли А. Х. Маргулану давать оригинальные и в то же время достаточно аргументированные заключения по некоторым аспектам кыпчакской проблематики. Ему первому, например, принадлежит мнение (затем оно было повторено С. М. Ахияжановым и С. А. Плетневой) о том, что встречающиеся в стенах Юго-Западного Казахстана кыпчакские железные каменные изваяния без изображения лица являются своеобразным отражением процессов проникновения ислама в начале второго тысячелетия н. э. в Дешт-и Кыпчак, когда, согласно догмам ислама, женщины должны были скрывать свои лица чадрой. В качестве письменного источника, подтверждающего, что обычай сооружать каменные изваяния без изображения лица действительно мог существовать в районах севернее Сырдарьи, А. Х. Маргулан приводит поэтические строки великого поэта средневековья Низами.

Изучая географические аспекты расселения кыпчаков по территории средневекового Казахстана, А. Х. Маргулан, хорошо знающий арабо-персидские нарративные источники и плодотворно использующий их в своих исследованиях, приводит для этой цели известия анонимного персоязычного автора X в. «Худуд ал-Алам». Автор этого труда, говоря о трех областях, населенных кимаками, сообщает об области Андараз аз-кифчак, жители которой своими обычаями напоминают огузов. По локализации этой территории на современной карте Казахстана имеется несколько мнений, однако наиболее верной, на наш взгляд, является точка зрения А. Х. Маргулана, согласно которой Андараз аз-кифчак — это области Центрального Казахстана, горы Улытау, бассейн Сарысу. На юге этот регион ограничивается хребтом Каратау.

К сожалению, у А. Х. Маргулана нет конкретных данных по вопросу происхождения кыпчаков, но то, что они относились к тюркоязычной этнической группировке и, возможно, восходили своими корнями к гунам, не вызывало у него никакого сомнения. Интересна мысль А. Х. Маргулана, которая сейчас находит свое подтверждение, о том, что едва ли можно отождествлять два встречающихся в источниках этнических наименования — кыпчаков и кимаков. Он отрицал факт существования самого племени кимаков на том основании, что в дальнейшем кимаки как племя или как род не встречаются в генеалогических преданиях казахов трех жузов. Интересна мысль А. Х. Маргулана и по вопросу разъяснения семантики самого имени «кыпчак». По его мнению, это имя может являться отражением их внешних данных и было присвоено им за их стройный стан с тонкой талией — «кыпша бел» в тюркской лексике.

А. Х. Маргуланом были введены впервые в научный оборот многие памятники средневековой кочевой древности, в частности, широко известно раскопанное им бесспорно кыпчакское погребение на Нуре, датированное им, согласно джагатаидским монетам, первой половиной XIV в.

Таковы далеко не полные данные о состоянии научных разработок наиболее важных проблем истории кыпчаков в трудах А. Х. Маргулана. Как видим, исследователям кыпчакской проблематики невозможно обойтись без результатов научных разработок основоположника, можно сказать, казахстанского кыпчаковедения,

Байпаков К. М.

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ДЖАМУКАТА

В сочинении арабского географа X в. ал-Макдиси «Асхан ат Такасим» в числе городов округа Испиджаб назван Джамукат (Хамукат), который характеризуется как «...большой (город). Вокруг него стена. Соборная мечеть в ней, а рынки в рабаде» (Воллин С., 1960). Более ранние известия о городе, восходящие к VI в., содержатся в сочинениях Нершахи «Тарих-и Бухара», где описывается эпизод, связанный с переселением дехканов из Бухары в Туркестан, где ими были основаны города Тараз, Джамукат. Джамукат был назван по имени предводителя группы бухарцев, которого звали Джамук (Наршахи Мухаммед, 1897). Известно также, что царя Джамуката звали Пилаукет. Эти сведения приведены анонимным автором XII в., пользовавшимся источниками VIII в. (Воллин С., 1949).

В свое время В. В. Бартольд убедительно доказал, что Джамукат находился в Таласской долине, опровергнув гипотезу Н. Лыкошина, отождествлявшего Джамукат с Оттаром (Лыкошин Н., 1899). По мнению В. В. Бартольда, город находился севернее Тараза, располагавшегося на территории современного города Джамбула (Бартольд В., 1966).

Вопрос об отождествлении города с конкретным средневековым памятником Таласской долины до сих пор остается открытым.

А. Н. Берштам предполагал, что Джамукат соответствует или городищу Майтобе, расположенному в предгорьях хребта Акташ в 25 км севернее Джамбула, или же городищу Бешагач, которое находится в 15 км юго-восточнее Джамбула (Таласская долина, 1949).

Однако топография и размеры городищ позволяют усомниться в правильности такого отождествления. Майтобе представляет собой остатки трех небольших городищ, находящихся достаточно далеко от Тараза, а городище Бешагач по своим параметрам не может сопоставляться с крупными памятниками долины. И еще одно немаловажное обстоятельство — у этих городищ нет так называемых «длинных стен», которые отмечены в топографии всех крупных городищ долины (Кожмяко П. Н., 1963).

Среди городищ, находящихся на Таласе вблизи Тараза, выделяется по своим размерам и топографии Костобе. Оно расположено на правом берегу Таласа, напротив с. Михайловка, в 15 км севернее Джамбула. Оно занимает участок на первой, надпойменной террасе, ниже которой начинается пойма реки, занятая дуговой и тугайной растительностью. Городище представляет собой прямоугольную возвышенность размерами 420×450 м, обнесенную по периметру двумя рядами стен с башнями и рвами между ними и за внешней стеной. Внешний ряд стен сохранился на высоту до 3 м и всхолмлений башен над ней до 3,5 м. Ширина вала 10—12 м по основанию и 3—4 м по верху, ширина выступов башен достигает 15—18 м по основанию.

Внутренняя стена более мощная, она сохранилась на высоту до 5 м. Внутри города вело четверо ворот, от них сохранились разрывы на внутреннем и внешнем валах в середине каждой из четырех стен. Цитадель расположена у середины западной стены. Это прямоугольный в плане бугор высотой 12—15 м и размерами в основании 70×80 м. Наверху его площадка размерами 30×40 м. К цитадели примыкает окруженный стеной участок (шахристан I) размерами 150×150 м. В 200 м от северо-западного угла городища на одной линии с цитаделью возвышается куполообразный бугор высотой 15 м и диаметром в основании 80 м.

Шурфы, которые были заложены на территории городища Семиреченской археологической экспедицией в 1936 г., дали материалы, главным образом керамику, монеты, которые позволяли определить время жизни городища в пределах VI—XII вв.

Начиная с 1985 г. на городище проводит масштабные археологические исследования археологическая экспедиция свода памятников Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

Изучение топографии городища и ее особенностей выявило, что, судя по одинаковой мощности культурного слоя, характеру подъемного материала с отдельных участков, оно возникло в пределах шахристана одновременно и сразу же было обнесено крепостными стенами, возведенными, как показал разрез, на северном обводе из пахсовых блоков размерами 1,5×1×0,5 м.

Границы застройки прослежены в восточном, южном и северном направлениях, в радиусе до 3—5 км. Отдельные усадьбы прослеживаются вдоль Таласа в южном от цитадели направлении до посёлка Кенес и, видимо, сосредоточены вдоль древней караванной дороги, соединявшей Костобе и города правобережья Таласа с Нижним Барсханом (городище Торткуль), стоявшим на Шелковом пути.

Современная распаханка, на наш взгляд, уничтожила «длинные стены», примыкавшие к центральному развалинам.

Сопоставление топографии Костобе с топографией городища Семиречья позволяет отметить сходство прежде всего с городищами Красная Речка и Акбешим в Чуйской долине.

Все они имеют прямоугольный план. У Костобе и Краснореченского различаются два шахристана и отдельно стоящий куполообразный (возможно) храм огня, у всех трех городищ цитадели отличаются небольшими размерами и почти одинаковы по площади; общие черты сближают фортификацию городищ (Труды Семиреченской экспедиции, 1982, Кожемяко, 1959; Байпаков, Горячева, 1982).

На цитадели Костобе раскопом I вскрыта часть дворцового комплекса VII—XII вв. Построенный в VII—VIII вв. он несколько раз перестраивался. Наиболее интересным оказался строительный горизонт IX—X вв. В настоящее время кроме жилых и хозяйственных построек полностью открыто дворцовое святилище с полукруглой суфой, на которой находился круглый очаг-алтарь. Стены и, видимо, потолок святилища были покрыты резьбой по штукатурке. Обломки резных облицовок были расчищены по уровню пола и на суфе. Стены были украшены резными панелями. Отдельные пояса панелей состояли из виноградных лоз с листьями и гроздьями, тюльпанов, букетов. В стенах имелись ниши, оформленные резными колоннами.

Резьба из Костобе находит близкие параллели в постройках IX—X вв., раскопанных на городищах Варахша (Шинкин В. А., 1963) и Афрасиаб (Ахраров И., Ремпель Л. П., 1977).

Раскоп II был заложен на отдельно стоящем бугре, расположенном между северо-западным углом городища и куполообразным бугром.

Топография бугра характерна для построек замкового типа: северо-восточная часть занята вытянутым овальным бугром размерами 10×7 м и высотой 5 м, к которому примыкает площадка размерами 20×20 м. По периметру бугра прослеживается вал с башнями, а в южной части бугра прованию размеры составляют 50×50 м.

Раскопками установлено, что бугор использовался под некрополь. Большинство захоронений совершалось в наусах — погребальных постройках прямоугольной и квадратной формы, сооруженных из сырцового кирпича. Каждый из наусов является коллективной усыпальницей, в которой было похоронено от 3 до 20 человек. При каждом новом захоронении труп или кости ранее погребенного сдвигались в сторону или же захоронения осуществлялись ярусами. В неразграбленных наусах прослежено, что покойники головами клались к выходу. Ориентировка погребенных зависит от расположения входа в наус. Наусы же, как удалось установить, располагались по периметру бугра в два ряда и входами были ориентированы на площадь, расположенную в центре некрополя. Кроме захоронений в наусах отмечены захоронения костей и черепов в хумах, закрытых каменными плитками, кучек костей и погребения, совершенные по обряду труположения в грунтовых ямах.

При раскопках собрана коллекция керамики — кувшины со сливами, кружки, кости. Украшения представлены серебряными и бронзовыми серьгами в виде несомкнутого кольца, серьгами с надетыми на них одной или несколькими бусинами, серебряными и бронзовыми перстнями со щитком и выступом; пластинчатыми железными браслетами, коническими амулетами из бронзы, бусами из сердолика, агата. Найдены бронзовые круглые зеркала. Наиболее интересны бронзовая ручка зеркала (?), оформленная в виде сидящей богини, серебряная ухвертка с ручкой в виде буддийского монаха. Обнаружен также серебряный нателый крест и бронзовая бляха в виде двух стоящих петухов или павлинов.

Самый верхний ярус погребений некрополя представлен погребениями, совершенными по мусульманскому обряду. Покойники некогда были положены в овальные ямы, обложенные сырцовыми кирпичами и обломками, взятыми из стен наусов.

Обряд погребения в наусах был распространен в Средней Азии, на юге Казахстана и в Семиречье в раннем средневековье. Исследовались они в Пенджикенте, в Ташкентском оазисе, в Борнжарском могильнике, Шаге, Таразе, на некрополях городища Красная Речка (Ставицкий Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А., 1953; Буряков Ю. Ф., 1968; Агзамходжаев Т., 1962; Нильсен В. А., 1966; Агеева Е. И., Паевич К. И., 1956; Нурмуханбетов Б. Н., 1970; Максимова А. Г., 1974; Ремпель Л. И., 1957; Байпаков К. М., Горячева В. Д., 1982).

Можно отметить, что наиболее близок характер застройки некрополя краснореченскому, где наусы также тесно пристроены один к другому и в несколько ярусов. На краснореченском некрополе также имелись погребения кучек костей. На Краснореченском городище, например, один из некрополей был устроен во дворе замка — на площадке, примыкающей к стене. Здесь были представлены захоронения нескольких типов: в оссуариях, хумах, в грунтовых ямах, в склепах. Некрополь существовал в VIII—XII вв., причем верхние захоронения, как и на Костобинском, совершены по мусульманскому обряду.

В то же время имеется целый ряд черт, сближающих наусы Костобе с Борнжарским и Шагинским.

Что касается датировки некрополя Костобе, то, судя по устройству наусов, размерам кирпичей, характеру инвентаря, керамике, его можно датировать VII—X вв. Причем самые поздние, верхние захоронения совершались в период распространения в среде городского населения Таласской долины ислама. Этот процесс интенсивно протекал после завоевания Тараза в 893 г. саманидом Исмаилом ибн Ахмедом.

Таким образом, как отмечалось выше, во-первых, топография городища Костобе близка топографии городища Красная Речка и Акбешим. Особенная близость отмечается при сопоставлении топографии Костобе и Краснореченского. И там и здесь отмечено наличие отдельно стоящих куполообразных бугров, возможно, связанных с храмовыми постройками зороастрийцев. Много общего прослеживается и в расположении мусульманских некрополей вблизи этих «храмовых построек», характере погребений на некрополях. Красная Речка отождествляется с Навакетом (Байпаков К. М., Горячева В. Д., 1983), а Акбешим — с Суябом (Байпаков К. М., 1976).

Навакет, видимо, был основан согдийцами. По крайней мере, они играли в жизни города важную роль, о чем свидетельствуют и многочисленные здесь находки согдийских надписей на глиняной посуде и так называемый «брачный контракт», где оговаривался брак знатного тюрка Ут-тегина и согдианки Дутдгончи из Навакета, которым управлял согдиец Чер. Последний носил такой же титул, что и глава согдийских княжеств, а его окружение составляли жрецы, согдийская и тюркская знать (Лившиц В. А., 1960; Кляшторный С. Г. 1964).

Сходство Краснореченского городища и Костобе позволяет предполагать, что последнее должно соответствовать согдийскому городу. Таким в Таласской долине и мог быть Джамукат, основанный согдийцами — выходцами из Бухары. Следовательно, Джамукат локализуется на месте городища Костобе.

Грошев В. А.

АКАДЕМИК А. Х. МАРГУЛАН И ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИРРИГАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

А. Х. Маргулан в течение почти всей своей долгой жизни занимался изучением памятников истории материальной культуры Центрального Казахстана, возглавляя первую археологическую экспедицию Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР, в задачу которой входил широкий хронологический диапазон исследуемых памятников, А. Х. Маргулан уделял много внимания и вопросам древней ирригации. Уже первые годы работы ЦКАЭ (1946—1950 гг.) позволили выдающемуся ученому выявить очаги земледелия (поливного, неполивного) и связать их с маршрутами древнего кочевания. Водными источниками для них служили такие реки, как Чу, Сарысу, Коктас, Ишим, Нура, Тобол и ряд других ручьев и речек.

В районах древнего орошения Центрального Казахстана им были обнаружены грандиозные каменные плотны, водоподы и бассейны для накопления воды и использования ее для флотации руд.

В более позднее время в связи со спецификой производящего хозяйства (перехода от пастушеского скотоводства к яйлажному) это строительство не получило здесь дальнейшего развития.

В то же время кочевое скотоводство стимулировало строительство искусственных источников воды — колодцев в обезвоженных местах вдоль маршрута кочевков.

Появление поливного земледелия на территории Центрального Казахстана связывается А. Х. Маргуланом с кангюями, населявшими, по его мнению, среднюю Сырдарью и предгорья Каратау. Позднее, во времена скотоводов-кипчаков характерным являлось сочетание скотоводства с полуседлым земледелием. В хозяйственной жизни кипчаков большую роль играли посевы проса, имелись также и бахчевые культуры.

В период развитого средневековья с возникновением оседлых поселений и городов XI—XV вв. в Центральном Казахстане на северных склонах Каратау, низовьях Чу, Сарысу, Кенгира, Коктас, Нуры, Ишима около остатков поселений и городищ фиксируются многочисленные следы ирригационных сооружений: плотин, оросительных каналов, арыков. В этот период А. Х. Маргулан отмечает, «...что земледельческая культура развивалась в условиях дальнейшего расслоения общества и возникновения значительной части джатаков беднейших слоев населения, которые вынуждены были оседать в местах зимовок и заниматься земледелием».

В целом, на наш взгляд, по материалам ЦКАЭ можно выделить три обособленных региона поливного земледелия, отличающихся по формам и типам ирригации.

Первый район низовьев Чу наиболее тесно связан с основными центрами поливного земледелия — городами среднего течения Сырдарьи. Экспедицией зафиксированы остатки многочисленных ирригационных систем в районе городища Тасты, датирующегося кангюйским временем, а также раннесредневековые (VIII—X вв.) и кокандские (XVIII—XIX вв.). По мнению А. Х. Маргулана, «остатки древнего орошения в районе Тасты свидетельствуют о широком развитии земледелия и что этот район в прошлом сыграл большую роль в жизни скотоводов, являясь местом их зимнего средоточения».

Ко второму району можно отнести долины рек Сарысу, Коктас, район с полuosедлым земледелием. Здесь ЦКАЭ открыты памятники оседлого земледелия Баспулак, Отрашулак, Аякшулак, Ольке и др. Выгодные природные условия способствовали в середине века развитию поливного земледелия (XI—XV вв.). Вокруг городищ сохранились многочисленные следы древнего орошения, в том числе остатки магистральных каналов, плотин, водоемов, водоподъемных сооружений — чигирей, колодцев. Многочисленные остатки колодцев дали повод А. Х. Маргулану говорить о кяризной системе орошения.

К третьему району можно отнести северную часть Центрального Казахстана, поймы рек Кургальджина, Нуры, Ишима, где в середине века сложился несколько иной тип памятников оседлого земледелия, который имеет общие корни со средневековой городской культурой Иртышского низовья.

Изучением остатков ирригационных сооружений на юге Казахстана занимается ирригационный отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции под руководством автора.

За время более 15 лет на основе использования современных методов — аэрофото, картирование, разрезы и т. д., поисков древних ирригационных сооружений обнаружены и изучены многочисленные остатки — плотины, дамбы, ирригационные магистральные и распределительные каналы; агро-ирригационные планировки — рисовые чеки, поля, бахчи, виноградники, кяризы, чигирные водоподъемные сооружения, водохранилища и т. д. в среднем течении Сырдарьи, низовьях Арыси, Таласа, верховьях Чу, Семиречье.

В 1978 г. ирригационный отряд производил поиски древних оросительных сооружений в низовьях р. Сарысу, а в 1986 г. — в среднем и нижнем течении р. Чу.

В низовьях Чу, в районе современного поселка Жуантобе отрядом обнаружены три оросительные системы, исток которых зафиксирован на левом берегу р. Чу, в 3—5 км на север от вышеуказанного поселка. Протяженность систем — 10—15 км, ширина ложа каналов — около 5 м, ширина отвалов — около 10 м, сохранившаяся глубина — 0,7—1 м. Магистральные трассы каналов сильно оплывшие и имеют извилистую конфигурацию с многочисленными ответвлениями распределительных каналов. По своим параметрам они напоминают

ирригационные системы р. Талас и верхний р. Чу. Подъемный материал датирует их XI—XV вв. Вдоль каналов сохранились остатки холмов земледельческих поселений.

В районе нижнего течения Сарысу отрядом также была обнаружена оросительная система. Исток ее сохранился на обрывистом берегу р. Сарысу на высоте 1—2 м от русла реки, в это время сухого. Речная вода поступала в оросительную сеть с помощью двух головных каналов. Интересно, что около одного из них сохранились остатки от чигиря.

Средняя ширина канала — 3 м, сохранившаяся глубина — 0,7—0,9 м, протяженность системы — 5 км. Система датируется XVII—XVIII вв. Таким образом, на основании материалов ЦКАЭ и наших можно сделать вывод о том, что в низовьях р. Чу в средние века практиковалось самотечное орошение возделываемых земель на основе средних по протяженности каналов. В районе Сарысу водоснабжение носило смешанный характер с подъемом воды из основного русла с помощью чигиря; практиковалось и колодезное орошение.

Подводя итог вышесказанному, нужно сказать, что на протяжении более 40 лет научной работы А. Х. Маргуланом был собран обширный материал по истории орошения Центрального Казахстана, на основе которого ученым было доказано, что поливное земледелие различных форм и типов существовало в стране кочевников, хотя и в меньших размерах, что является неоценимым свидетельством его вклада в развитие исторической науки Казахстана.

Джангужин Р.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

В последние годы в конкретном проявлении художественной практики, а, следовательно, в совокупной эстетической среде — в архитектурных комплексах, в интерьерах, в мозаиках и росписях, произведениях декоративно-прикладного искусства складывается определенное стилистическое единство. Мы становимся свидетелями тенденции синтеза и гармонизации между различными видами и жанрами искусства, благо-

даря чему культурная среда, «неорганическое тело человека» (Маркс), все более и более адекватно отражает извечную потребность человека жить и творить по «законам красоты» (Маркс).

Характерная черта современной эстетической среды, заставляющая ее сдвинуть в сторону реального взаимопроникновения духовного и предметно-пространственного в создаваемом человеком окружении — в восстановлении взаимодействия всех видов творческой деятельности, в превращении этой культурной действительности в единую целостную систему.

В этом сплаве действительности, ее эмоционально насыщенного содержания, ее активного и целенаправленного изменения в силу объективных законов развития природы и общества рождается и развивается эстетическое освоение мира человеком. Выражается это в том, что предмет материально-практической деятельности становится все более и более гармонизированным не только с природой и самой направленной деятельностью, но и с человеком, осуществляющим действия с этим предметом.

Анализируя реальные процессы, протекающие в различных видах и жанрах искусства и взаимодействие их между собой, можно утверждать, что сегодня теоретически созрели все предпосылки для практической организации эстетической среды как полифункциональной системы для удовлетворения социально-культурной потребности.

В этой ситуации важно выделить изначальную структурообразующую основу, непосредственное и опосредованное влияние которой испытывают все без исключения виды и жанры искусства. Такой основой, в силу неотчужденности от человека, широкой распространенности в социокультурной среде, доступности и пр. является традиционное народное искусство.

Наиболее адекватно удовлетворяя потребность отдельно человека и общества в самых различных областях социальной деятельности, в формировании эстетической среды, традиционное народное творчество, родовыми признаками которого всегда были неотчужденность от человека, доступность и полифункциональность, становится одним из наиболее действенных средств в культурном строительстве и в вовлечении самых широких слоев общества в социокультурные процессы.

Как показывает позитивный поиск в этом направлении, основу его составляют полевые изыскания специалистов, научная классификация образцов народного искусства. Находки археологов, этнографов, искусствоведов, анализ устного и музыкального фольклора способны заполнить существующие пробелы в нашем знании культурного наследия. Благодаря им мы можем с известной долей удовлетворения заявлять о возрождении многих видов и жанров традиционного народного искусства, которые существенным образом обогатили современную культуру, украсили наш быт.

И все же один из важнейших факторов в деле реактуализации народного творчества, долгое время бывший единственным проводником народных традиций, — деятельность народного мастера — используется далеко не в полной мере.

Не перечисляя всего ряда проблем, связанных с привлечением народных мастеров в процесс возрождения технологических принципов традиционных ремесел, заметим только, что исходной установкой организаций, связанных с возрождением народного искусства и созданием необходимых для этого условий, является, на наш взгляд, оперативный поиск и постановка на учет народных мастеров из всех регионов республик.

Зайберт В. Ф.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ БОТАЙСКОГО ХКТ

Изменение характера экономики в энеолите региона в III тыс. до н. э. детерминировано взаимодействием трех основных факторов: природно-экологического, социально-формационного и внешних культурных инноваций. В процессе этих взаимодействий формировался новый ХКТ и образ жизни в целом. Наглядно эти процессы прослежены, например, на этнографических примерах у казахов среднего жуза (Масанов; Кадырбаев) или индийцев-скотоводов и охотников (Аверкиева).

Рассмотрим экологические факторы, определившие направление взаимодействия с обществом. Палеогеографические и палеопочвенные данные региона (Карташова, Иванов) свидетельствуют о существовании увлажнения и циклических

потеплений и похолоданий. Это обеспечило развитие в экосистеме степных и лесостепных фитоценозов. Подтверждают эти выводы и астеологические определения дикой фауны из поселений энеолита (Нурумов, Макарова, Ермолова). Равнинный рельеф в Урало-Иртышском междуречье сочетается с мелкими горными образованиями, поросшими кустарником, травянистыми и березово-осиновыми колками. Положительные орографические уровни нарушаются долинами прарек и современной гидросетью, а также депрессиями, насыщенными озерами и бессточными временными реками.

Эти природные факторы в сочетании с континентальным климатом создали экологические ниши для обитания лесостепной фауны и в том числе лошади. Богатая кормовая база, большое количество водных источников, насыщенных минеральными солями, в определенной степени оказали влияние на экстерьер и породные качества лошади. Вплоть до этнографической современности казахская лошадь «джабе» отличается своей рослостью по сравнению с тарпаном и лошадью Пржевальского, выносливостью, быстротой бега.

В данных экологических нишах табуны лошадей обитали локально в радиусе 150—200 км, за счет использования растительности в течение года по вертикали. В зимнее время утилизировалась растительность на открытых степных участках (полюнно-злаковая), ранней весной на северных склонах балок, оврагов, долин, южных склонах сопок (кустарниковая) — жесткобелая растительность, в летне-осеннее время — степные пойменно-луговые участки. Поэтому движение табунов носило радиально-круговой или ограниченно-радиальный характер.

Взаимодействие социосистем с биосферой в данных экологических нишах на первых этапах носило адаптивный характер, не нарушая иерархическую структуру экологической ниши (Вернадский). Об этом говорит топография поселений в зоне обитания крупных табунов лошадей (различные антифакты, отражающие жизнеобеспечение людей). Добыча пищи осуществлялась различными формами: охотой на лошадей и других животных, рыболовством, собирательством, переработкой животноводческого и рыбного сырья.

В процессе взаимодействия человека и биосферы все более стал вступать на первый план социальный фактор. В

многоукладной системе хозяйства на первый план выходит скотоводство (коневодство) экстенсивного типа. Оно прошло в своем становлении два этапа — приручение и domestикацию (Шнирельман).

К моменту кризиса неолитического уклада или образа жизни человек имел уже опыт приручения лошадей. Этому способствовали биологические данные лошади. Главное в процессе приручения то, что охотник и рыбак стал наездником. С этого момента лошадь стала не только объектом труда (питанием), но и предметом труда и средством производства (Масанов). Вот поэтому дальнейшая domestикация лошади осуществлялась не только для пищи; лошадь использовалась как средство передвижения, транспортное и верховое животное.

Domestикация лошади в энеолите региона отличалась от приручения прежде всего тем, что человек, «сидя на лошади», контролировал часть «диких» табунов, а не единичных пойманных в процессе охоты животных. Контроль заключался в ряде мер: прежде всего человек решил проблему устранения природной агрессивности лошади через кастрацию жеребцов и ремонт косяков. В этнографии известны довольно простые методы кастрации животных, которые вполне могли быть известны уже первым скотоводам (Хазанов).

При определенном вмешательстве человека в формирование табунов условия обитания лошади не были изменены, они остались прежними. Основная масса лошадей, за исключением верховых, дойных кобылиц, жертвенных коней, выпускалась на волю, в степь, в зону обитания.

Именно поэтому специалисты-палеозоологи дискутируют о морфологически выраженных domestичированных чертах (Бекени, Ермолова, Цалкин, Макарова).

Но в нужное время коневоды-наездники отгоняли от табунов косяки, загоняли в загоны фактически диких лошадей и производили забой или ремонт косяков. Не случайно остеологические наблюдения показывают устойчивую многопородность или внутреннюю изменчивость (Нурумов).

Табунная форма коневодства сохранилась в настоящее время именно там, где сохранились близкие древним экологические условия для лошади — Башкирия, Казахстан, Монголия, Хакасия. Вспоминается описание Палласа об охоте на

диких лошадей, массами обитавших в евразийских степях 100—200 лет назад. Скорее всего, охота скотоводов на лошадей — это условная охота на контролируемые (хотя и спорадически) табуны.

Как происходило взаимодействие внутри многоукладного хозяйства ботайцев? Оно регулировалось социальными потребностями и состоянием биосферы и гидросферы. При возрастании роли рыбного и охотничьего промыслов уменьшается доля мясного рациона от лошадей, и наоборот, при экстремальности присваивающих форм добычи увеличилось потребление домашних лошадей.

В этнографии хорошо известна многовековая традиция в распределении характера пищи по временам года: — весной-летом — молочно-растительная, рыбная, осенью-зимой — молочно-мясная. Однако в экстремальные годы могла смещаться привычная смена характера пищи в ту или иную сторону.

В конце III — начале II тыс. до н. э. с усилением аридизации в Евразии нарушились во многих регионах ландшафтные, гидрологические, температурные режимы. Это вызвало кризис во многих экосистемах и экологических нишах. Поскольку хозяйство древних людей носило экстенсивный характер, то оно избирательно отрицательно воздействовало на различные факторы биосферы, и ослабленные связи в иерархической структуре экологических ниш приводили к кризису последней. Именно в этом заключалась роль социального фактора в судьбе окружающей среды. В конце III — начале II тыс. до н. э. прослеживаются массовые передвижения по территории Евразии индоиранцев и арийцев, угров, самодийцев, уральских и алтайских этносов.

Была нарушена экологическая ситуация и на ботайских поселениях.

Аридизация вызвала оскудение степной растительности в регионах зон обитания, сокращение рыболовных и охотничьих угодий, заболачивание водоемов, их засоление. В этой ситуации пищевая культура сдвинулась в сторону мясной, пока еще гарантированной количеством табунов лошадей. Сокращение биомассы в зоне обитания привело к миграции табунов за ее пределы, а активный забой лошадей привел к их численному сокращению. В процессе этого явления происходит перемещение неолитического населения в поисках новых

экологических ниш, являющихся прилегающей зоной обитания лошадей и людей. Подвижность в зонах населения повышается.

В таких условиях многоукладность сохраняется за счет использования сезонных возможностей добычи, но уже не только в рамках узкой зоны обитания, но и за ее пределами. Посезонная подвижность обеспечивалась верховыми, а впоследствии и транспортными средствами, но сама подвижность осуществлялась по строго выработанным маршрутам и циклам. Кочевание осуществлялось не всем населением (табором), а лишь пастухами и охотниками-рыболовами, тем более, что контроль за табуном не требовал больших людских резервов (Кадырбаев и др.). Поэтому вряд ли есть основания говорить о древних кочевниках неолита и бронзы. Ибо понятия «оседлость» и «кочевой» не однозначны. Одно дело оседлость для земледельца и его небольшого придомного стада, зона обитания которого ограничена его деревней и полем с выгоном для скота, другое дело, когда речь идет о зоне обитания скотовода-табуника с его косяками лошадей. Ровно так же как земледелец знает свои угодья и рационально их использует, так и скотовод-кочевод осваивает зону обитания иногда в сотни километров сообразно хозяйственной структуре и согласно ей (структуре многоукладной экономики как цельной системе производства) распределяет людские ресурсы. Поэтому плотность населения в земледельческих оазисах высокая, а в скотоводческих — низкая, но плотность жителей в поселках скотоводов может быть не ниже чем в земледельческой деревне.

Поселения ботайского типа археологически представлены всегда с мощными культурными слоями, на огромной площади с многотысячным инвентарем. Следовательно, критерии оседлости для различных ХКТ будут различны, и их учет позволит избежать необъективной оценки реконструированных первобытных социосистем.

В начале II тыс. до н. э. наступил кризис ботайского многоотраслевого хозяйства.

Сохранить выработанный ХКТ ботайцы не могли в силу изменившихся природных условий, нарушения экономических связей и изменения вертикальной экологической ниши. Коневоды и их вспомогательные службы могли существовать осед-

ло, как указывалось выше. Но нарушенный баланс биосферы и гидросферы под воздействием социальных и климатических факторов в рамках зоны обитания уже не обеспечивал единство структуры Ботайского ХКТ.

Ботайцы отреагировали на кризис двояко. Часть их мигрировала, видимо, в новые экологические ниши (Южный Урал, Восточный Казахстан), сохранив привычный образ жизни, а часть населения спустилась в долины рек, потеряв табуны, но сохранив лошадей. Оно вынуждено было искать новые пути взаимодействия с биосферой и гидросферой.

Повысилась роль рыболовства и охоты, осваивалось поименное земледелие, были восприняты новые виды домашних животных — овца и корова. Возрастает значение лошади как верхового и транспортного животного, а роль мясного играют только овца и корова.

Археологически это видно на примерах послеботайских поселений — Кенеткуль VIII, Сергеевка, Баландино, где среди остеологического материала присутствуют кости МРС, КРС, лошади. Состав стада был, вероятно, небольшим, ограниченным он оставался и в эпоху бронзы вплоть до РЖВ.

Кадырбаев А. Ш.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАЙМАНОВ И КИРЕНТОВ НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

История кочевых племен в домонгольскую и монгольскую эпохи показывает, что некоторые из них, как, например, найманы и киренты, сыграли определенную этнообразующую роль и в более позднее время, когда началась собственная история казахского и других тюркских народов.

Найманский союз племен возник в середине VIII в. между Верхним Иртышом и Орхоном, под названием секиз-огуз (т. е. «союз восьми племен»). Секиз-огузы занимали земли к западу от Хангая до Тарбагатай, т. е. те земли, где мы впоследствии находим найманов. В X в. центральноазиатские степи были населены, согласно «Ляо-ши», воинственными кочевыми племенами, которых этот источник называет общим именем изу-бу. Они (изу-бу) заселяли территорию Центральной Азии вплоть до Тарбагатай.

В период династии киданей Ляо на страницах «Ляо-ши» появляется название «найман», которое, возможно, отождествляется с западной группой изу-бу (Ляо-ши, 1936). В период династии Ляо, несомненно, продолжал существовать союз восьми племен — секиз-огузов, но монголоязычные кидани дали им и монгольское название, имеющее тождественный с тюркским смысл — «союз восьми племен», т. е. найман.

Найманский союз племен упоминается в первой половине XII в. в связи с уходом киданей во главе с Елюй-Даши на территорию Семиречья. Елюй-Даши рассчитывал, собрав силы на западе, изгнать чжурчженей и восстановить империю киданей Ляо. В то время, когда Елюй-Даши был принят уйгурским идикутом, к нему пришли правители найманов и привели ему скот для нужд его войска (К. А.).

В X — начале XII в. найманы находились в вассальной зависимости от империи Ляо и жили на ее западной окраине, т. е. в Восточном Казахстане и Западной Монголии. После образования государства кара-хытаев в Семиречье земли найманов были по соседству с владениями кара-хытаев. Первые сведения о племенном союзе кирентов относятся к последней четверти XI в. в связи с принятием ими христианства (Рашид ад-Дин, 1952).

Рашид ад-Дин говорит о найманах как о кочевниках, часть которых обитала в «сплошь гористых местах», а часть — на равнинах. Как показывают источники не позднее XI в., племена найманов занимали территорию: с востока на запад — от верховьев рек Селенги и Орхона до Тарбагатай; с севера на юго-восток — от Таниу-Ола до восточных отрогов Алтайских гор. Их западными соседями были тюркские племена канглы, жившие в бассейне реки Иртыш, на севере — племена киргизов, на востоке — монгольские меркитские племена и киренты. Племена кирентов занимали долину реки Толы, район среднего течения реки Орхон и бассейн реки Онгун. Южными соседями найманов и кирентов были уйгуры, находившиеся в вассальной зависимости от государства кара-хытаев, и Тангутское государство (Си Ся).

Образование государственности. В ходе междоусобных войн между кочевниками создавались более или менее значительные союзы племен. Таковыми являлись найманский и ки-

ренский союзы родственных племен или родов. Эти племенные союзы не были прочными объединениями. Постоянно происходили столкновения не только между ними, но и между отдельными родами или племенами, входившими в эти союзы. Степень развития социальных отношений у различных кочевых племенных союзов была неодинаковой. Рост могущества центральноазиатских кочевых племен, происходивший на протяжении XII в., привел к появлению у наиболее крупных из них — найманов, кирентов раннефеодальных государственных образований — улусов (Рашид ад-Дин).

Процессы образования государств и формы, в которых они протекали, при абсолютной однородности их сущности у всех народов имели свои специфические особенности у кочевников. Как показал Б. Я. Владимирцов, улус не был институтом первобытно-общинного строя. Он не являлся ни родом, ни племенем, т. е. стоял над родо-племенными институтами. Улус означал «народ», «народовластие», а изначально включал в свой состав людей, не связанных родством, ибо состоял из сородичей, прежде всего ханского рода и его родственников, свойственников и чужаков (Б. Я. Владимирцов, 1934).

Улус располагал своей определенной территорией, а большие сильные (найманский, кирентский улусы) имели и свои границы, которые охранялись хотя бы эпизодически. Известно, что разгромленный Чингиз-ханом правитель улуса кирентов Ван-хан погиб в стычке с найманским караулом, охранявшим владения найманов (Рашид ад-Дин; С. Козин, 1941).

Улусом правил хан, представитель рода, появление которого, как сказано в «Тайной истории монголов», «отмечено печатью небесного происхождения» (С. Козин, с. 79), действовавшего по воле «Вечного неба» и от его имени, т. е. улусы управлялись, по терминологии «Тайной истории монголов», «природными ханами» и, вероятно, понятие ханской власти, близкое по понятию к царской, уже существовало у кочевников Центральной Азии в XIII в. Хан — правитель улуса, создавал аппарат управления, в первую очередь органы управления ханской ставкой — ордой, ее охраной и командованием войсками, дружиной. Орда как определенный институт государственной власти у кочевников известна еще со времени киданей. «С тех пор, как Ляо стало усиливаться, для постоян-

ного проживания ханов стали создаваться охраняемые ханские ставки, которые назывались орда («Ляо-ши»). Ханская ставка — орда являлась центром управления, своеобразным правительством улуса, ведала двумя важнейшими для любого центральноазиатского государства отраслями — ханским имуществом и войсками хана. Различия между ханским и государственным имуществом не существовало. Правитель улуса кирентов Ван-хан «имел личные летовки и зимние пастбища» (Рашид ад-Дин), т. е. строго обозначаемые ханские пастбища. В улусе действовали устоявшиеся нормы обычного права, близкие по характеру к закону. Так, в «Тайной истории монголов» говорится о законном, а не произвольном наказании за убийство в улусе. Упоминается и «Закон, Великая Правда, Еке-Торе» (С. Козин). Делами улусов ведали служилые люди, носившие особое звание — черби. Это звание, титул и сан давалось ханом.

В найманском улусе было в ходу делопроизводство. Бумаги писались уйгурским письмом и скреплялись ханской печатью. «Юань-ши» сообщает, что первым человеком, познакомившим монголов Чингиз-хана с уйгурской письменностью, был приближенный правителя найманского улуса Даян-хана Та-та-тун-а (Тататунг), захваченный в плен Чингиз-ханом после разгрома найманов («Юань-ши», 1958).

Киренты, найманы, во всяком случае их правящая верхушка, были христианами несторианского толка. Уже в XI в. киренты были обращены в христианство. Большинство кирентов, биографии которых приводятся в династической истории монголов «Юань-ши», были христианами. Подобная ситуация была и у найманов, которые, как и киренты, находились под известным культурным влиянием средневековых уйгуров, которые ранее других народов Центральной Азии были знакомы с христианством.

Таким образом, приобщение к одной из мировых религий также является свидетельством определенного уровня развития социальных отношений.

Интересен также анализ китайской исторической терминологии, обозначающей различные формы социальной организации у кочевых народов, которая сохранилась в китайских династических историях, в частности в «Юань-ши». Применительно к XI—XIII вв. анализ соответствующей терминологии

вызывает особый интерес ввиду формирования на территории Центральной Азии и Казахстана раннефеодальных государств в предмонгольское и собственно монгольское время.

Известно, что в китайской историографии издревле существовала четкая терминология для определения развития соседних народов. Рашид ад-Дин пишет по этому поводу: «Китайские государи не давали людям прозвищ по неосновательности, а степени их, соответствующие каждому племени и каждой области, чрезвычайно подобны и подходящи. Они дают людям прозвище таким образом, что каждый знает свою степень и предел своей власти» (Рашид ад-Дин, с. 139).

Так, применительно к столь значительным союзам кочевых племен, как найманы и киренты, постоянно употребляются термины, свидетельствующие о наличии у них государственности («Юань-ши», 1958). Это подтверждается и сведениями персидских источников, которые пишут: «...киренты и найманы... каждый имел свое государство...» (Рашид ад-Дин, с. 75).

Источники полны сведений о войнах найманов и кирентов с соседними племенами. Рашид ад-Дин пишет: «...Киренты много враждовали с многочисленными племенами, особенно с племенами найманов... В это время они имели больше силы и могущества, чем другие племена... у найманов с Ван-ханом кирентским постоянно была распря и вражда — до области кыргызов и до грани пустынь, соприкасающихся со страной уйгуров». Рашид ад-Дин также приводит сведения и о войнах найманов с кыргызами, кирентов с татарским улусом и государством чжурчженей Цзинь. Но периоды войн сменялись временем мирных отношений с соседями. «Юань-ши», в частности, свидетельствует о наличии тесных политических и территориальных связей кирентов с тюрками-канглы, о службе представителей знати канглы у кирентского Ван-хана («Юань-ши»). Как отмечает В. В. Бартольд, и канглы, и уйгуры кроме принадлежащих им областей жили и во владениях найманов. Китайские источники содержат также сведения о тесных культурных и политических связях кирентов и найманов не только со своими кочевыми соседями, но и с государствами оседлой культуры — тангутским государством (Си Ся) и владением уйгуров.

Под влиянием уйгуров правящая верхушка найманов и кирентов приняла христианство несторианского толка, уйгурскую письменность, а также другие элементы государственности. Свидетельством этих связей являются также отношения кирентов с тангутами. Например, Карабэтай (Керандай) — брат правителя улуса кирентов Ван-хана, попадал в детские годы в плен к тангутам и впоследствии дослужился в Тангутском государстве до поста правителя области. Одна из его дочерей стала женой правителя тангутов (Рашид ад-Дин). Существование связей кирентов с тангутами и уйгурами подтверждается и тем фактом, что правители кирентов, в частности Ван-хан и его сын Сангун, во время неудач искали спасения в землях тангутов и уйгуров («Юань-ши»).

Таким образом, найманское и кирентское племенные объединения были весьма сложны по своим внутренним социальным связям и во многом подготовили создание могущественного центральноазиатского государства, объединившего кочевые монгольские и тюркские племена империи Чингиз-хана, а также сыграли определенную роль в этнических процессах в послемонгольский период, когда началась собственная история казахского и других тюркских народов Средней Азии. У найманов и кирентов существовали формы государственности, хотя и отличные от тех, которые были у оседлых народов. Улусы найманов и кирентов являлись «государствами первоначального типа», т. е. раннефеодальными государственными образованиями.

Кумеков Б. Е.

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О КЫПЧАКАХ VIII—XIV вв. ПО АРАБСКИМ И ПЕРСИДСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Письменный источник как акт творения людей, безусловно, отражает определенную реальность и воплощает историческую действительность. В авторских произведениях средневековой историографии заметна роль субъективного начала. Однако определяющим в письменном памятнике является объективное ядро. Выявление роли субъективного начала и объективного ядра сводится к проблеме достоверности

источника и установления исторического факта, без чего не возможны исторические построения и реконструкции. В этой связи источник как конкретное историческое явление может быть понято лишь в процессе его возникновения и установления взаимосвязи его отдельных частей и выявления единства в их многообразии, подводящее историка к пониманию процесса общественного развития и его закономерностей.

С образованием арабского халифата и вовлечением в его орбиту различных по истории, культуре, языку, обычаям и традициям народов складывалась единая мусульманская синкретическая культура. Арабская держава не ограничивалась знанием только своей территории, ее интересы направлялись к формированию относительно точных представлений о сопредельных землях и «крайних пределах» Восточной Европы, Центральной Азии и Дальнего Востока. Характер, направленность и насыщенность информации о них во многом зависели от социально-экономического положения, политического состояния, этнической ситуации, религиозной обстановки в каждом из двух миров.

Личные наблюдения авторов сочинений, сведения путешественников, купцов, посольств, пленников и местной устной традиции отлагались в арабоязычной и персоязычной письменной литературе различных жанров. В подавляющем большинстве случаев сведения о народах и племенах отдаленных областей, в том числе и о кыпчаках, происходили из более ранних письменных трудов. Средневековые авторы при этом практически не касались вопроса о фактической достоверности материала, не делали попытки разобраться в противоречиях, содержащихся в источниках, не указывали на различие между реальной историей и легендой. В силу этих обстоятельств издержки средневековой мусульманской историографии составляют предмет специальных источниковедческо-текстологических разработок.

Наиболее ранние сведения о кыпчаках отложились не в мусульманских источниках, а в китайских летописях и древнетюркской рунической надписи. В истории Центральной Азии V—VII вв. кыпчаки выступают как сложившийся этнос, как одно из основных объединений древнетюркских племен. После

падения Тюркского каганата, приведшего и к ослаблению кыпчаков, образовались новые племенные конфедерации и государства.

Хронологически первые сведения о кыпчаках в мусульманской литературе совпадают с развернувшимися политическими событиями, одним из последствий которых было образование на среднем Иртыше в середине VIII в. кимаковского союза племен. Кыпчаки явились в нем весомым этническим компонентом. Фактически данные об отделении кыпчаков от кимаков и о продвижении их значительных группировок в западном направлении к Уральским горам и Приаральским степям, а вместе с тем и сведения о их территориальной локализации относительно других тюркоязычных племен, данные о хозяйственной структуре составили значительный пласт информации в арабской географической литературе.

Говоря о характере первоначальной сводки письменных арабо-персидских памятников о кыпчаках, следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, начиная с IX в. багдадские халифы стали широко привлекать тюркских наемников и создавать военные отряды, превращавшиеся со временем в влиятельную придворную гвардию. Уже существовали достоверные знания о тюрках, арабские географы употребляли слово «тюрки» как коллективное название, объединявшее целый ряд народов, родственных между собой по языку. В связи с чем в арабской научной литературе появилось общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен. Поэтому сведения, содержащиеся в арабских сочинениях о тюрках, в известной мере, с учетом контекста источника и строгой избирательности можно распространять на кыпчаков. Во-вторых, факт политической зависимости кыпчаков от кимаковского хакана, вхождения их в государство кимаков наложил своеобразный отпечаток на направленность информации о кыпчаках. В нарративных источниках вплоть до конца X в. зачастую упоминаются лишь кимаки как совокупный расширительный этноним, в составе которых следует разуметь и кыпчаков.

Появление в арабо-персидских трудах о кыпчаках качественно и количественно новых сведений было связано с политическим возвышением кыпчакских ханов в начале XI в. на

территории Казахстана, этнополитическими контактами отдельных группировок кыпчакских племен с мусульманскими тюркскими династиями караханидов, хорезмшахов, сельджукидов и газневидов, с междоусобной борьбой кыпчакских ханов, с центробежными тенденциями в среде кыпчакских ханов, борьбой за сырдарьинские и южноказахстанские средневековые города и торговые центры между кыпчакскими предводителями и хорезмшахами, распространением религии ислама в кыпчакском обществе, а также продвижением кыпчакских племен с востока на запад вплоть до южнорусских степей.

Информация письменных источников относительно кыпчаков до эпохи монгольского нашествия обогащается за счет конкретных сведений о исторической географии страны кыпчаков, этнографических сюжетах, конфессиональных взглядах, хозяйстве, духовной культуре, лингвистических особенностях. Если в IX в. арабские писатели среди тюркских народов на востоке выделяли токузгузов, на западе — хазар, а в XI в. возвышение сельджукидов привело к возвеличиванию огузских племен в арабо-персидских источниках, то XII в. стал эпохой кыпчаков. Не случайно в известных арабских историко-космографических произведениях приводятся подробности названия родо-племенного состава кыпчаков. По данным ряда арабских авторов, кыпчаки в то время были самым многочисленным народом, расселявшимся на значительной территории от Иртыша до Причерноморских степей. При этом необходимо указать, что кыпчаки не составляли на всем этом пространстве монолитного единства, они различались в зависимости от области расселения, по религии, племенному составу, хотя связь, как таковая, между восточным и западным объединениями не нарушалась.

С эпохи монгольского нашествия в начале XIII в., приостановившей политический рост кыпчаков в рамках их собственного государственного развития и прервавшей этнический процесс, ведущий к образованию народности феодальной эпохи, в арабских и персидских источниках накапливается цикл информации иного плана. Письменные памятники содержат довольно подробные описания отрицательных последствий захвата монголами кыпчакских земель, приводят важные сведения о совместной борьбе кыпчаков с аланами и народа Руси против татаро-монголов, фиксируют факты, прямо

указывающие на отголоски реальных этнокультурных и этнополитических контактов между кыпчакскими и татарскими племенами на протяжении веков, отмечают наличие двух полярных ориентаций по отношению к монголам в кыпчакской среде. Большие группировки разгромленных монголами кыпчакских племен были вынуждены бежать в сопредельные страны. С 60-х годов XIII в. правящая династия Мамлюкского государства в Египте и Сирии была представлена в основном кыпчаками, выходцами из южнорусских и казахских степей. Мамлюкская эпоха выдвинула большое число летописцев, биографов, историков, филологов, в сочинениях которых так или иначе отражались различные факты и явления этнического, социального, политического и культурного плана. Дошедшие до нас письменные источники со всей определенностью свидетельствуют о том, что кыпчаки на Ближнем Востоке вдали от родины, окруженные иноязычной и иноэтнической средой, стремились сохранить привычные традиции, обычаи и этнические черты.

Установление дипломатических, торговых и военно-политических отношений с Золотой Ордой, по сведениям арабских историков и путешественников, еще более усилило взаимодействие между мамлюками и Дашт-и Кыпчаком. В нарративных источниках отложилась важная информация об исторической географии Дашт-и Кыпчака, хозяйственных, социальных, этнических и культурно-бытовых реалиях, о городах и торговых путях. В средневековых трудах содержатся также ценные факты, указывающие на то, что в начале XIV в. исторически сложившаяся кыпчакская этническая общность проявилась вновь, одержав верх над монгольской традицией.

Мартынов А. И.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА

Археологические исследования последнего десятилетия внесли много нового в знания о культурах скифского времени степной Евразии. Получены принципиально новые материалы по скифской эпохе на Северном Кавказе, в Казахстане, Тад-

жикистане и Киргизии, в Горном Алтае, Туве и Монголии. Наряду с традиционным накоплением археологических материалов из курганов за последнее время много сделано в изучении поселений скифского времени, выявлении петроглифов скифской эпохи. Вместе с тем наметился отход от традиционного искусствоведческого подхода в изучении скифского искусства «звериного стиля».

Новые открытия значительно продвинули вперед традиционное изучение археологических культур скифо-сибирской зоны.

Вместе с тем получил развитие и новый методологический подход в изучении археологических культур степной евразийской зоны: рассмотрение скифо-сибирского мира не через отдельные его части — археологические культуры, а в целом, как вполне определенную историческую макросистему, сложившуюся и существовавшую на протяжении VI—III вв. до н. э. в евразийских степях. Известно, что вопрос о сходстве археологических предметов из Скифии и из курганов Южной Сибири ставился еще в XIX в., по-разному решался, но, в основном, на чисто внешнем сходстве предметов вооружения, изображений так называемого «звериного стиля», конской сбруи.

В современной археологии наметился новый методологический взгляд на проблему культурно-исторического единства; было сформулировано представление о скифо-сибирском мире не как об отдельных культурах и относительном единстве форм археологических предметов, а как об определенном историческом явлении, его экономической, этнической, социальной и идеологической основах. Начало формироваться представление о факторах, способствовавших сложению единства, — географических, политических; были подняты вопросы закономерностей взаимоотношений степного мира Евразии с древними государствами — Античной Грецией, Ахеменидской Персией, Древней Индией и Китаем, государствами греко-эллинистического мира.

Сложилось новое представление об археологических комплексах так называемых «царских курганов» скифов, саков и других древних народов степей Евразии. В результате мы сейчас вплотную подошли к пониманию природы и сущности скифо-сибирского мира, роли и места культур скифо-

сибирского облика в мировой истории, вплотную подошли к пониманию скифо-сибирского мира как своеобразной цивилизации, основанной на прогрессивном степном животноводстве, где ведущей политической силой были кочевники-скотоводы. Воплощением этой цивилизации была система раннегосударственных политических образований скифов, саков, племен Горного Алтая и древнего населения тагарской культуры Южной Сибири.

Вместе с тем новый подход породил и новые проблемы. Важным является изучение конкретной географии расселения ираноязычных народов северной группы. Принадлежность древних народов степного пояса Евразии, особенно западной части: скифов, савроматов, саков, по языковой системе установлена; менее ясно, как далеко на восток по степям Южной Сибири и Центральной Азии был распространен ираноязычный ареал. Суть проблемы состоит в том, что степная Евразия в середине и второй половине I тыс. до н. э. не была сплошь заселена индоиранцами. Возможно, с решением проблемы расселения связано доказательство того, что индоиранцы были носителями передовых в то время начал в экономике, общественной структуре и идеологии. А отсюда более ясной может быть и степень влияния этих передовых очагов культуры на окружающий мир как внутри зоны степей, так и вне ее.

Необходимо признать, что в изучении археологических культур скифо-сибирского мира многие десятилетия преобладал культурологический подход, а вопросы экономики рассматривались в общих чертах.

Скифскую эпоху обычно представляют как мир скотоводов-кочевников, употребляя широко распространенный термин «эпоха ранних кочевников». Однако сейчас ясно, что не все общества той эпохи были кочевыми, а многие из них вообще жили оседло. Основу экономики составляло животноводство в различных его формах, пойменное и орошаемое земледелие, горнорудное дело, металлургия и металлообработка, различные общественные промыслы и ремесла. Надо признать, что вопросы хозяйства скифского времени и его реконструкция по археологическим материалам не разработаны в науке, хотя во многих работах в той или иной степени хозяйство рассматривается. Используя опыт этнографов, можно отметить,

что в скифо-сибирском мире существовало несколько укладов экономики, основанных на развитии животноводства и земледелия с использованием конкретных природных условий: кочевой степной, яйлажный горнодолинный и оседлый скотоводческо-земледельческий. Каждый из них был связан с определенными природно-географическими условиями.

Требуется дальнейшего исследования комплекс проблем, связанных с общественными отношениями и социальной структурой. Социальная история всего скифо-сибирского мира в научной литературе специально не изучалась, так как скифо-сибирский мир не рассматривался как исторически единое целое, а только отдельные его части. Вопросы социальной структуры отдельных частей скифо-сибирского мира получили в науке неодинаковое освещение. Так, научное изучение социальной организации общества у скифов началось еще во второй половине XIX в., и на протяжении всего этого времени не ослабевает интерес к этой проблеме — сложились концепции, накоплен опыт исследования и огромная литература.

Совсем по-другому выглядит разработка вопроса применительно к другим древним обществам внутренней части скифо-сибирского мира: савроматам, сакам, тагарцам, населению Горного Алтая. Можно сказать, что эта история остается еще не раскрытой. Часто уровень исследований социальной структуры ограничивается только лишь общими выводами о том, что общество находилось на стадии разложения первобытнообщинных отношений. За последнее время, в связи с исследованием кургана Иссык, резко повысился интерес к вопросам социальной структуры у саков.

Требуется дальнейшей разработки история взаимоотношений скифо-сибирского мира с античным миром, Ахеменидским Ираном, эллинистическими государствами.

Сейчас о скифо-сибирском мире можно говорить как об исторической зоне мировой культуры, где была выработана своя, присущая ей экономика, общественные отношения, идеология, породившая присущее этой исторической зоне искусство.

За последние годы значительно продвинулось вперед изучение идеологических представлений, существовавших у народов скифо-сибирского мира. По-настоящему, собственно, они разрабатываются только в последние годы.

Современный период исследования искусства скифо-сибирского мира можно охарактеризовать как семантический. С начала 70-х годов в советской археологии появились работы, посвященные семантической стороне искусства, в которых художественные произведения скифского времени рассматриваются как символы, как отражение определенных мировоззренческих категорий и в целом идеологии скифо-сибирского мира. В этом отношении можно отметить работы Д. С. Раевского, Д. А. Мачинского, А. К. Акишева, Е. Е. Кузьминой по смысловой интерпретации памятников скифского искусства и многие другие.

Вместе с тем открылись и новые возможности исследования природы возникновения искусства скифо-сибирского мира не как культурного заимствования, а как самостоятельного новообразования в степях Евразии. Оно было одним из факторов сложившегося скифо-сибирского единства наряду с экономикой, уровнем общественных отношений. Искусство было отражением идеологического единства.

Матюшенко В. И.

ВКЛАД М. П. ГРЯЗНОВА В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Проводимые научные чтения, посвященные памяти выдающегося казахского ученого А. Х. Маргулана, дают достаточные основания восстановить в какой-либо мере ту атмосферу науки, в условиях которой развивался талант ученого. Одним из ярких современников А. Х. Маргулана был М. П. Грязнов. Их связывали не только научные интересы, но и личная привязанность и дружба.

М. П. Грязнов оставил большое научное наследие, касающееся его исследований древней истории Казахстана. Оно представлено большим количеством раскопанных памятников на территории Казахстана, публикациями ряда интересных статей по отдельным периодам древней истории Казахстана, а также большим числом ученых, прошедших подготовку в школе М. П. Грязнова. Раскрыть все многообразие этого наследия нелегко, мы попробуем осветить только некоторые, может быть, наиболее существенные из них.

Полевая научная работа М. П. Грязнова началась вне пределов Казахстана, а именно в Хакаско-Минусинской котловине, под руководством выдающегося отечественного ученого С. А. Теплоухова в начале 20-х гг. Позднее М. П. Грязнов начинает последовательную и плодотворную работу в Казахстане: в Западном, Центральном, Восточном. Надо обратить внимание на то, что полевая работа М. П. Грязнова в Казахстане была направлена не просто на то, чтобы расширить наши фактические знания по истории этого региона, хотя это достойная цель. Археологические работы М. П. Грязнова в Казахстане были в значительной мере проверкой ряда интересных мыслей об особенностях древней культуры, замеченных и предшественниками М. П. Грязнова, и его современниками, в особенности С. А. Теплоуховым.

Так, работы М. П. Грязнова установили широкое распространение в степях Казахстана андроновских памятников, западнее первоначального выявления их в работах С. А. Теплоухова. Серия работ М. П. Грязнова явилась продолжением замысла его учителя — поиски памятников андроновской культуры западнее Енисея. Эти поиски, как известно, увенчались блестящими открытиями богатейшего очага бронзовой индустрии в Казахстане, памятников поздней бронзы, которые М. П. Грязнов связывал с кругом карасукских памятников.

Исследования памятников эпохи бронзы Казахстана М. П. Грязнов производил, понимая, что тогда исторические события этого региона были самым тесным образом связаны со всем окружающим миром. Отсюда исследования путей и форм сложения скотоводческого хозяйства в степях (в том числе и в Казахстане), роли отдельных видов домашнего скота в экономике раннескотоводческих обществ. В этой связи рассматриваются общие черты культуры скотоводческих обществ степей Евразии, а также своеобразие культуры отдельных регионов большого евразийского пояса степей. Примечательно, что исследования сопровождались немалым числом отдельных частных исследований явлений древней культуры: жилища и их реконструкция, особенности бронзолитейного дела, технология выработки некоторых типов керамики и т. п.

Интересной представляется позиция М. П. Грязнова в оценке событий эпохи ранних кочевников (по терминологии ученого). Открытия памятников этого времени на востоке поя-

са степей были сделаны задолго до М. П. Грязнова (В. В. Радлов, Г. И. Боровка, П. К. Козлов). На протяжении всего времени своих занятий проблемами истории ранних кочевников М. П. Грязнов развивал тезис о значительном (а иногда и решающем) вкладе скотоводов азиатских степей в сложение яркой и самобытной культуры скифо-сибирской исторической общности. Подобная, последовательно развиваемая М. П. Грязновым позиция, была органически чуждой укрепившейся в советской историографии паневропейской теории скифской проблемы. Нам представляется, что работы ученого в этой части убедительно доказывают несостоятельность паневропеизма в трактовке этих вопросов истории.

Научно-педагогическая деятельность М. П. Грязнова отражала замечательные качества ученого, как истинного интернационалиста. Кто были учениками М. П. Грязнова по национальной принадлежности? Русские, украинцы, хакасы, тувинцы, казахи, туркмены, киргизы, узбеки, болгары, испанец, вьетнамец и другие. Немногие из современных советских археологов могут в кругу своих учеников найти такое национальное разнообразие. Мне думается, это не случайно. Это качество — свидетельство особого понимания М. П. Грязновым исторического процесса, восстанавливаемого археологией, процесса, где есть достойное место каждому народу, принявшему участие в событиях прошлого. Эта сторона деятельности ученого требует к себе пристального внимания и углубленного изучения. В ней проступает определенная (и важнейшая) черта мировоззрения ученого.

М. П. Грязнов в своих аналитических и обобщающих исторических работах важнейшее место отводил крупным и небольшим историческим общностям людей, оставивших определенные археологические культуры. Его интересовали процессы изменения отдельных типов вещей, форм культуры сами по себе. Все эти явления, по мнению ученого, были отражением живых исторических событий больших или малых общностей людей. Но М. П. Грязнов не спешил искать в отдаленных общностях прошлого, восстановленных археологами, обязательно предков того или иного народа, если, по его мнению, был еще недостаточно доказательным материал. Эта осторожность происходила у него не от робости, а от осознания особой ответственности ученого в этой сфере работы.

ОРУЖИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В КОЧЕВОМ МИРЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

При оценке возможности использования предметов вооружения для характеристики связей между различными культурами древности и средневековья археологи нередко придерживаются убеждения, что «наконечники стрел, мечи, накладки на луки, клинжалы относятся к той категории предметов материальной культуры, формы которых легко заимствовались одним племенем от другого и сохраняли значительное единообразие на широкой территории». Поэтому оружие служит одним из основных объектов для определения хронологии археологических комплексов, для их синхронизации с известными археологическими культурами.

Широкое распространение однотипных предметов вооружения в синхронных или близких по времени существования культурах на обширной территории является результатом жесткой функциональной детерминации форм оружия и активной инфильтрации достижений в военной области между культурами одного или нескольких историко-культурных регионов в ходе перманентных военных столкновений, масштабы которых в отдельные исторические периоды были весьма велики. Однако это не означает, что каждое новшество в сфере военного дела распространялось из центра своего возникновения по всем азимутам «практически мгновенно», как это иногда принято считать. Существует настоятельная необходимость определения вектора трансляции новаций военного дела и механизма распространения новых форм во времени и пространстве.

Опыт предшествующих исследований древних и средневековых кочевников евразийского пояса степей достаточно богат примерами, когда отдельные виды и типы вооружения или даже конкретные артефакты служат обоснованием для предполагаемой трансляции из исходного района формирования кочевнических культур на соседние или отдаленные территории. При этом внимание исследователей привлекают отдельные, бросающиеся в глаза детали декоративного оформления изделий, а не функционально значимые элементы,

Часто можно встретить утверждения о местном, конвергентном появлении конкретных форм вооружения и их последующей, не зависимой от общих закономерностей развития военного дела, эволюции. Подобный недифференцированный подход в определении существенных свойств артефактов и неограниченные возможности произвольного подбора аналогий способствуют созданию видимости «общераспространенности» различных форм предметов вооружения по всей территории степной Евразии.

Однако, если даже конкретная форма оружия распространена в какой-то исторический период повсеместно, это не снимает вопроса о причинах, времени и месте ее возникновения и последующего проникновения в комплексы иных культур.

Для выяснения данного вопроса необходимо уточнить, что в форме вещи реализованы: возможности технологии изготовления, необходимость соответствия основному функциональному назначению, идеологические каноны и эстетические представления своего времени. Применительно к предметам вооружения особенности формы, не связанные с основным функциональным назначением, не являются эволюционно значимыми, однако для характеристики историко-культурных связей они могут быть привлечены в качестве свидетельства распространения определенных идеологических норм и эстетических вкусов, обусловивших возможности функционирования и трансляции этих предметов вне основной сферы применения.

Эффективность использования новых форм оружия связана непосредственно с возможностями его коллективного применения, выработкой соответствующих тактических приемов и выучкой массы рядовых воинов, поэтому важным показателем освоения оружия служит количество экземпляров находок в комплексе конкретной культуры.

Учет названных выше особенностей позволит строже проводить сопоставление и оценивать сходство и различие между комплексами вооружения разных культур. При соблюдении процедуры классифицирования с выделением формальных признаков, определением их функциональной значимости и ранжирования по степени распространенности систематизированные комплексы вооружения различных культур стано-

вятся сопоставимыми между собой по видовому составу, типологическому разнообразию и количественной представительности артефактов.

Сравнение комплексов вооружения синхронных культур позволит проследить направленность распространения новых форм оружия в пространстве, а сопоставление наборов боевых средств смежных во времени культур продемонстрирует закономерности эволюционных изменений.

При сравнении разнокультурных комплексов вооружения оказывается, что по видовому и типологическому составу они практически никогда не бывают тождественными. Поэтому видовое и типологическое разнообразие оружия может считаться одной из важных характеристик культуры, а сравнительный анализ комплексов разных культур наглядно отражает наличие и интенсивность историко-культурных связей в такой сфере человеческой деятельности, как война и военное дело. При этом сравнительный анализ может быть проведен на уровне количественных показателей по числу сходных или различающихся видов и типов.

По набору сходных элементов можно установить характер взаимодействия культур в сфере технологии и боевой практики, определить степень влияния и взаимовлияния.

Если в сфере хозяйственной деятельности и духовной жизни сообщества, принадлежащие к разным культурам или разным хозяйственно-культурным типам, обитающие на соседних территориях, могут развиваться вполне обособленно или взаимодополняться, то в области военных отношений такая изоляция невозможна. Любой качественный дисбаланс на уровне развития вооружения, форм военной организации и военного искусства между соседними этнополитическими общностями не может быть компенсирован иначе, как восполнением недостающих видов и типов оружия, повышением эффективности приемов их использования. Невозможность такого выравнивания военно-технических возможностей ввиду отставания социально-экономического или технологического развития неминуемо влечет за собой военные поражения, утрату самостоятельности или истребление кочевого этноса.

Правда, и в условиях политического подчинения военное дело у кочевых этносов, включенных в военно-административную систему кочевых государств на правах вассалов, продол-

жает развиваться, отражая общие закономерности прогрессивной эволюции военного дела. Развитие военного дела в кочевом мире постоянно стимулировалось не только внутренними противоречиями, но и необходимостью поддержания на определенном уровне военного превосходства над оседло-земледельческими этносоциальными общностями.

С вступлением последних на путь промышленного развития кочевое общество, основанное на экстенсивном кочевом скотоводческом хозяйстве, неминуемо отстало в экономической, военно-технической и военно-организационной сферах и само стало объектом военной экспансии.

Шер Я. А.

ОБ ИСТОКАХ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Изучая культуру скифов Причерноморья и родственных им саков азиатских районов, исследователи не могли не поставить вопрос об истоках происхождения этих культур. Как это часто бывает, мнения разделились и единства пока нет. Сейчас существуют в основном три гипотезы о происхождении скифских культур:

1. Культура скифов сформировалась в VIII—VII вв. до н. э. в Причерноморских степях на основе местных пастушеско-скотоводческих культур эпохи поздней бронзы в связи с их переходом к кочевому скотоводству.

2. Культура скифов сформировалась «в глубинах Азии» (Геродот) и была принесена оттуда в Причерноморье (Ростовцев М. И., Тереножкин А. И., 1976).

3. Культура скифов возникла не из единого центра, а в разных местах степной ойкумены и в силу высокого уровня мобильности кочевых племен в относительно короткий исторический срок распространилась на огромной территории. Поэтому вопрос о некоем центре происхождения скифских культур вообще не имеет исторического смысла (Грязнов М. П., 1980).

До недавнего времени большинство специалистов по археологии скифского мира придерживались первой гипотезы. Поэтому в литературе преобладало мнение о том, что центр

сложения скифских культур находились в Северном Причерноморье, а азиатские стили были далекой периферией, куда эти культуры, их вещи и искусство проникали значительно позднее. Самые ранние скифские памятники Причерноморья датировались, как правило, не ранее VII в. до н. э., а сходные азиатские памятники соответственно считались более поздними.

Первая гипотеза содержит в себе одно непреодолимое противоречие. Одной из главных особенностей скифских культур является упоминавшийся выше звериный стиль. В Причерноморье скифский звериный стиль не имеет истоков в предшествующих культурах. Нет таких истоков и в предшествующих культурах эпохи бронзы Поволжья и Приуралья.

Сторонники гипотезы о причерноморском происхождении скифов пытались преодолеть это противоречие, опираясь на известный рассказ Геродота о походах скифов на Передний Восток. Объяснение сводилось к тому, что искусство звериного стиля сформировалось у скифов во время их пребывания на Переднем Востоке под влиянием искусства Месопотамии и Ирана (Артамонов, 1973; Членова, 1967 и др.), а в Причерноморье они принесли это искусство в переработанном виде уже после возвращения из переднеазиатских походов, т. е. только после 585 г. до н. э. Звериный стиль саков выводился в конечном счете тоже из общих прототипов на Ближнем Востоке.

Важное место в ближневосточной гипотезе происхождения звериного стиля занимала группа несомненно скифских вещей, найденная близ селения Зивие в Иране. Предметы со скифскими изображениями из Зивие обнаруживали явное сходство с изображениями на вещах, найденных в самых ранних скифских памятниках Причерноморья (Келермес, Мельгуновский курган). Их стали рассматривать как прямое свидетельство переднеазиатского происхождения скифо-сибирского звериного стиля.

Решающие доводы, которые позволяют окончательно отказаться от ближневосточной гипотезы происхождения звериного стиля, были получены в результате раскопок кургана Аржан в Туве (Грязнов, 1980). Результаты исследования кургана Аржан не вписывались в общепринятую схему происхождения скифской культуры. По типологическим сопостав-

лениям таких вещей, как удила, псаляги, наконечники стрел, найденных при раскопках Аржана, этот курган был датирован VIII—VII вв. до н. э. Все изображения животных из Аржана демонстрировали не складывающийся, а уже вполне сложившийся звериный стиль, имеющий некоторые аналогии в самых ранних скифских памятниках Причерноморья и Предкавказья (Жаботин, Ульяновские курганы и др.). Из этого следовало, что в Центральной Азии звериный стиль уже сложился до того, как он впервые появился в Причерноморье. Считавшиеся до сих пор самыми древними скифскими изобразительными памятниками находки из Зивие оказались по крайней мере на 300 лет моложе.

В свете новых данных становится более обоснованной вторая гипотеза, но теперь уже можно говорить не только о культурах эпохи поздней бронзы Южной Сибири (типа Карасук), но и о более глубоких истоках.

Рассмотрим изображения на каменных стелах культуры Окунево и петроглифов той же культуры. Для нашей задачи достаточно двух бесспорных фактов. Во-первых, того, что данные изображения на стелах и петроглифы значительно древнее скифо-сакской эпохи. В том, что они не позднее II тыс. до н. э. ни у кого сомнений нет. Во-вторых, для нас важно то, что эти памятники недвижимы и поэтому не могли быть предметами заимствования или обмена.

На стелах встречаются изображения хищника. Отметим две особенности этого образа: семантическую и стилистическую. По содержанию мы видим какого-то свирепого хищника с оскаленной пастью и длинным («змеевым») языком. По стилю некоторые из этих изображений отличаются особым приемом билатерального сечения, отдаленно напоминающим хорошо известное искусство более поздних периодов.

На изображениях культуры Окунево широко распространен прием «разрисовки» персонажей волнистыми поперечными линиями. Кроме того, на крупном из хищников мы видим изображение креста. Те же приемы мы наблюдаем в относительно более позднее время на изображениях лошадей в петроглифах Минусинской котловины, а также на изображениях в петроглифах Алтая и на оленях камнях

Монголии. Эта же манера, но уже с явными признаками вырождения, наблюдается на петроглифах Иссык-Куля.

В целом доскифский образ хищника с оскаленной пастью и «змеевым» языком имеет широкий и устойчивый круг параллелей в скифо-сакском искусстве всей Евразии.

Теперь обратимся к памятникам несколько более позднего, но тоже доскифского времени, к оленним камням.

Относительно датировки оленних камней тоже не все вполне ясно, но здесь будут рассмотрены изображения на тех оленних камнях, доскифский возраст которых можно считать установленным. В Монгольском Алтае, в местности Ушкийн-Увер, найдены стелы с изображениями, некоторые элементы которых связываются с эпохой поздней бронзы. Вторым памятником является найденный при раскопках кургана Аржан среди камней надгробного сооружения обломок оленного камня, датруемый исследователями XII—IX вв. до н. э.

На камнях из Ушкийн-Увера и Аржана имеются изображения оленей. На первом олене изображены в особой стилистической манере, которая получила в литературе название «олени с клювовидными мордами». Западная граница ареала оленей с клювовидными мордами проходит по южному склону хребта Каратау (Самашев, 1984). В европейской части скифо-сибирского мира такая манера изображения не встречается.

На камне Аржана изображены олени в несколько иной стилистической манере. Назовем ее условно «реалистической». Ареал этого типа очень широк: от Ордоса на востоке до Украины на западе, причем непрерывно на всем пространстве распространения скифо-сакской культуры.

При всей разнице, которая наблюдается между изображениями оленей с клювовидными мордами и изображениями типа Аржан, нельзя не заметить некоторых общих для этих двух типов деталей. Глаза показаны в виде концентрического круга, частично выступающего над линией лба. И те и другие имеют на холке подчеркнутый угловой выступ. У первого типа этот выступ имел композиционное значение. Благодаря ему вереницы оленей на плоскости оленних камней удачно сочетались между собой, так как изгиб шеи заднего животного вписывался в изгиб спины переднего. Затем, утратив свое композиционное значение, этот выступ продолжает какое-то вре-

мя существовать в виде реликтового признака и на изображениях типа Аржан (например, на бронзовой фигуре оленя из Уйгарака). В скифо-сибирском стиле более позднего времени этого выступа уже нет. Нет его и на Ближнем Востоке. Думается, что этот признак может играть роль весьма четкого индикатора принадлежности изображения к раннему этапу (VIII—VI вв. до н. э.).

Сходство между изображениями типа Аржан настолько велико, что сомнений вызвать не может. Если бы речь шла об изображениях на золотых, бронзовых, костяных и других вещах, которые легко передвигаются в пространстве, можно было бы подумать об импорте или заимствовании. Но среди представленных изображений значительная часть относится к петроглифам, неподвижность которых не нуждается в доказывании. Следовательно, в пространстве степей Евразии перемещались не только вещи, а люди, владевшие данной художественной традицией, данным стилем.

По-видимому, это перемещение происходило относительно быстро, в пределах одного века (VIII в. до н. э.). К такому выводу приводят наблюдения над неизменностью основных стилистических особенностей на столь обширной территории. За длительный срок произошли бы серьезные изменения, как это, например, произошло с сюжетами более раннего происхождения (табл. 1).

Крайними западными вариантами стиля типа Аржан следует, по-видимому, считать изображения досей на костяных пластинках из курганов Жаботин на Украине и изображение козла на штандарте из кургана Ульский на Северном Кавказе.

Рассмотренные примеры хотя и немногочисленны, но показательны. Размеры статьи не позволяют привести большое количество примеров, но они есть и хорошо известны специалистам по скифо-сибирской археологии.

Подводя итог, можно сказать, что самые первичные истоки звериного стиля обнаруживаются в особенностях изображений культуры Окунево (не позднее II тыс. до н. э.). Дополнительные истоки обнаруживаются в изображениях эпохи поздней бронзы Саяно-Алтайского региона (культура Карасук, не позднее I тыс. до н. э.).

Изображения типа Аржан демонстрируют уже вполне сложившийся звериный стиль, который довольно быстро распространился на всем пространстве степей Евразии в VIII—VII вв. до н. э. В последующие периоды (VI—V вв. до н. э.) звериный стиль становится орнаментальным (Саглы в Туве, Пазарык на Алтае, Иссык в Средней Азии и др.). В это же время и позднее он испытывает на себе значительные влияния ахеменидского и греческого искусства. В Причерноморье на этой основе сложилось особое скифо-греческое искусство, которое передавало, вероятно, те же сюжеты, но более богатыми, с точки зрения античной культуры, средствами. Многочисленные реминисценции звериного стиля можно наблюдать в искусстве гунно-сарматских племен, в кельто-германских культурах, в искусстве викингов и в древнерусском искусстве.

Шуховцов В. К.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ САКОВ-ТИГРАХАУДА И САКОВ-ХАУМАВАРГА ДРЕВНЕПЕРСИДСКИХ НАДПИСЕЙ

Проблема локализации сакских племен, упоминаемых в надписях царей ахеменидской династии, является предметом дискуссии вот уже более 100 лет. Однако, с точки зрения методики исследования, все попытки локализации этих племен до сих пор страдали одним общим недостатком — привлечением материалов источников, внешних по отношению к древнеперсидским надписям. Учитывая дискуссионность практически всех известий в античных и других источниках о саках, а также их диахронность, можно не сомневаться, что такой подход ведет лишь к наложению ошибок и не дает возможности сделать однозначные выводы.

Вопрос о локализации саксов-тиграхауда и саксов-хаумаварга древнеперсидских надписей, по сути, сводится к вопросу: что имели в виду цари ахеменидской династии, когда говорили об этих племенах.

Исходя из такой постановки вопроса, попытаемся найти ответ на него, не привлекая иных источников, кроме собственно надписей.

Ниже приводятся списки стран, входивших в империю Ахеменидов, в том порядке, как они приводятся в надписях.

1. DB1,12—17: Персида, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, народы у моря, Сарды, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арея, Хорезм, Бактрия, Согд, Гандара, Сака, Саттагидия, Мака.

2. DB2,7—8. (страны, восставшие против Дария I): Персида, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Сака.

3. DNa, 15—30: (Персида), Мидия, Элам, Парфия, Арея, Бактрия, Согд, Хорезм, Дрангиана, Арахосия, Саттагидия, Гандара, Синд, саки-хаумаварга, саки-тиграхауда, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, Армения, Каппадокия, Сарды, Иония, саки, которые за морем, Скудра, ионийцы-такабара, ливийцы, эфиопы, макийцы, карийцы.

4. DPe, 5—18: (Персида), Элам, Мидия, Вавилония, Аравия, Ассирия, Египет, Армения, Каппадокия, Сарды, ионийцы, которые на суше и те, что на море, страны за морем, Сагартия, Парфия, Дрангиана, Арея, Бактрия, Согд, Хорезм, Саттагидия, Арахосия, Синд, Гандара, саки, Мака.

5. DSe, 21—30: (Персида), Мидия, Элам, Парфия, Арея, Бактрия, Согд, Хорезм, Дрангиана, Арахосия, Саттагидия, макийцы, Гандара, Синд, саки-хаумаварга, саки-тиграхауда, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, Армения, Каппадокия, ионийцы, которые на море и те, что за морем, Скудра, ливийцы, эфиопы, карийцы.

6. DN (Надписи на рельефе): I Перс, II Мидиец, III Эламит, IV Парфянин, XV сак-тиграхауда, XVI вавилонянин, XVII Ассириец, XXIX Макец.

7. A2P (Артахсеркс II или III): перс, мидиец, эламит, парфянин, хорезмиец, жители: Дрангианы, Арахосии, Саттагидии, Гандары, Синда, сак-хаумаварга, сак-тиграхауда, вавилонянин, ассириец, араб, египтянин, Скудра, иониец-такабара, ливиец, эфиоп, макец, кариец.

8. XPh, 19—28: (Персида), Мидия, Элам, Арахосия, Армения, Дрангиана, Парфия, Арея, Бактрия, Согд, Хорезм, Вавилония, Саттагидия, Сарды, Египет, ионийцы, которые на море и те, что за морем, Мака, Аравия, Гандара, Синд, Каппадокия, Даха, саки-хаумаварга, саки-тиграхауда, Скудра, Акауфака, ливийцы, карийцы, эфиопы.

Анализируя эти списки, можно заметить, что отдельные группы стран очень устойчиво упоминаются рядом. Так, по-

стоянно упоминаются вместе Персида, Мидия, Элам; Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет; Бактрия, Хорезм, Согд и т. п. В предлагаемой таблице сведены такие устойчивые группы стран, причем порядок внутри групп сохранен без изменений, а порядок чередования групп для наглядности приведен к общему виду.

Из таблицы видно, что в списках стран ахеменидских надписей четко прослеживается 7 групп стран. Определенного порядка при перечислении этих групп не существует, что и позволяет нам выделить их из текста. Одни и те же группы оказываются в разных местах списка, но состав групп меняется лишь за счет более или менее дробного членения отдельных территорий. Некоторый разноречивый в составе групп, например, отнесение Мидии в 4 группу в DBI или Дрангианы в 5 группу в DPe, очевидно, связано с какими-то внутриполитическими процессами местного значения в державе Ахеменидов и не влияет на общую картину. Можно также заметить, что наиболее устойчивы группы в центре и на востоке империи, а наименее устойчивы группы, для которых можно постулировать лишь претензии Ахеменидов на власть, либо кратковременное завоевание (Эфиопия, Ливия, страны на Балканах).

Деление именно на 7 групп может быть и случайным, но может отражать и древние представления о делении обитаемого мира на 7 частей. Еще в авестийском Ардвисур-яште (Y+5,53) упоминается 7 кишваров (*karšvara-*), составляющих обитаемую землю. Деление на 7 «климатов» сохранялось и много позднее как в античной, так и в средневековой географии.

Саки-хаумаварга и саки-тиграхауда, как явствует из таблицы, занимают в надписях DNa, DSe, A?P то место, которое в надписи DB занимает область Сака, и всегда помещаются в одной группе с Гандарой, Арахосией, Саттагидней и Синдом. Следовательно, страной Сака в DB названа область, населенная племенами, которые были известны Ахеменидам как саки-хаумаварга и саки-тиграхауда. Локализоваться эта область должна на территории современного Афганистана, в области, известной в более позднюю эпоху Сакастан (Сен-стан, Систан). Неоднократные попытки разных авторов локализовать эти племена на территории Средней Азии не имеют

под собой почвы. Единственным упоминанием среднеазиатских саков в ахеменидских надписях можно с уверенностью считать упоминание «саков, которые за Согдом» (*sakā tiayī raṭa Sugdam*) причем, эти саки вряд ли входили в состав империи Ахеменидов — они ни разу не включены в списки стран, а упоминаются лишь в следующем контексте: «Говорит Дарий-царь: вот царство, которым я владею: от саков, которые за Согдом, до Эфиопии и от Сида до Сард...» (DN).

Несколько особняком в предложенной схеме стоит надпись Ксеркса в Персеполе (XPe) — так называемая «Антидэвовская» надпись — единственная надпись Ксеркса, содержащая полный список подвластных ему стран. Порядок перечисления стран в ней резко отличается от надписей других царей. Причины этого неясны — они могут быть в характере самой надписи (ломка устоявшихся религиозных традиций) либо в обстоятельствах прихода Ксеркса к власти (в нарушение права на престол старшего брата Артабазана). Так или иначе, при Ксерксе «географическая традиция» оказалась нарушенной, а затем, при его преемниках, — вновь восстановленной.

Группы стран, выделяемые

DB1, 12—17	DB2, 7—8	DNa, 15—30
Персида Элам	Персида Элам Мидия	(Персида) Мидия Элам
Вавилония Ассирия Аравия Египет	Ассирия Египет	Вавилония Ассирия Аравия
Приморские на- роды Сарды Иония		Сарды Иония Саки, которые за морем Скудра Ионийцы-така- бара Ливийцы Эфиопы Макийцы Карийцы
Мидия Армения Каппадокия		Армения Каппадокия
Парфия Дрангиана Арея	Парфия Маргиана	Парфия Арея
Хорезм Бактрия Согд		Бактрия Согд Хорезм
Гандара Сака Саттагидия Мака	Саттагидия Сака	Дрангиана Арахосия Саттагидия Гандара

в древнеперсидских надписях

DPe, 5—18	DSe	A?P
(Персида) Элам Мидия	(Персида) Мидия Элам	Перс Мидиец Эламит
Вавилония Аравия Ассирия Египет	Вавилония Ассирия Аравия Египет	Вавилонянин Ассириец Араб Египтянин
Сарды Ионийцы, что на суше, и те, что на море Страны за морем	Сарды Ионийцы, что на море, и те, что за морем Скудра Ливийцы Эфиопы Карийцы	житель Сард Иониец Сак заморский Скудра Иониец- такабара Ливиец Эфиоп Макиец Кариец
Армения Каппадокия	Армения Каппадокия	Армянин Каппадокиец
Сагартия Парфия Дрангиана Арея	Парфия Арея	Парфянин
Бактрия Согд Хорезм	Бактрия Согд Хорезм	Хорезмиец
Саттагидия Арахосия Синд Гандара Саки Мака	Дрангиана Арахосия Саттагидия Макийцы Гандара Синд Саки-хаумаварга Саки-тиграхауда	Жители: Дрангианы Арахосии Саттагидии Гандары Синда Саки-хаумаварга Саки-тиграхауда

КАМЕННЫЙ ВЕК

Волошин В. С.

К ТИПОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ СХЕМЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Существующие в регионе схемы типологии и периодизации палеолита построены с учетом характера выветренности артефактов и геоморфологической позиции местонахождений. Неизбежным следствием такого подхода является слишком общий характер и чрезмерный субъективизм построений. Новые материалы, полученные Целиноградской археологической экспедицией, дают возможность перейти на позиции более конкретных и объективных заключений, опирающихся на геолого-стратиграфическое обоснование индустрий палеолита. На пути построения региональной типолого-стратиграфической схемы по палеолиту существуют трудности: редкость стратифицированных памятников, слабая изученность четвертичных отложений, лимитирующая в значительной степени возможность интерпретации разрезов (возраст выделенных комплексов индустрий сейчас может быть определен только в достаточно широких геохронологических интервалах).

Важнейшим объектом, выявленным в последние годы, является группа памятников, зафиксированных в разрезе четвертичных отложений возле с. Батпак. В разрезе к плейстоцену относится толща суглинков, мощностью около 15 м, слагающая покров Нура-Ишимского водораздела. Она залегает с разрывом на красных глинах неогена с остатками *Hippidiedus* (определение Жегалло В. И.). Толща подразделена на две части, возраст которых определен исходя из общей стратиграфической ситуации как эоплейстоцен-нижнеплейстоценовый для нижней части и на нижне-верхнеплейстоценовый

для верхней. Нижняя часть представлена балочным аллювием и делювиально-пролювиальными суглинками (предложено выделить ее в «батпакскую свиту»), верхняя — сложна построена, представляет собой лессово-почвенную серию, состоящую из 3 горизонтов лессовидных суглинков, разделенных 3 педокомплексами (нижний — наиболее выразительный, состоит из 3 полугидроморфных сближенных или совмещенных почв, два верхних содержат по одной коричневатой-бурой слегка оструктуренной почве); в лессово-почвенную серию вложена мощная пачка аллювиально-делювиальных песков и суглинков, выполняющая русло палео-Батпака; эта пачка переходит по простираанию в горизонт лессовидных суглинков, венчающий отмеченную выше серию.

В Батпаке получены материалы, относящиеся, судя по наблюдению над типологией, особенностью сырья и характером выветренности, по меньшей мере к восьми хронологическим сериям, от древнего к концу палеолита. Материалы трех наиболее богатых серий, для которых определена стратиграфическая ситуация, выделены в два индустриальных комплекса.

Актастинский комплекс (АК) — локальная фашия древнего палеолита региона, представлен индустриями из грубых трещиноватых малонизотропных докембрийских пород (кварц, изверженные породы), облик которых в значительной степени модифицирован сырьем; присутствуют примитивная техника расщепления, отщепы, вторичная обработка небольшими сколами и неразвитой ретушью, преобладают орудия случайных форм. Выделены ранняя (АК-I) и поздняя (АК-II) индустрии (серии). Индустрия АК-I обнаружена в трех пунктах в низах нижней части четвертичной толщи, среди суглинка и щебня. Для нее характерно присутствие крупных орудий: ручное рубило с пяткой, пики-триэдры с обработкой острия, продолговатая пика с грубой обработкой боковых краев, техника скалывания брусковидных отщепов ударами поперек плитчатых заготовок. Индустрия АК-II получена в двух пунктах в основании верхней части толщи — в нижнем («батпакском») педокомплексе, предположительно, нижнего — начала среднего плейстоцена. Здесь наблюдается уменьшение размеров орудий, отсутствие техники скалывания брусковидных отщепов.

Батпакский комплекс (БК) — локальная фацция мустье региона, характеризуется развитой техникой расщепления, включающей незначительный компонент леваллуа; орудиями из отщепов, среди которых редки скребла и вообще регулярная чешуйчатая ретушь; отсутствием мустьерских и леваллуазских остроконечников, лимасов; наличием орудий с выступающими, клювовидных, зубчато-выемчатых, скребков, резцов и проми, частым расщеплением заготовок. Характерно отсутствие двухстороннеобработанных изделий. Предметы изготовлены из кремневого туфа девона. БК получен в раскопе памятника Батпак 7 в переотложенном состоянии в сопровождении богатой фауны крупных млекопитающих верхнепалеолитического комплекса (доминируют непаринокопытные — лошадь, кулан, осел, много мамонта позднего типа, шерстистого носорога, зубра, есть верблюды, сайга, благородный олень, хищник) в средней части пачки отложений, выполняющей русло палео-Батпака, на месте разрушенной древним протоком охотничьей стоянки мустьерцев. Возраст комплекса определен на основании литостратиграфии, криотекстур как первая половина каргинского сложного межстадиала сибирской схемы (до коношельского похолодания 45—35 тыс. лет).

Вторым объектом, на котором проведены рекогносцировочные раскопки, является крупное многослойное поселение Ангренсор 2 возле Экибастуза. Здесь из двух траншей, вскрывших толщу делювиально-пролювиальных суглинков верхнего плейстоцена, которые выполняют русло, получены разрозненные артефакты мустье и раннего позднего палеолита — из нижней пачки, и более многочисленные материалы заключительной поры позднего палеолита — из верхней пачки суглинков. Последние выделены в особый комплекс.

Ангренсорский комплекс — локальная фацция позднего палеолита региона, представлен индустриями на яшмо-кварцитах, кварцитах, ординарными для сибирско-монгольской провинции: клиновидные и торцевые нуклеусы, пластины и ножевидные пластинки, скребки, резцы, проколки, скребла с регулярной чешуйчатой ретушью, макроорудия; бифасные орудия отсутствуют. Две жилые площадки с многочисленным подобного рода кремнем, следами очагов, обломками костей жи-

вотных (осел, хищник), принадлежавшими кратковременным охотничьим лагерям, зафиксированы в средней части верхней пачки суглинистой толщи.

Обживание человеком площадок происходило во время относительного увлажнения и потепления, врез и заполнения русла грубообломочным материалом, которое, исходя из литологических данных, общей стратиграфической ситуации, видимо, следует связывать с внутрисарта́нским потеплением сибирской схемы, имевшим место 17—16 тыс. л. н. (потепление Ляско западноевропейской схемы).

Стратиграфически выше площадок, в верхней части верхней пачки, залегает плотный суглинисто-щебнистый карбонатный горизонт, отмечающий фазу постепенного затухания и полного прекращения стока, заполнения русла терригенным материалом, имевшую место во время крайней аридизации, формирования грядного рельефа на юге Западной Сибири, происходящих, по И. А. Волкову, 16—14 тыс. л. н. Из этого горизонта получен относительно многочисленный и разнообразный материал, включающий, с одной стороны, уже вполне совершенные клиновидные и торцевые нуклеусы с правильным ножевидным ограничением, резцы, скребки из отщепов; с другой, — массивные скребла с интенсивной и крупной ретушью, дисковидные нуклеусы, отщепы мустьероидного облика, т. е. все, что на площадках отсутствует и что, вероятно, частично переотложено из более древних слоев.

Верхняя пачка Ангренсора 2 венчается горизонтом коричневатого тяжелого суглинка, который, по нашей схеме, формировался в условиях некоторого увлажнения, в сложный период 14—10 тыс. л. н. Материал из горизонта не образует скоплений, площадок и типологически очень разнообразен: нуклеусы для отщепов, в том числе площадочные с элементом приготовления, отщепы мустьероидного облика с гладкими площадками, широкие пластины, скребла боковые и угловатые с тщательной чешуйчатой ретушью, грубые орудия из отщепов (зубчатые, выемчатые, с вентральной крупной ретушью), заготовка клиновидного нуклеуса, фрагменты и сечения нож. пластинок, микропластинки, целые пластинки с притупленным ретушью торцом, ретушированные острия из пластинок, резцы на углу фрагментов пластинок, в том числе двойные-тройные, резцы из отщепов, скребки из отщепов. В плей-

стоценовую толщу последовательно вложены две пачки голоценовых отложений с индустрией иного рода, включающей двухстороннеобработанные изделия.

Три стратиграфических подразделения внутри позднеарханского палеолита Ангренсора 2 демонстрируют отчетливую варибельность индустрий, вектор которой снизу вверх идет по направлению, с одной стороны, развития техники снятия ножевидных пластинок, клиновидных и торцевых нуклеусов, совершенства пластинок, их сечений, орудий позднепалеолитической группы; с другой, — постепенного возрастания значения арханского элемента; отщепной техники, макроорудий, мустьероидных форм орудий. С чем это связано — с особенной логикой развития ангренсорского комплекса, проходящего несколько этапов, или вообще с гетерогенностью позднего палеолита в районе, на поздних стадиях которого происходит симбиоз разнородных комплексов, одним из которых является ангренсорский комплекс, в чистом виде представленный описанными выше площадками, — вопрос этот, являющийся, по существу, вопросом о более конкретном содержании ангренсорского комплекса, остается открытым.

Третьим объектом, на котором работы только начались, является группа крупных местонахождений палеолита в г. Экибастузе. В Экибастузе 15 нижний культурный горизонт, залегающий на аллювиальном песке древнего русла, дал материал, аналогичный ангренсорскому комплексу в его широком смысле; верхний горизонт, отдаленный от нижнего стерильным слоем коричневатого-бурого суглинка, приурочен к основанию гумусового горизонта, т. е. относится к голоцену.

Верхний горизонт выделен в **Экибастузский комплекс**: локальная фацис эпипалеолита региона, представлен макроиндустрией из кварцита: ашело-мустьерский традиционализм, выразившийся в арханской технике расщепления, дисковидных, леваллуазских нуклеусах и сколах-заготовках, мустьероидных скреблах, остроконечниках, зубчато-выемчатых, клювовидных орудиях, обилии плоских листовидных, овальных бифасов; элементы позднего палеолита — клиновидные нуклеусы и пластины, скребки, резцы, долотовидные орудия, сеченные орудия, остря, проколки; характерны также отдельные обломки двухстороннеобработанных листовидных наконечников стрел.

Исмагулова А. О.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕРЕП ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Рассматриваемый череп происходит из могильника Черновая II в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области, раскопанного в 1986 г. археологическим отрядом КазГУ им. С. М. Кирова под руководством А. М. Оразбаева. В кургане 2 этого могильника были обнаружены череп и посткраниальный скелет средней сохранности, принадлежащие мужчине зрелого возраста (35—40 лет). Автором раскопок захоронение датируется III тыс. до н. э., т. е. энеолитом. Принимая во внимание крайнюю редкость палеоантропологических находок этого времени на территории Казахстана и несмотря на невозможность провести какой-либо статистический анализ из-за единичности материала, представляется необходимым хотя бы методом индивидуальной характеристики и сопоставления рассмотреть его краниометрические особенности.

Черепная коробка характеризуется очень большим продольным и средним поперечным диаметрами эллипсоидной формы, по черепному указателю долихокрания, по высотноподолному и высотнопоперечному указателям хаме-и метриокрания. Лоб по абсолютным размерам относительно среднеширокий, слабонаклонный. Затылок широкий, но округлый. Рельеф черепной коробки среднеразвит. Затылочный бугор умеренный, сосцевидные отростки крупные, угловатые, надбровье довольно массивное.

Лицевой скелет большой ширины, средней высоты (по указателю мезен), сильно уплощенный в верхней части и резко профилированный в средней, по указателю выступа лица, общепрофильному углом ортогнатный. Нос средневысокий, широкий, по указателю платиринный, сильно выступающий, переносье по симметрическому указателю очень высокое. Орбиты низкие и очень широкие, хамеоконные, прямоугольные по форме. Небо широкое. Нижняя челюсть довольно массивная, с большими продольными размерами и средними широтными, ее ветви очень высокие, широкие и слабонаклонные. Подбородок выступает слабо.

Основные краниометрические показатели этого черепа следующие (размеры в мм, углы в градусах, нумерация по Мартину):

1. Продольный диаметр — 193.
8. Поперечный диаметр — 139.
20. Высотный диаметр (порион-брегма) — 119.
5. Длина основания черепа — 111(?).
9. Наименьшая ширина лба — 98.
10. Наибольшая ширина лба — 119.
32. Угол профиля лба (от назиона) — 88.
- Общий вид сверху — эллипсоидный.
- Надбровье (1—6 по Мартину) — 4,5.
- Сосцевидный отросток (1—3) — 3.
- 8:1 Черепной указатель — 72,0(?).
40. Длина основания лица — 112(?).
45. Скуловая ширина — 138.
47. Полная высота лица — 115.
48. Верхняя высота лица — 70.
50. Максиллофронтальная хорда — 20.
51. Ширина орбиты (mf) — 47.
- 51a. Ширина орбиты (d) — 42.
52. Высота орбиты — 31.
54. Ширина носа — 27.
55. Высота носа — 52.
63. Ширина неба — 41.
- 43(1). Биорбитальная ширина — 103,0.
- Высота назиона над биорбитальной шириной — 16,1.
- Зигомаксиллярная ширина — 98,0.
- Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной — 28,3.
- Дакриальная ширина — 24,0.
- Дакриальная высота — 13,0.
- Симметрическая ширина — 6,8.
- Симметрическая высота — 5,2.
72. Угол профиля лица общий — 89,

73. Угол профиля средней части лица — 87.
75. Угол носовых костей к горизонтали — 53(?).
- 75(1) Угол носовых костей к линии профиля — 36(?).
77. Назомалярный угол — 145,6.
- Зигомаксиллярный угол — 119,7.
65. Мыщелковая ширина — 122(?).
66. Бигонимальная ширина — 102,0.
68. Длина нижней челюсти от углов — 88.
- 68(1) Длина нижней челюсти от мыщелков — 109.
70. Высота ветви нижней челюсти — 77(n).
79. Угол ветви нижней челюсти — 110.
- ∠C' Угол выступания подбородка — 61.

Сопоставление вышеприведенных данных с измерениями черепов с территории Казахстана показывает морфологическую близость изученного нами черепа с отдельными синхронными находками из Усть-Нарыма (Гинзбург, 1956) в Восточном Казахстане и Железинки (Гинзбург, 1963) в Павлодарской области. Отличие черепа из могильника Черновая II от двух сравниваемых с ним состоит в особенностях горизонтальной профилировки (большой назомалярный и очень малый зигомаксиллярный углы, а также относительно высокое переносье), лоб более широкий и менее наклонный, орбиты более низкие и широкие, нос более выступающий.

Череп из энеолитического поселения Ботай (Рыкушина, Зайберт, 1984) в Северном Казахстане значительно отличаются от описанного нами по многим таксономически ценным параметрам.

Рассмотрение морфологических особенностей изученного нами черепа и данных по синхронным краниологическим сериям сопредельных территорий позволяет сделать предварительный вывод о большой степени сходства с афанасьевцами Алтая (Алексеев, 1961). Характер отличий аналогичен вышеописанному с черепами из Усть-Нарыма и Железинки.

Можно ли морфологические особенности черепа из Черновой II отнести на счет индивидуальной изменчивости или они отражают характерные типологические черты энеолитического населения, оставившего этот могильник, определить пока невозможно. Для достаточного обоснования характерных физи-

ческих черт древних насельников необходимо дальнейшее накопление палеоантропологических материалов эпох неолита и энеолита с территории как данного региона, так и Казахстана в целом.

Логвин В. Н., Калиева С. С., Гайдученко Л. Л.
**О НОМАДИЗМЕ В СТЕПЯХ КАЗАХСТАНА В III ТЫС.
ДО Н. Э.**

Историю кочевого скотоводства в степях Казахстана традиционно принято начинать с рубежа II и I тыс. до н. э. В последние годы в процессе изучения энеолитических памятников терсекского типа были получены факты, позволяющие поставить вопрос о кочевом хозяйстве в III тыс. до н. э. Особенно ценную в этом отношении информацию дали два южнотургайских поселения Кожай I и Кумкешу I.

На обоих памятниках получены большие коллекции костей животных. На Кумкешу I найдено 2391 определяемая кость. Основные виды животных представлены лошадей (43,7%), куланом (1,6%), быком (51,6%) и сайгой (1,6%). На Кожай I таких костей более 70 тыс. Наиболее важные, с экономической точки зрения, животные те же, что и на Кумкешу I: лошадь (66,1%), кулан (9,4%), бык (2,1%), сайга (21,8%).

Поскольку пока неизвестны признаки, позволяющие отличать кости домашних лошадей от диких, при анализе остеологической коллекции основное внимание мы уделили костям быка. Результаты этой работы убедили нас в том, что на обоих памятниках найдены кости домашнего быка. И дело здесь даже не в размерных характеристиках костей, которые как всегда трансгрессируют как с современным крупным рогатым скотом, так и с туром, дело в том, что на наших поселениях скот был комолый.

По данным В. И. Цалкина, в коллекциях скифского времени тех мест, где разводили комолый скот, стержни рогов составляют от 0,23 до 0,88% (в среднем 0,55%) всех костных

остатков (Цалкин В. И., 1966, с. 12). На Кожай I они отсутствуют, а на Кумкешу I этот показатель составляет не более 0,16%. Случайность здесь, видимо, исключена, так как на Кумкешу I найдено 16, а на Кожай I — 174 стержня рогов сайги.

В пользу того, что и лошадь на этих поселениях была домашней, свидетельствуют: 1) большое число ее костных остатков; 2) наличие домашнего быка; 3) широкое распространение в этот период домашней лошади в степях Восточной Европы (Шиллов В. П., 1973, 2, с. 5—16).

Поскольку данных о земледелии и рыболовстве как более или менее экономически значимых видах хозяйства нет, а охота составляла от 4% (Кумкешу I) до 11% (Кожай I) мясной пищи, то становится вполне очевидной роль скотоводства как основы хозяйства терсекского поселения.

Мы также пришли к выводу, что оба поселения функционировали лишь в теплый период года. В пользу этого свидетельствует целый ряд фактов: 1. Жилища реконструируются как полужемлянки, наземная часть которых представляла собой плетеный из тальника каркас, накрывавшийся, скорее всего, шкурами. 2. Очаги и зольники маломощные. При зимнем обитании в жилищах описанной конструкции огонь необходимо поддерживать постоянно, что нашло бы адекватное отражение в отложениях зольников. 3. В остеологических коллекциях присутствуют кости видов, обитавших в этих местах только летом: сайги и кулана (на обоих памятниках), лебедя, журавля, серого гуся, чирка, болотного луня (Кожай I). Сурок и лягушка, кости которых также найдены на Кожай I, хотя и не являются мигрирующими видами, зимой залегают в спячку. 4. Анализ ростовых слоев цемента на зубах животных (Кожай I — 26 образцов, Кумкешу I — 17 образцов) показал, что все животные забиты в теплый (весна, лето, осень) период года (методика изложена в работе Г. А. Клевезаль (Клевезаль Г. А., 1988)). 5. Сопоставление споропыльцевой диаграммы отложений Кожай I с его геоморфологической позицией показало, что люди и сопровождающие их животные появились на поселении после того, как отцветал тальник. Приведенные факты, большей частью независимые друг от друга, свидетельствуют об одном — Кумкешу I и Кожай I являются сезонными летними поселениями.

Таким образом, фиксируются два важнейших момента из жизни энеолитического населения степей Казахстана — скотоводческий в своей основе характер экономики и существование сезонных поселений. Они, пожалуй, не оставляют сомнений в том, что мы имеем дело с кочевничеством, под которым, вслед за А. М. Хазановым, нами понимается «особый род производящего экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки» (Хазанов А. М., 1977). Наши материалы полностью соответствуют этому определению. Предположение об отгонном скотоводстве исключается. Размеры жилищ и большая насыщенность культурного слоя находками (на Кожая I порядка 300 находок на 1 кв. м) показывают, что поселения были достаточно многочисленны. Отсюда следует, что население, оставившее наши памятники, вело кочевой образ жизни, скорее всего в его полукочевом варианте.

Такой вывод естественным образом ставит на повестку дня вопрос о кочевых путях. Проблема эта для своего решения, безусловно, потребует длительного времени и усилий многих исследователей, однако первую прикидку можно попытаться сделать уже сейчас. В этом отношении обращает на себя внимание изучавшееся нами ранее поселение Солёное Озеро I. Оно расположено в северной части Тургайского прогиба в типичных для зимовок северных казахов XIX—начала XX вв. условиях: на краю бора, вблизи озера со значительными участками тростниковых зарослей. Столбовая конструкция жилищ допускает сооружение более тяжелой, чем в Кумкешу и Кожая, кровли, скажем, с использованием толстых камышитовых матов и соснового лапника. Три довольно мощных линзы песка, насыщенного мельчайшими углистыми включениями, обнаруженные в заполнении придонной части жилищ, предполагают интенсивное использование огня. В остеологической коллекции отсутствуют кости сугубо летних представителей фауны. Все это предопределяет большую вероятность предположения о том, что Солёное Озеро I является сезонным, зимним поселением. Если это так, то оно документирует наличие в III тыс. до н. э. в Тургайском прогибе варианта местных перекочевок, когда летние и зимние пастбища расположены практически в одном регионе.

Кожай I как будто указывает на другое направление кочевых путей. В его коллекции имеются не характерные для Северного Казахстана сосуды, у которых наиболее раздута нижняя половина тулова. Нечто подобное известно пока только на разветвленных стоянках Среднеазиатского междуречья (Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., 1975). Часть элементов орнамента, например, круги и змейки, также вызывают южные реминисценции. Результаты спектрального анализа единственного медного предмета из Кожая I, по мнению Е. Н. Черных, тоже ориентируют на юг.

Отсюда следует, что зимние поселения и пастбища обитателей Кожая I, возможно, находились на юге, вполне вероятно, в районе Сырдарьи. Не исключено, что перекочевка осуществлялась вдоль реки Сарысу, верховья которой подходят достаточно близко к Кожая. Косвенно на присущие кожаяцам перекочевки на большие расстояния указывает малый удельный вес в их стаде крупного рогатого скота, кости которого на Кожая составляют чуть более 3% всех костей лошади и быка.

Таким образом, существует вероятность того, что в III тыс. до н. э. на территории Тургайского прогиба практиковались пути кочевий и распределение пастбищ, в принципе сопоставимые с зафиксированными здесь в исторический период (Фиельсбург Ф., 1927).

Таймагамбетов Ж. К.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Одной из важнейших проблем археологии Казахстана является изучение древнейшей истории республики и, прежде всего, эпохи древнекаменного века. В этом отношении немалый интерес представляет Центрально-Казахстанский регион, где за последние годы обнаружены многочисленные палеолитические памятники, датируемые ашельскими, мустьерскими и позднепалеолитическими временами.

Изучение памятников древнекаменного века на территории Центрального Казахстана связано с созданием в 1945 г. Центрально-Казахстанской археологической экспедиции ИИАЭ АН Казахской ССР под руководством А. Х. Маргула-

на. Ею были открыты десятки стоянок и местонахождений палеолита на берегах рек Сарысу и Жидели (Маргулан А. Х., 1947).

Работы в Центральном Казахстане, начатые М. Н. Клапчуком и А. Г. Медоевым, продолжены в настоящее время В. С. Волошиным. Им обнаружены десятки местонахождений и стоянок эпохи палеолита. Наибольший интерес представляет стоянка Винниевка, содержащая два культурных слоя (Волошин В. С., 1983).

В 1984 г. палеолитическим отрядом ЦКАЭ ИИАЭ АН Казахской ССР под руководством автора обнаружены стоянки Огиз-тау I и II. Памятники сосредоточены на территории Агадырского района Джезказганской области и находятся в 10—11 км к северо-востоку от 5 отделения совхоза им. Мынбаева. Каменные изделия палеолитического облика были выявлены у родника, находящегося у подножия восточного склона горы Огиз-тау.

Среди 252 артефактов стоянки Огиз-тау I выделено 43 нуклеуса. Из них: 13 дисковидного, 13 подпризматического, 17 бессистемного скалывания. В числе дисковидных нуклеусов имеются 7 экземпляров с двусторонней и 6 с односторонней обработкой. Также и среди подпризматических нуклеусов выделены 7 экземпляров, имеющих две площадки и 6 одноплощадочных. Некоторые из них с фасетированными площадками. В числе бессистемных нуклеусов есть экземпляры, которые использовались вторично, т. е. наряду со «свежими» негативами, есть негативы и с патинизированной поверхностью. Что касается обломков нуклеусов и заготовок, то их выявлено 18 шт. Из них наибольший интерес представляет обломок дисковидного нуклеуса двусторонней обработки, поскольку на сохранившейся грани имеются характерные для рубящего орудия выщербины и забитости.

Допускаем возможность, что нуклеус вторично использовался как орудие и сломан был в процессе работы. Почти все нуклеусы и их обломки имеют в различной степени и сохранности желвачную корку и кливаж. Последнее объясняется внутренней структурой сырьевого материала — кварцита серовато-желтого цвета.

Отщепов — 114 экземпляров. Все они вторичного расщепления, и многие из них сохраняют местами желвачную

корку. 51 отщеп имеет ярко выраженные ударные бугорки, а 49 экземпляров гладкие и 17 фасетированные площадки. 5 отщепов имеют сильно патинизированную (рыжеватую) поверхность, что говорит, возможно, о их принадлежности к более раннему периоду, чем остальные каменные изделия.

Пластинчатых отщепов выделено 18 штук, которые также вторичного расщепления. 8 из них сохраняют довольно крупные ударные бугорки, 3 — гладкие площадки и 1 отщеп — фасетированную площадку. Некоторые из отщепов использовались в работе, о чем говорят характерные выщербины на боковых гранях.

Среди орудий на стоянке Огиз-тау I выделены следующие типы: скребла, скребки, бифасы, острия, чопперовидные и чоппинговидные, а также выемчатые.

Чоппинговидных — 4 экземпляра. Изготовлены на плитчатом кварците. Только один из них, вероятнее всего, изготовлен на двухплощадочном нуклеусе после истощения одной из его площадок.

Чопперовидных — 3 экземпляра. Также как и предыдущие орудия, изготовлены на плитчатом кварците. Отметим, что сырьевой материал одного из чопперов использовался ранее, т. е. на поверхности орудия наряду со «свежими» негативами присутствуют и «старые», с глубокой патиной.

Бифасов — 2 экземпляра. Одно из орудий с «носиком», которое дополнительно подработано с одной из сторон.

Скребел — 21 экземпляр. Из них: 19 изготовлены из отщепов и на 2 пластинках вторичного скалывания. Одно из орудий на отщепе, кроме ретуши со стороны спинки имеет подработку и с брюшка. Скребла на пластинках имеют трехгранную и четырехгранную форму в сечении.

Скребков — 14 экземпляров. Из них: 5 изготовлены на отщепов и 9 — на пластинках. Имеют ретушь на одной или двух боковых гранях, сплошного или же эпизодического характера. Отметим, что один из скребков изготовлен на отщепе первичного расщепления, треугольного в сечении и имеющего ретушь не на спинке, а на брюшке.

Выемчатых орудий — 10 экземпляров. Из них 8 изготовлены на отщепов и 2 — на пластинчатом отщепе. Некоторые из орудий, также как скребла и скребки, сохраняют местами

желвачную корку, ударные бугорки и гладкие ударные площадки. Выемки на орудиях различных размеров, отметим, что у 6 из них они ретушированы.

Острия — 3 экземпляра. Все изготовлены на отщепе вторичного расщепления, и 2 орудия имеют ретушированный дистальный конец.

Подобные типы вышеуказанных орудий встречены и на другой кратковременной стоянке — Огиз-тау II, находящейся в 600 м к северу от первой. В отличие от Огиз-тау I данная стоянка располагается не у родника, а на небольшой возвышенности. Да и по количеству обнаруженных артефактов она уступает первой стоянке. На Огиз-тау II обнаружено 79 каменных изделий, среди которых 11 нуклеусов. Из них: 6 дисковидных с двусторонней и 1 нуклеус с односторонней обработкой. Для нуклеуса подпризматического характера односторонней обработки в качестве сырья послужила кварцитовая плитка и для ударной площадки использовалась одна из гладких торцовых поверхностей. Очевидно, была попытка снять длинные пластины, но из-за структуры сырьевого материала волна удара, достигнув трещины, уходила по ней. Вследствие этого негативы скалывания достигают только до середины нуклеуса.

Отщепов выделено 28 экземпляров, среди которых 8 экземпляров со следами стилизации и 5 пластин.

К орудиям отнесены 6 пластин с ретушью, 6 выемчатых орудий на отщепе и 1 — на пластине, бифасов — 3, чоперовидных — 2, чоплинговидных — 1 и 1 скребло изготовлено на нуклевидном сколе.

Наличие на стоянках Огиз-тау I и II дисковидных нуклеусов совместно с протопризматическими, а также отщепов треугольных форм с пластинами с симметричными краями и гладкой ударной площадкой говорит уже о наступающих приемах в технике обработки камня, что позволяет относить коллекции стоянок к раннему мустьерскому времени, а, возможно, и к ашельской эпохе. Дальнейшие исследования на прилегающей к стоянкам территории и выявление новых памятников позволяют нам внести некоторые коррективы в датировку и определить точное место памятников Огиз-тау I и II среди других стоянок Центрального Казахстана. Несмотря на то, что каменные изделия Огиз-тау I и II подъемного характе-

ра, они все-таки позволяют нам в какой-то мере коснуться решения некоторых спорных вопросов древнекаменного века на конкретном материале.

Следует отметить, что не только материалы Огиз-тау, но и артефакты других памятников палеолита региона находятся на поверхности почвы и в первоначальном залегании, за исключением нескольких стоянок. Как пишет А. Г. Медоев: «Это явление обусловлено незначительными масштабами денудации и аккумуляции на территории Сары-Арка в антропогенное время» (Медоев А. Г., 1965, с. 77).

Территория Центрального Казахстана, где за последние годы выявлены разновременные палеолитические памятники, может считаться одним из перспективных районов в отношении изучения древнекаменного века Казахстана.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Арсланова, Ф. Х., Куш Г. А.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ЭПОХЕ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Последние поступления в фонды Восточно-Казахстанского областного музея значительно дополнили коллекцию материалов эпохи бронзы. В 1982 г. во время прокладки водопровода на ул. Вокзальной в г. Усть-Каменогорске строители обнаружили погребение эпохи бронзы. На месте находки нами было зафиксировано погребение человека, произведенное в овальной могильной яме (160×80 см, глубина 158 см), ориентированной длинной осью с северо-востока на юго-запад. По положению костей ног, сохранившихся в непотревоженном виде, установлено, что похороненный здесь человек был положен скорченно на левом боку, головой на юго-запад. При нем в изголовье найдены бронзовые украшения и раздавленный глиняный сосуд баночной формы. По его фрагментам удалось установить размеры: высота 19 см, диаметр венчика 21 см, дна — 12—13 см. Сосуд изготовлен с примесью дресвы, обжиг костровый, тесто в изломе трехслойное — серого, черного и коричневого цвета. Верхняя половина банки покрыта елочным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом.

Из числа украшений собрано сто бронзовых бус боченковидной формы, две бронзовые с раструбом серьги (диаметр кольца 3,6 см, раструба 1,0×1,2 и 1,3×1,1 см), десять умбоновидных нашивок с пуссонным орнаментом по краю основания четырех экземпляров (остальные без узора), а также остатки завязанных на узел кожаных ремешков шириной 20—30 мм, толщиной 10 мм. По составу инвентаря погребение, по видимому, принадлежало знатной женщине и совершено в

последней четверти II — начале I тыс. до н. э. На эту дату указывают аналогии бронзовым изделиям из Зевакинского могильника (Ф. Х. Арсланова) и могильника Малый Койтас (В. И. Каменский).

Второе погребение — совместное, мужчины и женщины, — было также обнаружено в 1982 г. на месте закладки фундамента дома в дачном поселке у с. Кожухово Глубоковского района. В ходе обследования нами раскопаны здесь два захоронения, положенные на разных уровнях лицом друг к другу. Погребение женщины совершено на глубине 60—80 см. Она лежала на левом боку, головой на юго-запад. При ней было около 30 пастовых бус (сохранились лишь 18) и фрагменты бронзовой иглы. Мужчина положен скорченно на правом боку, левая рука вытянута, вещей нет. Возможно, что это парное погребение являлось своеобразной семейной усыпальницей для мужа и жены.

Открытые захоронения в г. Усть-Каменогорске и его пригороде дают основание говорить о существовании ряда поселков андроновских племен в черте современной городской застройки. Это подтверждается и фрагментами андроновской керамики, обнаруженными в разные годы на территории Панкратьевского сада (г. Усть-Каменогорск).

Таким образом, из двух погребений (женщины и семейной пары) получен достаточно разнообразный и богатый набор украшений, бытовавших одновременно как в Центральном, так и в Восточном Казахстане. Очевидно, это было обусловлено единством покроя одежды, стиля предметов прикладного искусства и украшений.

К следующему хронологическому периоду относятся индивидуальные случайные находки из разных районов Восточно-Казахстанской области. Особый интерес из этих находок представляет бронзовый книжал, обнаруженный учащимися в районе джунгарской крепости Аблайинкит (Уланский район) и переданный в школьный музей с. Украинка Таврического района, откуда и поступил в фонды областного музея. Книжал имеет удлиненно-листовидный с ребром посередине клинок, плавно переходящий в рукоять с навершием в виде фигурки горного барана. Рукоять полая, овальная в сечении с тремя отверстиями на лицевой стороне; с обратной стороны обозначены рельефные линии, имитирующие обмотку. Длина

кинжала 34,4 см, лезвия — 24 см, наибольшая ширина — 3,8 см, сечение вытянуто-ромбовидное. Диаметр отверстий на рукояти 0,9×0,8 см, верхнее 0,9×0,9 см. Ширина рукояти у навершия 2,7 см, в середине 1,8 см, у перехода в лезвие — 2,1 см. На объемной литой фигурке горного барана показаны закрученные в кольцо рога, передние и задние ноги изображены с характерным наклоном, передающим динамичную позу готовящегося к прыжку животного.

Ближайшей аналогией являются два кинжала, имеющие разительное сходство как по форме клинка, так и по стилю зооморфного изображения, происходящие из второго Каракольского клада Киргизии. Различие только в размерах. Авторы (Д. Ф. Винник, Е. Е. Кузьмина) подробно исследовали близкие варианты изделий из ряда соседних территорий, на основании чего датируют комплекс аналогичных кинжалов началом I тыс. до н. э. При этом они считают, что центр бронзолитейного производства Сейминско-Турбинского типа предметов размещен в ареале Казахстанского Прииртышья, Семиречья и Алтая. В то же время В. И. Матюшенко, интерпретируя материалы могильника Ростовка близ Омска, делает вывод о том, что бронзолитейный центр находился на среднем Иртыше. Причем сырьевая база, по его мнению, располагалась в Верхнем Прииртышье. К сожалению, неравномерное изучение территории Восточного Казахстана затрудняет окончательное решение этой проблемы.

Накопленные к настоящему времени материалы из Казахстанского Прииртышья позволяют проследить устойчивые формы изделий с характерными узорами на рукоятях ножей, кинжалов, поверхности кельтов, близкие к предметам сейминско-турбинской культурной общности, и, наряду с этим, наметить местные традиционные черты на разных этапах эволюции бронзолитейных форм в рамках всего бронзового века.

Можно с уверенностью сказать, что в степном Прииртышье уже в XII—VIII вв. до н. э. успешно владели основными приемами бронзолитейного производства, о чем убедительно свидетельствуют высокохудожественные изделия местных мастеров. Дополнительным подтверждением этому является половинка каменной литейной формы, найденная на берегу Бухтарминского моря в Самарском районе (у Казнаковской переправы). Она была предназначена для отливки умбоно-

видной бляшки и наконечника стрелы с листовидным пером, поверхность которого покрыта узором в виде четырехугольника с вписанной крестообразной фигурой. В верхней и нижней частях пера нанесены по четыре горизонтальные линии. Прямых аналогий орнаменту не найдено, что же касается формы пера, то она типична для наконечников стрел малокрасноярского типа, датированных XII—IX вв. до н. э.

Из этого же района происходит и бронзовый нож с узким лезвием без видимого перехода к рукояти. Подобные ножи относят к финальной бронзе XI—IX вв. до н. э. (М. Ф. Обыденков). Незначительная изогнутость спинки, отсутствие характерного признака, отмечающего переход от лезвия к рукояти, позволяет данный образец отнести к XI—IX вв. до н. э. Такая форма предшествовала ножам VIII—VII вв. до н. э. с выраженным лезвием и навершенем грибовидной или брусковидной формы.

Итак, рассмотренные материалы дают дополнительные сведения, касающиеся эпохи бронзы степного Прииртышья, позволяют уточнить отдельные спорные вопросы датировки некоторых изделий. При этом новые материалы являются также еще одним свидетельством тесного взаимодействия восточнопказахстанских племен андроновской культуры с населением соседних металлургических центров.

Дэвлет М. А.

ИЗОБРАЖЕНИЯ МАТЕРЕЙ-РОДОНАЧАЛЬНИЦ НА СКАЛАХ БИЖИКТИГ-ХАЯ БЛИЗ КЫЗЫЛ-МАЖАЛЫКА В ТУВЕ

На скалах Бижиктиг-Хая на правом берегу р. Хемчик недалеко от пос. Кызыл-Мажалык запечатлена серия изображений женщин в длинных колоколовидно расширяющихся юбках с воздетыми к небу руками или же держащих на привязи быков. Их пышные одеяния тщательно проработаны. Элементы одежды обозначены не только по контуру, но и внутри него. Горизонтальные и вертикальные линии внутреннего заполнения фигур в случае пересечения образуют узор в виде клеток. Колоколовидные юбки можно рассматривать как

71

маркеры женских образов в отличие от мужских, фаллических. В эпоху бронзы элементы одежды изображались в искусстве петроглифов очень редко, лишь в исключительных случаях. Очевидно, разработка деталей пышного костюма была для древнего художника семантически значима.

Аналогии, уводящие на запад, территориально далеки, но исключительно выразительны. Мифологический образ женщины в ритуальной одежде на Древнем Востоке появился еще в глубокой древности и нашел отражение не только в наскальных изображениях, но и в других памятниках искусства. В древневосточном искусстве в иконографии богини-матери вошли поднятые в позу оранты руки, а также широкая конусовидная юбка, украшенная клетчатым узором. Подобные изображения приобрели характер канона.

Существенно важно отметить, что на Древнем Востоке фигуры богинь-матерей в характерной позе оранты с воздетыми вверх руками сопровождаются не только изображениями быков, но и змей. На скалах Бижикинг-Хая имеются также фигуры женщин в длинных одеяниях с какими-то длинными узкими предметами в руках, может быть, это именно змей, тем более, что местность, в которой располагаются скалы Бижикинг-Хая, носит название «Могой», что в переводе с монгольского означает «змей». Легенды, в которых образы змей и женщины встречаются совместно, бытуют на Алтае до наших дней.

Другую линию аналогий тувинским изображениям матерей-родоначальниц можно наметить среди петроглифов Алтая и Монголии. В странных трехпалых фигурах бывает трудно угадать антропоморфный образ, полосатая одежда также трудно распознаваема.

Сходство иконографии матери-родоначальницы в различных регионах объясняется, вероятно, общностью древнейших мифологических воззрений. Необходимо, разумеется, учитывать, что приведенные аналогии относятся к разным культурно-хронологическим пластам и привлекались часто из очень отдаленных от Тувы территорий. Изображения женщины с быками с территории Саяно-Алтая являются, по всей вероятности, хронологически наиболее поздними в цепи аналогий.

Ермолаева А. С.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Появление новых точек зрения на эпоху бронзы и пересмотр периодизации андроновской культуры выдвинул в ряд особо актуальных для Восточно-Казахстанского региона задачу углубленного и целенаправленного изучения памятников эпохи бронзы. В целом для всего региона относительная и абсолютная датировка памятников эпохи бронзы, проблема культурной их принадлежности остались на уровне 60-х годов. На данном этапе необходимо произвести анализ материалов, накопленных в прежние годы, на качественно новом источниковом уровне.

На материалах последних лет делается попытка выделить общее и особенное в культурах племен эпохи бронзы и произвести периодизацию памятников этого периода (Ермолаева А. С., 1987).

Памятники периода ранней бронзы на территории Восточного Казахстана практически не выявлены. Периодизация эпохи бронзы начинается с федоровских памятников, имеющих свою специфику развития в этом регионе. Среди андроновских проблем федоровская признается наиболее сложной и запутанной. И для Восточного Казахстана остается проблемной периодизация федоровских комплексов, время появления их создателей на этой территории, генетическое родство и дальнейшая трансформация.

Выразительными памятниками федоровского типа на левобережье Иртыша являются могильники Средняя база Беткудук, Джартас, Белокаменка. В надмогильных сооружениях преобладают круглые ограды из камней и плит, положенных плашмя или врытых вертикально, содержащих внутри каменные ящики, реже комбинированные камеры, цисты, грунтовые ямы. Погребенные в них лежат скорченно на левом боку, головой на запад, с отклонениями в ту или иную сторону. При сравнении их с федоровскими погребениями правобережного Зевакинского могильника выявляется значительное сходство. Различия проявляются в преобладании в нем цист и положенных погребенных на правом боку.

В конструкции сооружений и обряде погребения проявляется значительное тяготение восточноказахстанских комплексов к западносибирским.

Почти во всех захоронениях присутствовала глиняная посуда федоровского (канайского, по Черникову С. С.) типа. Соответствия этой посуде как по форме, так и орнаменту имеются в аналогичных памятниках Сибири, Северного и Центрального Казахстана. Вероятная дата этих захоронений — XIII—XII вв. до н. э.

Более поздней является, видимо, ограда № 35, раскопанная на могильнике Малый Койтас. Расположенная обособленно на могильном поле, удаленная от основного скопления бронзовых комплексов, она отличалась видом наземной конструкции, очень напоминающей бегазы-дандыбаевские ограды Центрального Казахстана. Плиты длинной прямоугольной ограды возвышались до полуметра над уровнем современной дневной поверхности. Не характерно для федоровских оград и перекрытие из массивных плит до 2,6 м длиной. Из пяти каменных ящиков два имели квадратную и один подквадратную форму. Обряд погребения и глиняные сосуды были типично федоровские. На основании всех этих особенностей ограда № 35 отнесена к федоровским памятникам, но на более позднем этапе.

Для эпохи поздней бронзы наиболее сложной является культурная атрибуция памятников и она наименее выяснена в этом регионе. Требуется разработки и хронология. В какой-то степени этот период могут характеризовать два частично исследованных могильника Темир-Канка и Ковалевка. На материалах этих памятников отчетливо прослеживается линия развития предшествующей культурной традиции.

На могильнике Темир-Канка более ранние и более поздние захоронения в пределах одной эпохи выделяются планиграфически. Восточную и срединную часть могильника характеризуют простые по конструкции андроновские ограды с одиночными или парными захоронениями в грунтовых могилах. По мере приближения к западной окраине изменяется и усложняется конструкция сооружений. Появляются сооружения в виде системы пристроек и каменные ящики прямоугольной и подквадратной формы в сочетании с грунтовыми могилами. Завершает могильник цепочка курганов с невысокими насы-

пями, обставленными плитами, содержащими от двух до шести захоронений. Под одной из насыпей выявлена двойная ограда, в которой нашли отражение две разные традиции: андроновская — сооружение ограды из плит, врытых вертикально, и раннекочевническая — устройство кольца из галечника и гранита.

Положение и ориентировка погребенных во всех группах могильника аналогичны предшествующему федоровскому обряду захоронения. Практически полное отсутствие глиняной посуды в погребениях Темир-Канки и Ковалевки затрудняет определение их культурной принадлежности. Сохранение федоровских традиций в конструкции позднебронзовых сооружений и обряде погребения подтверждает преемственность этих памятников.

Из немногочисленного погребального инвентаря, уцелевшего при ограблении, в качестве датирующих могут быть использованы бронзовые наконечник стрелы и четырехгранное шило. Двулопастной наконечник стрелы с опущенными вниз концами типологически близок наконечникам со скрытой втулкой и слабо выделенным пером. Стрелы этого типа известны в материалах памятников Казахстана XIII—X вв. до н. э.

На территории Восточного Казахстана и Южного Приаралья они получают широкое распространение в X—VIII вв. до н. э. Наконечник из Темир-Канки отличается от всех известных подобной формы наличием опущенных ниже втулки лопастей (прототип наконечников с жальцами?). Оригинальна и форма шила, оканчивающегося завитком на верхнем конце. Шило с аналогичным оформлением известно в позднерубном погребении VIII—VII вв. до н. э. В могилах Темир-Канки и Ковалевки встречаются стекловидные бусы характерной формы и размеров — крупные боченковидные и подтреугольные, часто глазчатые. В памятниках предшествующего периода они не обнаружены.

Дата этих могильников определяется в пределах XI—IX вв. до н. э., для более поздней группы захоронений Темир-Канки — возможно, IX—VIII вв. до н. э.

Независимую линию развития, не связанную с местными предшествующими культурами, демонстрирует Измайловский погребальный комплекс XI—VII вв. до н. э. Этот комплекс является, видимо, результатом происходящих в позднебронзо-

вых культурах процессов интеграции и ассимиляции. Вещевой материал, в основном керамический, характеризуется сильной смешанностью. Причем она происходит как по «горизонтали», так и по «вертикали», взаимодействуют различные культурные сосуды не только одного хронологического периода, но и разных эпох. Так, сосуд тасмолинский по форме и технологии изготовления найден в захоронении вместе с сосудами тагискенскими и саргаринскими.

Керамический комплекс, насчитывающий 50 сосудов целых и во фрагментах, имеет широкий круг аналогий в степных, лесостепных и земледельческих памятниках поздней бронзы. Структурный анализ керамики показал высокий уровень развития гончарного производства и наличие разных гончарных традиций у создателей Измайловского погребального комплекса (Тепловодская Т. М., 1988).

Умерших хоронили в одиночных оградах, содержавших квадратные или подквадратные ящики из массивных плит и квадратные камеры. Погребенные лежали скорченно на правом боку, в ящиках — головой на запад, в камерах — на восток.

Конструкция сооружений наибольшее соответствие имеет в бегазы-дандыбаевских памятниках Центрального Казахстана. Влияние синхронных сибирских культур в Измайловке проявляется слабее, в отличие от правобережных могильников Зевакино и Когалы I. В Зевакинском комплексе обряд погребения сходен с карасукскими, а инвентарь из захоронений представлял собой южносибирские и алтайские типы.

Сложным и дискуссионным является факт нахождения в одной из оград Измайловского комплекса сбруйных наборов раннекочевнического типа. Детали сбруи характеризуются достаточной законченностью и не содержат исходных форм в развитии. Этот комплекс представляет собой совокупность артефактов, не отражающих процесс перехода от эпохи бронзы к раннему железу.

Решать проблемы преемственности и генезиса культур позднебронзовых и раннекочевнических необходимо на совокупности всего имеющегося материала по данному региону.

Карабаспакова К. М.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СЕМИРЕЧЬЯ

(По материалам могильника Арасан)

Констатация и определение степени близости археологических памятников имеет определенную научную ценность в плане изучения межэтнических контактов, культурных взаимосвязей, их стабильности и трансформации, генезиса культур.

В этой связи большую важность представляет материал могильника Арасан, расположенного в Талды-Курганской области, Капальском районе в 1 км к северу от поселка Арасан на высоком правом берегу реки Биен. Вскрыто 12 погребений, из которых 3 являются детскими захоронениями. Центральная часть могильника — это одна сплошная прямоугольная выкладка и три полукруглые кольцевые выкладки из валунов. Средняя из полукруглых выкладок имеет двойное кольцо. Под этими надмогильными сооружениями располагаются ящики, впущенные на дно грунтовых ям. За пределами центральной части размещаются неглубокие захоронения без наземных конструкций. Внутримогильные конструкции — ящики представлены тремя типами: 1) трапецевидные; 2) прямоугольные; 3) овальные. Преобладают трапецевидные ящики. Большая часть ящиков изготовлена из серовато-зеленых сланцевых плит, поставленных на узкое ребро, только две камеры сооружены из гранита. Ориентировка погребений неустойчивая: ВЗ, СВ-ЮЗ, ВСВ-ЗЮЗ, ЮВ-СЗ, ВЮВ-ЗСЗ. Основной способ захоронения — труположение: 1) на спине, ноги сильно согнуты и уложены направо, голова также повернута направо, руки слегка согнуты — имитация скорченного положения на правом боку; 2) на правом боку скорченно. Вещевой материал представлен двумя сосудами с выпуклым туловом, по форме приближающимся к круглодонным. Орнамент бедер: канцельюры по шейке или ногтевые зашпы по нижней части тулова.

По типу надмогильных сооружений (кольцевые выкладки из валунов) могильник Арасан наиболее тяготеет к памятникам эпохи бронзы Ферганской долины — мог. Вуадиль. Погребальные конструкции мог. Арасан (овальные сланцевые ящики) характерны также для захоронений Вуадиль и Карам-

95

куль. Трапециевидные ящики помимо Семиреченских могильников встречаются также в Центральном Казахстане, но наиболее характерны они для карасукских памятников Западной Сибири. Узкие прямоугольные ящики, впущенные в грунто-вые ямы, хорошо известны по материалам погребений раннего железного века Семиречья.

Круг аналогий керамики по форме и отдельным элементам орнамента охватывает памятники эпохи поздней бронзы Ферганы, Центрального и Восточного Казахстана, а также карасукские памятники Западной Сибири.

Хронологическая позиция мог. Арасан установлена по принципу аналогии. Выявленный круг близких памятников позволил определить дату исследованного могильника — X—VIII вв. до н. э. Наличие элементов, характерных для памятников ранних кочевников Семиречья, Центрального Казахстана (узкие длинные ящики, впущенные в грунтовую яму) и Памира (поза погребенного на спине с согнутыми конечностями), свидетельствует о том, что население, оставившее мог. Арасан, сыграло важную роль в сложении культур ранних кочевников и, вероятно, явилось одним из субстратов сакских племен.

Теоретическая интерпретация эмпирических данных в археологии приобретает актуальное значение. Однако при выявлении конкретного механизма связей необходимо иметь в виду, что реконструировать можно, как правило, принципы и тенденции развития связей, но далеко не всегда конкретные формы их реализации. Определение характера близости осложняется их имманентной многозначностью. Аксиоматика теории этнокультурных реконструкций должна создаваться с учетом таких основных культурообразующих моментов, как конвергентность, общность происхождения, взаимосвязи, влияния, инфильтрация, миграция и т. д.

Свойственные той или иной культуре особенности объективируются в определенных артефактах, анализ которых, несмотря на их фрагментарность и некоторую противоречивость, позволяет в гипотетической форме решать проблему связей археологических памятников.

Сравнительный анализ мог. Арасан с другими аналогичными могильниками позволил дифференцировать связи по степени близости;

1. Связи I порядка — по основным культурноопределяющим признакам (над- и внутримогильные конструкции, способ захоронения, типы керамики) — с памятниками Ферганской долины.

2. Связи II порядка — по отдельным типам погребальных камер и типу сосудов — с бегазы-дандыбаевскими памятниками Центрального Казахстана, с памятниками переходного этапа (типа Измайловки) Восточного Казахстана, а также карасукскими и ирменскими Западной Сибири.

Сходство с могильниками Ферганы настолько несомненно, что позволяет ставить вопрос об их едином генезисе и общем пути развития. Проникновение и адаптация бегазы-дандыбаевских и карасукско-ирменских элементов придало этим памятникам особую близость (общий облик).

Для нас представляется несомненным участие указанных этнокультурных компонентов в формировании культур эпохи бронзы Семиречья и Ферганы. Процесс возникновения культур нового облика обусловлен появлением и последующей интеграцией пришлого населения.

Таким образом, этнокультурные связи Семиречья в эпоху поздней бронзы характеризуются вариабельностью как по своей направленности, так и по глубине. Определяющими явились связи с Ферганой, значительную роль сыграли связи с населением Центрального и Восточного Казахстана и Западной Сибири.

Кузнецова Э. Ф.

ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДРЕВНЕГО ДЖЕЗКАЗГАНА

Древний Джекказган, по сведениям многих исследователей, являлся крупнейшим объектом горнорудного и металлургического производства, базировавшегося на уникальных богатствах залежей медных руд.

В результате многовековых работ древних рудокопов и металлургов и напластования культур разных времен памятники Джекказгана в плане археологического изучения представляли сложную картину. Однако контуры памятников каждой эпохи при тщательной работе очерчены достаточно ясно

(А. Х. Маргулан, 1979). Расчленяя культурные отложения, определены хронологические рамки существования производственных объектов — от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Производя археологические работы на территории Центрального Казахстана, А. Х. Маргулан, естественно, не мог обойти вниманием Джезказган, который был определен им как выдающийся центр древней цветной металлургии в евразийских степях, обладающий огромным источником минерального сырья. Обнаруженный при раскопках джезказганских памятников комплекс неолитических стоянок в рудных районах Кресто, Петро, Покро и урочище Милекудук позволил раскрыть раннюю историю Джезказгана с дометаллической культурой в переходный период от неолита к энеолиту (А. Х. Маргулан, 1976).

Встреченные в энеолитических слоях захоронения с медными минералами (азурит, малахит), лежащими у изголовий погребенных людей вместе с орудиями горного дела (каменные кайла, кирки), приводят к мысли о первом проявлении интереса человека к меди и, возможно, начальной фазе добычи медных руд в конце энеолита. Однако вся информация, основанная на большом фактическом материале находок орудий труда древних рудокопов, предметов литейного производства, фрагментов керамики и т. д., свидетельствует о начале массовых разработок медных и полиметаллических руд в эпоху бронзы племенами андроновской культуры (А. Х. Маргулан, 1966; Н. В. Валукинский, 1948).

Ценный вклад в изучение горного дела древнего Джезказгана внесли работы геологов. Ими были зафиксированы «чуждские копи» и «калмыцкие разности» в виде карьеров, рудников, ям, траншей, уклонок, шахт, дудок и т. д. Так, древние выработки на месторождении Кресто простирались на несколько километров. Горные работы установлены и на других участках Джезказгана: Петро, Покро, Раймунд, Спасском, Никольском, Анненском, Златоусте и др. (Н. С. Яговкин, 1934). Подсчитаны объемы выработанных на древнем Джезказгане медных руд (порядка 1 млн. тонн с содержанием меди 10—12%). Приблизительные данные количества выплавленной в древности из джезказганских рудников меди показали

100—200 тысяч тонн, отвалы «пустых» пород содержали 30 тыс. тонн меди (В. А. Пазухин, 1926; И. С. Яговкин, 1934; К. И. Сатпаев, 1941).

Добытая руда переносилась с выработок в поймы рек и протоков весенних вод либо к местам специально сооруженным — водосборам (Н. В. Валукинский, 1948). Воду использовали для «мокрого» обогащения — первичного отделения минерализованной руды от породы (метод промывки). Места рудоразработок зафиксированы на участках Кресто, Златоуст и др. и датированы (по фрагментам керамики) эпохой бронзы.

Дальнейшие операции по переработке, обогащению и выплавке металла производились на поселениях, наиболее крупные из которых Милекудук, Айнаколь, Соркудук, Златоуст. Почти все поселения двух- и трехслойные, существование их определено в разные эпохи — бронзовый век, раннее и позднее средневековье (А. Х. Маргулан, 1973, 1979). На поселениях функционировали довольно сложные производственные комплексы, имевшие в своем арсенале: ямы для примитивной флотации, системы заград для сохранения воды, площадки для дробления руды (с находками каменных ударных орудий), медеплавильные печи (с продуктами производства, имеющими следы термической обработки) и пр. Металл плавил в печах-ямах (диаметр 1,5—2 м), рядом с которыми располагались ямы-кладовые (диаметр 6—7 м) с дробленой рудой. На поселении Милекудук обнаружено 15 плавильных печей, на пос. Соркудук — 8. Джезказганские печи имели разное назначение: для обжига руды и угля, выплавки металла из предварительно измельченной и обожженной (в случае сульфидности) руды в тигель (Н. В. Валукинский, 1948). В местах производства найдено в большом количестве приготовленная к плавке руда, шлаки, полуфабрикаты, дробильные инструменты, готовые изделия, обломки тиглей, льячки, литейные формы с моделями отливок ножей, зеркал, стержней, оружия и пр. (А. Х. Маргулан, 1979).

Современные исследования в области технологии древнего производства материалов из Джезказганских памятников (музейные коллекции Джезказганского рудника и ИГи АН Казахской ССР) проведены в отделе археологической технологии Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Привлечены новейшие физико-химические методы

анализа: спектральный и микроспектральный для расшифровки элементного состава образцов; световая и электронная микроскопия для определения минерального состава рудных остатков и отходов производства; рентгенометрический и термический для изучения характера фазовых превращений исходного сырья в конечный продукт в процессе плавки.

Обобщение фактического материала позволило сделать следующие заключения:

1. Установлено минеральное многообразие рудного сырья, употреблявшегося в древнейшей металлургии меди Джекказгана. В производство шли руды окисленные (азурит, малахит, куприт, гематит, хризоколл, церуссит), сульфидные (халькозин, халькопирит, ковеллин, борнит, брошантит) и самородная медь (дендритовидные скопления). Преобладающая роль в сырьевом снабжении принадлежала рудам зоны окисления. Выявлена повышенная пиритность медной минерализации Джекказгана.

2. В рудном сырье зафиксирован широкий спектр элементов (медь, свинец, цинк, серебро, железо, мышьяк, сурьма, кобальт, никель, марганец и др.). Готовые изделия (пластины, ножи, зеркала и пр.) изготовлены из металла высокого качества. В роли легирующего компонента выступал цинк (30%), медь получалась весьма «чистой», незначительно повышены примеси свинца, железа, марганца.

3. Металлургическое производство Джекказгана имело некоторые локальные особенности как в технологии, так и в технике оснащения. Для него характерна многоступенчатость производимых операций и разнообразие конструкций тепловых печей.

Новоженков В. А.

ПЕТРОГЛИФЫ ДОЛИНЫ РЕКИ БАЙКОНУР

Первые сведения о памятнике имеются в работе Н. С. Воронцов. В декабре 1916 г. она привезла несколько камней с изображениями в Москву и передала их для изучения в Государственный исторический музей В. А. Городцову. Осенью 1916 г. геолог М. М. Пригоровский сообщил о находке наскальных изображений в долине р. Байконур в Государствен-

ный исторический музей. В 1926 г. В. А. Городцов обобщил эти данные в статье «Скальные рисунки Тургайской области», где датирует изображения XVI—I вв. до н. э. В конце 30-х годов К. И. Сатпаев изучал байконурские петроглифы. Результаты работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Х. Маргулана на этом памятнике опубликованы в 1948 г.

В 1983—1988 гг. отряд экспедиции Карагандинского университета проводил сплошную фиксацию всех изображений долины. Выявлено 14 групп с наскальными изображениями на протяжении 35 км. Петроглифы обнаружены на отдельных скальных выходах сланца, на обоих берегах реки, образующих живописное глубокое (до 15 м) русло. Площадки с петроглифами сильно разрушены сколами, во многих местах обильно покрыты лишайником. Ориентация плит Ю-ЮВ-В, реже встречаются отклонения к северу. Техника нанесения изображений — преимущественно точечная выбивка, часто в сочетании с шлифовкой патины, изредка встречаются резные изображения.

Репертуар петроглифов долины достаточно разнообразен. Среди множества видов животных, показанных на скалах, самые многочисленные группы: изображения лошадей, верблюдов, людей, быков. Оригинально показаны люди с отходящими от их голов лучами и четырехколесные повозки. В сценах человек вооружен луком, топором, копьем, дубинкой. Иконография сцен указывает на их охотничий либо культовый характер. Редким мотивом в наскальном искусстве Казахстана являются изображения сайгаков, для которых Казахский мелкосопочник, начиная с глубокой древности, был привычным ареалом обитания.

Однако в общей массе репертуар байконурских петроглифов чрезвычайно близок иконографии наскальных изображений хребта Каратау. Наблюдается сходство в изображении животных, людей и сцен (Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н., 1977). Интересные аналогии можно провести с изображениями быков из Гобустана (Джафарзаде И. М., 1973) и урочища Тамгалы (Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Е., 1985). Байконурские лошади со стоячей гривой и изящным абрисом туловища запечатлены в сейминско-турбинских бронзах и близки лошадям на золотом кольце из сепирченского

могильника Мыншункур, датированном XII—X вв. до н. э. (Акишев А. К., Акишев К. А., 1983). Сцена противоборства двух верблюдов (Байконур II, плита 3) повторена в бронзовой бляшке сарматского времени, причем изящная «сейминско-турбинская» фигура лошади, изображенная на этой же плите, по технике и патине не отличается от фигур верблюдов.

Широко известны «солнцеголовые» существа урочища Тамгалы, часть которых близка байконурским — с инжиром, более отогнутым и длинным, чем остальные, сравнивая эти изображения, отметим все же большее «идейное» сходство, в отличие от их реализации на скалах.

Уже опубликовано значительное количество изображений «хвостатых» людей (напр., Самашев З. С., 1987), они обнаружены на юге и востоке Казахстана, на Алтае (Окладников А. П., 1979), в Монголии (Кашина Т. И., 1983), на Саймале Таше в Киргизии (Шер Я. А., 1980). Часто их изображали парами, в одинаковых позах, лицом друг к другу (или боком друг к другу), с поднятыми вверх руками, иногда у одного в руке лук. Сходная картина наблюдается на плите Ia (Байконур II), плите 14 (Байконур III) и др. В петроглифах Карасая (Киргизский хребет, Джамбулская область) и урочища Тамгалы в изображении ряженных с «хвостом», одетых в шкуры животных, отмечается интересная деталь: спирально-изогнутые окончания рук. З. С. Самашев объясняет их как жезлы. В байконурских петроглифах аналогично показанные окончания рук отмечены на плите Ia (Байконур II) в эротической сцене, связанной с парой мужчин, лучником и человеком с дубинкой. Культовый характер сцены позволяет предположить, что это специальный стилистический элемент, указывающий на особое значение персонажа. Кроме того, следует разделить «хвостатых» с петлями в руках и фигуры со спиралевидными окончаниями рук.

Важным свидетельством развития материальной культуры древних племен Казахского мелкосопочника является изображение на плите 2 (Байконур III) двух повозок на четырех сплошных колесах, запряженных парой верблюдов и парой лошадей; последней управляет возничий. Система запряжки — центральное дышло с перпендикулярной перекладиной, к концам которой прикреплены наверхи. Тяговые животные соединялись ремнями с перекладиной, возможно, и с ярмом.

Конец дышла выдается вперед и изогнут дугой. Управление животными посредством ремней или веревок. Между повозками друг за другом шествует группа людей. Факт использования колесного транспорта древним населением Центрального Казахстана подтверждается находкой остатков повозки в могильнике Сатан (Карагадинская область), датированном серединой II тыс. до н. э. (Евдокимов В. В., 1981), изображениями колесниц в петроглифах Северного Прибалхашья и местонахождения петроглифов Кестелетас (Новожинов В. А., 1987). Аналогии байконурским повозкам имеются и в Месопотамии на детали «Штандарта из Ура», цилиндрической печати и собственно бронзовой модели 4-колесной повозки, которые датируются Литтауэром М., Крауэлом Д. концом III тыс. до н. э.

Однако использование в байконурской повозке уже domesticированных двугорбых верблюдов может свидетельствовать о более позднем времени.

Датирующим элементом в иконографии раннескифских изображений является треугольный выступ на холке животного (Шер Я. А., 1980). Олень, выбитый на плите 4в (Байконур II), имеет такой выступ и в хронологии развития этого образа в евразийском наскальном искусстве должен занять позднебронзовую нишу.

С учетом перечисленных аналогий основная масса петроглифов долины р. Байконур может быть датирована концом II — началом I тыс. до н. э. Причем эти петроглифы иллюстрируют развитие стиля от канонов бронзового времени к ранним изображениям в зверином стиле (напр., сцена терзания на плите 16, Байконур III), которое было возможно только на единой или, по крайней мере, понятной мировоззренческой основе, получившей в эпоху ранних кочевников дальнейшее развитие и трансформацию. Это можно проследить на следующих примерах: на плите 15 (Байконур III) восемь лошадей переделаны в быков, путем подрисовки рогов, причем различия в патине незначительные, а техника иная — прочерчивание. То же фиксируется и на соседней плите 16, где по патине нет различий между сценой терзания и основной массой фигур позднебронзового времени.

Очевидно, скифо-сакская сцена терзания была выбита после основной массы позднебронзовых петроглифов, но с

незначительным временным разрывом. Сходные наблюдения имеются и по перекрыванию изображениями в зверином стиле более ранних (Байконур «Г», плита 1 и др.).

Хронологическое несоответствие между изображениями «сейминско-урбинских» лошадей и раннекопеевского сюжета борьбы двух верблюдов можно объяснить длительным использованием первых и ранним возникновением последнего. Возможно, существовал особый, казахстанский вид лошади, который и был реальным прототипом этих изображений в разные исторические эпохи.

Казахстан уже с эпохи энеолита был достаточно крупным центром коневодства, привлекавшим сюда многочисленных потребителей. Сейминско-турбинские племена, освоившие огромную территорию Евразии были владельцами превосходного для тех времен оружия и вступали в контакт с синташтинскими, а также, возможно, петровскими, алакульскими, федоровскими племенами. Через них эта иконографическая традиция проникла в Казахский мелкосопочник (если не развивалась здесь самостоятельно). И в качестве творчески переработанной реминисценции была запечатлена на байконурских скалах в эпоху поздней бронзы.

Не исключена возможность передатировки сейминско-турбинских бронз в пользу омоложения. Следует учесть вероятные миграции племен эпохи бронзы, их взаимные контакты с севера на юг до Семиречья, Киргизии, Таджикистана и обратно, через Казахский мелкосопочник, которые явно усиливаются в эпоху поздней бронзы. Правомочность этих построений можно будет проверить, в первую очередь, решением вопроса периодизации племен эпохи бронзы Казахстана и сопредельных территорий.

Рудковский И. В.

РЕЗНАЯ КОСТЬ ПОСЕЛЕНИЯ КЕНТ

С 1985 г. археологическая экспедиция Карагандинского государственного университета ведет раскопки на поселении поздней бронзы Кент (Каркаралинский район Карагандинской области, горы Кент).

Наиболее массовый и разнообразный материал дал саргаринско-алексеевский слой: конструкции жилищ, керамика,

бронза, камень, остеологические находки и многочисленные предметы, свидетельствующие о высокоразвитом косторезном деле. Последняя категория находок наиболее интересна.

Большинство из найденных костяных изделий достаточно обычно для поселений поздней бронзы Центрального Казахстана — это «тупики», «коньки», проколки, иглы, «шпатели». Особое же внимание хотелось бы заострить на принципиально новых находках, которые можно выделить в особый класс — предметы художественной резьбы по кости и рогу.

Всего на пос. Кент найдено несколько десятков изделий, которые можно отнести к этой категории. Некоторые из них определимы по их функциональному назначению: пуговицы, пряжки, вставки, псални. Но большинство предметов с этой позиции определено быть не может. Формально их можно разделить на четыре группы.

Первая группа (около 15 находок) — «жезлы». Изготовлены из различных частей рога благородного оленя. Формы и размеры «жезлов» очень разнообразны. При изготовлении «жезлов» рог распиливался вдоль, с отделением верхнего, наиболее плотного слоя, затем заготовке придавался вид полукруглого в сечении прута. И уже на нем методом резьбы наносился орнамент. Основные элементы орнаментов на «жезлах»: одиночные и двойные окружности с обязательной точкой в центре, «синусоида» в виде сопряженных полуокружностей, ряды взаимопроникающих раздвоенных насечек и некоторые другие. Резьба инкрустировалась черной пастой. Плоская сторона «жезлов» не орнаментировалась. Длина их — от 6 до 36 см.

Вторая группа (7 находок) — «зеркала». Изготовлены из широких частей (в местах развилок) рогов благородного оленя и, возможно, лося. Круглые в плане, по краю оформлены полукруглым валиком. Валик разомкнут, и его концы опускаются в виде небольшой ручки (до 3 см длиной). Центральная плоскость «зеркал» толщиной не более 1,5 мм. Эти изделия в плоскости также повторяют геометрию рога. Орнаменты по валику — бордюрного типа, идентичны орнаментам на «жезлах». Орнаменты центральной плоскости — типа «розетка» и по количеству элементов более разнообразны. Плоская сторона «зеркал» и «жезлов» не орнаментировалась. Резьба инкрустирована черной пастой. Диаметры «зеркал» — от 5 до 9 см.

Третья группа (3 находки) — «кобры». Из целых найден один предмет. Изготовлен из рога. По форме несколько напоминает шахматную фигуру. На цилиндрической подставке возвышаются фигурки, одинаковые по пропорциям, но разные по размерам и разнонаправленные. Эти фигурки внешне похожи на кобр в позе атаки. Найден обломок еще от двух подобных предметов, оба в виде головок атакующих кобр. Эти фигурки украшены тончайшей резьбой в виде «спусов», углубленных рельефных зигзагов, «шахматного» узора, насечек. Размеры находок — от 3 до 7 см.

Четвертая группа (3 находки) — полукольца. Изготовлены из рога. В сечении полукруглые. Украшены спиральным орнаментом, углубленным рельефным зигзагом, квадратной сеткой, рядами параллелограммов. Резьба инкрустирована черной пастой. Размеры (по восстанавливаемому диаметру) около 6—7 см.

Единичные находки подобного рода встречались ранее на поселении Трушниково (Черников), поселении Шортанды-Булак (Маргулан), некрополе Тагискен (Толстов, Итина), могильнике Измайловский (Ермолаева), но до раскопок поселения Кент они не рассматривались как особая категория предметов, характеризующих саргаринско-алексеевскую культуру. Принадлежность предметов художественной резьбы по рогу и кости именно саргаринско-алексеевской культуре подтверждают многочисленные находки сырья (рога оленя, лося), заготовок полуфабрикатов и отходов косторезного производства в слое этой культуры на поселении. Особенно показательна коллекция инструментария: цельнобронзовый разметочный циркуль, бронзовый ланцетовидный резец, бронзовые резчики, резец из зуба животного, вмонтированного в обрешку рога, циркуль-резец для нанесения кружкового орнамента и другие инструменты более универсального типа (зубилы, стамески, различных форм ножи). Некоторые инструменты находят полные аналоги у современных народов Сибири, занимающихся резьбой по кости, к примеру, циркуль-резец (Иванов С.).

Важно отметить, что большинство функционально неопределимых роговых предметов («жезлы», «зеркала») найдено на пятом раскопе, в камере А, которую по многим особенностям невозможно квалифицировать как обычное жилище. По

центру, в северной части камеры зафиксирована кольцевая выкладка из камней, в центре которой была столбовая яма с остатками пристроенного столба. Практически все находки из резного рога (свыше 20) были найдены вокруг этого сооружения. Это обстоятельство наводит на мысль о возможной культовой значимости как сооружений раскопа 5, так и найденных в них предметов (прежде всего, резного рога).

Проблемы искусства, духовной культуры эпохи бронзы евразийских степей были и есть наиболее сложные. Практически полное отсутствие зоо- и антропоморфных сюжетов как в андроне, так и в культурах общности валиковой керамики сильно ограничивало возможность исследований. Появление новой категории артефактов, отражающих моменты духовной культуры имеет поэтому особое значение.

Самашев З. С., Шер Я. А.

СЛОВЕСНЫЕ МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ И ИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПЕТРОГЛИФАХ САЯНО-АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

Одной из непеременимых составных частей древних мифопоэтических текстов являются формулы, т. е. однотипные словосочетания, эпитеты, предписания или высказывания типа «кто так знает» в брахманической прозе. Они инвариантны относительно разных контекстов в пределах одной культуры или относительно контекстов разных культур, связанных общим происхождением. Например, такие формулы, как «неувядающая слава», «реки, текущие по небу», «колесо солнца» и др. почти в неизменном виде встречаются у Гомера, с одной стороны, и в Ведах и Авесте, — с другой. Анализ подобных совпадений позволяет предположить, что определенные мотивы, характерные для древнегреческой и индоиранской эпической поэзии, восходят ко времени пранидоевропейского единства (Зайцев, 1986).

Материалы, представленные в настоящей статье, создают впечатление, что «язык» древних изображений (в частности, петроглифов, а в еще большей степени в торевтике и фресках) тоже содержит определенные «формулы», семантически сопоставимые с аналогичными формулами словесных текстов. В

свое время один из авторов данной статьи обнаружил удивительные параллели между канонизированными (формульными?) изображениями, принадлежащими древним культурам, никогда между собой не соприкасавшимся: петроглифы Южной Сибири, с одной стороны, и вазописи с другой (Шер, 1980; 1984). Последовавшее затем продолжение поисков таких «странных» совпадений оказалось небезуспешным: список подобных сюжетных и иконографических аналогий расширился.

«Владеющий лошадьми». Формула власти над животными, в частности над лошадьми, встречается в микенском и гомеровском греческом («госпожа коней»), в ведийском («владеющий лошадьми», «хозяин (хозяйка) двуногих и четвероногих», «хозяйка благоденствующих лошадей»), в авестийском («владеющий быстрыми конями»), в кельтском и др. древних языках. Можно ли передать такую формулу в изображении в древнем тексте, учитывая, что изображение и слово — элементы разных языков, трудно переводимых с одного на другой (см. Успенский, 1962; Саламон, 1971; Шер, 1980)? Если можно, то вряд ли найдется семантически более точное и недвусмысленное воплощение этой формулы, чем рассматриваемая ниже серия изображений:

1. Роспись на кратере из «малого дворца» Рас Шамры. Угарит, примерно XIII в. до н. э. (Sandars, 1978).

2. Роспись на канфаре. Афины, некрополь Керамик, мог. 28, инв. № 268, 740—725 гг. до н. э. (Davison, 1961).

3. Роспись на амфоре. Аттика, геометрический стиль, музей Метрополитен (Нью-Йорк), инв. № 10.210.7, VIII в. до н. э. (Richter, 1953; Davison, 1961).

4. Роспись на амфоре. Там же, мог. 50, инв. № 1306, 740—725 гг. до н. э. (Davison, 1961).

5. Роспись на фрагментах керамики. Там же, отдельные находки (Davison, 1961).

6. Роспись на килике. Аттика, геометрический стиль, Афинский национальный музей, инв. № 13038, 53; 740—720 гг. до н. э. (Borell, 1978).

7. Роспись на аргосской вазе. Геометрический стиль, VIII в. до н. э. (Блаватский, 1953).

8. Роспись на шейке ойнохойи. Аттика, геометрический стиль, VIII в. до н. э., Копенгагенский национальный музей, инв. № 1628 (Gray, 1974).

9. Роспись на тулове ойнохойи. Аттика, геометрический стиль, VIII в. до н. э., Берлинский национальный музей (Wiesner, 1968).

10. Роспись на сосуде. Индия, постхаранская культура, могильник Н, 1800—1300 гг. до н. э. (Wanke, 1977/78).

11. Наскальный рисунок. Средний Енисей, гора Оглахты, не позднее VII в. до н. э. (последняя публикация: Шер, 1980).

Первые 9 изображений из этого списка почти идентичны. Помимо единой структуры композиции совпадения прослеживаются и в деталях: на человеке островерхий головной убор или султан, за поясом — удлиненный предмет, похожий на боевой или ритуальный топорик; лошади взызданы, но не оседланы; пространство между лошадьми и человеком заполнено соларными и иными знаками. В этом сходстве нет ничего удивительного, поскольку 8 из 9 изображений связаны единством места и времени. Отметим, что после VIII в. до н. э. этот мотив почти бесследно исчезает из греческой вазописи.

Сходство росписи угаритского сосуда с аттическими тоже не вызывает особых вопросов: эгейско-угаритские культурно-исторические контакты и взаимные влияния являются установленным фактом (Шифман, 1987). В композицию из Рас Шамры, в отличие от аттических, включены изображения рыб. Второй особенностью угаритского сосуда является его значительно большая древность. Проверка этой датировки пока невозможна, поскольку данные опубликованы в популярной книге, где доказательств даты не приводится.

Роспись на сосуде из могильника Н (10) древнее всех остальных. Ее главная отличительная особенность состоит в том, что вместо лошадей человек держит пару буйволов (по видимому, за веревки, привязанные к рогам или шеям животных). Часть композиции утрачена. За левым буйволом изображен крадущийся хищный зверь (или собака?) и пара павлинов. Если композиция была симметричной, то и справа должны были быть такие же фигуры.

Самая «странный» в этом ряду сцена (11) — изображение на скале горы Оглахты на левом берегу Енисея, примерно в 30 км от Абакана. «Странность» ее состоит в том, что она практически совпадает с аттическими росписями.

По времени оглащенная композиция синхронна аттическим или чуть позднее, но ни о каких контактах или влияниях не может быть и речи.

Остается два возможных объяснения: либо это случайное совпадение, либо изображения восходят к некоторому общему «предку». Первое маловероятно, слишком много совпадений в деталях. Второе допустимо по ассоциативной связи с другой мифопоэтической формулой «кони (животные вообще) у жертвенного столпа (мирового древа)». Антропоморфизация образа мирового древа прослеживается по древним языковым текстам (Топоров, 1972; 1974. Иванов, 1974; 1980).

В этой связи рассмотрим ряд изображений на скалах:

1. Тепсей III, правый берег р. Енисей близ впадения в него р. Тубы (Шер, 1980).

2. Усть-Туба I, правый берег р. Тубы близ ее устья (Шер, 1980).

3. Тепсей I.16, там же, где и I (Шер, 1980).

4. Суханиха.

5. Жалтырак-Таш, Таласский хребет, верховья р. Ур-Мал.

6. Курчум, Восточный Казахстан (Самашев, 1987).

7. Карасай, Киргизский хребет, Джамбулская область.

8. Северо-Западная Индия (точное местонахождение не указано — Wapke, 1977/78).

9. Сагыр, Восточный Казахстан.

Данные петроглифы Енисея и Средней Азии датируются эпохой поздней бронзы. Датировка изображения из Индии не вполне ясна, но, по-видимому, тоже в пределах II — начала I тыс. до н. э.

Перечисленные выше словесные формулы относятся к языкам индоевропейских народов. Скорее всего их общим «предком» был язык эпохи общиндоевропейского единства. Образ божества — владыки животных, в частности лошадей, мог сложиться еще в те времена. Сначала это было женское божество типа «Потиня Терон», прообраз которого восходит к неолитической эпохе. Более поздние реминисценции этого образа сохранились в архаической вазописи Беотии и Крита. Затем, когда балканская, иранская и арийская ветви древних индоевропейцев стали расходиться по степям и горным долинам Евразии, каждая из них уносила с собой образы единых

когда-то божеств. Со временем они видоизменялись, но общая формульная структура композиции, «законсервированная» на века и тысячелетия ритуальной иконографией, могла сохраняться долго.

«Колесо солнца». Формула «колесо солнца» в гомеровском греческом имеет соответствие в ведийском, а формула, характеризующая Гелиоса («быков и людей соглядатай»), имеет параллель в ведийском — «солнце — соглядатай всего идущего» (Зайцев, 1986). Близкие фразеологизмы можно найти в хеттском и славянских фольклорных текстах.

Изображения колес и колесниц (или повозок) распространены широко по всей Евразии от Скандинавии на северо-западе до Индии на юго-востоке. Встречаются они и в Северной Африке. Обычно считается, что это изображения реальных транспортных средств и связанных с ними сюжетов. Сомнения в том, что наскальные изображения повозок и колесниц передают реальные сцены «из жизни», возникли по двум причинам: во-первых, наиболее значимые скопления таких изображений (Саймалы-Таш, Акджилга, Жалтырак-Таш и др.) расположены в местах высокогорья, в ряде случаев изображены запряженными в колесницу непарные животные, использование которых как тягловой силы вместе невозможно (Шер, 1978; Самашев, 1988).

Ткачев А. А.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Основными объектами многолетних раскопок экспедиции Карагандинского областного историко-краеведческого музея являлся комплекс памятников у сопки Икпень Нурина района Карагандинской области в 10 км к северу от центральной усадьбы совхоза «Черниговский».

Поселение Икпень I расположено на правом берегу р. Нуры на небольшом мысу, ограниченном древним руслом реки и всхолмлениями коренной террасы. Высота мыса от уреза воды — 2,5—3 м, площадь поселения — 5—6 тыс. кв. м. Исследование памятника продолжено двумя раскопами.

В раскопе I, площадью 324 кв. м., изучено полностью или частично 3 жилища. Жилище 13 неправильным выходом в юж-формы, площадью 90 кв. м с тамбурообразным выходом в юж-ном углу, глубина котлована — 0,2—0,4 м. На полу расчище-на яма-хранилище, очаг, хозяйственные и столбовые углубле-ния. Жилище 15 раскопано частично, изученная площадь — около 150 кв. м, стенки котлована крутые, дно в северной по-ловине бугристое, в остальной — относительно ровное. Глу-бина котлована — 0,4—0,6 м. Выделено 2 строительных гор-изонта. К первому относится углубление в центре жилища не-правильно овальной формы размером—6,5×2—3, 75×0,75 м. После того, как надобность в нем отпала, оно было покрыто глиняной обмазкой и выровнено с основным котлованом. За пределами углубления обмазка пола не фиксировалась. На полу расчищен очаг, прокалы, 2 ямы-колодца, 2 хозяйственных и 20 столбовых углублений. Жилище 16 исследовано частично, на задернованной поверхности прослеживалось по западине 10×11 м, глубиной— 0,15 м. Изученная площадь котлована — около 70 кв. м, глубина — 0,4—0,8 м. Пол покрыт глиняной обмазкой желто-коричневого цвета с добавлением речного песка. На полу расчищена яма-хранилище, 4 хозяйственные и 34 столбовые ямы.

Керамический комплекс неоднороден по культурным и хронологическим характеристикам. Выделено 3 группы посуды: первая — жилище 15, нижний слой зольника — близка раннеалакульской; вторая — жилище 13, средний слой зольника — находит аналогии в памятниках с керамикой федоровского типа; третья — жилища 14, 16, верхний слой зольника — встречается в материалах алексеевско-саргаринской культуры.

могилы: ящик и две грунтовые ямы. Могилы размером 0,5—0,6×0,25—0,3×0,1—0,3 м имеют западную ориентировку с отклонениями к югу или северу. В одной могиле (№ 14) сохранился костяк ребенка, лежащий скорченно, на левом боку, головой на запад. Во второй обнаружен сосуд, стоящий у западной стенки, в третьей — разрозненные элементы керамики.

Коллекция керамики могильника Икпень I представлена разновидностями сосудов баночных форм. Памятник можно датировать эпохой развитой бронзы, но уточнить его хронологическую и культурную позицию не удастся.

В Ульяновском районе Карагандинской области закончены раскопки могильника Майтан. Изучено 6 оград из поставленных на ребро плит, вкопанных в канавки шириной 0,1—0,3 м, глубиной 0,15—0,35 м. Ограды округлой или овальной формы, диаметром 5—9 м. Одна ограда имела одну пристройку (№ 44), другая — три (№ 22). Вскрыто 21 погребение: 16 в каменных ящиках и 5 в грунтовых ямах. Большинство могил перекрыто каменными плитами. Погребения совершены по обряду трупоположения (12), в остальных остатков костяков не зафиксировано. Погребенные лежат в скорченном положении, на левом боку, как правило, с западной ориентировкой с отклонениями к югу или северу, и только в двух могилах ограды 44 ориентировка восточная. В могилах стояло по одному-два сосуда, горшечной или баночной формы. Вещевой инвентарь представлен бронзовыми ножами, костяными наконечниками стрел, височным кольцом, бляшками, кулоном и различными подвесками: крестовидными, листовидными, в полтора оборота.

Могильник Майтан за 6 полевых сезонов (1982, 1984—1988 гг.) изучен полностью. Раскопано 51 сооружение: 49 оград и 2 жертвенных комплекса. В оградах выявлено 214 погребений в одиночных, спаренных и тройных ящиках или ямах, где расщиплены одиночные, парные и групповые захоронения по обряду ингумации и кремации. Получен богатейший материал, характеризующий многие стороны духовной и материальной культуры андроновского общества Центрального Казахстана. По погребальному обряду, вещевому и керамическому материалу могильник относится к алакульской культуре и датируется концом XVI — XV вв. до н. э.

В Тельманском районе Карагандинской области начаты спасательные работы могильника Шапат, расположенного на песчаной дюне правого берега р. Нуры в 2 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза им. Амангельды. Западный склон и центральная часть дюны развеены. Площадь памятника — около 4 тыс. кв. м. В центральной развеенной части дюны заложен раскоп площадью 477 кв. м. Остатков погребальных сооружений (оград или канавок) вокруг изученных ящиков не обнаружено. В северной части раскопа в неразвеенном слое серого песка мощностью до 0,5 м изучена частично сохранившаяся ограда. Канавки для плит ограждения прорезали только серый песок, не углубляясь в подстилающий его желтый песок материка. Канавки сохранившейся ограды слабо фиксировались и в плане, и в профилях, их заполнение практически не отличалось от окружающего песка дюны.

В раскопе выявлено 28 могил: 3 в сохранившейся оgrade и 25 ям, разбросанных отдельными группами по площади раскопа. Вскрыто 20 ящиков и 8 грунтовых ям, преобладает юго-западная ориентировка. Во всех исследованных грунтовых ямах и ящиках, за исключением ящика № 24, человеческих костей не обнаружено. По размерам можно выделить две группы могил: большие, где были захоронены взрослые (8), и маленькие — детские (20). Планиграфические наблюдения над группировками могил позволяют выделить 5 оград, изученных полностью или частично. Ограды включают от одной до 12 могил. Обычно ограды объединяют могилы взрослых и детей. Изучено 6 оград: одна сохранившаяся и 5 реконструируемых.

Вещевой материал очень беден. Только в могилах взрослых встречены единичные украшения (обоймы, подвески, пасовые и бронзовые бусы) и бронзовый наконечник стрелы с несомкнутой округлой втулкой и прямоугольным в сечении пером. Основную часть коллекции составляет керамика. Все детские могилы, кроме одной, содержали 1—4 сосуда, среди которых преобладали баночные формы. Керамика ornamentирована резной техникой, единично встречен зубчатый и гребенчатый штамп. Среди элементов орнамента преобладают треугольники, горизонтальные линии, зигзаги, вдавления.

По основным элементам погребального обряда, вещевому и керамическому материалу могильник можно отнести к эпохе средней бронзы и датировать алакульским временем.

Усманова Э. Р.

АНДРОНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК ЛИСАКОВСКИЙ

Могильник Лисаковский расположен на окраине г. Лисаковска (Кустанайская область) в 0,5 км к СЗ от ГПТУ № 15. Охранные раскопки могильника ведутся с 1986 г. По предварительным данным, могильник занимает площадь около 5000 кв. м и входит в зону застройки жилыми кварталами города. За три года исследований было вскрыто 20 погребальных сооружений на площади 2000 кв. м.

Могильник делится на 2 части центральной линией курганов, идущих по направлению З-В. Погребения, относящиеся к алакульской и федоровской культурам, занимают северную половину могильника. На южной стороне обнаружены пока только захоронения с алакульской посудой. Федоровские и алакульские погребения не перекрывают друг друга и располагаются на одной горизонтальной плоскости. Общие признаки алакульских погребений (всего вскрыто 57): 1) курган-ограда (с кольцевым рвом) или ограда (положение плит на ребро и плашмя) с камерой; 2) одиночная грунтовая камера. Как правило, могильная яма в придонной части оформлена деревянной рамой. Ведущий способ обращения с умершим — ингумация. Известно 2 случая кремации. Ориентировка ям — широтная, погребенных — в основном западная. Инвентарь представлен керамикой, украшениями, пожами. Известны находки костей животных (лошадь, корова, баран). Характерная особенность обряда — наличие детских захоронений и жертвенников во рвах курганов.

Общие признаки федоровских погребений (всего вскрыто 13):

1. Ограда (насыпь практически отсутствует, камни уложены плашмя) с камерой.

2. Одиночные грунтовые ямы небольших размеров (100×50 см), погребальные камеры без рам, в некоторых случаях одна из стенок оформлена в виде ступенчатого спуска. Ориен-

тировка камер широтная. В заполнении ям отмечается большое количество камней и золы. Способ обращения с умершим — кремация. Известен один случай ингумации. Погребальный инвентарь — сосуды. Единственная металлическая находка — пара оригинальных бронзовых браслетов с высокими коническими спиралевидными окончаниями, с меандровидным орнаментом по обряду.

Коллекция керамики представлена двумя большими сериями: 1) горшки; 2) банки. В первой выделяются сосуды: а) с уступчиком (алакульские — около 80); б) с плавной профилировкой (федоровские — около 20). Орнаментальные композиции выполнены в характерной андроновской манере. Банки большей частью не украшены.

Коллекция алакульских женских украшений разнообразна: наконечники, браслеты, позолоченные кольца, подвески, бляшки и т. д. Особо отмечаются 2 типа наконечных украшений I тип — в виде косоплетки, из двух низок бус или обойм с листовидными подвесками. II тип — сложносоставное ювелирное украшение в виде комбинации бляшек, низок бус, сгруппированных по трем зонам. Наконечники реконструируются как детали головного убора.

Результаты трехлетних работ на могильнике позволили прийти к некоторым теоретическим выводам по погребальной обрядности андроновских племен. Погребальный обряд можно рассматривать как знаковую систему действий по отношению к умершему, где вещь (предмет, элемент) обладает двойственной природой: утилитарной и символической, т. е. украшения имеют определенное знаковое содержание и являются индикаторами социально-возрастного положения умершей. Предварительно отмечаются следующие группы (антропологические определения Дремова В. А.): 1) до 10 лет — пластинчатые браслеты без наконечников, настовые бусы; 2) до 14—16 лет — наконечники I типа, браслеты с наконечниками, подвески, кольца в 1,5 оборота; 3) после 16—17 лет (верхняя граница антропологически неизвестна) — наконечники II типа и предыдущий набор с возможными вариациями.

На основании функционально-типологических параллелей из этнографии (смена головного убора) предполагается: вторая группа — это девушки, достигшие брачного возраста

(один тип головного убора). Третья группа — девушки-невесты или замужние молодые женщины (другой тип убора). Устанавливается обрядовая связь «похороны — свадьба», которая соотносится со схемой «смерть — возрождение» («переходные обряды», по Ван Геннепу).

Датировка могильника по материалу укладывается в рамки XV—XIII вв. до н. э. Артефакты некрополя указывают на вероятную синхронизацию алакульских и федоровских комплексов на рубеже XIV—XIII вв. до н. э. Известны случаи совместного нахождения сосудов с уступчиком и округлой профилировкой: а) в одной камере; б) в одной ограде; в) в пристройке (федоровская посуда) к центральной ограде (алакульская посуда).

Корреляция элементов по связям внутри обряда двух культур на материалах могильника обнаруживает различное знаковое оформление информации об умерших. Сходство знаков, составляющих обрядовые «тексты», обусловлено общими закономерностями развития культур в едином пространственно-временном континууме. По всей видимости, принцип связей между элементами указывает на одновременное и самостоятельное функционирование систем алакульского и федоровского обрядов.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Акишев А. К.

СИСТЕМА «СТЕПЬ — ГОРОД» И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛОЖЕНИЯ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Если приять во внимание знание большинства историков о том, что номадизм, как хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства и образ жизни у ряда народов Великого пояса евразийских степей возник в начале I тыс. до н. э., что взаимосвязи древних цивилизаций и кочевников составили важнейший лейтмотив мировой истории, а затем обратиться к историографии номадизма, приходишь к парадоксальному наблюдению: сейчас, когда через 3 тысячи лет своей истории кочевничество быстро и повсеместно исчезает, его изучение историками, археологами и этнологами только начинается. Объемы научной информации об истории «цивилизованных народов» и народов кочевых не сопоставимы. Понятие номадизма как ХКТ даже не имеет общепринятой формулировки.

В чем же дело? Думается, что на эту ситуацию оказала влияние инерция действующих в истории и этнологии критериев нравственной оценки кочевничества, развивающихся с момента его возникновения.

Само понятие цивилизации было выработано ощущением оппозиционера, в качестве которого чаще всего выступал скотовод-кочевник. Поскольку история как наука развивалась, прежде всего, в контекстах урбанистических цивилизаций, во времени интернационализации европейской науки сложилось психологическое предубеждение к истории кочевничества и оно до сих пор проявляется в различных формах: в методическом

плане — от преобладания внешних оценок историко-культурного феномена кочевничества в сравнении с приоритетами оседло-земледельческих культур до тенденции оценивать его как стагнационное явление.

Возникновение кочевого скотоводства и культур номадов было эпохальным событием в истории человечества. Ему предшествовали те важнейшие изменения в жизни племен Евразии, которые связываются с понятием неолитической революции: появление производящих форм хозяйства (земледелия и скотоводства), резкая интенсификация социального и технологического прогресса в древних обществах, зарождение цивилизаций древневосточного типа.

В достаточно однородных экосистемах пустынного и степного пояса Евразии, населенных неолитическими племенами, с присваивающими формами хозяйства (охота и собирательство), благодаря структурной интеграции технологических инноваций, пришедших из центров зарождения цивилизации (усвоенные их происходило на селективной основе), возникали т. н. культуры стеной бронзы. Они были родственными и весьма схожими в основных признаках, что отражается в археологических комплексах. Пути их трансформации были достаточно единообразными и жестко детерминированными как экосистемными факторами, так и воздействием историко-культурного порядка, поэтому те перспективы развития, которые были скрыты в сложившихся у них гетерогенных формах хозяйства (навыки земледелия, скотоводства, горного дела, металлургии, ремесла, охоты и собирательства), приобретали специфическую направленность, дававшую оптимальные варианты для производства в условиях аридной и экстраридной зоны.

Здесь следует особо обратить внимание на важнейший фактор природной обстановки, который оказывал влияние на степные культуры. Он заключается, с одной стороны, в сезонных изменениях экологической ситуации в степном поясе, а с другой, — в ритмичных вековых изменениях ландшафтно-климатических условий, связанных с периодическими колебаниями периодов увлажнения и аридизации. Первое вызвало то явление в жизни кочевников, которое и является одной из основных особенностей их жизни. Оно известно как степной градиент — перемещение скотоводов между зимними и летними пастбищами (в Евразии — в меридиальном преимущественно

направлении), определяющее пространственную направленность внутренних культурных коммуникаций. Второе — чередование в их истории периодов расцветов и кризисов, ускорения и замедления социально-экономического развития, популяционных взрывов и регрессов, в результате чего происходило частое переструктурирование в составе складывающихся историко-культурных общностей и выплескивание энергии кочевых этносов за пределы их ареала (в Евразии — прежде всего, в широтном направлении). Это определило высочайшее развитие тех военных функций в ориентации кочевых обществ, которое в сознании населения центров оседло-земледельческих цивилизаций вызывало эсхатологические кошмары.

В окружавших «скифский мир» цивилизациях древневосточного типа политические системы всегда тяготели к регулярности, и идеальное государство представлялось в образе правильно организованного города, обнесенного могучей стеной, должной защищать от «варваров». Но «великие китайские стены» как нравственные, так и материальные всегда оказывались «воздушными замками». Регулярные государства быстро бюрократизировались, города взрывали идеальные построения и развивались как агломерации, и как только в «цивилизованном мире» наступал периодический упадок — «утомление культурой», — степные «генераторы народов» выплескивали на запад или на восток (как это было в Китае) новые массы номадов.

Как ни парадоксально, кочевнические культуры в определенном отношении более открыты, чем тяготеющие к автономии и индивидуализму земледельческие. С одной стороны, особенности кочевничества как доминантного ХКТ вырабатывают своего рода адекватный условиям жизни аскетизм, заключающийся в относительной жесткости и стабильности — нитровертированности социально-экономической структуры, что находит внешнее выражение в традиционности хозяйства и культуры, специфике институциональных отношений и, в конце концов, в сходстве у разных кочевнических народов одного этногенетического возраста стереотипов этнического поведения и психологии. Такая структура в нормальных условиях функционирования (здесь существенны адаптационные, отражающие взаимодействие со средой, факторы) обладает минимальной гибкостью и тенденцией к воспроизводству.

С другой стороны, такая жесткость означает хрупкость: даже незначительное воздействие факторов, превышающих максимально допустимый уровень гибкости (в адапционном отношении, например, изменение по разным причинам характера геобиоценоза, системы этнос-ландшафт), приводит к разрушению структуры, что спонтанно влечет за собой трансформацию этнической, социальной, поведенческой, психологической направленности. А такие факторы срабатывали в степном поясе Евразии довольно часто и, как считают некоторые, с регулярной периодичностью (свидетельство чему «Великие переселения народов»), так что кочевнические этносы, по-видимому, редко достигали зрелого этногенетического возраста, часто миссировали, распадались, утрачивали прежний и приобретали новые ХКТ, становились популяциями, попадающими в сферу совершенно иных условий этногенеза, превращались в народы качественно совершенно иные, даже если прежний этноним сохранился.

И здесь хотелось бы высказать соображения о функции т. н. маргинальных зон в той глобально сопряженной и, как мне кажется, интегрированной, как это ни странно звучит, «оппозиции» условно называемой «Степь—Город», бинарность которой была динамичной целостностью, во многом определяющей ход исторических событий на континенте. Для кочевнических культур маргинальные зоны — защитное поле, внутри которого, когда оно работает нормально, они адекватны.

Маргинальные зоны — это налаженная система и внутренних и периферийных коммуникаций с «Городом», через которую осуществляется обмен и политическое взаимодействие. В культурологическом аспекте именно отсюда приходит поток инноваций и взаимообогащения. Не случайно кочевники контролировали проходившие через их ареал караванные пути, и главный смысл опорных пунктов на их трассах заключался не столько в транзите между земледельческими центрами, сколько в необходимом и стабильном воспроизводстве отношений «Степь—Город». Степной градиент и широтная направленность кочевнической инфраструктуры (если такое понятие к ним применимо) создали пространственную модель межкультурных коммуникаций, их ориентацию в субареалах.

Материальным проявлением истории культуры кочевников, отражающей эту закономерность и в древности и в средневековье стала, например, история скифо-сибирского «звериного» стиля — от его сложения как блестящего элитарного искусства до времен превращения его в искусство тривиальное, массовое, повседневное, в какой-то мере утратившее сакральную привлекательность, трансформируемое в искусство традиционное.

Васютин А. С., Ложкин К. В.,
Петенова Г. Г., Самашев З. С.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ КУЛАЖУРГИНСКОГО ТИПА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

(По материалам могильника Курук-1)

Завершающий этап эпохи ранних кочевников на территории Саяно-Алтая характеризуется появлением новых типов памятников, сосуществующих с памятниками позднескифского облика, формированием этнокультурных ареалов, к числу которых можно отнести и кулажургинско-кара-кобинский ареал. В этой связи можно отметить, что горноалтайские материалы являются хронологически более ранними. В целом проблема происхождения, хронологии и периодизации памятников этого типа находится в стадии разработки.

Наземные погребальные сооружения (НПС) на могильнике Курук-1 (у о. Ново-Азово Таврического района Восточно-Казахстанской области) до раскопок представлены двумя разновидностями: небольшими каменно-земляными уплощенными и овальными в плане насыпями (до 12—14 м в диаметре и высотой 0,2—0,5 м) и каменно-земляными насыпями, резко выделяющимися на площади могильника своей масштабом, с диаметром более 20 м и высотой до 4 м. Первоначальной конструктивной основой (ПКО) этих сооружений являются кольцевые многослойные ограды-крепиды, иногда с перекрытием в виде купола или многорядные кольцевые каменные выкладки. Эти ПКО заполнены внутри грунтом и перекрыты несколькими слоями грунтовых насыпей, каждая из которых укрепленна каменной панцирной обкладкой. В ряде случаев эта внешняя панцирная кладка дополнительно укреп-

лена по основанию кольцевой многорядной каменной вымосткой из плашмя уложенных, торцами друг к другу, каменных плит и блоков.

Для сооружения насыпей больших курганов использовался грунт, выбираемый из кольцевых рвов, не замкнутых с восточной стороны. С западной стороны у всех больших курганов зафиксированы дополнительные сооружения в виде четырех и восьми каменных колец. В одном случае такое сооружение было зафиксировано в восточной части рва. Это подтверждает вторичность их возведения по отношению к основным объектам и вероятную связь с номинальным циклом похоронного обряда.

Судя по имеющемуся «грабительскому разрезу» одной из насыпей, ПКО ряда больших курганов могла иметь и более сложную конструкцию с перекрытием оград в виде каменного панциря-купола. Остается пока неясным способ его возведения, хотя несомненно, что основание таких построек должно опираться на верхние части стенок кольцевых оград.

Также обращает на себя внимание многослойность грунтовых насыпей, образующих внутри каменных оград своеобразные площадки. На одной из таких площадок по всей ее поверхности зафиксирован прокаленный слой грунта мощностью до 0,2 м.

Многослойность грунтовых насыпей является результатом не только освященных традицией строительных операций с последовательным снятием различных по составу грунтов и их последовательной укладкой в тело кургана, но и, вероятно, следствием каких-то послепохоронных ритуальных действий. В этой связи представляется небезынтересной еще одна деталь — поверхности большинства грунтовых насыпей, помимо обкладки каменным панцирем, заложены мелкими обломками каменных пород из белого мрамора и кварца.

Внутримогильные конструкции в большинстве исследованных могил или отсутствуют, или зафиксированы во фрагментарном состоянии. В частности, в таком состоянии зафиксированы деревянные перекрытия из небольших плашек, настилы по дну могил, а также деревянные рамы (?). В единственном случае выявлен каменный ящик с высокими стенками, с северной и южной сторон которых расчищены остатки какой-то столбовой конструкции. Подобие каменного ящика

было обнаружено при расчистке верхнего слоя грунтовой насыпи и каменного панциря, в котором находилось впускное погребение (инвентарь: трехгранные бронзовые наконечники стрел, колчаный крюк, бляха с протомами ушастых грифонов, железная пластина, порворки). Наряду с этим получен ряд новых данных по динамике сооружения всего погребального комплекса, что явилось основанием для аксонометрической реконструкции этих объектов, т. е. для графического воспроизведения «моделей», некогда сооруженных объектов, которые, и с конструктивной точки зрения, и с точки зрения этапности их возведения, могут рассматриваться как графические объекты, наиболее приближенные к их реальным прототипам. Такой подход делает возможным значительно расширить список признаков, который может быть положен в основу типологической классификации этого вида археологических источников и в целом необходим для более полной характеристики рассматриваемых памятников.

Обряд погребения курукского могильника представлен преимущественно одиночными погребениями, положенными на спину с западной ориентировкой. В ряде случаев зафиксирована восточная ориентировка погребенных как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Наряду с этим в каменном ящике зафиксировано наличие двух погребенных. Костные останки первого из них находились в разрушенном состоянии, а второго — в анатомическом порядке в положении лежа на правом боку с подогнутыми нижними конечностями и ориентированного в северном направлении.

Эти данные вносят дополнительную информацию, уточняющую положение о хронологических различиях в обряде погребения «кулажургинцев», а также пополняют сведения о самом обряде погребения. Так, впервые выявлено погребение с сопровождающим погребением трех беркутов (определение ориентолога). Пополнилась и коллекция керамических сосудов. Наряду с уже известными кувшинообразными и сосудами на поддонах обнаружен чашеобразный сосуд с широким горлом и боковыми горизонтальными ручками. Один кувшинообразный сосуд имел на шейке несколько рядов, выполненных ногтевыми вдавлениями.

В свете имеющихся на сегодня данных можно наметить ряд вопросов, требующих более специального отношения при

их разработке. В ходе дальнейшего фондового накопления источников важное значение приобретают детали обряда погребения «кулажургинцев». В этой связи чрезвычайно интересны наблюдения относительно этапности сооружения кургана, состава грунтовых насыпей и уровней залегания находок в них и характера этих находок, всех особенностей каменных построек (уровень, с которого они сооружались, способ и приемы их возведения, конструкции первоначальных сооружений и последующие строительные операции и их повторяемость или особенность возведения каждой из них и пр.).

Не менее важны наблюдения, связанные с выявлением состава заполнения могил и их реальных размеров, с наличием каких-либо остатков сооружений в могильных ямах из дерева, камня, а также последствий ограбления и приемов грабительских раскопок, наряду с тщательной фиксацией способа положения и поз погребенных, вплоть до учета количества костей, сохраняющих анатомический порядок, месторасположения находок и их взаиморасположения, с определением собственно погребального инвентаря в отличие от принадлежностей одежды погребенных. Наконец, необходима четкая фиксация сопровождающих погребений животных и птиц, остатков ритуальной пищи.

В настоящее время, на наш взгляд, задача состоит в том, чтобы не опережать преждевременными выводами результаты обработки источников. Это особенно важно, когда в нашем распоряжении уже имеются материалы, не сводимые к единому этнокультурному целому, применительно к памятникам «кулажургинского» типа.

Галкин Л. Л., Ольховский В. С.

КОМПЛЕКС СЯТИЛИЩ БАЙТЕ

(Начало исследования)

Культовый комплекс Байте находится в северной части плато Устюрт, в 6—12 км к Ю-В от железнодорожного разъезда № 6 и в 50 км к В-СВ от станции Сай-Утес (Мангыстауский район Казахской ССР). Он включает три небольшие курганные группы — Байте I, II и III, расположенные по

краю чинка в направлении СЗ-ЮВ, значительное количество антропоморфных изваяний и разнообразных жертвенно-поминальных сооружений.

Святылище Байте I, образующее восточную оконечность комплекса, включает четыре кургана, один из которых достигает 4 м высоты при диаметре около 50 м. Все курганы, судя по внешним признакам, ранее подверглись ограблению. Один из раскопанных малых курганов содержал остатки захоронения в каменном ящике; по найденному там же небольшому каменному жертвеннику-блюду курган предварительно датирован V—IV вв. до н. э.

Раскопом площадью 2000 кв. м в южной части святылища был охвачен почти весь район размещения обломков изваяний. При этом около 70% обломков полностью или частично находилось на современной поверхности, а остальные 30% — на глубине 0,05—0,2 м. По характеру размещения фрагментов у отдельных сохранившихся первоначальное положение оснований изваяний выяснено, что уровень древней дневной поверхности был на 0,15—0,2 м ниже современного. Изваяния обычно вкапывались на незначительную — до 0,35 м — глубину, при этом забутовка ямки мелкими камнями применялась редко.

Общее количество стоявших на территории святылища изваяний достигала 25—30. Кроме этого, найдены обломки известнякового жертвенного стола на четырех ножках. В непосредственной близости от насыпи большого кургана зафиксированы небольшие каменные кольцевые выкладки, очевидно, жертвенники или поминальники.

Группа Байте II располагается в 1,5 км к ЮВ от Байте I и включает четыре кургана небольшой высоты, а также каменоломню на склоне чинка. Не исключено, что именно отсюда известняковые заготовки изваяний доставлялись на Байте I. Антропоморфы здесь найдены не были.

Святылище Байте III, расположенное в 4 км к ЮВ от группы Байте II, объединяло три-четыре кургана (один высотой около 4 м, другие очень небольшие), несколько жертвенных выкладок, два больших жертвенных стола, большой чашевидный жертвенник, а также около 50 изваяний, преимущественно во фрагментах; недалеке, по краю чинка, выявлены следы древних каменных вырубков (остатки каменоломни).

Раскопом площадью 800 кв. м была исследована часть южной периферии святилища, особенно насыщенная фрагментами изваяний. Как и на Байте I обломки антропоморфов встречались на поверхности и в почвенном слое на глубине до 0,2 м. При этом в 7 случаях нижние части изваяний, вкопанные на 0,3—0,7 м, сохранили первоначальное положение. Стратиграфические особенности данного святилища в целом идентичны отмеченным для Байте I. Характерно полное отсутствие следов жизнедеятельности человека — костей, золы, керамики. Возможно, отчасти это объясняется природными условиями (почти постоянные сильные ветры), но, в основном, — отсутствием там постоянного населения.

Изучение морфологии и иконографии многочисленных изваяний, несомненно, даст богатый материал историко-этнографического плана. Пока же отметим, что выделяются две типологические группы изваяний: округлые с пропорциями, близкими натуре, высотой 1,8—4 м; и более схематичные, уплощенные, высотой 1,5—2,8 м. Если в первой группе соотношение ширины плеч и талии почти соответствует реальности, то для второй характерна диспропорциональность — очень широкие плечи при узкой талии. Наблюдаются различия и в положении рук, прижатых к торсу или бедру. Весьма выразителен набор представленных на изваяниях атрибутов; это мечи и книжалы с прямым перекрестием, орнаментированные пояса, гориты с луком и стрелами, одно- и многовитковые гривны, браслеты, серьги. На отдельных изваяниях имеются тамги, напоминающие «сарматские знаки» Северного Причерноморья.

Тщательно и в большинстве случаев реалистично на изваяниях трактованы лица: показаны брови, глаза (нередко и зрачки), нос, рот, тонкие усы. В ряде случаев создается впечатление монголоидности изображенных персонажей.

Предварительный планиграфический анализ позволяет предположить размещение изваяний группами по 5—8 штук на некотором расстоянии друг от друга. На Байте I таких групп насчитывается почти пять, на Байте III — около семи. Можно допустить принадлежность групп изваяний разным коллективам-родам; весь же комплекс Байте, таким образом, может рассматриваться как святилище одного либо нескольких племен.

Данному предположению не противоречит факт обнаружения еще двух подобных культовых комплексов — в 20 км к В (курганы и 7 изваяний) и в 300 км к ЮВ (курган и 5 изваяний) от Байте I. В ходе проведения широкомасштабных разведок на Устюрте можно ожидать открытия и других аналогичных по назначению памятников.

По типам изображенного на изваяниях оружия комплекс Байте предварительно датируется IV—III вв. до н. э. О длительности его активного функционирования что-либо сказать пока трудно, но иконографическое разнообразие изваяний позволяет допустить, что она составляла от нескольких десятилетий до полутора веков. На территории святилищ найдется также несколько позднесредневековых могил.

Зиняков Н. М.

ЧУГУНОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО САКОВ СЕМИРЕЧЬЯ

Чугунолитейное производство в эпоху раннего железа является весьма важным техническим и культурным достижением. Между тем вопросы, связанные с этой сферой экономики, в истории Казахстана и Средней Азии до настоящего времени не изучались. Предлагаемый доклад имеет целью исследование чугунных отливок саксов IV—II вв. до н. э., хранящихся в Музее археологии ИИАЭ АН Казахской ССР и ЦГМ Казахской ССР. Названные материалы (наряду с тремя фрагментами котлов из греко-варварского поселения близ Одессы и нескольких кельтов с полуострова Песчаного у Владивостока) к настоящему времени являются древнейшими на территории СССР.

Большинство исследователей склонно считать, что чугунолитие уже в начале железного века зародилось на Дальнем Востоке, почти одновременно с железоделательным производством. Роль дальневосточного очага признается исключительной в процессе распространения техники чугунолитейного производства на север и запад Евразии. По своему значению его можно приравнять к переднеазиатскому первичному центру зарождения металлургии железа.

Зародившись на Дальнем Востоке, чугунолитейное производство уже в эпоху раннего железа распространилось в

Центральной Азии, на Среднем Востоке, в Восточном Казахстане; в эпоху раннего и зрелого средневековья было известно в Приамурье, Советском Приморье и Средней Азии. В Европе долгое время не знали чугуна. Лишь в XIV в. он становится известен и начинает применяться в Волжской Болгарии и в Западной Европе, с XVI в. — в России.

Коллекция чугунных изделий из Семиречья насчитывает два десятка котлов. Химико-технологическому исследованию было подвергнуто 15 изделий. Из них 6 цельных сосудов, остальные представлены во фрагментах. Котлы полусферической формы имеют по 3 изогнутых ножки и по две петлевидных ручки. По форме и размерам исследованные изделия имеют прямые аналоги среди сакских бронзовых котлов. Размеры котлов: диаметр горла—26—36,6 см, высота — 20—26 см. Большая часть находок относится к числу случайных. Однако 4 отливки обнаружены в двух жертвенных местах, среди материалов которых содержатся хорошо датированные сосуды на поддонах и бронзовые светильники со скульптурными группами на ажурных конусовидных подставках, широко известные в сакском мире.

Отобранные образцы подвергнуты металлографическому и спектральному анализу. Металлографическое изучение отобранных образцов показывает однородный тип структуры белого доэвтектического чугуна, с повторяющимся набором структурных составляющих—перлита, цементита, отдельных зон ледобурита. Весь углерод в чугуне находится в связанном состоянии (Fe_3C). Шлаковых включений и пор в металле немного. Судя по цвету, включения имеют силикатный характер.

Данные структурного исследования подтверждаются и дополняются спектральным анализом состава чугуна (анализ проведен в спектральной лаборатории Сибирского металлургического института (Новокузнецк).

№	C	Si	P	Mn
1.	2,20	<0,53	<0,02	<0,1
2.	3,3	<0,53	<0,02	<0,1
3.	2,7	<0,53	<0,02	<0,1
4.	2,8	<0,53	<0,02	<0,1
5.	2,8	<0,53	<0,02	<0,1

6.	2,8	<0,53	<0,02	<0,1
7.	3,1	<0,53	<0,02	<0,1
8.	2,55	<0,53	<0,02	<0,1

Низкое содержание кремния, фосфора и углерода является характерной особенностью исследованных образцов. В прямой зависимости от химического состава находятся и технологические свойства чугунов. Малое содержание кремния и углерода обусловило образование структур белого чугуна, обладающего пониженными литейными свойствами. Низкое содержание фосфора характеризует слабую жидкотекучесть металла. Чтобы компенсировать в какой-то мере этот недостаток, литейщикам приходилось расширять диаметр литникового канала (на большей части отливок он составлял 8—9 см) и, по-видимому, увеличивать температуру нагрева расплава. Судя по диаграмме состояния «железо—углерод», литейный процесс происходил при температуре выше 1300—1400°C.

Исходя из имеющихся аналитических данных можно провести попытку реконструкции процесса получения семиреченского чугуна. Ключом в решении этого вопроса может быть теория прямого получения железа из руд, разработанная А. А. Байковым (В литературе процесс прямого получения железа из руд называют еще сыродутным). Суть выводов, применительно к описываемым источникам: при изменении режима плавки (скорость и прохождение шихты в рабочей камере, подача воздуха в печь, температура нагрева, соотношения в шихте древесного угля и руды) и увеличении высоты печи сыродутный процесс существенно изменялся. Восстановленное железо значительно науглероживалось, благодаря продолжительному соприкосновению с углеродом.

Таким образом, железо переходило в сравнительно легкоплавкий чугун. В зависимости от содержания углерода процесс заканчивался при температуре 1200—1400°C. Необходимый режим плавки (а он был достаточно стабильным) вырабатывался многолетним опытом. Однородность материала чугунных отливок и наличие комплекса характерных признаков (по микроструктуре и химическому составу), не имеющих аналогий в археологической практике, позволяют говорить о существовании в сакский период в Семиречье чугунолитейного и металлургического центра с достаточно четкими и самобытными традициями.

**РИТУАЛ ОЧИЩЕНИЯ У СКИФОВ И МАССАГЕТОВ
В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕ-
СКОГО ЕДИНСТВА ЕВРАЗИЙСКОЙ СКИФИИ VII—V вв.
до н. э.**

В рассказе Геродота об обычаях скифов есть описание двух способов очищения, определенно связанных с культом загробного мира, которые совершались людьми в процессе похорон скифской знати. Связь этого обычая с погребальным обрядом знатных скифов дает возможность найти в археологических источниках его отражение.

По этому обряду мужчины, после совершения захоронения царя, очищали свое тело в особых шатрах-парильнях. При этом они воскуривали на раскаленных камнях семена конопли и впадали в состояние наркотического дурмана, возможно, для «общения» с силами потустороннего мира. Скифские женщины, в отличие от мужчин, по Геродоту же, очищали свое тело менее магическим и, скорее всего, повседневным способом. Для этого они растирали на плоских камнях древесину, которую, смешав с жиром, наносили на тело, а по прошествии времени, смыв ее, становились «чистыми и блестящими» (IV, 73—75). Сведения, записанные Геродотом в середине V в. до н. э., имеют достаточно глубокие корни в обрядовой системе скифских народов Евразии, которые возможно проследить и на археологических материалах.

О курении конопли скифскими народами не только европейских, но и азиатских степей нам известно опять-таки из рассказов Геродота. При описании обычаев массагетов историк упоминает о коллективном воскурении массагетами плодов некоего дерева, идентифицируемого с коноплей (Доватур А. И. и др., 1982).

Этот пассаж Геродота был заимствован им из источников значительно более раннего времени (возможно, из Аристия), к которым вероятнее всего относятся и данные, положенные Геродотом в основу его версии об азиатской прародине скифов.

Таким образом, сведения Геродота об обычаях массагетов устраивать ритуальные воскурения конопли восходят ко времени VII — начала VI вв. до н. э.

Еще более древнюю дату использования курения из конопли позволяет установить нам археология. Косвенным подтверждением этого является существование в долине реки Сырдарьи массагетских могильников Тагискен и Уйгарак, прямым же свидетельством существования у скифских народов Азии курения из конопли является находка в погребении начала VII в. до н. э. Большого Гумаровского кургана на Южном Урале. Там, среди остатков горита, сделанного из дощечек, обтянутых кожей и обшитых мехом, в особом отделении был найден перетертый жмых конопли с остатками семян. Данное погребение рассматривается в науке как одно из наиболее ранних скифских захоронений, которое по характеру инвентаря, особенностям погребального сооружения тесно связано с памятниками центрально- и среднеазиатского регионов (Исмагилов Р. Б., 1988; Членова Н. Л., 1988).

На мой взгляд, этот памятник принадлежит какой-то центральноазиатской волне ранних скифов, соприкоснувшись в своем движении на запад с массагетами Средней Азии.

В более позднее время в азиатском регионе следы курения из конопли засвидетельствованы, как минимум, дважды. Так, в 1928 г., при раскопках Д. И. Захаровым кургана VI—V вв. до н. э. у пос. Сара Оренбургской области, рядом с каменной плитой-растиральником, зеркалом и другими предметами, сопровождающими коллективное захоронение нескольких человек (мужчин и женщин?), было найдено значительное количество семян конопли (архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, № 166).

В настоящее время, в противовес очень распространенной в 40—70 гг. савроматской гипотезы Б. Н. Гракова — К. Ф. Смирнова, многие исследователи видят в курганных погребениях Южного Урала VII—V вв. до н. э. памятники отделившихся скифов Геродота (Чежина Е. Ф., 1983, 1988; Очир-Горяева М. А., 1988; Исмагилов Р. Б., 1988; Членова Н. Л., 1988). Этот пересмотр этнического определения южноуральских курганных древностей имеет для нашей темы принципиальнейшее значение.

Другой случай нахождения в кургане скифского времени курения из конопли дали раскопки 2 Пазырыкского кургана (Руденко С. И., 1953). Найденный здесь прибор для воскурения из конопли в виде бронзового котелка с обожженными

камнями и деревянной основы шатра над ним сопровождал парное захоронение, причем в инвентаре женщины присутствуют опять-таки каменный растиральник в виде столбика и большое бронзовое зеркало.

Очень интересным в этом погребении представляется и само сочетание центральноазиатского характера погребения с похороненным в нем вождем — представителем монголоидной расы с какими-то западными по отношению к Алтаю традициями и элементами инвентаря, сопровождающего, несомненно, женщину из этого погребения, антропологический тип которой является европеоидным.

Таким образом, для VII—V вв. до н.э. мы имеем целый ряд памятников, свидетельствующих о том, что представители скифской культуры азиатской части евразийских степей знали и широко пользовались курением из конопли. Учитывая данные письменной традиции, можно говорить о том, что этот обычай характерен для скифских народов всей Евразии, а нахождение этого курения в погребениях указывает к тому же на его принадлежность к культу и погребальному обряду, как одной из его форм. К сожалению, плохая сохранность органических остатков в среднеазиатском и причерноморском регионах не дает возможности при раскопках фиксировать их. Но мы имеем теперь полное право предполагать наличие этого курения и там.

Значительно больше данных зафиксировано археологией по части женского обычая очищения. Примечательно, что в рассказах о скифянках Причерноморья Геродот говорит о плоских камнях-растиральниках, на которых готовилась импозантная, в понимании греков, косметика. Дело в том, что в погребениях скифских женщин Северного Причерноморья мы практически ни разу не встретим каменный растиральник в виде столбика. Памятники этого региона на протяжении VI—V вв. до н.э. стабильно дают плоские камни или блюдца с невысокими бортиками.

О функциональном назначении этих предметов в науке ведется давний спор. Часть исследователей видит в них растиральники для приготовления косметики. Другая часть, вслед за Талльгреном и Граковым, усматривают в них переносные

алтари скифских жрецов и савроматских жриц. Последняя гипотеза, положенная в основание савроматской теории Гракова—Смирнова, вероятно, должна быть оставлена.

Термин «савроматские жрицы», созданный Б. Н. Граковым на основе изучения курганных древностей Южного Приуралья скифского времени, во-первых, никак не подкреплен античными источниками. Во-вторых, на территории обитания исторических савроматов (Приазовье, Нижний Дон, Нижнее Поволжье) таких предметов найдены единицы, в то время как находки в Северном Причерноморье, Приуралье, Средней Азии, Казахстане и на Алтае исчисляются сотнями экземпляров. К тому же эти растиральники встречаются постоянно в косметических наборах, состоящих из бронзовых зеркал, растиральников и терочников, ложечек, раковин и сосудов с красками. Противоречит «жреческой» трактовке этих растиральников и хронологический аспект их локализации, поскольку древние косметические наборы встречены в массагетских могильниках Уйгарак и Тагискен, но отнюдь не в «савроматских» памятниках. В VI в. до н.э. такие наборы, в сопровождении оружия, появляются и в погребениях знатных женщин в Северном Причерноморье и Южном Приуралье, где зафиксированы многочисленные археологические факты приготовления на каменных растиральниках какой-то косметики.

Интересный факт дает погребение 3 в кургане 2 Тара-Бутакского могильника второй половины VI—V вв. до н.э. На поверхности найденного там большого каменного столбика-растиральника была зафиксирована спрессованная масса растертого соснового дерева, имевшая когда-то жировую добавку. В соседнем кургане 3 на аналогичном столбике-растиральнике был обнаружен слежавшийся слой мела, а на поверхности столбика — жирные темные пятна. Рядом с этими столбиками были обнаружены и куски дерева со сглаженными в результате их растирания на шероховатой поверхности столбиков краями (Смирнов К. Ф., 1964).

Вышеотмеченная встречаемость курения из конопли с этими косметическими наборами в парных и коллективных погребениях Урала и Алтая мне представляется далеко не случайным явлением. О чем же свидетельствуют находки косметических наборов скифо-массагетских женщин в историческом аспекте?

Для ответа на этот вопрос уместно вспомнить данные Геродота, которые опять-таки восходят к очень раннему времени. Рассказывая об обычаях массагетов со слов своих литературных источников, Геродот писал: «По мнению некоторых, массагеты — это скифское племя» (1,201). Далее, в описании массагетов во время борьбы с Киром, которую возглавляла женщина-царица (!), он замечает: «Одеждой, которую они носят, и образом жизни массагеты походят на скифов» (1,215) и, зная какие-то реалии, он полемизирует со своими источниками: «То, что, по словам эллинов, принято у скифов, делают в действительности не скифы, а массагеты» (1,216). О том, что знал в действительности Геродот о скифах и массагетах, мы можем догадываться хотя бы по началу той версии о происхождении скифов, которой Геродот доверял более всего: «Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю» (IV, II).

В связи с явными аналогиями косметических наборов знатных массагетских женщин, погребенных в могильниках Тагискен и Уйгарак, с таковыми же наборами знатных скифянок Причерноморья и Приуралья (к тому же чуть более позднего времени), а также в связи с отрывочными, но достаточно красноречивыми данными Геродота, мне хочется обратить внимание на некоторую общность и преемственность в характере погребальных памятников указанных регионов. Это, прежде всего, планиграфия могильников. Большие курганные группы ранних массагетов (Тагискен и Уйгарак), которые расположены на периферии оседлых земледельческих культур Средней Азии, живо напоминают лесостепные могильники скифов Приуралья и Причерноморья, которые также расположены в контактных зонах с оседлыми культурами и являются своеобразными прототипами знаменитых царских могильников в области герров Геродота (IV, 71). Наличие аналогий в конструкциях курганных сооружений этих находящихся на разных территориях, но очень близких в культурном отношении памятников (как то: погребения на уровне древнего горизонта, деревянные конструкции в насыпи и оборудовании широких прямоугольных могил), также заставляет говорить об определенной исторической взаимосвязи древних народов Средней Азии с жителями степных и лесостепных регионов Приуралья и Причерноморья VII—V вв. до н. э.

Таким образом, анализ археологических материалов, четко и недвусмысленно сопоставимых с данными письменной традиции, ставит на повестку дня вопрос осмысления скифо-сибирской культурно-исторической общности как последовательного исторического процесса проникновения больших масс азиатских народов в Северное Причерноморье, которые принесли с собой достаточно пеструю, но самобытную культуру и стали известны греческой цивилизации под собирательным именем скифов.

Исмагилов Р. Б.

К ЭТИМОЛОГИИ MASSAGETAE И PHYSSAGETAE

Массагеты и фиссагеты — названия широко известных в античной литературе со времен Геродота племен (племенных союзов).

Уже первое знакомство с данными, касающимися этих этнонимов и их носителей, дает основание для некоторых предварительных заключений. Первым из них следует назвать очевидное близкое созвучие этнонимов между собой, в связи с чем, собственно говоря, они и рассматриваются отдельно от других. По формальным признакам в эту же группу можно включить, очевидно, также племенные названия тирагетов и мергетов некоторых более поздних источников, которые, однако, в этой работе специально не анализируются.

Окончание всех этих слов, дошедших до нас в греческой (а также в латинской) графике, совпадает с этнонимом «геты», принадлежавшим одной из племенных групп Нижнего Подунавья. Именно последнее обстоятельство, кстати, было широко использовано рядом исследователей для обоснования «гетской» (а в самое последнее время и «кетской») (Яйленко В. П., 1988) этимологизаций приведенных выше названий. Однако безусловная культурная и, что еще важнее, этническая разнородность населения, скрывавшегося за этими именами, и говорившего, по некоторым данным, на диалектах трех различных по происхождению языков (финно-угорских — фиссагеты, иранских — массагеты и фракийском — геты), заведомо диктует необходимость поиска иных путей. Исторически засвидетельствованное Геродотом (VII, 71) имя одного из военачальников Ксеркса в форме Massag (Massages)

позволяет видеть в названии массагетов сложение типа массаг+еты (и по аналогии с этим, слово «фиссагеты» также рассматривать как сложение фиссаг+еты), в связи с чем сама идея об опоре в процессе анализа на имя гетов, очевидно, легко должна быть оставлена.

Другой частный вывод, следующий из предварительного рассмотрения этнонимов на -etae, заключается в необходимости отказа от мысли, что они могут быть самоназваниями. Несомненно, это иноязычные названия, не только взращенные на лексической почве одного какого-то языка, но и отражающие какие-то весьма устойчивые синтаксиско-морфологические закономерности последнего. Следовательно, вопрос заключается в том, чтобы выяснить, на базе какого языка их можно удовлетворительно объяснить.

Идейной и композиционной доминантой четвертой книги «Истории» является, как известно, описание событий скифо-персидской войны, сопровождающееся попутным описанием этногеографии Скифии. «Скифоцентристская» (по необходимости, а отнюдь не произвольно) позиция Геродота отчетливо просматривается и в ходе описания им многих других древних народов степной и лесостепной Евразии. Этот подход, кроме всего прочего, находится в теснейшей связи с разделяемой самим Геродотом концепцией о восточном происхождении скифов. Правда, он нигде не сообщает о сакральной дороге скифов, но, тем не менее, очень вероятно, что так называемый торговый путь из Северного Причерноморья на северо-восток и восток совпадал с направлением скифского «исхода», т. е. с дорогой, ведущей в области их прежнего обитания. Таким образом, изложенные Геродотом сведения о народах степного пояса Старого Света можно в определенной степени считать греческим изложением скифских путевых впечатлений.

Соответственно с этим скифскими (восточноиранскими) по своему происхождению должны являться и многие этнонимы «Истории», особенно книги четвертой. В ряде случаев об этом прямо заявляет сам автор труда (напр., «аримаспы»; местное название амазонок — «гойропата» и т. д.), а часть других названий («савроматы», «исседоны» и др.) более или менее удовлетворительно выводится из лексики потомка скифо-сарматских диалектов — современного осетинского.

Здесь нужно отметить, что в ретроспективе для нашего анализа существенным оказался момент некоего пространственно-периферийного положения народов, скрывающихся под этнонимами на -etae, причем в обоих случаях недалеко от последних оказываются именно ираноязычные этносы. Так, описание фиссагетов, приведенное в соответствии с их географическим местоположением, дано Геродотом (IV; 22) в контексте с описанием таких соседей: савроматов и будинов — с одной стороны; ирков и скифов отделившихся — с другой. Фиссагеты обычно исследователями отождествляются с населением либо городецкой (занимавшей правобережье среднего течения р. Волги) либо ананьинской (поименованной в Волго-Камье и в нижнем течении р. Белой) культур. Массагетов, также следуя указаниям прежде всего Геродота (I, 204) о проживании их на равнине к востоку от Каспийского моря, обычно принято размещать в Арало-Каспийском междуморье или в междуречье Аму- и Сырдарьи, где-то по соседству с жившими в северных районах Средней Азии, Южном Казахстане и Семиречье саками.

Таким образом, имея в виду особое, интегрирующее значение скифского опыта для сложения геродотовой концепции степной Евразии, я счел необходимым в своем анализе племенных названий на -etae воспользоваться лексикой современного осетинского языка.

Массагеты: сложение из massag «большие саки» и aeddae «снаружи», «вне»; отсюда massagetae «(проживающие) вне больших саков».

Фиссагеты: сложение из faerssag «сторонний», «находящийся сбоку» (Абаев В. И., 1958) и aeddae «снаружи», «вне» (Абаев В. И., 1958); отсюда faerssagaeddae «(проживающие) вне находящихся сбоку».

Приведенное здесь осетинское словосложение находит точное соответствие с формой, зафиксированной римским писателем Валерием Флакком, — thyrsetai. Г. Коте считал такой вариант исторически более ранним, но, думается, оснований для такого предположения недостаточно. Дело в том, что первая часть осетинского слова faerssag (а также faerssag-laeg «сторонний человек») бесспорно связана с предлогом faes «за», «позади», «после», восходящим к общениндоевропейскому

*pos- «позади», «после». Следовательно, вариант, приведенный Флакком и соответствующий нормам современного осетинского языка (lhyrsagetai, laerssagaeddae, является более поздним сравнительно с воспроизведенным у Геродота (physsagetae; ср. с *laerssagaeddae).

Эти, звучащие несколько тяжеловесно в переводе на русский, этнонимы наполнены, как мне кажется, исторически реальным содержанием. Прежде всего отметим, что сама модель образований новых этнических названий «пространственного» типа вполне обычна в иранских языках. Вспомним в этой связи хотя бы персидские наименования различных сакских объединений, таких как «саки, которые за морем» и «саки, которые за Согдом». Если исходить из концепции появления предков скифов в Причерноморье из Центральной Азии, то становится понятным, почему массагеты, находившиеся к западу или северо-западу от Семиречья и северной периферии Средней Азии, области расселения саков, могли быть обозначены как проживающие за «большими («царскими») саками». Протоскифы шли с востока и, следовательно, с населением Приаралья или Арало-Каспийского междуморья могли столкнуться (и дать ему название) только после знакомства с собственно саками. Эта драгоценная по своему значению деталь очень четко и точно отражена в скифском наименовании массагетов.

То же и с фиссагетами. Мнение ряда исследователей о возможности заселения скифами Южного Приуралья получило безупречное археологическое подтверждение в связи с раскопками на правом берегу Сакмары Большого Гумаровского кургана (Немагиллов Р. Б., 1988), соединившего в единую цепь азиатское и европейское звенья древнейших скифских памятников VIII—VII вв. до н. э. Таким образом, Южное Приуралье, понимая под последним отроги собственно Южного Урала, Обский Сырт, Губерлинские горы и Мугоджары, и являются тем крайним западным участком каменистой земли, где жили отделившиеся скифы Геродота. Только в этом случае этнос фиссагетов, населявших лесостепное Волго-Камье, соответствующий племенам ананьевской или городечкой культур, мог казаться основной части скифской орды находившимся «вне» (точнее — «за») области отделившихся скифов.

Осетинский (скифский) послелог aeddae, на мой взгляд, восходит к общетюркскому arla «за», «сзади», «позади».

Кулемзин А. М.

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕТАГАРСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы социальной организации древних обществ эпохи раннего железного века, некогда существовавших в Южной Сибири, все чаще занимают внимание исследователей. Время от времени в их поле зрения попадает древнетагарское общество, которое все больше «поднимается» из родового строя и «вводится» в государственность. Если А. Н. Бериштам называл тагарскую эпоху расцветом родовых отношений, идеалом первобытного коммунизма, то впоследствии С. В. Киселев, В. П. Левашова, А. И. Мартынов считали, что силы разложения первобытных отношений лишь незначительно коснулись его. М. П. Грязнов и А. Д. Грач полагали, что общественные отношения носителей тагарской культуры переживали последнюю стадию военной демократии. Более того, появилась точка зрения о том, что уже в V в. до н. э. в южной части Красноярского края сложилось государство тагарцев (А. И. Мартынов).

Несмотря на высокий авторитет всех названных исследователей, мы полагаем, что их точки зрения — не более, как рабочие гипотезы, так как ни в одном случае не приведено достаточно полного объема фактов, не обеспечена система доказательств. Для этого необходимо более солидное исследование всех (или более обширных) сторон общественной жизни, нашедших отражение в археологических материалах. Это, прежде всего, уровень производительности труда и формы собственности, формы власти и военно-иерархические структуры, социальная дифференциация, семья, общинные и надобщинные структуры, а также все проявления, порождаемые военно-демократическим строем или государством: организация населенных пунктов (город, село), развитие коммуникаций, дороги, обмен (наличие рынка), обычное или кодифицированное право, письменность и многое другое. Пока таких исследований не сделано, утверждать о существовании государственности или иной организации общества, по крайней мере, наивно.

По справедливому замечанию Д. А. Грача, археологические данные памятников скифского времени юга Сибири представляют достоверную информацию о социальном уровне древних обществ. Вряд ли достаточно одного беглого взгляда на величину того или иного «грандиозного» археологического сооружения периода тагарской культуры, чтобы сделать обоснованные выводы о типе общественно-экономической формации. Только полное исследование конкретных характеристик общества позволит найти им место в принятой на сегодняшний день схеме. Вместе с тем даже полное исследование какой-либо одной стороны общественных отношений не дает оснований судить в целом о древнем обществе. Нужны исследования совокупности этих характеристик и полная картина их взаимодействия.

Одна из важнейших характеристик древнего общества, находящегося в процессе становления государственности, — это степень развитости военно-иерархических структур. Погребальный обряд тагарских захоронений дает возможность выявить здесь многие факты. Как отмечали некоторые авторы (М. А. Дэвлет, Д. А. Грач), по обряду погребения выделяются следующие типы захоронений, отражающие существование определенных социальных групп. Это погребения рядовых общинников, представителей военно-аристократической знати и «царей». Зафиксированы также и захоронения людей бесправных.

Вместе с тем среди «полноправных» погребенных четко выделяется категория вооруженных людей-воинов, только общий взгляд на погребения которых «говорит о явной стандартизации ассортимента» предметов вооружения (Д. А. Грач).

Количественное сопоставление и взаимовстречаемость различных видов оружия с погребенными воинами показывает, что в тагарских погребениях существует определенная закономерность «связи» одного типа оружия с другим. Сопоставление взаимовстречаемости различных предметов костюма и украшений также свидетельствует не только о сложившихся устойчивых «связях» между ними, но, видимо, отражает и определенный общественный статус погребенных. Погребенные с оружием в три раза чаще имели такие украшения, как бляшка «олень», коромыслообразный предмет, поясной

бронзовый браслет. Среди погребенных воинов 75% имели названные украшения, погребенные без оружия — только 25%.

Погребенные с боевыми топорами могли иметь все прочие виды оружия (кинжал, чекан, вток, наконечники стрел). Погребенные с наконечниками стрел (лучники) реже других пользовались другими видами вооружения — 68%. Промежуточное положение занимали погребенные с кинжалами и чеканами.

Наиболее массовыми украшениями были коромыслообразные предметы, наименее распространенными — «штандарты». Однако «штандарты» чаще, чем коромыслообразные украшения, клалась с вооруженными людьми. Наибольшее количество украшений имели погребенные с топорами (60%), наименьшее — лучники (17%).

В результате анализа оружия и украшений погребенных можно сделать предположение, что к категории погребенных воинов «высшего ранга» можно отнести вооруженных боевыми топорами, погребения которых сопровождались «штандартами», оленьими бляшками и всеми прочими атрибутами воинского костюма. За ними шли воины, вооруженные кинжалами и чеканами. К самому «низкому рангу» воинства принадлежали лучники, среди которых, в основном, была молодежь и значительная доля женщин (около 14%).

Перечисленные украшения, вероятно, не были только украшениями, но, развившись из условий образа жизни и являясь деталями костюма воина, выполняли роль символов социального отличия. Стадиальное развитие тагарского общества показывает, что составной и все более существенной частью его являлись воины, число которых на баинтовском этапе составляло 20% от мужского населения, 50% — на подгорновском и около 95% — на сарагашенском.

Имеются факты, которые можно истолковать как свидетельство существования признаков дружины. На последних этапах тагарской культуры с погребенными не встречается натурального оружия. Исключение составляют два, как их называют, «царских» кургана: Большой Уйбатский и Кызыл-Куль. Появление дружины, противостоящей не только внешним врагам, но, в первую очередь, рядовому населению,

обязательно должно было привести к его разоружению. Наличие же миниатюрного оружия с погребенными по традиции подчеркивало лишь формальное признание всех мужчин воинами.

Приведенные факты свидетельствуют о процессах, характерных для общества, находящегося на стадии активного разложения родового строя и зарождения явлений, непосредственно предшествующих государственности.

Кузнецова Т. М.

ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ЗЕРКАЛ» СКИФСКОГО ТИПА

«Зеркала» с бортиком и центральной ручкой-петелькой уже интерпретировались ранее как скифские священные предметы, которые распространялись на огромной территории от Северного Причерноморья до Саяно-Алтая не вследствие торговых или обменных операций, а как результат перемещения их владельцев, что и характеризует круг их встречаемости.

Исходным районом распространения предположительно определяется Приаральский регион, где подобные предметы сосредоточены в могильниках Тагискен и Уйгарак в наибольшем количестве. Сведения источников позволили предположить, что отток населения из восточных районов мог быть неоднократным явлением. Даты памятников (VII—VI и VI—V вв. до н. э.) с указанными «зеркалами», видимо, подтверждают это предположение.

Наличие «зеркал» с бортиком и центральной ручкой-петелькой на территории савроматской, ананьинской и иных культур к западу от Приаралья, в памятниках VII—VI вв. до н. э. фиксирует, видимо, путь продвижения племен, которые получили у греков название «скифы». Этот путь шел через Урал и Волго-Камье в Приднепровскую лесостепь, а оттуда через Причерноморскую степь и Кавказ в Переднюю и Малую Азию.

Распространение рассматриваемых «зеркал» свидетельствует, что отток населения из Приаралья мог происходить не только на запад, но и на восток, предположительно, район Восточного Казахстана, что нашло свое отражение и в памятниках этого региона, и в культуре соседних народов, где в

VII—VI вв. до н. э. появляются подобные «зеркала». Причем предметы такой формы у населения Саяно-Алтая несут следы и местной традиции, известной для этого региона в более раннее время. Вероятно, мастерами из среды местного населения производились указанные «зеркала» и для пришедших из западных районов (не западнее Приаралья) кочевников.

Исчезновение «зеркал» с бортиком и центральной ручкой-петелькой из восточных памятников к V в. до н. э. и концентрация их в Приднепровье во второй половине VI в. до н. э. свидетельствует, что и новый район обитания был, видимо, покинут носителями традиции, связанной с употреблением рассматриваемых «зеркал», и новая волна населения ушла на запад, в Причерноморье. Трудно сказать, чем был вызван новый отток кочевников, но не исключено, что это событие было связано с походом Дария на саков (517 г. до н. э.), который мог вызвать подвижку населения на довольно обширном пространстве. Этот путь, видимо, фиксируется археологическими памятниками с указанными предметами, датированными VI—V вв. до н. э.

Уход носителей отмеченной традиции из восточных районов и отсутствие традиции изготовления «зеркал» на западе, в Причерноморской лесостепи, привело к быстрой археологизации рассматриваемых «зеркал» и их исчезновению в V в. до н. э. на всей территории евразийского пояса степей.

Курманкулов Ж. К.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ VIII—VII ВВ. ДО Н. Э. ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Одним из основных и сложных вопросов казахстанской археологии является изучение закономерностей перехода от эпохи бронзы к РЖВ, определение типов предсакских и раннесакских памятников. Между тем до последнего времени в Центральном Казахстане не были известны памятники переходного этапа. В связи с этим большой интерес представляют раскопки одной из оград (96 б) в могильнике эпохи бронзы Ак-Мустафар в Джезказганской области.

Ограда диаметром 5,6 м, состоящая из семи вкопанных на ребро крупных плит, расположена в 150 м к юго-востоку от основной части могильника. Еще одна плита, напоминающая

«бараний» камень бегазы-даидыбаевского времени, лежала в восточной части ограды. Длина ее — 2,6 м, ширина у основания — 0,8 м, верхний конец заострен.

Внутри ограды на глубине 0,2 м найдена крупная лירו-видная пряжка и проииз с грибовидной шляпкой.

На глубине 0,4 м, ближе к восточной части ограды, обнаружена прямоугольная яма (0,15×0,16 м), в которой найдены мелкие фрагменты сожженных костей лошади, бронзовые и железные предметы уздечного набора. Ритуальный костер, произведенный в стороне, был настолько мощным, что часть бронзовых изделий деформировалась, некоторые из них расплавились.

Уздечный набор состоял из следующих предметов:

1. Кольчатые удила, со стременидными концами с упором. На одной из плоскостей стержня удила имеются специально изготовленные прямоугольные выступы. Кольца одного из звеньев удила оставлены несомкнутыми.

2. Слегка изогнутые псалии с ромбовидным сечением стержня имеют три отверстия на двух плоскостях. Отверстия, расположенные ближе к концам, овальные, а центральное прямоугольной формы, соответствуют по размеру окончанию удила. Длина псалий — 16 см.

3. Бронзовое колечко диаметром 0,03 м.

4. Ворворка в виде усеченного конуса, высотой 0,15 м.

5. Фигурная стременидная пряжка малого размера.

6. Три проиизы с круглой шляпкой на стержне, шляпка одной из них оформлена в виде многогранника.

7. Три обоймы для перекрестных ремней. Полусферический щит у них также оформлен в виде многогранника.

Кроме того, было найдено несколько фрагментов расплавленных бесформенных бронзовых изделий. Все изделия отлиты в двухстворчатых литейных формах.

Особый интерес в этом комплексе бронзовых изделий представляют железные изделия, изготовленные путем литья иковки, возможно, сварки. Это две проиизы с полусферическими шляпками, широкой петелькой, а также две крупные обоймы для перекрестных ремней.

По аналогиям из казахстанских и саяно-алтайских комплексов удила наш комплекс является одним из самых ранних и может быть датирован VIII—VII вв до н. э. Ценность этого комплекса заключается еще в том, что, во-первых, это ритуальное захоронение конского черепа совершено в ограде у подножия стелы, имеющей сходство со стилизованным изображением лошади, типичным для бегазы-даидыбаевского времени. В связи с этим этот памятник может внести некоторые коррективы при датировке оград со стелами, традиционно относящихся к бегазы-даидыбаевскому времени. Во-вторых, в этом довольно раннем комплексе впервые для Казахстана обнаружены предметы, указывающие на время освоения железа.

Могильников В. А.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРИЯ АЛТАЯ

В ходе археологических исследований в зоне Гилевского водохранилища на верхнем Алтае, в северо-западных предгорьях Алтая нами было вскрыто около 30 курганов эпохи раннего железа в некрополях Гилево IX, X, XIII, Корболиха X, материал которых имеет определенные черты сходства с синхронными памятниками Восточного Казахстана, но пока не получил освещения в литературе. В хронологическом и культурном отношении раскопанные памятники изучаемой эпохи могут быть разделены на 4 группы: VII—VI вв. до н. э.; конца V—IV вв. до н. э.; конца IV—III вв. до н. э. и II—I вв. до н. э. — рубежа н. э. Поскольку все курганы граблены, их хронология и культурная принадлежность не всегда определяются достаточно точно.

К VII—VI вв. до н. э. относится курган 10 некрополя Корболиха X. Насыпь его диаметром около 11 м, высотой 0,5 м была сложена из крупных камней и земли; на уровне древнего горизонта имела подобие подквадратной каменной ограды размером 8×8 м, ориентированной углами по сторонам света. Погребение совершено в простой прямоугольной яме размером 3,5×1,5 м, глубиной 1 м от уровня древнего горизонта, ориентированной З-В и заполненной камнями и землей.

Погребение полностью разграблено. У дна сохранились остатки древесного тлена от перекрытия, фрагмент трубчатой кости животного (лошади?), а в выкиде из ямы найдено звено бронзовых стремечковидных удил, датирующих курган. Судя по размерам могильной ямы и находке указанной кости, погребение, видимо, сопровождалось конем.

К концу V—IV вв. до н. э. относится некрополь Гилево X, состоявший из двух курганов, расположенных по линии С-Ю, перпендикулярно краю террасы Алтая. Насыпи курганов сложены преимущественно из светло-коричневого лессовидного суглинка с небольшим количеством камней, которые на уровне древнего горизонта образовывали подобие подпрямоугольно-овальных оград, сложенных из нескольких рядов камней и ориентированных углами по сторонам света. Размеры курганов: 1 — диаметр 13,4×16 м, высота 0,7 м, ограда 10×13 м; 2 — диаметр 26×27,5 м, высота — 1,15 м, ограда 20×21,5 м. В центре — погребения, совершенные в сопровождении коня, в прямоугольных ямах, заполненных лессовидным суглинком и камнями. В нижней части ямы имели бревенчатую обкладку или сруб (характер сочленения в углах не прослеживался), которые сверху поперек были перекрыты бревнами. Яма кургана 2 с южной стороны имела, кроме того, приступку. Размеры ямы: курган 1 — 2,9×2,35, глубина 2,75 м, курган 2 — 5×4,8 м (З-В), глубина 3,5 м от уровня погребенного горизонта. В кургане 1 яма была ориентирована З-В, а погребенный лежал головой на запад. От инвентаря сохранились рукоятка меча с рожковидным навершием и тупоугольным перекрестием со следами золотой инкрустации, 6 костяных втульчатых ромбических и треугольных в сечении наконечников стрел и кувшин с цилиндрическим горлом, украшенный насечкой по краю венчика. Курган 2 в указанном погребении из инвентаря дал только 3 маленьких кусочка золотой фольги треугольной формы.

Погребальный ритуал и инвентарь курганов Гилево X синкретичен и отражает расположение оставившего его населения на границе трех этнокультурных массивов. Характер насыпи с устройством каменной выкладки-ограды под ней и ориентировка головой на запад напоминают сако-усуньские памятники. Сопровождение погребенного конем и форма сосуда, а также устройство ступеньки в могильной яме сближают с пазырыкской культурой Алтая, а расположение сту-

пеньки в могиле с южной стороны и, очевидно, расположение коня к югу от погребенного указывают на детали ритуала, присущие населению Алтайских предгорий. Такое сочетание черт погребального обряда объясняется контактами в данном регионе названных этнокультурных массивов.

В кургане 2 было впускное погребение, совершенное под западной полой в подпрямоугольно-овальной яме размером 2,05×1 м, глубиной 1,2 м от уровня материка, ориентированной С-Ю, и содержавшее захоронение подростка, кости которого перемешаны. Найденный в погребении кувшинчик напоминает усуньскую керамику.

К концу IV—III, возможно, и ко II в. до н. э. относятся курганы 3 и, вероятно, 6 некрополя Корболиха X, а также 13 курганов могильника Гилево IX. Последние в пределах указанного хронологического отрезка, видимо, несколько более поздние. Для погребального обряда характерны захоронения под каменно-земляными насыпями, по периметру которых на уровне древнего горизонта выявляются подобия оград, сложенных из более крупных камней. В кургане 3 Корболиха X эта ограда подпрямоугольной формы, в Гилево IX — округлой. Насыпи небольшие, диаметром около 6—8 м, высотой обычно до 0,4 м. Захоронения совершены в подпрямоугольно-овальных ямах с почти вертикальными стенками, ориентированными обычно З-В, ЮЗ-СВ. В ямах сохранились фрагменты деревянных перекрытий, в единичных случаях — обкладки могильной ямы из камней. В большинстве случаев фиксируются остатки углистой подсыпки в придонной части могильных ям. Преобладают индивидуальные захоронения, лежащие на спине, вытянуто, головой на З или ЮЗ. В кургане 3 Корболиха X были захоронены трое взрослых и один ребенок в положении головой на восток. От инвентаря сохранились широкогорлый кувшин, две железные булавки с шаровидными головками, обернутыми золотым листком с тисненым орнаментом, и золотая бусина-пронизка. Форма и орнаментация булавок характерны для булавок из некрополей лесостепного равнинного Алтая IV—III вв. до н. э. В курганах Гилево IX представлены горшковидные и крышковидные сосуды, напоминающие посуду памятников кула-жургинцев, с которыми население Алтая, конечно, поддерживало контакты.

Ко II—I вв. до н. э. — рубежу н. э. относятся 11 курганов могильника Гилево XIII, расположенные цепочкой, вытянутой с севера на юг, по гребню мысовидного выступа коренной террасы Алтая, ограниченной с одной стороны речкой, а с другой — оврагом. Ритуал погребения напоминает обряд предшествовавшего времени, в частности, курганов Гилево IX. Захоронения произведены под небольшими каменно-земляными курганами с кольцевидными выкладками из более крупных камней. Прямоугольные с закругленными углами ямы сохранили остатки дерева от перекрытий и следы углистых подсыпок. Следует отметить, что остатков дерева в погребениях сохранилось мало, что отличает их от захоронений лесостепных районов Алтая, имевших массивные перекрытия, подчас в несколько рядов бревен. Погребенные лежат на спине, вытянуто, головой на запад. В инвентаре представлены трехлопастный наконечник стрелы, горшковидные и крышковидные сосуды, напоминающие кула-жургинские, но характерные для кула-жургинцев захоронения в каменных ящиках отсутствуют. Выявить точно ареал памятников описанного типа пока не представляется возможным, но в целом они стоят ближе к синхронным памятникам Верхнего Прииртышья (каменно-земляные курганы с единичными погребениями в прямоугольных ямах, облик керамики), нежели к курганам степной Кулунды, хотя некоторые общие элементы культуры также прослеживаются, что объясняется существованием взаимных связей.

Достоверных памятников гуннского времени в данном регионе пока не выявлено. Выявленные здесь в большом количестве памятники тюркского времени, в основном IX—X вв., характеризующиеся захоронениями с копом, имеют существенно иной облик.

Савинов Д. Г.

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ

(По материалам Центрального Казахстана)

В настоящее время проблема оленных камней (в дальнейшем — ОК) приобрела континентальное значение. Распространенные в основном на территории Монголии (Волков, 1981), Забайкалья (Окладников, 1954; Диков, 1958), Алтая

(Кубарев, 1979) и Тувы (Вайнштейн, 1974; Маннайлол, 1968), они известны также на Северном Кавказе (Савинов, 1977; Савинов, Членова, 1980; 1984), на Украине, в Крыму, в Восточной и даже Центральной Европе (Членова, 1975; Савинов, Членова, 1978; Тереножкин, 1978). Это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на поиски ОК на промежуточных территориях, связывающих восточный и западный ареалы ОК в единый пласт памятников. О том, что ОК здесь существуют, свидетельствуют находки их в Восточном Казахстане (Андрянов, 1916; Чариков, 1980), в Киргизии (Мокрынин, 1986), Оренбургской области (Попов, 1964; Исмагилов, 1987; 1988). В Центральном Казахстане ОК антропоморфных очертаний с двумя большими кругами-кольцами на боковых сторонах найден в 1948 г. на р. Кенгир (Кызласов, Маргулан, 1950). Л. Р. Кызласов относит его к числу наиболее ранних ОК, предшествующих времени появления скифо-сибирского «звериного стиля» (Кызласов, 1977).

В этой связи большой интерес представляет каменное изваяние, обнаруженное во время работ Центрально-Казахстанской экспедиции под руководством А. Х. Маргулана в 1948 г. на могильнике Жангабыл. Сведения о нем были одновременно опубликованы А. Х. Маргуланом и Л. Р. Кызласовым (Маргулан, 1951; Кызласов, 1951) и, несмотря на некоторые расхождения между ними, позволяют составить достаточно полное представление об этом памятнике.

Могильник Жангабыл состоял из трех курганов, расположенных цепочкой в направлении ЮЗ-СВ. В кургане I в яме, обложенной крупными плитами, на глубине 0,74 м находился скелет мужчины, лежавшего на спине, головой на СВ; в головах найдены кости барана и глиняный лепной сосудик с носиком-сливом. На костях левой руки остались следы окиси меди. Под курганом 3 на уровне древней поверхности была выявлена каменная вымостка, на которой лежали фаланги барана. Наибольший интерес представляют конструктивные особенности кургана 2, где под курганной насыпью находилось кольцо (или ограда) из крупных камней, к которой с ЮВ стороны была пристроена квадратная вымостка. Всего в кургане 2 находилось три места захоронения: 1) внутри ограды, непосредственно примыкающее к ней с СЗ стороны, под перекрытием из массивных каменных плит в яме глубиной

0,58—0,71 м. Погребение мужчины, лежавшего на спине с поднятыми вверх коленями, головой на СЗ. Около пояса с правой стороны лежали хвостовые позвонки барана; 2) в ЮЗ части ограды под двумя крупными плитами на глубине 0,21 м; 3) под вымосткой в квадратном каменном ящике, сплошь заполненном горизонтально лежащими плитками. Остатков захоронения в погребениях 2 и 3 не обнаружено. В кургане 2 найден только шарик из обожженной глины, (по А. Х. Маргулану, — у СВ стенки в погребении 1; по Л. Р. Кызласову, — при разборке насыпи).

С южной стороны от кургана 2 лежало каменное изваяние. Оно представляет собой четырехгранный грубо обработанный каменный блок, высотой 1,05 м и шириной сторон 0,35—0,4 м. Изображения нанесены на трех его сторонах. На плоской (лицевой) стороне путем выемки фона показано лицо человека с близко поставленными глазами, коротким носом и ртом; а также, используя естественные неровности камня, круглодонная чаша; ниже, на уровне пояса — горизонтально расположенный меч с округлым навершием и прямым перекрестием. На обратной стороне — двойное кольцо с подвеской (серьга). На правой боковой стороне — лук сигмовидной формы с длинной стрелой, направленной острием вниз. Реалии изваяния при его публикации получили различную интерпретацию: лук — кобыз, серьга — шаманский бубен с ручкой, все изваяние — фигура шамана (А. Х. Маргулан); серьга — тамга рода «аргын» (Л. Р. Кызласов). Несмотря на отсутствие каких-либо датирующих материалов, комплекс в могильнике Жангабыл был отнесен к эпохе средневековья. Древнетюркским временем датирован он и в «Археологической карте Казахстана» (Алма-Ата, 1966, с. 143).

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют по-новому оценить этот интересный памятник. Первым это сделал сам А. Х. Маргулан, отметив, что «по внешнему очертанию курганы напоминают херексуры Алтая и северо-запада Монголии, описанные Потаниным» (Маргулан, 1951, с. 30). Сейчас, когда наиболее вероятно принадлежность херексуров Центральной Азии к раннескифскому времени, это сравнение приобретает особый смысл. По отдельным элементам погребального обряда сооружения могильника Жангабыл, особенно кур-

ган 2, имеют достаточно многочисленные параллели в памятниках первой половины I тыс. до н. э. Круглые ограды, на внутренней площади которых расположено несколько захоронений, характерны для памятников алды-бельской культуры в Туве (Грач, 1980).

Обычай «сдвигать» погребение вплотную к стенке ограды встречается в памятниках каменоложского этапа в Минусинской котловине (Савинов, Бобров, 1983; Белокобыльский, 1987). Сплошные прямоугольные вымостки у оград с ОК известны в Монголии (Волков, 1981). Погребения на уровне древней поверхности (или вблизи уровня древней поверхности), в каменных ящиках, в неглубоких ямах, обложенных плитами, с СЗ ориентировкой вообще характерны для раннескифского времени. Видимо, с их легкодоступностью в древности связаны частые случаи ограбления этих памятников, как это имеет место и в могильнике Жангабыл. О том, что здесь первоначально были положены бронзовые вещи, свидетельствуют следы окиси меди на костях скелета из кургана 1. Положение скелета в основном захоронении кургана 2 (на спине, вверх коленями) еще больше арханзирует весь комплекс, заставляя вспомнить особенности погребального обряда окуневской культуры (Максименков, 1980). То обстоятельство, что все приведенные параллели связаны с районами Центральной Азии, возможно, показывают истоки традиций населения, оставившего этот памятник.

В этом контексте совершенно иное значение приобретает каменное изваяние, стоявшее у кургана 2. По своей форме и реалиям (серьга, меч, лук со стрелой) оно сопоставимо с ОК, однако отличается некоторыми чертами своеобразия: изображение одной серьги на задней стороне камня; характер расположения лука со стрелой, направленной концом вниз. Изображение меча по особенностям своего оформления (округлое навершие, прямое перекрестие) больше всего напоминает изображения мечей на северокавказских камнях-обелисках, которые в свою очередь датируются по мечам каменноостко-березовского типа концом VIII—VII вв. до н. э. (Савинов, Членова, 1978).

Что касается изображения человеческого лица, то, конечно, нельзя исключить возможность переоформления изваяния в более позднее время. Однако этому противоречит целый ряд обстоятельств. Изображение на изваянии из Жангабыла по своим стилистическим особенностям не соответствует иконографии древнетюркских каменных изваяний. После открытия нескольких ОК с изображениями человеческого лица и в первую очередь наиболее яркого из них — в Ушкийн-Увэре в Монголии (Волков, Новгородова, 1975), подобные изображения перестали быть прерогативой древнетюркской скульптуры. Показателем также в этом отношении ОК из Кызыл-Джара на Горном Алтае, который по условиям своего нахождения (в качестве перекрытия каменного ящика скифского времени) не мог быть доступен в более позднее время (Могильников, 1980).

По своим стилистическим особенностям изваяние из Жангабыла близко напоминает изображения на ОК с Чуйского тракта (Кубарев, 1979) и из Кызыл-Джара (Могильников, 1980) на Горном Алтае; а также из Маркаколя в Восточном Казахстане (Чариков, 1980). Чуйский и Маркакольский ОК связаны между собой изображениями крестообразного солярного знака. ОК из Кызыл-Джара по своим очертаниям и кругам-кольцам на боковых сторонах напоминает ОК с р. Кенгир в Центральном Казахстане, а форма ожерелья на нем, составленного из ромбических фигур, аналогична ожерельям на ОК из ст. Усть-Лабинской на Северном Кавказе.

Таким образом, образуется своеобразная группа ОК, распространенная от Горного Алтая до Центрального Казахстана, по-видимому, достаточно ранняя, которая отличается следующими особенностями: 1) изображение человеческого лица, выполненного в определенной стилистической манере, путем выемки фона, с передачей близко посаженных глаз, бровей и носа одной линией (Жангабыл, Чуйский камень, Маркаколь, Кызыл-Джар); 2) отсутствие опоясывающих линий и, возможно, в связи с этим как бы «свободное» расположение предметов вооружения (Жангабыл, Чуйский камень); 3) отсутствие трех параллельных линий на месте лица, а в одном случае, когда они имеются (Чуйский камень), нахождение их не «на

месте», а в средней части камня, рядом с кинжалом/4), наличие некоторых общих солярных символов (Чуйский камень, Маркаколь); 5) крупные кольца-серьги на боковых сторонах камня (Кенгир, Кызыл-Джар). Предварительно время существования этой группы ОК может быть определено по изображению меча на ОК из Жангабыла и кинжала на Чуйском камне концом VIII—VII вв. до н. э. Можно предполагать, что в дальнейшем, в связи с новыми открытиями, время существования и территория распространения этой группы ОК, а также их отличительные признаки будут установлены более точно.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Арсланова Ф. Х.

ОБРАЗ ПТИЦЫ НА ГОЛОВНЫХ УБОРАХ КИМАКСКИХ ЖЕНЩИН

В ряде женских погребений на территории Припиртышья и сопредельных областей найдены литые объемные скульптурки, а также уплощенные барельефные изображения хищных фантастических птиц. При этом из исследованных к настоящему времени более 50 погребений женщины в Припиртышье такие изображения обнаружены только в трех курганах, остальные пять аналогичных образцов происходят из соседних территорий. В стилистическом отношении эти произведения имеют много общих черт. В частности, гребень на поднятой голове птицы обозначен в виде треугольного выступа, сомкнутый клюв сильно загнут вниз, глаз передан овальным или округлым углублением. Оперение подчеркнуто полуовальными углублениями. По манере трактовки положения крыльев и хвоста можно выделить среди них два иконографических типа.

Первый тип включает пять объемных скульптурок на прямоугольной подставке, которым присущи поднятые крылья и пышный хвост. Второй тип характеризуется опущенными крыльями и поднятым хвостом. Оперение показано в виде овальных углублений. Таким же углублением отделена верхняя часть клюва от нижней (4 экз.).

Четыре экземпляра 1 типа происходят из многокамерных, условно названных нами «длинными», курганов. У г. Семипалатинска во второй половине XIX в. И. А. Армстронг изучил насыпь, под которой были обнаружены три могилы. В одной из них был погребен взрослый человек без инвентаря, в двух других — женщины. У всех захороненных отсутствовали че-

репа. В центральной женской могиле на деревянной скамеечке были сложены украшения от головного убора, кос и одежды. Во второй могиле найдены серьги и бусы.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что в наборе вещей кроме скульптурки птицы, были серьги кимакского типа, характерные для них застёжки в виде летящих птиц, бубенчики, подвески ромбовидной формы со схематически переданными личинами, заколка, завершённая стилизованной фигуркой птицы, и стеклянные бусы — обязательная принадлежность одежды в синхронных погребениях. По манере трактовки отдельных элементов и позы этому образцу аналогичен второй экземпляр, происходящий из разрушенного кургана близ с. Илецкая Защита б. Оренбургской губернии (Нефедов, 1887). Кроме скульптурки хищной птицы — «аграфа» с погребённой найдены бронзовый перстень со вставкой и пронизка из черной стекловидной массы с белыми глазками. Определённая близость наблюдается и в скульптурке, найденной у д. Арга Омской области в разрушенном женском погребении. В отличие от вышеописанных образцов на омском экземпляре заметна большая стилизация очертаний птицы. Вместе со скульптуркой обнаружены: одна половинка застёжки в виде летящей птицы с личиной на ее поверхности, бубенчик, четырехлепестковая подвеска. Еще большей стилизации подверглось изображение птицы из курганов, изученных М. Д. Копытовым в 1925 г. (Сростки).

Судя по коллекции вещей, хранящихся в Бийском музее, из женских погребений этой группы курганов происходят серьги кимакского типа, подвески ромбовидной формы со схематическим растительным узором, сердцевидные подвески и привеска в виде раскрытых крыльев. К первому же типу следует отнести барельефное изображение на зевакинской подвеске. В женском погребении вместе с этой подвеской найдены стеклянные бусы, бронзовые серьги, железный нож и застёжка, состоящая из парных половинок с изображением личины на поверхности «летающей» птицы.

Однообразие в приеме изображения птицы второго типа наблюдается на двух экземплярах из центральных женских погребений, совершенных в «длинных» курганах. Один из них обнаружен в кургане 23 могильника Карашат I Новошувальбинского района Семипалатинской области (З. Самашев). Весьма

выразителен набор вещей из этого захоронения. Он состоял из бус, украшавших головной убор, двух пар застёжек в виде схематически переданных летящих птиц с растительным узором на их поверхности (они могли крепиться к косам), антропоморфной подвески, зашитой в кожаный чехол. Второй образец происходит из могильника у с. Иштап Кривошеинского района Томской области. Примечательно, что и в этом погребении также была найдена парная застёжка в виде летящих птиц с личиной на поверхности.

Однако, несмотря на некоторое стилистическое различие между выделенными типами, функциональная устойчивость подобных фигурок птиц наиболее ярко проявляется и в скульптурках петушков из женского средневекового погребения Киргизии и Минусинской котловины (случайная находка). Две фигурки из кургана Уч-ат исполнены в несколько ином стиле — пышное оперение поднятого хвоста передано короткими параллельными линиями. Гребень, в отличие от хищных птиц, показан в виде трех коротких выступов, напоминающих трилистник. По-новому — в динамичной позе — исполнена скульптурка из Минусинской котловины, на которой гребень передан двумя короткими и одним длинным серповидным выступами. Подобным образом обозначен гребень на скульптурке петуха из Беркут-Калы (V—VI вв.). Можно считать, что в данном случае, если и произошло определенное переосмысление образа птицы, то семантика сюжета сохранялась прежней. Важно и то, что эти изделия из соседних регионов найдены совместно с серьгами кимакского типа.

Таким образом, стилистический анализ украшений головных уборов женщин, принадлежащих кимакам, позволяет наметить общую линию их развития от конкретного образа хищной или фантастической птицы до стилизованного образа, где мастером виртуозно подчеркнуты характерные черты (загнутый клюв, гребень на голове и поднятый распущенный хвост). Именно стилизованные, уменьшенные в размерах фигурки птиц завершают заколки, обнаруженные на территории Припутья (Верх-Уба, Павлодар) и Приобья (Грязново I) в курганах кимак.

По мнению И. Л. Кызласова, булавки с навершием в виде фигурки птицы-феникса из коллекций, случайно найденных в районах Южной Сибири, принадлежали средневековым

хакасам. Что же касается рассмотренных образцов из Припутья и соседних областей, то их трудно отнести к украшениям древних киргизов, так как обряд захоронений, в которых найдены эти фигурки, характерен именно для кимак. Кроме того, однородность ритуальных изделий, являвшихся составной частью женской одежды кимак, не дает для этого практически никаких оснований. Касаясь семантики фигурок птиц, следует отметить, что в непогребенном положении они были обнаружены в четырех погребениях женщины, а местоположение у черепов позволяет, используя данные этнографии, отнести их к элементам головного убора.

Несомненно, припутьские предметы, кроме утилитарного назначения, несут религиозную нагрузку. Традиция украшать сакральные головные уборы изображениями птицы, птичьими крыльями, перьями своими истоками уходит в глубокую древность. Этот ритуал известен по реконструкции сакрального головного убора сакского воина из кургана Иссык (К. А. Акишев). Изображение птицы завершает также головной убор хорезмийского царя Вазамара (С. П. Толстов). На голове воина — обожествленного героя, изображенного на самаркандских плитках VI—VII вв., обозначено сложное убранство «в виде пары распахнутых крыл, как символ воздуха» (Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель). Длинное перо на головном уборе древнетюркского воина зафиксировано на изображении в горах Монгольского Алтая. На черепе женщины в длинном кургане 25 (XI—XII вв.) ур. Басандайка Томской области сохранились остатки бокки с украшениями из четырех бронзовых птичек и бус.

Суммируя данные этнографии, можно убедиться, что у многих тюркоязычных народов образ птицы играл магическую роль. Так, у огузских племен в качестве онгонов перечислены птицы орлиной и соколиной пород (С. Г. Агаджанов). Именно с образом шаманской птицы в мировоззрении «сулымцев-шаманистов ассоциировался платок, а его концы с ее крыльями» (Э. Л. Львова). Тувинские шаманы применяли шапочки с изображением человеческого лица и дополнялись перьями хищных птиц (С. И. Вайнштейн). У тувинцев-тодзинцев, как указывают исследователи (Э. Л. Львова), головной убор состоял из узкой полосы ткани, к верхнему краю которой пришиваются перья птицы (филина, орла). У киргизов перьями

птиц украшали шлемовидные женские головные уборы вплоть до XIX в. (К. И. Антипина). У казахов пучками перьев завершались головные уборы детей, девушек, невест — от сглаза и злых духов (Н. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева). Головной убор «саукеле» казахской девушки-невесты украшали перьями, а в раннее время существовал и мужской головной убор с султаном из перьев на макушке (С. Касиманов). Как оберег казах использовали не только перья, но и когти птиц онгонов. В Кустанайском музее хранится «үкі-аяк» — украшение к саукеле из двух когтей филина, к которому подвешены семь цепочек, завершенные бусами и ажурными трилистниками.

Приведенные материалы позволяют считать, что рассмотренные скульптурные изображения из средневековых памятников сохраняют традицию использования образа птицы не только как тотем или как символ воздуха, но и как средство, оберегающее от злых духов.

Анализ сопутствующих изделий прикладного искусства из этих же курганов, являвшихся также предметами, содержащими определенную религиозную символику, позволяет предположить о принадлежности погребенных с такими вещами людей к особой социальной группе кимаковского общества, возглавлявших, по-видимому, определенные языческие обряды.

Оценивая перспективу изучения проблемы духовной культуры кимаков, следует учитывать ее органичную связь с населением соседних государств.

Бурнашева Р. З., Юсупова С. М.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С ГОРОДИЩ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА (АЛТЫНТОБЕ, МАРДАН-КУЮК)

Фиксация монетного материала с некоторых крупных городищ Отрарского оазиса представляет научный интерес для характеристики социально-экономической жизни не только района, но и всего Присырдарьинского региона — важного оседло-земледельческого центра Южного Казахстана.

Уровень развития городской культуры эпохи раннего феодализма — один из сложнейших вопросов в истории Южного Казахстана, хотя в этом направлении проделана большая работа (Байпаков К. М., 1986). Немаловажным во-

просом, требующим своего разрешения, является выяснение места выпуска некоторых типов медно-бронзовых монет, имеющих разные тамговые знаки, но относящиеся, по мнению Бурнашевой Р. З., к продукции тюркских правителей Отрарского оазиса (Бурнашева Р. З., 1987).

По монетному материалу из раскопов Отрара, Куйрук-тобе и Мардан-Куюка, она выделяет чекан Отрара второй половины VII—начала VIII вв., именовавшимся в то время Тарбандом (Бурнашева Р. З., 1975). Но были, по всей вероятности, еще и другие центры с собственной монетой, как в то же время наблюдалось в Ташкентском оазисе (Буряков Ю. Ф., 1982).

Раскопки последних лет, проведенные ЮККАЭ Института ИАЭ АН Казахской ССР на ряде памятников Отрарского оазиса (Алтынтобе, Куйрук-тобе, Мардан-Куюк), дали интересный археологический и нумизматический материалы, характеризующие довольно высокий уровень городской культуры с развитой денежной торговлей не только местного значения, но и межрегионального, в частности с Чачем, Семиречьем и Согдом. Это дает возможность высказать определенное мнение по поводу интенсивного развития хозяйства района в раннем средневековье.

Методическая и скрупулезная фиксация монетных находок с каждого памятника района, вероятно, позволит благодаря количественному соотношению отдельных типов выявить центры, выпускавшие собственные монеты в VII—VIII вв.

В данной статье анализируются неопубликованные монеты за разные годы с двух городищ Отрарского оазиса: Алтынтобе и Мардан-Куюк, расположенный в радиусе 10 км от Отрара. Первые археологические исследования этих памятников проводились с 1947 г. ЮККАЭ, возглавляемой А. И. Бернштамом. Результаты этих работ изложены Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем (Агеева Е. И., Пацевич Г. И., 1958). На изучаемых городищах они заложили несколько раскопов, давших разновременный археологический материал и монеты VII—VIII вв. Результаты последних работ изложены в археологических отчетах за 1986—1987 гг., где указывается, что верхние слои этих памятников не сохранились, были размыты. На Алтынтобе работы велись на трех раскопах, были найдены изделия из керамики, кости, бронзы и золота, а также и

монеты. Памятник датируется VIII—X вв. (Акишев К. А., Грошев В. А., Ерзакович Л. Б., Смагулов Е. А., 1988). На Мардан-Куюке был снят инструментальный план и заложен раскоп на цитадели городища. Собран подъемный и раскопанный материал, состоящий из монет и предметов (керамика и бронза: браслеты, серьги, фигурки козлов, перстни, наременные фигурные накладки, причем на одной изображен лев с поднятым вверх хвостом и оскаленной пастью). Этот сюжет аналогичен сюжету со львом, имеющемуся на всех монетах из Отрарского оазиса. Памятник датируется I—XIV вв. (Смагулов Е. А., Майсупов Ж. К., 1988).

Всего с этих двух городищ за разные годы была найдена 61 монета как серебряная, так и медная. 13 экземпляров из них не определяются из-за плохой сохранности, а остальные распределяются следующим образом по типологическим признакам и по времени обращения.

Самым ранним денежным знаком является обломок (1/2) китайской медной монеты в 5 шу династии Северной Ци (550—577 гг.), выпущенной в 553 г. Подобные монеты опубликованы А. А. Быковым (Быков А. А., 1969). Найдена монета в 1982 г. на шахристане Мардан-Куюка (подъемная); замечательно тем, что свидетельствует о появлении денег в пределах Отрарского оазиса уже в VI в.

Следующая интересная находка (Мардан-Куюк, 1951—это медная монета Чача VII—VIII вв. со львом на Л. с. и виллообразной тамгой на О. с., по бокам которой согдийская надпись, прочитанная Э. В. Ртвеладзе как «Государь Тарнавч» (Ртвеладзе Э. В., 1987). Находки аналогичных монет отмечены на многих городищах Чача (Буряков Ю. Ф., 1975, 1985), но на территории Отрарского оазиса она фиксируется впервые.

В 1987 г. на этом же памятнике обнаружена древнетюркская монета плохой сохранности, с квадратным маленьким отверстием в середине и неровными краями. О. с. гладкая. На Л. с. — следы надписи. По технике изготовления и по внешним признакам ее можно отнести к древнетюркским монетам VII—VIII вв. с тамговидным знаком I× (уш). Такие монеты уже отмечались в обращении Отрара в указанное время (Бурнашева Р. З., 1975). К этому же типу можно отнести еще дру-

гой обломок монеты (1/2) (Алтынтобе, 1986), свидетельствующий о распространении обращения данного типа древнетюркских монет в пределах оазиса.

На связи с Согдом указывает бронзовая монета (Алтынтобе, 1986), относящаяся, по определению О. И. Смирновой, к многочисленной группе монет с надписями, как на монетах Гурека, но отличающихся от последних тем, что квадратное отверстие на них заменяется его условной передачей в виде двух рамок на Л. и О. сторонах. Знаки на Л. с., как на монетах Турхуна и Тукаспадака. Вопрос о датировке этих монет О. И. Смирнова оставляет открытым. О. Г. Большаков археологические монеты этой серии датирует первой четвертью VIII в. (Смирнова О. И., 1981).

Самую многочисленную группу представляют монеты местного выпуска двух типов, опубликованные Р. З. Бурнашевой. По ее мнению, тип II, имеющий на Л. с. высокохудожественное изображение льва в ободке из перлов и на О. с. тамговый знак I× «H+уш», является более ранним номиналом, чем тип I также со львом в линейном ободке на Л. с. и на О. с. с тамговым знаком ◊ — «ат». Типы получили нумерацию по времени находок, а не по времени обращения в регионе, хотя они могли быть и одновременными.

Найдено 10 монет I типа и две — II с Мардан-Куюка, 7 монет только I типа с Алтынтобе. Следует отметить, что монеты I типа встречаются гораздо чаще и в большем количестве и на других городищах Отрарского оазиса (Отрар, Куйруктобе, Кок-Мардан) и потому свидетельствуют о более активной роли этой серии в денежной торговле. Об этом говорит и тот факт, что монеты I типа благодаря изучаемым находкам дали еще и новый вариант, заключающийся в том, что вместо линейного ободка на Л. с. наблюдается ободок из насечек. Алтынтобинские монеты I типа, кроме одной, представлены новым вариантом, а марданкуюкские — только двумя экземплярами из десяти. Кроме того, исследуемые монеты I типа (17 экз.) дают возможность высказать еще следующее соображение: они явно выпускались двух весовых категорий, так как вес одной группы колеблется в пределах от 0,8 до 1,2 г при размерах 16—18 мм, а другой — от 1,5 до 2,5 г при размерах 17—20 мм. Дальнейшая фиксация этих монет может разрешить вопрос о наличии нескольких номиналов и

этой серии. Безусловно, это важный вопрос, характеризующий высокий уровень как производственных, так и развитых торгово-денежных отношений в регионе.

Следующую группу представляют монеты тюркешей (4 экз.) (Алтынтобе, 1986. Раскоп 1). Все они известного типа и изучены О. И. Смирновой (Смирнова О. И., 1958; 1981). 3 экз. относятся ко II, 1 — к IV (основному) типу монет хаканов Семиречья. Датируются VIII в.

Кроме Семиречья, города Отрарского оазиса в VIII в. имели тесные торговые связи с Самаркандом и Бухарой, которые, начиная с VIII в., чеканили «бухархудатские» монеты разных типов (Давидович Е. А., Зеймаль Е. В., 1980). По определению этих авторов, выпуск разных типов «бухархудатских» монет осуществлялся, главным образом, с VII в. Их обращение зафиксировано до середины XII в. В «бухархудатских» монетах VIII в., являвшихся основным средством обращения в сфере серебра в Бухаре и Самарканде, серебра было много. Но в конце VIII в. в результате реформы вместо высококачественных серебряных монет стали выпускаться низкокачественные «бухархудатские» монеты, в которых серебра осталось более 40%. К этим монетам можно отнести наши находки с Алтынтобе (4 экз.) и Мардан-Куюка (4 целых и 1 фрагмент), представленные одним IV типом с надписью «ал-Махди», самым распространенным в бухархудатском чекане, даже и в позднее время, когда в денежном обращении основным номиналом были дирхемы «гитриф», выпускавшиеся из сплава меди и ценных металлов. «Гитриф» начали чеканиться с первой четверти IX в. в Бухаре и были в ходу до середины XII в. Они нередки в пределах Отрарского оазиса, где вместе с ними были и другие среднеазиатские медные монеты династии Тахиридов и Саманидов. К ним относятся два медных фельса (Алтынтобе, 1986) 230/844—45 гг. от имени Саманида Яхьи б. Асада, который на правах вассала Тахира II б. Абдаллаха выпускал монеты в Шаше, и семь саманидских фельсов (6 экз. — Мардан-Куюк и 2 — Алтынтобе), из которых определяются только три. Остальные — стертые, фрагментарные, изъедены окислами. Два фельса принадлежат чекану Насра б. Ахмада (250—279/864—892 гг.), год и место чеканки не определяются из-за плохой сохранности. Третий

экземпляр относится к выпуску ферганского правителя Исхака б. Ахмада в Ахсикете, где зафиксированы его монеты с 278 по 290 гг. х. (Давидович Е. А., 1979).

Следующие по времени монеты караханидского чекана (3 экз.) обнаружены на Мардан-Куюке. Две представляют нечеканенные монеты со скошенным краем XI в., а третья (плохой сохранности, обломана с двух сторон, края крошатся) относится условно к позднекараханидскому чекану конца XII—начала XIII вв. по остаткам надписей на Л. и О. сторонах.

Кроме этих монет на Мардан-Куюке найдены: полустертый обломок чагатайского фельса первой половины XIV в. и интересная медная монета тимуридского времени, чеканенная в Самарканде в 850 г. х./1446—47 гг. Последняя находка с цитадели удлиняет жизнь на Мардан-Куюке до середины XV в.

Таким образом, исследованный нами нумизматический материал с городищ Алтынтобе и Мардан-Куюк показывает, что самой интенсивной хозяйственной жизнью в них отмечалась в VII—IX вв., так как основная масса монетных находок выпадает именно на этот период. Кроме монет местного выпуска нескольких типов и вариантов в денежном обращении этих городов были и монеты Согда, Чача и Семиречья, указывающие на тесные торговые связи между этими областями. Монеты свидетельствуют о том, что Отрарский оазис в раннем средневековье по своему социально-экономическому и политическому уровню не уступал Чачу, Семиречью, Фергане и Согду.

Буряков Ю. Ф.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕНАКЕТА—ШАХРУХИИ

В интеграции экономики и культуры восточных районов Средней Азии и Южного Казахстана значительную роль сыграли городские центры бассейна древнего Яксарта — Сырдарьи. Для понимания процесса урбанизации этих регионов большой интерес представляет сравнительное археологическое исследование таких городских центров правобережья Сырдарьи, как Отрар, Бенакет—Шахрухия, Ахсикет.

Настоящее сообщение посвящено новейшим материалам средневекового Бенакета, одного из крупнейших городов Чача, через который проходили сначала основной транзитный караванный путь, а затем, с появлением более северной ветви, — южная линия, носившая название «бенакетской дороги».

Бенакет упоминается на караванном пути ибн Хордадбеком и Кудамой, характеризующими его как «город на берегу Сырдарьи, процветающий и благоустроенный». Город упоминается Истахри, Макдиси, безымянным автором «Худуд ал Алема».

По Макдиси, город не имел крепостных стен и был крупным центром по вывозу тканей. Топография города уточняется сообщениями авторов X в. о расположении его на берегу «реки Шаша» — Сырдарьи близ впадения в нее «реки Илака» — Ахангарана.

Бенакет, руины которого располагаются на обрывистом правом берегу Сырдарьи на землях нынешнего совхоза им. Султана Сегизбаева, интенсивно разрушается водами реки. Площадь его нами была определена в 140—150 га.

Однако детальное исследование города в 1988 г. позволило четко определить границы его рабадов для XI — начала XIII вв. и совершенно по-иному определить его размеры и экономический потенциал для домонгольской эпохи.

Город вытянут с востока на запад вдоль Сырдарьи более чем на 3 км, ширина его местами достигает 1,3 км, общая площадь его в границах рабадов составляет в настоящее время около 350 га, а с учетом смытых участков достигала 400 га. Западный отрезок вытянут между Сырдарьей и оврагами узкой (до 150 м) полосой, почти достигая берега Ахангарана, что полностью подтверждает сведения арабо-персидских авторов о расположении Бенакета между «рекой Чача» и «рекой Илака».

Структурно город состоял из почти полностью ныне смытой цитадели, сохранившейся в виде небольшого треугольного холма, поднимающегося на 2—3 м и отделенного рвами глубиной до 1,5—2 м и шириной 10 м; но является ли она древнейшей цитаделью, считать трудно. Цитадель входила в состав шахристана, также сохранившегося в виде треуголь-

ника. Размеры его 600×450 м в нависающих над Сырдарьей разрезах — культурные наслоения мощностью до 14 м. Возможно, в основе его лежит квадрат 600×600 м.

С трех сторон к шахристану примыкают разделенные рвами древних каналов рабады. Можно выделить три рабады: центральный, в форме вытянутого на север прямоугольника, отделенного рвами. Часть его, обнесенная валами, вошла впоследствии в Хисар тимуридской Шахрухи; восточный — овальной формы, окруженный и частично разделенный рвами; и крупный — западный, с удлиненным отростком до берега «реки Илака».

Снаружи рабады окружались рвами. Особенно крупные рвы шириной до 80 м и глубиной до 10 м разделяют западный и центральный рабады. Несмотря на сообщения географов X в. об отсутствии стен Бенакета, возможно наличие внешних валов вдоль границы пригородов. Последние могли быть возведены в XI или XII вв., когда Бенакет становится столицей одного из караханидских уделов с чеканом в начале XIII в. собственной монеты.

Внутренняя застройка цитадели и шахристана, плотно перекрытая поздними наслоениями, совершенно не просматривается.

В рабадах выделяются следы отдельных улиц, каналы, водоемы, отдельные кварталы застройки, некрополи.

Судя по подъемному материалу, центральный и восточный рабады являлись основными центрами ремесел и торговли, западный же был более сельскохозяйственным.

В центральном рабаде к северу от шахристана проводятся раскопки крупного квартала керамистов с мастерскими, функционировавшими в X — начале XVIII вв. Выявлены хозяйства гончаров с керамическим припасом, ямами-хранилищами, вскрыты 26 керамических горнов различных конструкций, позволяющие проследить эволюцию технологических конструкций керамистов на протяжении более 7 столетий. Получена керамическая продукция, полуфабрикаты, бракованные изделия, формы-калыбы. В северной части рабада вскрыто хранилище-тагхона.

В восточном рабаде изучаются остатки крупного стекловидного производства с фрагментами цветных и прозрачных

стеклянных сосудов, мощными отвалами бракованных слитков неочищенного стекла.

Большой интерес представила находка в 1986 г. в центральном рабаде близ тахоны крупного клада из 819 фельсов конца X в., включающих 60 саманидских, 751 караханидских и 8 фальшивых монет. Обработка его, проводимая в настоящее время Б. Д. Кочновым, раскрывает новые страницы сложной борьбы последних саманидов и караханидов в конце X в. в восточных регионах Мавераннахра и тесные торговые-экономические связи владений бассейна Средней Сырдарьи в этот период.

Наряду с раскопками жилых и производственных комплексов в 1988 г. проводились раскопки крупного некрополя, перекрывшего жилые кварталы в северо-западных районах центрального рабада.

Вскрыта серия погребальных курганов XVI—XVII вв., демонстрирующая иерархическую систему семейно-родовых групп с возведением престижных надмогильных сооружений над погребением социально значимых лиц и концентрацией вокруг них мужских, женских и детских захоронений.

Исследование некрополя дает ценный материал не только для этнической, но и социально-экономической истории позднесредневекового города.

В целом же Бенакет представляет на сегодняшний день уникальный по территориальной целостности крупный город средневекового Чача, который позволит судить о планиграфической структуре, характере застройки, плотности обживания отдельных частей, уровне ремесел и системе фортификации средневекового города Восточного Мавераннахра.

Длужневская Г. В.

О ВРЕМЕНИ И ПУТЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ КИДАНЕ-ТЮХТЯТСКОГО ОБЛИКА В ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН

В IX—X вв. территория расселения кимако-кыпчакских племен охватывала северные и западные предгорья Алтая, с выходом в Центральный и Северный Казахстан и северо-восточную часть Семиречья. Граница с территорией енисейских

кыргызов проходила по западным и северным склонам Горного Алтая до Кузнецкого Алатау, являвшегося, кроме того, и этническим барьером (Савинов, 1984).

Погребения кимаков, открытые в Верхнем и Среднем Прииртышье, отличаются от кыргызских, прежде всего, образом труположения — под каменными подпрямоугольными или округлыми оградами в глубоких (1,5—3,2 м) прямоугольных грунтовых ямах погребенные лежали вытянуто на спине, головой на В или СВ. Иногда могильные ямы имеют подбой или внутримогильные деревянные конструкции. Многие погребения сопровождаются захоронением лошади, шкуры лошади или только предметов конской упряжи. Обычно ограда возводилась для одного умершего, редко пристроенные друг к другу ограды образовывали цепочку (Арсланова, 1963, 1968; Арсланова, Кляшторный, 1973; Могильников, 1981; Савинов, 1984; Трифонов, 1987). Поминальный обряд заключался в приношении в жертву мужчине лошади, овцы или кулана; женщине и ребенку — только овцы (Арсланова, 1985).

Для кыргызов характерен обряд трупосожжения на стороне с дальнейшим перенесением и захоронением остатков погребального костра, в том числе и предметов сопроводительного инвентаря со следами пребывания в огне, в небольших и неглубоких округлых ямках, предназначенных для захоронения остатков сожжения, изредка перекрытых деревянными жердями или каменными плитами; погребения находились под каменными сооружениями округлой или подквадратной в плане формы. Иногда сооружения пристроены друг к другу, образуя цепочки.

На территории Тувы, например, где кыргызы расселяются с середины IX в., наблюдается большая вариабельность элементов погребального обряда, значительная роль отводилась последующим после захоронения поминальным действиям с возведением особых сооружений без каких-либо следов огня (Длужневская, 1984, 1985).

В Восточном Казахстане изучено сравнительно небольшое число сооружений, под которыми обнаружены погребения по обряду трупосожжения: могильники Зевакино, Камышинка (Арсланова, 1972); Джартас (Трифонов, 1983, 1987); Ка-

чирский (Агеева, Максимова, 1959); Бобровский II (Арсланова, 1963, 1968, 1980); Новофирсово (Алехин, 1985); Гилево, Карболиха (Могильников, 1979, 1981).

Могильник Зевакино — 14 сооружений диаметром 6 — 13 м, под 5 из которых расчищены каменные квадратные или округлые ограды. Под ними на уровне древней поверхности или в грунтовых ямах размером 2,5—1×1,4—0,5 м, глубиной до 0,9 м находились остатки трупосожжений на стороне, с сопроводительным инвентарем со следами пребывания в огне. Погребения одиночные, хотя под сооружениями найдено от одного до трех сожжений, женские и детские погребения по обряду трупоположения. Под сооружениями, иногда в отдельных ямах, находились необожженные, полу- или обожженные кости лошадей. Инвентарь представляет предметы конской упряжи, вооружения, наременные гарнитуры.

Могильник Камышника — 2 сооружения: округлое каменное, овальное каменно-земляное, под которыми в ямах 2×1 м, глубиной 0,5 и 1,8 м — остатки трупосожжений на стороне. Инвентарь составляли железная рамчатая пряжка и керамический сосуд. Во втором сооружении — разрозненные необожженные кости лошади и барана.

Могильник Джартас — 2 каменных сооружения: под-квадратная ограда и овальная выкладка высотой 0,5 и 0,15 м. Грунтовые ямы 1,7×0,8 м и 1,65×1,05 м глубиной 0,6 м перекрыты каменными плитами. На дне первой ямы — зольное пятно, рядом с которым крестец и хвостовые позвонки коровы и сопроводительный инвентарь без следов огня (предметы вооружения, пряжка). В насыпи — 2 фрагмента керамического сосуда. На дне второй ямы много мелких кальцинированных костей и полубоженные кости взрослого человека. Инвентарь включал предметы вооружения и наременные гарнитуры.

Могильник Качирский — 1 сооружение диаметром 12 м, высотой 0,13 м. Остатки двух сожжений на стороне помещены на глубине 0,1 м. Около каждого — по шарообразному орнаментированному сосуду, необожженные копыта и череп лошади. Кости лошади находились и в других частях наземного сооружения.

Могильники Гилево и Карболиха — более 20 каменно-земляных сооружений, некоторые окружены каменными ог-

радами. Погребения по обряду трупосожжения в основном у уровня горизонта: иногда в сооружении, иногда в яме по нескольку сожжений. Сопроводительный инвентарь может находиться в яме, тогда как остатки сожжения — вне ее.

Новофирсово — 1 каменное сооружение с тремя погребениями в ямах, ориентированных по оси ЗВ. В могилах взрослых людей имелись следы деревянных конструкций, необожженные кости барана (позвонки, крестцы). В детском погребении по обряду трупоположения — керамический сосуд с оригинальным орнаментом; во взрослом — предметы вооружения, конской упряжи. В среднем погребении, по обряду трупосожжения, — инвентарь не был в огне костра (железные наконечники стрел, витые удила с псалиями, нож).

Погребения с сожжениями, обнаруженные в Восточном Казахстане, имеют сходство с кыргызскими в обряде трупосожжения на стороне: различны только наземные сооружения, размеры и глубина ям. На Иртыше они как бы подготовлены для захоронения человека по обряду трупоположения (!). Здесь в могилах присутствует множество своеобразной керамической посуды, особенно в могильнике Боброво (Арсланова, 1980).

Сопроводительный инвентарь, иногда помещенный отдельно от остатков погребального костра, не несет следов пребывания в огне. В могилах кыргызов, кроме одного случая в Эйлиг-Хем III, палаши при сожжении согнуты и имеют одинарные обоймы от портупен; в Восточном Казахстане палаши не сгибались, а обоймы двойные, орнаментированные. Здесь, наконец, нет отдельных поминальных комплексов без следов огня, возводившихся на протяжении года поблизости от погребальных, и нет каменных стел с руническими надписями поблизости от рассмотренных памятников. Таким образом, погребения в Восточном Казахстане, совершенные по обряду трупосожжения, погребально-поминальная обрядность в целом отличны от всех известных вариантов погребений, изученных на Верхнем и Среднем Енисее.

Однако в памятниках Восточного Казахстана найдены наременные гарнитуры: пряжки, бляхи, наконечники, совершенно аналогичные обнаруженным в Минусинской котловине и в Туве. Самый яркий пример: в Зевакино бляхи и пряжка абсолютно сходны с найденными в Туве (могильник Хемчик-

Бом II), а лировидная подвеска — с предметом из Минусинской котловины (Тепсей III, могила 9) (Грач, Длужневская, 1972; Грязнов, Худяков, 1980). Определенно сходны по облику наременные гарины из объекта 80 могильника Джар-тас (Трифонов, 1987), но также из расположенных в том же районе погребений с трупоположениями — Измайловка, объект 14 (Ермолаева, 1987); Акчий III (Трифонов, 1987), объект 1; Карашат I, объекты 15, 26, Карашат II, объект 5 (Самашев, 1987).

Эти факты ставят вопросы о принадлежности погребений по обряду трупосожжения в Восточном Казахстане енисейским кыргызам (Трифонов, 1987; Савинов, 1988), о более конкретной датировке названных памятников в рамках IX—X вв. и путях проникновения в Восточный Казахстан изделий т. н. кидане-тюхтятского облика (Длужневская, 1985, 1987, 1988).

Не вызывает сомнений, что погребения с подобными изделиями оставлены населением, входившим в кимако-кыпчакское объединение племен. Погребения с сожжениями из Восточного Казахстана свидетельствуют о тесном сплетении элементов разных обрядов. Процесс, вероятно, был достаточно длительным. В составе объединения кимако-кыпчакских племен могли быть группы населения, кремировавшие своих умерших сородичей, время передвижения которых требует дальнейших исследований.

По предложенной нами периодизации памятников енисейских кыргызов Тувы и частично Минусинской котловины данные погребения не могут относиться ко времени ранее второй четверти X в. и позднее первой половины XI в. (Длужневская 1985, 1987, 1989). Исходя из конкретно-исторической ситуации — хронологических рамок существования кимако-кыпчакского объединения, все погребения как по обряду кремации, так и ингумации, имеющие в сопроводительном инвентаре изделия, т. н. кидане-тюхтятского облика, не могут датироваться позднее X в.

По-видимому, изделия названного облика проникали к населению кимако-кыпчакского объединения южными путями, минуя кыргызский каганат: с выходом на р. Иртыш южнее оз. Зайсан или севернее Монгольского Алтая и соответственно севернее оз. Зайсан. Присутствие совершенно идентичных изделий на р. Енисей и Иртыш не решает, а, наобо-

рот, ставит еще один вопрос — о месте их производства: не исключено, что они могли быть изготовлены ляссами и из одного центра разойтись в два соседних государственных образования. Во всяком случае, буддийские миссионеры, а, следовательно, и какие-то элементы культуры проникали в кимакскую среду, воспринимались, и, вероятно, переосмыслились ими (Арсланова, Кляшторный, 1973). Некоторые орнаментальные мотивы, в частности рыбок-подвесок, позволяют сделать это предположение.

Добжанский В. Н.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБЯДЕ ВОСТОЧНЫХ ТЮРКОВ

Погребальный обряд восточных тюрков — явление сложное, не получившее пока достаточно ясного и непротиворечивого объяснения ни на основе письменных источников, ни на основе археологических материалов. Одним из элементов погребальных конструкций восточных тюрков являлось здание, в котором устанавливался нарисованный облик покойного и сцены сражений, в которых он участвовал при жизни. Наиболее известно описание погребального обряда тюрков-тугю в переводе Н. Я. Бичурина: «...в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и закрывают в определенное время года в могилу. ...В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» (Бичурин, 1950).

Раздел о тугю в переводе Бичурина основан на китайской династийной летописи Тан-шу, а в подзаголовке есть ссылки на династийные истории Чжоу-шу и Суй-шу. «Это не случайно, так как в самой Тан-шу, составленной с привлечением материалов Чжоу-шу и Суй-шу, история тугю... не содержит тех сведений о погребальном обряде, которые изложены в более ранних известиях» (Итс, 1958).

К переводу Бичурина очень близок перевод Р. Ф. Итса

Суй-шу: «У могилы из дерева ставят дом. Внутри его рисуют облик покойника, а также военные подвиги, совершенные им при жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, ставят один камень и так до сотни и тысячи»; Чжоу-шу: «По окончании похорон на могиле ставится каменный знак, другие камни много или мало (ставятся) в зависимости от количества убитых людей (покойником) при жизни» (Итс, 1958).

Почти идентичный перевод предлагает и китайский ученый Лю Маонзай, опубликовавший на немецком языке практически все имеющиеся в китайских династийных летописях известия о тюрках-тугю. В нем, однако, имеется одно небольшое, но очень существенное отличие от вышеупомянутых переводов Бичурина и Итса. Чжоу-шу сообщает: «Они выбирали день, брали лошадь, одежду и предметы обихода покойного и сжигали их с трупом. Затем собирали пепел, чтобы похоронить его в надлежащее время... После похорон они укладывали рядами камни и ставили (памятный) столб на ней; число камней соответствовало числу людей, убитых покойным при жизни. Затем вывешивали они головы жертвенных баранов и лошадей на столб» (Liu Mau-tsai, 1958). Суй-шу: «Они выбирали день, клали тело на лошадь и потом поджигали. Потом зарывали они пепел и устанавливали деревянный столб как отличительный признак для могилы. В могиле они строили помещение, в котором рисовали портрет умершего, сцены боев, в которых умерший до своей смерти принимал участие. Если он (в бою) убивал одного человека, клался один камень (перед могилой). Число камней составляло иногда сотни и тысячи» (Liu Mau-tsai, 1958). Бэй-ши: «Они устанавливали (памятную) стелу на могиле. В могиле сооружалось помещение, в котором были нарисованы портрет умершего и сцены борьбы из его жизни. Если умерший убивал одного человека, то ставился один камень. Случалось, что нагромождались сотни и тысячи камней» (Liu Mau-tsai, 1958).

Косвенные данные о погребальных обычаях тугю мы находим и в Тан-шу, в которой отмечается, что примерно в первой четверти VII в. восточные тюрки вместо сожжения стали закапывать своих покойников. При этом весьма обильные китайские известия о тюрках-тугю не дают описания ни одной погребальной церемонии даже знатного лица. В летописях лишь констатируется смерть того или иного тюркского кага-

на и только в связи со смертью Хели сообщается, что труп его, согласно кочевому обычаю, был сожжен и могильный холм насыпан восточнее реки Ба (Бичурин, 1950).

В 731 г. император Сюань-цзун в связи со смертью тюркского полководца Кюль-тегина направил к тугю мастеров и приказал им высечь намогильную надпись для него на могильном камне, а также воздвигнуть статую и храм, на четырех стенах которого должны были быть нарисованы сцены битв (умершего). Аналогичный комплекс был создан китайскими мастерами и для Могилян-кагана (Liu Mau-tsai, 1958). При этом летопись обходит молчанием собственно обряд погребения — были ли Могилян и Кюль-тегин сожжены или их трупы погребли под курганом. Не дали никаких результатов и археологические исследования, проведенные на этих памятниках, что, по-видимому, указывает на их поминальный характер (Войтов, 1985).

Достоверность китайских известий о погребальном обряде восточных тюрков никогда не подвергалась сомнению. Им найдены многочисленные археологические подтверждения в виде каменных изваяний воинов, являющихся элементом погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени. Правда, в могилах встречается не пепел от сожжения умершего, а труположение человека с конем. Данное обстоятельство объясняется сменой погребального обряда.

Следует сказать, что отнесение указанных погребально-поминальных комплексов к восточным тюркам или, по крайней мере, к племенам, находившимся под их влиянием, целиком базируется на единственном аргументе — прямом отождествлении каменных изваяний с нарисованным обликом покойного.

Обращает на себя внимание, что исследователи датируют каменные изваяния древнетюркского времени в пределах VI—VIII вв. Попытки выделить из всей массы изваяний наиболее ранние, относящиеся к VI или рубежу VI—VII вв., пока не увенчались успехом. Не останавливаясь специально на данном вопросе, следует заметить, что, на наш взгляд, наиболее ранние из них вряд ли древнее конца VII в.

Сопоставление всех вышеуказанных сведений о погребальном обряде тюрков-тугю позволяет сделать следующие выводы: 1) Чжоу-шу, Суй-шу и Бэй-ши, созданные во второй

четверти VII в., характеризуют погребальный обряд и погребальные конструкции тугю эпохи I Тюркского каганата и предшествующего времени; 2) Тан-шу, созданная в X—XI вв., косвенно подтверждает наличие у тугю трупосожжения на ранних этапах их истории и одновременно сообщает о замене его на труположение примерно в первой четверти VII в.; 3) Тан-шу не дает ответа на вопрос, что собой представлял погребальный обряд и погребальные конструкции тугю в эпоху II Тюркского каганата.

Таким образом, вопрос об археологических памятниках восточных тюрков остается открытым. Вместе с тем представляется, что имеющийся в настоящее время археологический материал и перевод китайских известий о тугю, предложенный Лю Маоцзаем, позволяют сделать шаг вперед в решении этого вопроса.

Среди археологических комплексов Южной Сибири имеются, на наш взгляд, памятники, которые полностью соответствуют описанию погребального обряда, приводимого китайскими летописями Суй-шу и Бэй-ши. Эти памятники датируются III—VI вв. н. э., что очень существенно, оставлены, по всей видимости, населением, которое имело прямое отношение к раннетюркскому этногенезу. Мы имеем в виду таштыкские склепы (Савинов, 1984; Liu Mau-tsai, 1958).

Погребальные сооружения таштыкской эпохи в Минусинской котловине представлены грунтовыми могильниками и склепами. Для сооружения последних выкапывали обширный котлован четырехугольной формы, глубиной до 1 метра. Внутри сооружали камеру из бревен и плит, с полом и потолком. Большинство склепов имеют вход с западной стороны в виде нескольких спускающихся в камеру ступенек, коридора или дромоса.

Таким образом, склеп напоминал собой помещение, сооруженное в могиле (Баранов, 1975, 1986). Погребальный ритуал имел различие при похоронах не только взрослых и детей, но и для разных категорий взрослого населения. В отличие от женщин, подростков и небольшой части мужчин, трупы которых подвергались мумификации, прежде чем их хоронили в грунтовых могилах, подавляющая часть мужчин, похороненных в склепах, предварительно кремировалась. Остатки от сожженного трупа, то есть пепел, собира-

ли в кожаный мешочек и зашивали в человекоподобное чучело-манекен, имитирующее сожженного покойника. На лица кукол накладывались глиняные маски с примесью известняка и гипса, которые раскрашивались. Кроме того, найдены единичные маски-бюсты, которые, вероятно, стояли около покойников (Кызласов Л. Р., 1960; Грязнов, 1979; Вадецкая, 1986).

Наконец, еще один весомый аргумент в защиту предлагаемой гипотезы. В 1968 г. М. П. Грязнов у г. Тепсей на Енисее раскопал четыре таштыкских склепа. В одном из них (склеп № 1) были сделаны уникальные находки шести обугленных деревянных планок с выгравированными на них острым предметом рисунками. В реальной действительности рисунки были полихромны. Все сюжеты посвящены военным и военно-охотничьим темам — характерным чертам жизнедеятельности воина-кочевника (Грязнов, 1979).

Таким образом, описание раннетюркского погребального обряда в китайских летописях находит прямые аналогии в погребальном обряде племен гуинской эпохи Южной Сибири.

Ерзакович Л. Б.

ОТРАРСКИЙ ЖИЛОЙ ДОМ XI—XII ВВ.

В последние годы в результате археологических исследований на Отраре получен массовый материал, характеризующий жилое домостроительство эпохи караханидов. Отрарские дома — это крупные, площадью до 200 кв. м, многокомнатные постройки, объединяющие большие коллективы, где родственные семьи проживали в изолированных жилых помещениях, которым обычно сопутствовали хозяйственные строения. Многосекционные постройки подпрямоугольного плана объединяются в комплекс коридором, идущим по центральной оси домостроения или сдвинутым к его боковой стене.

В одном из домов две жилые секции расположены в глубине постройки, по обе стороны коридора, длина которого около 15 м. Вход в одну из них оформлен в виде прихожей-тамбура с глинобитным порогом в проходе. Жилое помещение площадью 17 кв. м. (4,35×3,9 м). По трем сторонам расположены суфы, которые различаются шириной (от 0,6 до 1,3 м) и высотой (от 0,4 до 0,6 м). Высокая суфа — самая узкая, в нее вмазан тандыр, снабженный крохотным круглым поддувалом.

Угол помещения между бортом суфы и стеной отделен перегородкой; здесь, по-видимому, хранилось топливо для тандыра.

В центре помещения на уровне пола находился круглый керамический очаг-алтарь диаметром 0,6 м. Та часть, которая обращена к проходу, выделена двумя короткими дугообразными выступами, направленными к центру круга, где расположена прокаленная огнем луика. Алтарь покрыт красным ангобом, украшен штампованием и прорезным орнаментом. Борт суфы с тандыром также украшен орнаментальной резьбой по шпкатурке.

Из жилого помещения есть проход в хозяйственную часть. Она состоит из трех маленьких помещений, одно из которых использовалось для хранения продуктов (здесь был обнаружен хум), две другие — санитарные. В последних установлены керамические прямоугольные ванночки-ташнау с носиком-сливом, направленным в поглощающую яму.

Второе жилое помещение немного больше, площадью $4,9 \times 3,75$ м. Четырехсторонняя суфа (с разрывом у прохода) также различной ширины и высоты. Как обычно, в узкой стороне суфы расположен тандыр, в центре помещения находился очаг-алтарь.

Хозяйственные помещения расположены рядом с жилым и имеют самостоятельные выходы в коридор. Они невелики по площади, примечательны присутствием односторонних низких суф, а также ям, в которых, видимо, хранилось зерно. Одно из помещений санитарное, с керамической ванночкой-ташнау на полу у задней стены. Санитарное устройство соединено с поглощающей ямой через вертикально поставленную трубу-кубур.

Напротив хозяйственных помещений в коридоре устроена односторонняя суфа, перегородками разделенная на три отсека. В одном из них находился очаг-камин.

Другие дома Отрара караханидской поры спланированы по той же схеме (обязательно присутствие коридора) и различаются лишь количеством секций.

Для строительных конструкций характерна регулярная кладка из плотного кирпича-сырца желтоватого цвета стандартного формата ($40-45 \times 20-22 \times 8-10$ см). Использовался также жженный кирпич размером $20-22 \times 10-11 \times 3,5$ см. Однако жженный кирпич редкость. Им выкладывались цоколи сыр-

цовых стен, наращивали при ремонтах стенки тандыров, ванночек-ташнау. Стены домов тщательно оштукатурены несколькими тонкими слоями обмазки. Ряды сырцовой кладки, как правило, перемежаются тонкими прослойками камыша, нейтрализующего соли. Перекрытия жилых домов исключительно плоские, деревянно-камышитовые, обмазанные глиной. Дома с центральным коридором и помещениями, расположенными попарно-симметрично относительно центральной оси домостроения, имеют синхронные аналогии в сельском жилище Хорезма (Е. Е. Неразник), в Ташкентском оазисе (Ю. Ф. Буриков и др.). Однако многие детали интерьера не находят параллелей.

Отсутствие домов иного плана свидетельствует об универсальности жилища с центральным коридором, прочно вошедшее в народное строительство к XII—началу XIII вв. Такое жилище переживает монгольское нашествие и хорошо известно в постройках XIV—XV вв. Однако в более поздние хронологические периоды дома с центральным коридором, подпрямоугольные в плане, становятся редким типом жилища и постепенно исчезают из практики жилого домостроительства на юге Казахстана.

Ермоленко Л. Н.

О РЕАЛИЯХ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВАНИЙ

Поэза древнетюркских изваний является устойчивым изобразительным элементом. Она обусловлена присутствием ревалий: сосуда и оружия или только сосуда. Логично предположить, что именно с этими атрибутами связано смысловое содержание образа.

Сосуд, назначение которого быть вместилищем, емкостью для напитка, ассоциируется с актом жертвоприношения пьянящим напитком, широко зафиксированным в этнографии тюрко-монгольских народов в связи с уходящими в древность культами и обрядами. Данные письменных источников подтверждают существование обычая жертвоприношения хмельным напитком у древних тюрков и монголов (Lin Mau-tsai, 1958; Мэн-да бэй-лу).

В культовой иконографии акт жертвоприношения пьянящим напитком вполне мог быть выражен воспроизведением сосуда — сакрального символа жертвенного напитка. У тюр-

ко-и монголоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии этнографами отмечено бытование особых форм культовой посуды для пьющих сакральных напитков. Такими сосудами были: у алтайцев — чочой, у монголов — бутэ, у якутов — аяк, ымыя (чороны). Форма якутских культовых сосудов для кумыса сходна с кубками, изображенными на многих древнетюркских изваяниях Монголии, Среднеазиатско-Казахстанского региона и найденными в погребениях средневековых кочевников.

Общественные жертвоприношения пьющим напитком, как следует из этнографических наблюдений, являлись «сотрапезой» с божествами и соотносились со следующей структурой: 1) выделение доли напитка божествам; 2) уравнительное распределение оставшегося после жертвоприношения освященного напитка среди совершающих моление — приобщение к благодати божеств. Напиток выпивался всеми из одной, идущей по кругу, чаши или через систему взаимных угощений, в результате чего индивидуальные чаши участников пиршества играли роль «круговых».

Обычай жертвоприношения хмельным напитком, включающий обряд «круговой чаши» восходит к первобытнообщинной древности (Потапов, 1951; Хангалов, 1958). Культовые пиршества-жертвоприношения с обрядом «круговой чаши» представлены также в свадебной, родильной и погребально-поминальной обрядности тюрко-монгольских народов.

Можно с большой долей уверенности полагать, что изваяния с сосудом в одной руке изображают умершего — «участника» культового пиршества-жертвоприношения пьющим напитком, организованного как «сотрапеза» живых сородичей с покойным в виде обряда «круговой чаши» (Ермоленко, 1987). Этому предположению не противоречит содержание редко встречающихся на древнетюркских изваяниях многофигурных композиций (Грач, 1958; Кызласов, 1964).

Присутствие на изваяниях оружия — атрибута и символа воина — есть отражение в их иконографии героизированной идеологии древнетюркского общества. Между тем сосуд и оружие не представляются соединенными эклектичными элементами иконографии. Эпический идеал средневекового варвара-воина являл собой непрерывную смену кровопролитий и пиров (Гуревич, 1972; Липец, 1984). Пиршества воинов, сохраняя

традиционный культовый характер, выполняли также функцию социального института, будучи формой распределения пищи и захваченного богатства в военном сообществе. Кроме того, в варварском сознании пир и битва соотносились: битва уподоблялась кровавому пиру, с пьющим напитком ассоциировалась воинская доблесть. Благопожелательные древнетюркские надписи на сосудах содержат указание на адресата — героя (Васильев, 1983). Таким образом, сосуд с сакральным напитком приобретает дополнительную функцию символа героя.

Жертвоприношение пьющим напитком также, по всей видимости, широко практиковалось причерноморскими скифами (Артамонов, 1961; Дюмезиль, 1976). Чаша с вином у них была как бы «определителем» героя. Возможно, сходство иконографий древнетюркских и скифских изваяний обусловлено подобными стадийными идеологическими явлениями.

Заднепровский Ю. А.

ПРОБЛЕМЫ КЕНКОЛА

50 лет тому назад в 1938—1939 гг. экспедиция А. Н. Бернштама открыла на территории Семиречья в могильнике Кенкол новый тип погребальных памятников кочевого населения — захоронения в катакомбах. Исключительно быстро вышла публикация «Кенкольский могильник» (1940). А. Н. Бернштам датировал Кенкол от середины I в. до н. э. и до первой половины II в. н. э. С этой датой согласился М. П. Грязнов (1945). Сравнительное изучение показало значительное отличие этого могильника от так называемых усуньских (см. Ю. А. Заднепровский, 1971) и от кангюйских курганов Беркаары, что и явилось основанием считать Кенкол памятником северных гунов.

Позднее аналогичные могильники были обнаружены в ряде других областей Средней Азии. Все известные к тому времени памятники А. Н. Бернштам (1951) и С. С. Сорокин (1948, 1956) объединили в единую культуру катакомбно-подбойных захоронений. Бернштам рассматривал Кенкол как отражение начального этапа монголизации кочевого населения и его тюркизации. Появление Кенкола — это свидетельство скрещения гунов с коренным местным населением

(Бернштам, 1951, с. 102, 105, 116). С. С. Сорокин затем резко изменил свои взгляды на датировку и значение Кенкола, предложил дату II—IV вв. и высказал заключение о местном происхождении катакомбных памятников и о том, что они не имеют отношения к гуннам (1956, 1958). В литературе возникла острая дискуссия вокруг книги Бернштама «Очерк истории гуннов» (1951).

В 1960 г. Ю. А. Заднепровский на ферганских материалах критически рассмотрел проблему происхождения катакомбных памятников. Они появляются почти одновременно в разных районах Средней Азии. В Фергану они принесены пришлым населением. Однако вопрос, с какими народами связывать эти памятники, остается открытым (гунны, юечжи). Особое мнение высказал К. Акишев еще в 1958 г., что Кенкол и Берккара принадлежат кангюйским племенам.

В 1956—1957 гг. И. Кожомбердиев провел большие раскопки в Кенколе и опубликовал основные результаты. Он датировал могильник I—IV вв. (1960), затем I—V вв. (1963). Кенкол, как первый и наиболее полно изученный могильник, стал эталонным памятником культуры кочевников I половины I тыс. н. э. Продолжалась разработка вопросов хронологии и А. К. Амброз (1981) отнес Кенкол к V—VII вв. С наличием более поздних предметов согласился Кожомбердиев, который первым сказал о необходимости создания дробной периодизации культуры Кенкола. Поставлен вопрос о выделении отдельной кенкольской культуры. Относительно ее ареала высказаны разные суждения (Заднепровский, 1975; Кожомбердиев, 1983).

В литературе имеются разные мнения об этнической принадлежности Кенкола и культуры: северным гуннам, местным племенам, кангюйцам (Акишев). Кенкол, как считает Л. М. Левица (1967, 1971), является периферийным памятником кангюйской культуры (т. е. принадлежит кангюйцам). Кенкольская культура — группа памятников долины Таласа времени существования Древнего Кангюя и на предполагаемой его территории (Заднепровский, 1988). Не исключено, что о нем можно говорить как о кангюйско-гуннском памятнике.

Наблюдается определенное единообразие культур катакомбных захоронений в разных областях Средней Азии и сходство с сарматскими памятниками. Отсюда следует пред-

положение, что все они принадлежат разным, но родственным ираноязычным племенам (к ним относят и кангюйцев), на позднем этапе испытавшим влияние племен центральноазиатского происхождения. Особая роль в изучении Кенкола принадлежит трудам палеоантропологов (Гинзбург, Жиров, 1949; Миклашевская, 1964; Перевозчиков, 1967; Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984).

В истолковании рассматриваемых памятников сделано много. Однако первоочередной задачей следует признать подготовку полной публикации эталонного Кенкола с включением материалов Г. Гейкеля, неопубликованных курганов А. Н. Бернштама, всей документации Кожомбердиева, наблюдений над коллекцией ГЭ С. С. Сорокина. Монография послужит базой для дальнейшего исследования разных и прежде всего спорных вопросов историко-культурной интерпретации Кенкола и кенкольской культуры в целом.

Итенов А. О.

ФОРТИФИКАЦИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ТУРКЕСТАНА

Планомерному изучению в г. Туркестане в основном подвергся архитектурный памятник Ходжа Ахмеда Ясави, а история археологического изучения представляет собой скачкообразный характер, где вопросам о фортификационных сооружениях уделялось мало внимания.

В 1985 г. в юго-западном углу цитадели был заложен стратиграфический шурф, который показал на уровне 3 строительного горизонта (XVI—XVII вв.) оборонительную стену шириной 540 см, высотой 150—180 см.

При археологической зачистке по этому уровню было выяснено, что стена направлена на север, к северо-западной угловой башне. Также была выявлена северная стена, соединяющая эту башню с башней у северных ворот.

Таким образом, была вскрыта оборонительная стена цитадели с северной и западной сторон, угловая северо-западная башня.

Стена была сооружена комбинированным способом —

внешний фас (110—120 см) был выложен сырцовым кирпичом, а основная стена пахсовая.

Высота сохранившейся стены составляла 220—240 см, ширина — 540 см. Дальнейшие работы на цитадели у стены показали два периода застройки.

Культурный слой XVIII—XIX вв. выявил три помещения, которые вплотную примыкают к крепостной стене. Помещения небольших размеров (400×380 см) с тандырами и ташпау.

Слой XVI—XVII вв. характерен сохранившимися основаниями для юрт. Средний диаметр оснований — около 650 см. По конструкциям они отличаются друг от друга: первое — у северных ворот, состоит из каменного кольца с пятном от очага в южной части, второе — помимо каменного кольца имеет вымощенный камнем участок в центре, с выходом в юго-западной стороне, третье — полностью вымощенный камнем-булыжником круг диаметром 650 см.

Дальнейшие археологические работы должны выявить планировку и плотность жилой застройки цитадели и ханской ставки в северной части городища.

В настоящее время по данным археологических исследований исторических сведений восстанавливается оборонительная северо-западная стена цитадели, где за основу взята средневековая строительная-конструкторская мысль, т. е. стена восстанавливается комбинированным способом — внешняя грань (110 см) выложена сырцовым кирпичом, основная — пахсовая, где использованы методы ее традиционного приготовления. Внешний фас стены укреплен деревянными (карагач) сваями, а пахсовая забутовка — горизонтальными.

Каратаев П. Е.

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОКРУГИ ГОРОДИЩА САУРАН В XV—XVII ВВ.

Одним из направлений казахстанской медиевистики, разрабатываемых в историко-археологическом плане, является изучение архитектурно-планировочной застройки города и его окружи. Генезис города, интеграция его экономики и культуры базировались прежде всего на сельскохозяйственном харак-

тере труда окружи. Но сведения, имеющиеся в источниках, о жизни окружи весьма незначительны. В связи с этим археологическое изучение окружи приобретает немаловажное значение и позволит получить новые материалы, на основе которых более полно могут быть решены некоторые вопросы истории казахстанского города. Поэтому обследование развалин усадеб окружи позднесредневекового Саурана было основной задачей Кызыл-Ординского отряда АЭСП.

Многочисленные сведения о г. Сауран имеются в письменных источниках. Первое упоминание относится к первой половине X в. (Истахри, ал-Макдиси, в анонимном географическом сочинении «Худуд-ал-Алам»). О городе упоминается и в источниках XV—XVI вв. — Му'ина ад-дина Натанзи «Аноним Искандера», Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани «Михман-наме-ий Бухара», Зайн ад-дина Васифи «Бадай ал-вакай», Хафиза Таптыша «Шараф-наме-ий шахи» и др. Городище расположено в 45 км западнее г. Туркестан. Оно неоднократно привлекало к себе внимание историков и археологов (П. И. Лерх, 1867; ЮКАЭ, А. И. Бернштам, 1947; САЭ, К. А. Акишев, 1967; АЭСП, К. М. Байпаков, 1986).

Задача, поставленная в данной работе, — выявить особенности в архитектурно-планировочной застройке окружи городища и отметить традиционные элементы формирования жилища и плотности заселения окружи. Вокруг центральных развалин городища Сауран расположены остатки усадеб, образующих плотную застройку. Значительный массив земель был заселен и освоен с юго-восточной и северо-западной сторон. При исследовании северо-западной окружи городища была получена возможность выделения по типу планировок трех групп усадеб:

Первая группа — чаще всего это усадьбы, состоящие только из жилого дома, в основном из одного или двух маленьких помещений и небольшой огороженной территории.

Вторая, более многочисленная группа, — это усадьбы средних размеров, состоящие из жилого дома с двумя-тремя помещениями, с хозяйственными и, возможно, производственными помещениями. Площадь, занимаемая усадьбой, доходит до 1 га.

В третью группу выделяются большие усадьбы со слож-

ной планировкой (крупные жилые дома, хозяйственные постройки) и занимаемой площадью от 1,5 до 2 га.

Все типы усадеб в округе расположены смешанно и не имеют территориальной локализации. Подчиненность какой-либо системе в их расположении выявить не удалось.

На территории северо-западной округи были исследованы 12 усадеб. В результате удалось установить, что усадьбы состояли из жилого дома и участков, окруженных стенами. Внешние стены сложены из пахсы в 3—4 ряда, толщина стен достигает 1 м. Отдельного выхода из дома на улицу не было, они выходят во двор, участки которого были отведены под хозяйственные постройки, сады, бахчевые культуры, виноградники. Основой застроечного компонента жилищ является традиционный тип жилищ с одним или двумя помещениями. Объемно-пространственная композиция жилищ во всех случаях проста и лаконична — это отапливаемая жилая комната с прихожей (айваном). Устойчиво и композиционное решение внутреннего интерьера: по периметру стен — суфы, тандыр, встроенный в суфу, и дымоход, выведенный к углу либо к ближайшей стене. Аналогичные и во многом близкие жилища известны по материалам гг. Отрара, Туркестана, Ургенча и Хорезма.

Территория округи, видимо, являлась и административной единицей города, где осуществлялось управление отдельными районами. Исследование одной из усадеб третьей группы вскрыло сооружение дворцового типа, состоящее из 9 помещений. Здание представляет собой сложный архитектурный комплекс. На пересечении главной и продольной оси расположено главное квадратное помещение, на двух противоположных стенах встроены широкие и глубокие ниши. По боковым осям расположены мелкие помещения. В решении пропорции плана помещения, видимо, исходили из общей объемно-пространственной композиции интерьера. Единство ансамбля достигнуто жесткой симметрией архитектуры объемов. Дверные проемы в помещениях построены в виде арки стрельчатой формы. Внутренней отделкой выделялись 4 помещения, стены в них были оштукатурены алебастром, в одном из них алебастр окрашен в светло-коричневый цвет.

Археологические работы, связанные с комплексным изуче-

нием города и территории округи, дадут возможность полнее рассмотреть этапы развития культуры средневекового города. Материалы археологических раскопок при сопоставлении с имеющимися этнографическими данными ясно демонстрируют перспективность и научную значимость изучения округи позднесредневекового города.

Касенов М. С.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСТОБИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Городище Костобе расположено на правом берегу р. Талас, напротив с. Михайловка, в 15 км севернее г. Джамбула. На памятнике заложено три раскопа: раскоп I — на цитадели, раскопы II и III — на территории городского некрополя. Раскоп II заложен в северо-восточной части некрополя I. Некрополь I расположен в 500 м севернее центральных развалин Костобе и представляет собой отдельный бугор в плане прямоугольной формы. Размер его в основании 80×80 м. В топографии бугра прослеживается более высокая западная часть, имеющая вид овального в плане всхолмления длиной 35 м, шириной 25 м и высотой 5 м. Центральная часть бугра имеет понижение в виде двора. Въезд во дворик в виде пологого ската прослеживается в южной части бугра.

Погребальные конструкции, раскопанные в СВ части холма, выглядят следующим образом: в расположении наусов наблюдается определенная закономерность — они расположены на одной линии: юго-запад — северо-восток, вплотную примыкая друг к другу, но не имея общих стенок. Пространство между конструкциями заполнено плотно утрамбованной глиной или же стены плотно примыкают одна к другой.

Общим для первого ряда наусов является ориентация самих погребальных конструкций с юго-запада на северо-восток.

Вторая линия наусов выявлена с СВ стороны некрополя. В первой линии, ближе к краю, раскопаны два науса, которые сохранились очень плохо. Проход между 1 и 2 линией наусов шириной 75 см, глубиной 80 см, заполнен утрамбованной глиной, в которую поставлены захоронения в хумах.

Раскопки городского некрополя позволили выяснить, что

захоронения совершались несколькими типами обрядов. Основную часть их составляли коллективные погребения в наусах — специальных прямоугольных и квадратных постройках из сырцового кирпича. Стены построек шириной 1—1,2 м сложены из сырцового кирпича размерами 42—44×20×8 см. Размеры наусов различны: квадратные — 3,3×3,4 м, 3,9×3,8 м, 3,5×3,5 м; прямоугольные — 2,7×4 м, 2,5×3,7 м. Всего расчищено 21 наус. Каждый из них являлся групповой усыпальницей, в которой похоронено от 3 до 20 человек.

При каждом новом погребении кости или полуразложившиеся части предшествовавших покойников сдвигались в сторону, и поэтому положение расчищенных скелетов самое невероятное. Некоторые наусы неоднократно грабились. В тех наусах, которые не разграблены, скелеты лежат рядом один с другим, иногда в два или три слоя. Скелеты ориентированы головой к входам в наусы, а сами наусы образуют подобие своеобразного полукруга с двориком в центре. Входы наусов ориентированы в центральную часть дворика. Как правило, погребенные положены на спину, в вытянутом положении. Полы наусов выложены в один ряд сырцовым кирпичом и покрыты глиняной обмазкой либо полом служит только обмазка.

Наряду с погребениями в наусах обнаружены захоронения в сосудах-хумах с отверстиями. В раскопе расчищены 6 хумов. Все они находились в северной части некрополя в проходе, образованном между двумя рядами наусов. Хумы различного размера, высотой от 0,5 до 1 м. Сверху хумы перекрывались плоскими каменными плитами. В хумах находились неполные костяки людей — череп и длинные кости. В некоторых из хумов вместе с костями были положены украшения — серьги, кольца.

Еще один тип захоронений представлен кучками костей в ямах. Такие кучки расположены бессистемно по всей территории некрополя: рядом с хумами, между наусами, на свободных участках.

Особый интерес представляют мусульманские захоронения, совершенные в ямах, обложенных по краю прямоугольной оградкой из сырцовых кирпичей и перекрытых сырцовыми кирпичами, положенными плашмя. Погребенные в могилах лежат на спине головой на северо-запад, лицом на юго-запад.

Все они без инвентаря. Два таких погребения перекрывают наусы сверху, три находятся в коридорах между наусами.

Раскоп III заложен в некрополе 2. Некрополь 2 расположен в 50 м на юго-запад от раскопа II и представляет собой отдельный бугор овальной в плане формы. Размер его по основанию — 180×80 м. В топографии бугра прослеживается более высокая западная часть высотой до 5 м. Всего расчищено 3 науса, 2 хума с захоронением и 3 позднемусульманских захоронения.

Некрополь, аналогичный костобинскому, еще в конце 30-х годов раскапывался на возвышенности Тектурмас. Он являлся одним из кладбищ средневекового Тараза.

Раскопки, проведенные здесь же в 1941—1942 гг. экспедицией Джамбулского археологического пункта, выявили, что на склонах горы в каменном грунте выдалбливались могильные ямы глубиной 0,25—0,45 м, длиной 0,6—2,5 м и шириной 0,3—0,6 м. Сверху могилы перекрывались плитками мраморовидного известняка или плоскими кусками песчаника. На этом же кладбище были найдены захоронения в хумах с дырками у дна и в оссуариях, причем последние находились по несколько штук сразу в каменных плитах, а также захоронения кучек костей.

Здесь же были раскопаны мусульманские захоронения, для которых была характерна северо-западная ориентировка.

Г. И. Пацевич, руководивший раскопками, датировал некрополь на Тектурмасы VI—XII вв. Он отнес захоронения в оссуариях и хумах к зороастрийцам, а погребения в могилах считал либо христианскими, либо буддийскими. Захоронения в хумах и оссуариях были обнаружены на территории мучного базара г. Джамбула, а также недалеко от мучного базара при строительстве был случайно найден хум, перекрытый каменной плитой с находившимися в нем раздробленными человеческими костями (Пацевич Г. И., 1949).

Некрополь, аналогичный костобинскому, изучается в Чуйской долине на городище Красная Речка, отождествленном с Навакетом (Байнаков К. М., Горячева В. Д., 1985).

На территории Южного Казахстана захоронения в наусах обнаружены при раскопках Боржарского могильника на Средней Арысе (Агеева Е. И., Пацевич Г. И., 1956) и мо-

гильниках Шага вблизи Туркестана, на южных склонах Кара-тау (Максимова А. Г., 1974).

Много общего в конструкциях наусов, способе захоронений прослеживается также при сопоставлении некрополя Костобе с наусами Пскента и Туябугуза (Буряков Ю. Ф., 1968; Агзамходжаев Т., 1962).

Можно сопоставить некрополь на Костобе с Куркатским могильником на севере Таджикистана, который датируется III—VII вв. (Мирбабаев А. К., 1980).

Известное сходство прослеживается при сравнении захоронения в наусах на Костобе и захоронений в склепах, вырубленных в лессе на склонах адыров в могильнике Биш-тепе в Чаганиане. Датируется могильник концом V—VIII вв. (Ртвеладзе Э. Б., 1986), а также в Пенджикентском некрополе, который датируется VII—VIII вв.

Изделия из металла — железные пряжки, бронзовые перстни, серьги из серебра и бронзы, бронзовые зеркала, найденные в наусах, погребальных хумах некрополя Костобе, датируются VII—VIII вв.

Раскопки на некрополе городища Костобе позволяют сделать следующие общие выводы. Некрополь городища Костобе дал четыре типа захоронений, начиная с наусных погребений VI—VIII вв., кончая караханидскими погребениями X—XIII вв. Материал раскопок позволяет проследить эволюцию погребального обряда оседлого населения Таласской долины.

Петенева Г. Г.

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

В кимакских курганах Верхнего Прииртышья в разное время были найдены скульптурки и предметы с зооморфными изображениями. Это навершие булавки из могильника Карашат I (Самашев З. С., 1987), навершие булавки и бляшка из Семипалатинской области (Кызласов И. Р., 1977), бляшка из могильника Сандыккала (Самашев З. С., 1977) и др. Они имеют ряд общих черт в трактовке образа: крайнюю стилизацию, наличие у изображений птиц недлинного клюва с острым загнутым надклювьем, витневатый поднятый вверх хвост и обозначенные на голове уши.

Булавки с навершием, имеющим признаки, присущие птицам, встречены в памятниках Хакасии и на Алтае (Кызласов И. Р., 1977). Бляшки с прогнвостоящими орнитоморфными фигурами обнаружены в курганах, исследованных у деревни Ближние Елбаны, принадлежащих сроткинской культуре.

Вторая группа находок — рыбообразные серебряные скульптуры с растительным орнаментом вдоль всего туловища. Подобные находки сделаны в Верхнем Прииртышье (Агеева Е. И., 1956; Арсланова Ф. Х., 1968; Самашев З. С., 1987) и на Алтае (Уманский А. П., Неверов С. В., 1982).

Третья группа артефактов представлена навершием булавки из могильника Когалы I и поясным наконечником из могильника Карашат I (Самашев З. С., 1987).

Вопросы, связанные с изучением искусства у средневековых народов евразийских степей, многогранны. Идет накопление археологических материалов, которые в дальнейшем позволят установить типологию и классификацию предметов, дать характеристику стилю и помогут проследить его эволюцию и художественные особенности, ареал распространения и хронологию памятников. Наряду с этими вопросами появляется необходимость исследования смысловой нагрузки изображений, ее роли и степени значимости. Являлись ли данные изображения традицией, декором или несли в себе определенный смысл, связанный с их мировоззрением и представлениями об окружающем мире? Изучение предметов материальной культуры тюркоязычных племен позволит не просто установить уровень их развития в сфере производства, но и будет способствовать реконструкции и исследованию духовной культуры. Раскрытие смыслового содержания — вопрос сложный. Его исследование и решение невозможно лишь на основе археологических материалов. Здесь необходимо одновременное привлечение устных традиций, мифологии, письменных источников, данных этнографии, поскольку все они были вызваны определенными социальными и историческими потребностями людей и отразили уровень развития их материальной жизни.

В разнообразных памятниках содержатся представления человека о мире, его возникновении, силах и явлениях, наконец, о месте в нем самого человека. Наряду с описанием су-

шеств, изображения которых встречаются на археологических материалах, здесь показаны их свойства, действия и назначение. Следует отметить немаловажную деталь: так же, как в археологических источниках, в устных традициях, мифологии, магических обрядах наблюдается схожесть сюжетов. Объяснить это можно не только заимствованием, хотя, возможно, этот факт имел место, а прежде всего общими законами развития человеческого общества.

Из всех представленных предметов наибольшим количеством отличаются орнитоморфные изображения, в которых встречаются самые разнообразные виды птиц. Навершие булавки из Семипалатинской области близко к мотиву водоплавающей птицы. В мифологическом сознании — это первопредок, создатель Вселенной из космического яйца (Грибова Л. С., 1975). Водоплавающие птицы — утка, гусь, гагара, лебедь — в вертикальных моделях мироздания выступают как универсальные медиаторы между подземным, средним и верхним миром. Через них выражались связи и единство всей системы. На других предметах орнитоморфные изображения наделены фантастическими признаками. В ряде литературных традиций такие существа получили название фениксов. Здесь невозможно определить, что за птица изображена: утка, гусь, петух, орел, так как отдельные признаки разных птиц слились вместе. Облик феникса на «кимакских» предметах близок древнему описанию птицы счастья и бессмертия. В Индии она называлась Гарудой, в Иране — саеной, в легендах хантов и манси — «Небесным Карсом», Ее можно встретить у китайцев и финно-угорских народов Европы и Урала (Г. М. Бонгард-Левин и др., 1983). Фантастическая птица во всех источниках, с одной стороны, представлена как грозная, разрушающая все вокруг сила, а с другой стороны, она способна помогать людям и приносить им счастье.

Появление предметов с изображением рыб было вызвано, возможно, обрядами симпатической магии, когда вещи якобы воздействуют друг на друга на расстоянии в силу своего подобия. Возникновение таких образов было определено хозяйственной необходимостью человека, занимающегося рыболовством, с целью увеличения добычи (Штернберг Л. Я., 1936).

В прошлом о рыбе у людей существовало множество представлений. Прежде всего, она была связана с исходным

космическим элементом — водой, из которого боги и герои творили мир. Здесь функции рыбы проявляются в двух вариантах. Во-первых, она приносит со дна мирового океана материал, из которого создается земля, во-вторых, рыба может выступать опорой земли или самой землей (Евсюкова В. В., 1986). Рыба являлась символом мужского плодородия, так как нередко в различных сюжетах изображалась в виде фаллоса. Она являлась своеобразным эквивалентом нижнего мира, царством мертвых, через который необходимо пройти, чтобы вернуться к новой жизни.

Ярко выраженный зооморфный характер носят два предмета: навершие булавки из могильника Когалы I и поясной наконечник из могильника Карашат I. Относительно навершия булавки, ввиду крайней стилизации его можно определить как хищника, близкого к собаке или волку. На наконечнике изображено фантастическое существо — крылатый лев.

С собакой у людей было связано довольно много представлений. Прежде всего, следует отметить отношение к ней как к животному небесного происхождения, связанному с верховным божеством. Кроме этого, собака, по древним воззрениям, очень тесно связана с миром духов. Она сама может быть духом, но, в свою очередь, разные духи имеют своих собак, которые выступают в роли посредников между реальным и загробным миром. Злые духи могут посылать своих собак за человеком и тогда якобы наступает смерть (Лукина Н. А., 1983).

У некоторых народов существовала традиция отвозить умерших на собаках или же хоронить человека вместе с собакой, которая обеспечит спокойную дорогу в иной мир. Здесь проявлялась еще и сторожевая функция животного (Арсланова Ф. Х., 1969).

Большой интерес представляют данные, которые связывают с собакой происхождение людей. Красная собака, или в другом случае — волчица, в этногенетических преданиях тюркоязычных племен выступают как первопредки (Валиханов Ч. Ч., 1956). Собака в мифологии могла превращаться и перевоплощаться в других животных или в человека, а также обладала очищающими способностями. Необходимо отметить, что наряду с почитанием собаки встречается и диаметрально противоположное отношение к этому животному, как

к вредному и приносящему несчастье. Двойственное отношение к животному, по-видимому, объясняется тем, что в образе собаки нашли свое отражение явления жизни и смерти, а явления всегда имеют как позитивную, так и негативную стороны.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что функции, которые животное выполняло на земле, переносились человеком в загробный мир. Таким образом, хищник — это, прежде всего, животное, призванное охранять, защищать, сторожить, представлять собой силу и мощь.

Что касается поясного наконечника из могильника Карашат, то появление образов, сочетающих в себе признаки нескольких животных, возможно, было вызвано тем, что в древности человек через определенный предмет выражал всевозможные явления и процессы, окружающие его. Одинаковые идеи соединения или проникновения качеств и функций одного животного в другое выражались в искусстве по-разному: в одном случае — это «зооморфные превращения», в результате которых получается фантастическое существо с разными признаками, а в другом — это сцена терзания и борьбы.

Дальнейшее изучение археологических материалов из Верхнего Прииртышья позволит выделить истоки появления предметов, их особенности в решении образа, взаимовлияние и контакты культур. Каждый образ несет в себе смысловую нагрузку. Одновременно все животные и мифические существа тесным образом связаны между собой и являются составными частями общих систем мироздания. У различных народов одинаковая основа обрастает специфическими чертами, возникают различные варианты. Но при всем многообразии систем у них много общего во взглядах на устройство мира. Это говорит о том, что идеологические представления тесно связаны с хозяйственной деятельностью людей и развиваются по общим для всех народов законам. На ранних ступенях развития человек и природа отождествлялись, что породило зооморфную концепцию мироздания, выражающую через образы животных. Постепенно, преодолевая зависимость от природы, человечество создает представления о вселенной, устроенной подобно человеческому обществу. И в изображениях животных начинают появляться лицо человека или его фигура.

ЭКОЛОГИЯ И РАЗМЕЩЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ И ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ СЕМИРЕЧЬЕ

Сплошные разведки археологических памятников в предгорной зоне Зайлийского Алатау в районе городища Талгар выявили новые памятники, которые значительно расширили фактологическую базу для решения вопросов, связанных с выяснением формирования оседлости и городской жизни в отдельном небольшом районе, своего рода «микрооазисе» и через него — процесс размещения оседлого и городского населения в северо-восточном Семиречье.

Особый интерес представляет определение роли экологического фактора в понимании причин возникновения поселений, их местоположения и функциональном анализе поселений различного типа.

Как известно, процессы развития общества в северо-восточном Семиречье в средние века происходили на фоне быстрого роста численности оседлого и городского населения (Байпаков К. М., 1974). Эти процессы обуславливались целым рядом факторов — социально-экономических, политических, этнокультурных и, конечно, экологических, которые пока еще в археологических исследованиях учитываются и анализируются недостаточно. При учете же их выясняются многие важные моменты, как, например, это видно из работы К. И. Петрова, широко использовавшего материалы экологической обстановки в Чуйской долине как для определения характера городов и поселений этого района в средние века, так и для выяснения численности населения и причин гибели оседлости и городской жизни (Петров К. И., 1981).

Попытаемся проанализировать роль экологического фактора на памятниках Талгарского микрорайона.

Если раньше, до наших археологических исследований, городище Талгар было единственным известным памятником в верховьях реки Талгар, то в настоящее время здесь зафиксированы: городище Талгар (укрепленное поселение), 1 тортколь и 7 неукрепленных поселений, причем тип неукрепленного поселения ранее известен не был.

Расстояние между крайними поселениями составляет с востока на запад 14 км и с севера на юг 12 км, тогда как среднее расстояние между поселениями равно 5—6 км. Все памятники расположены в предгорной зоне, на берегах рек и ручьев, на надпойменных террасах, высота которых зависит от источника воды. Так, например, городище Талгар находится на высоте 8—10 м от русла реки, другие — на высоте 3—5 м от русла горных ручьев.

Изучение небольших районов, примыкающих к местам обитания людей, в данном случае к поселениям и городищам, способствует выделению экономических территорий, эксплуатируемых из поселений, и создает условия для реконструкции хозяйственно-культурного типа населения (Афанасьев Г. Е., 1987).

Как считают исследователи, территория, эксплуатируемая из поселения, лежит в четко определенных границах. Как правило, наибольшая целесообразность эксплуатации района существует при условии, если он удален от поселения на расстояние не более 5 км (Ягтап М., 1972).

Если определить потенциальную продуктивность территории, где расположено городище Талгар и группа поселений вокруг, то получится следующая картина. Протяженность предгорной зоны составляет 14 км в широтном направлении и 12 км в меридиональном. Общая площадь Талгарского микрорайона, таким образом, составляет 168 кв. км. Если в целом в Семиречье соотношение пастбищных и земледельческих угодий составляет 2 : 1, то в предгорной полосе соотношение иное (Ахмедова К. Б., 1962).

Анализ окрестностей поселения показывает, что на долю земледельческих угодий здесь приходится 70% всей площади (Ахмедова К. Б., 1962). Они сейчас заняты пашнями, садами, постройками города Талгара и поселков Кзылту, Кзыл-Гайрат, Алатау, Алексеевка, Раздолье, Ават, Азат и Кайназаровка. Эти земли занимают средние и отчасти высокие предгорья. Светло-каштановые почвы, развитые на лессовидных суглинках, в нижней части предгорий по мере повышения рельефа переходят в темно-каштановые, а затем в черноземные.

Развитию земледелия в поясе предгорий способствует обилие рек, расходящихся всерами при выходе с гор. Район также отличается более умеренным климатом и повышенным количеством атмосферных осадков.

Приблизительно 3% земельных угодий составляют неудобья. Это каменистое русло р. Талгар. Остальная территория — 27% используется под пастбища и сенокосы. Это в первую очередь средняя часть предгорий и склоны гор. Ранней весной вся средняя часть предгорий покрывается растительностью, состоящей из злаков ковыля, тырсы, типча с примесью мятлика луковичного, гусиного лука, пушистой осоки. Пастбища наиболее богаты кормами весной, тогда как летом растительность выгорает, а осенью повышает свою продуктивность за счет полыни. Поэтому район предгорий используется под выпас весной и осенью. На этих пастбищах выпасаются овцы, козы и лошади. (Ахмедова К. Б., 1962).

Склоны гор и высокие «прилавки» предгорий — это разнотравнозлаковые степи. В их растительном покрове распространены пырей ползучий, пырей пушистый, костер безостый, коротконожка перистая, тимopheевка степная. Эти пастбища дают наилучший корм в июне.

Таким образом, потенциальная продуктивность территории в Талгарском микрорайоне соответствует ведению оседлого хозяйства, базирующегося на земледелии и придомном пастушеском скотоводстве. И поэтому закономерно возникновение оседлости именно в предгорной полосе.

Освоение ее под земледелие и возникновение поселений — один из наиболее сложных вопросов. Как начался этот процесс и какую причину надо считать изначальной? Видимо, этот процесс был многофакторным, но одну из причин можно видеть в так называемом «огораживании пастбищ» — захвате их феодальной и родовой знатью и господствующими племенами.

К. И. Петров считает, что многочисленные укрепления Чуйской долины, расположенные в предгорной зоне, являлись своего рода «знаками» собственности на пастбищные угодья, выполнявшими в то же время и роль реальных крепостей, контролировавших конкретный пастбищный район. Он рассматривает «присвоение пастбища как совокупность природно-плодородной почвы и естественной растительности, исполь-

зубомой в экстенсивном скотоводстве без предварительного опосредствования трудом». (Петров К. И., 1986).

В позднее время у казахов, обитавших в предгорных районах Заилийского Алатау, имелись случаи обособления земельных участков отдельными хозяйствами. На таких отгороженных участках строили зимний дом, загон для скота и создавали запасы сена (Востров В. В., Муканов М. С., 1968). Здесь же осваивались земли под пашни.

Необходимо отметить, что этому способствовали экономические условия, когда радиус кочевания и перехода с зимних на летние пастбища замыкался небольшим по размеру микрорайоном.

Оседанию способствовал и процесс постоянного снижения кормовой базы из-за огораживаний и распашки пастбищ и сенокосных угодий. Если крупные скотовладельцы, богатые хозяйства имели возможность осваивать дальние пастбища, то для маломощных хозяйств длительные кочевки были не под силу, и они оседали на землю. Именно такой быстрый путь оседания казахов на землю происходил в период переселения в Семиречье оседлого населения из России (Ахмедова К. Б., 1962).

Изменение экологических условий, вызванных распашкой земли, ее отчуждением, оказывало влияние на оседание скотоводов. И чем интенсивнее шел процесс уменьшения кормовой базы, тем быстрее шел процесс оседания.

Важным является и вопрос выяснения структурной иерархии мест обитаний, то есть определение роли каждого из памятников по отношению друг к другу.

Известно, что на определенном этапе эволюции поселений, когда появляется необходимость в обмене избытка продукции, появляются центры, где этот обмен и происходит.

Жители этих «центральных» поселений специализируются на том, что представляет возможность жителям соседних поселений реализовать излишки сельскохозяйственной продукции и, создавая условия для специалистов-ремесленников, предлагать товар и услуги в этом центральном поселении. По мнению специалистов, такие поселения должны располагаться на равных расстояниях от других, сводя к минимуму усилия, затрачиваемые на их преодоление (Blanchet B. W., 1972). Тако-

вым местом становится Талгарское городище, которое к административным функциям прибавляет торгово-ремесленные, и Талгар становится своеобразным центром микрорайона.

Таким образом, экологический подход к анализу памятников позволяет понять их привязку именно к предгорной зоне и определить причины перерастания в административные и торгово-ремесленные центры некоторых из них.

Смаилов Ж. Е.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ АЯККАМЫР

В конце 40-х — начале 50-х годов в Центральном Казахстане академиком А. Х. Маргуланом были открыты десятки средневековых городищ. На основании этих открытий А. Х. Маргуланом был сделан вывод, что на территории Центрального Казахстана в средние века наряду с кочевым скотоводством существовали торгово-ремесленные центры, снабжавшие кочевое население предметами городского ремесла и продуктами земледелия (Маргулан А. Х., 1947; 1950).

В полевом сезоне 1988 г. отрядом Новостроечной экспедиции ИИАЭ АН Казахской ССР совместно с археологическим отрядом Карагандинского университета проведены раскопки на городище Аяккамыр. Городище Аяккамыр расположено на левом берегу реки Джезды, в 70 км на северо-запад от гор. Джезказгана. На противоположном от городища берегу реки расположен средневековый мавзолей Аяккамыр, давший название городищу.

Городище представляет собой сильно оплывший подквадратный бугор со сторонами по основанию 60×60 м, высотой до 1 м и ориентированный углами по сторонам света. Ров имеется с трех сторон городища. С четвертой, юго-западной стороны к городищу примыкают остатки сооружений, фиксирующихся в виде сильно оплывших вытянутых бугров и фрагментарно сохранившихся каменных стен. Восточный угол городища разрушен земляными работами и прослеживается по рву. На углах городища имеются оплывы башен высотой до 1 м и диаметром 13—15 м. С внутренней стороны возвышенность городища плавно снижается к центру и образует площадку диаметром 15 м.

Раскоп был заложен на 1/4 части городища и охватил пространство, примыкающее к южному углу. В ходе раскопок выяснилась планировка городища. Прежде чем были возведены оборонительная стена и жилища, по периметру будущего городища насыпалась и утрамбовывалась уплощенная земляная насыпь высотой 0,8—0,9 м, шириной до 13 м. На этой насыпи была возведена глинобитная крепостная стена шириной у основания 3,5 м и сохранившаяся на высоту 0,6—0,7 м. Южный угол городища, вошедший в раскоп, был укреплен круглой в плане глинобитной башней диаметром 5 м. Остатки другой башни имеются в центральной части юго-восточной стены. Эта башня имеет в плане подквадратную форму сторонами 4,5×6 м и выступает наружу от линии стен на 1 м.

На площади раскопа, из-за сильной разрушенности городища, удалось полностью расчистить остатки только трех жилищ. Жилища подпрямоугольные в плане размерами 2,5×6 м, 4,5×6 м. Одной стороной жилищам служат оборонительная стена, к которой перпендикулярно пристроены глинобитные стены жилищ. В каждом жилище имеются по одной хозяйственной яме и очагу. Очаги круглые в плане, диаметром до 40 см, углублены в плотно утрамбованный глиняный пол на глубину до 20 см. Стенки очагов обмазаны глиной и сильно прокалены. Расположены очаги в углу жилища у оборонительной стены. Хозяйственные ямы расположены в центральной части жилищ. Они имеют в плане форму сильно вытянутого овала, диаметрами до 0,6×1 м, глубиной до 0,7 м. В заполнении ям — зола, кости животных, фрагменты керамики.

В культурном слое городища в большом количестве встречались кости животных. Кроме костей в слое найдены фрагменты керамики, кусочки и пластинки из бронзы и железа. В раскопе на уровне пола найдены два бронзовых втульчатых наконечника стрел, фрагмент бронзового литого кувшина с носиком, фрагменты стеклянной посуды синего цвета, два костяных шумка (деталь детской колыбели) и костяные проколки.

Полученную с раскопа керамику можно подразделить на три группы. Первая, самая многочисленная, представлена фрагментами грубой лепной керамики, вторая представлена лепной красной обожженной керамикой и третья — фрагментами керамики, изготовленной на гончарном круге.

Первая группа керамики изготовлена ручной лепкой из отощенного теста, красновато-бурых, оранжевых и темных оттенков, в изломе черного цвета. В основном, это фрагменты котлов и горшкостопных сосудов с резко отогнутым наружу венчиком, выпуклым туловом и плоским дном. Венчики сосудов в сечении очень разнообразны: округлые, уплощенные, заостренные. Украшалась керамика преимущественно по венчику или расположенному под ним валу путем кружковых, полуовальных, ногтевидных, точечных вдавлений, прямых и косых насечек, а также зазипов. Встречаются фрагменты, украшенные по верхней части тулова резным гирляндообразным орнаментом в сочетании с точечными вдавлениями. На некоторых фрагментах шеек сосудов нанесены ряды ногтевидных вдавлений также в сочетании с точечными вдавлениями. Шейки некоторых фрагментов сосудов украшены резным горизонтальным зигзагом. На одном из фрагментов стенки сосуда нанесен «тамгообразный» знак. К этой группе керамики относятся и небольшие петлеобразные ручки, прямоугольные и овальные в сечении. На одной из ручек нанесен орнамент из ногтевидных вдавлений.

Вторая группа керамики представлена фрагментами стенок, дна, крышек, изготовленных ручной лепкой из хорошо отмоленной глины с лошением по внешней стороне. Внутренняя поверхность грубо затерта. Орнаментированы в этой группе только два фрагмента крышек конусовидной формы. Край этих крышек украшен резным геометрическим орнаментом и треугольными вдавлениями. В центральной части крышки украшены вдавлениями в виде буквы «S».

Станковая керамика из городища представлена несколькими фрагментами. Это, в основном, фрагменты кувшинов и чаш. На одном из них имеется штампованный орнамент, характерный для керамики Южного Казахстана, датируемой IX—XII вв.

Лепная керамика с городища имеет аналогии, как на это указывал А. Х. Маргулан, в керамике кочевых народов Подонья (Маргулан А. Х., 1978), которая, по мнению С. А. Плетневой, могла принадлежать хазарам, печенегам и гузам, и датируется IX—XI вв. (Плетнева С. А., 1959).

«Тамгообразный» знак на керамике с городища также распространен на керамике Подонья и преобладает в местах

распространения печенегов (Щербак А. М., 1959). Кроме того, лепная керамика с городища имеет аналоги с керамикой городищ низовий Сырдарьи, где орнамент в виде пасечек, зашипов по венчику появляется на этапе Джеты-асар III (Левина Л. М., 1971) и характерен для части гузской керамики (Толстов С. П., 1947). Схожая по орнаментации керамика встречается в слоях X—XI вв. Отрара и Куйруктобе. Это, в основном, кухонная керамика домашнего производства, принадлежавшая осевшему в городах кочевому и полукочевому населению (Байпаков К. М., 1986). По приведенным выше аналогиям керамику с городища можно отнести к огузам и печенегам и датировать VIII—XI вв. Следует отметить, что аналогичная керамика имеется с поверхностных сборов ряда городищ, расположенных в предгорьях Улытау (Ногербек-дарасы, Хан-Ордасы, Кульман и др.).

Дальнейшие исследования средневековых городищ Центрального Казахстана дадут, на наш взгляд, возможность расширить наши знания по истории и культуре кочевых племен средневековья.

Суворова Г. И.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КИМАКСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

В числе памятников, исследованных отрядом ВКАЭ ИИАЭ АН Казахской ССР в 1988 г., был курган кимакского времени, расположенный в 800—1000 м южнее села Ахмирово Таврического района Восточно-Казахстанской области. Памятник расположен в долине Иртыша, ограниченной с юга и юго-востока отрогами Калбинского хребта, в 3—4 км от левого берега реки. Курган входит в группу Ахмирово I, является северным в цепочке памятников, вытянутых с севера на юг между селом Ахмирово и поселком Ново-Ахмирово.

До раскопок курган представлял собой округлое в плане, вытянутое по линии север—юг, сильно задернованное сооружение размерами 14×13 м, высотой 0,55 м. В центре насыпи прослеживалась западина. Северо-западная и западная полы кургана были разрушены во время вспашки поля.

Конструкции наземных сооружений представляют собой комплекс из трех оград, примыкающих друг к другу так, что

каждая последующая ограда имела общую стенку с предыдущей. Внутриоградное пространство с разной степенью плотности было заполнено некрупными камнями уплощенных форм, но имелись и довольно массивные блоки.

Самая обширная в комплексе и, вероятно, прежде других возведенная постройка имела подквадратную в плане форму размерами 7,5×6,7 м. Ограда I выложена из массивных прямоугольных блоков, плотно подогнанных друг к другу, и наращивалась уплощенными камнями как в ширину (до 65—70 см), так и в высоту (от 30 до 60 см).

В ограде совершенно погребен воин с конем. На глубине 2,87 м яма имела овальную в плане форму размерами 2,35×0,86 м. На разных глубинах были обнаружены кости взрослого человека и лошади.

Инвентарь центральной могилы состоял из обломков сабеля с бронзовой накладкой на рукоятке, железного ножа и обломков кинжала (?), наконечника копья, наконечников стрел, костяных накладок на лук, трех бронзовых подпружных пружек с железными язычками, набора серебряных и бронзовых бляшек.

Ограда II примыкала к предыдущей с юга и имела с ней общую стенку, ее размеры — 6,6 м×2,8 м. В подбое был погребен взрослый человек с конем. Погребение сильно разграблено, сохранились несколько костей и череп лошади. Сопроводительный инвентарь: поясная бляха-наконечник, черешковый железный наконечник стрелы, часть стремени с обломанным ушком, обломок кольчатых удиц с железным псалнем (с изогнутым концом и петлей на внешней стороне), костяные накладки.

В третьей яме, которая находилась в ограде, примыкающей к центральной с северной стороны, найдены сабля с напускным перекрестием и слабоизогнутым клинком, два наконечника стрел, стремени, две бесщитковые круглые железные пружки с подвижными язычками и костяная подпружная пружка с железным язычком. В яме не зафиксировано захоронение человека; ближе к юго-восточному углу ямы были обнаружены хвостовые позвонки барана.

В четвертой яме с подбоем также отсутствовало захоронение человека. Инвентарь: палаш (?) с прямым перекрестием, четыре наконечника стрел, две круглые бесщитковые железные пряжки с подвижными язычками.

В пятой яме с подбоем обнаружены бедренные и берцовые кости ног ребенка. У правого бедра находились бронзовая миниатюрная пряжка с железным язычком и костяной четырехгранный стержень. Северо-восточная и восточная части могильной ямы были перерезаны грабительской ямой.

Конструкции наземных сооружений, погребальный обряд, состав инвентаря на данном памятнике имеют аналогии в других памятниках Верхнего Прииртышья кимакского времени.

Трифонов Ю. И.

О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Проблемы средневековой археологии Казахстана постоянно находились в сфере научных интересов академика А. Х. Маргулана. Важное значение в их разработке он придавал исследованию самых различных памятников материальной культуры, в том числе погребальных, поиски и раскопки которых производились им преимущественно на территории Центрального Казахстана. Издание одного из таких памятников — «погребение воина XIV века» (А. Х. Маргулан, 1959) до сих пор может служить образцом в отношении полноты описания материала и приведенных ему аналогий.

Средневековыми погребениями Восточного Казахстана А. Х. Маргулан не занимался, но с 50-х годов их здесь широко исследуют (в основном, в долине Иртыша) его ближайшие коллеги и ученики (С. С. Черников, А. Г. Максимова, Ф. Х. Арсланова и др.). Наибольшее внимание этим объектам уделила Ф. Х. Арсланова, осуществившая в 60—70-х гг. не только массовые раскопки разнообразных комплексов кимакского времени (VIII—XI вв.), но и многие из них опубликовавшая. К последним относятся 14 курганов с трупосожжениями из Верхнего Прииртышья (Зевакино, Камышинка, Ново-Камышинка), вызывающие особый интерес с точки зрения этнической интерпретации памятников и характерных черт их погребального ритуала.

Эти черты, по заключению Ф. Х. Арслановой (1972), следующие: 1) «одиночные... и групповые захоронения... по обряду сожжения, под каменной или земляной насыпью, либо в оградах... из скального камня»; 2) «два типа захоронений: на уровне дневной поверхности и в могиле»; 3) «сжигали, вероятно, только мужчин, а детей и женщин хоронили по обряду трупоположения». Такие погребения, по одному-два в кургане, на горизонте и в грунтовых ямах, встречены в шести зевакинских объектах; 4) «во время похорон... устраивали поминальную трапезу, а умершим клали... мясную» пищу: в большинстве курганов обнаружены отдельные кости животных, а в трех из них — почти полные или фрагментарные костяки; 5) «чаще всего с погребенными клали бытовые предметы и сбрую», но «в двух курганах (97, 100), отличающихся богатством инвентаря», а также в кургане 103 «были найдены предметы вооружения».

Данные восточноказахстанские памятники обычно считаются типично древнехакасскими (или кыргызскими) IX—X вв. (Л. Р. Кызласов, Ю. С. Худяков и др.). Однако уже Ф. Х. Арсланова, отмечавшая в своей работе их близость «к погребениям в Туве, относящимся к древним хакасам», обращала внимание на заметное своеобразие казахстанских комплексов, которое «достаточно наглядно иллюстрируется при сравнении тувинской и прииртышской керамики». То же самое утверждал и Д. Г. Савинов (1984), находивший своеобразие зевакинских погребений не только в формах инвентаря, но и в элементах обряда. Поэтому оба исследователя хотя и допускают кыргызскую («древнехакасскую») принадлежность рассматриваемых объектов (причем Ф. Х. Арсланова — лишь некоторых из них), но подчеркивают значительную аккультурацию этих памятников, произошедшую в результате вступления кыргызов «в непосредственный контакт с абorigенами Верхнего Прииртышья в IX в.» (Ф. Х. Арсланова, 1972; Д. Г. Савинов, 1984).

Аборигенами Казахстанского Прииртышья являлись тогда кимако-кипчакские племена, в погребальном обряде которых (ингумация) прослеживается целый ряд очень устойчивых элементов: широтная направленность могил, их последовательно-меридиональная расположенность в случае неединичности в кургане, стандартное положение погребенных

(вытянутое на спине), восточная (с отклонениями к СВ, ЮВ) ориентировка скелетов и т. д. Существенно, что второй из этих показателей можно, очевидно, определить в качестве этнодиагностирующего для прииртышских кимаков (в широком политическом и культурно-географическом значении этнонима).

Перечисленные признаки в полном сочетании не встречаются ни в одном из опубликованных зевакинских курганов, содержащих сопутствующие кремациям труположения, однако именно в этом сочетании они зафиксированы в двух раскопанных нами в 1988 г. курганах могильника Акчий IА, расположенного, как и Зевакино, на правом берегу Иртыша, ниже по течению. Специфическая особенность акчийских памятников — присутствие под невысокой земляной насыпью, в центральной площади объекта, широтно вытянутой могилы с остатками сожжения: в одном кургане зольник был с кальцинированными костями, в другом — без них (кенотаф); оба захоронения сопровождалась необожженными вещами: первое — предметами вооружения и быта, второе — сбруйными изделиями. К югу от каждой могилы, практически параллельно ей, находилась могила с труположением взрослого человека; к северо-востоку от центральной могилы первого кургана — еще одна могильная яма (детское погребение), пристроенная к внешней стенке широкорядной ограды, обрамлявшей две первые могилы.

Если учесть не только вышеперечисленные признаки кимакских погребальных памятников, обязательные для подавляющего их числа, но и менее в них распространенные, хотя также довольно стабильные, например, широкорядность оград и околооградность подхоронений, то при сопоставлении этого комплекса признаков акчийских объектов будет особенно очевидна большая близость последних к кимакским. В то же время акчийские погребения с сожжениями оказываются весьма отдаленными от собственно киргизских, что выясняется при сравнении тех и других.

Характернейшими чертами киргизских погребений IX—X вв., по единодушному мнению специалистов, являются: 1) совершение захоронений по обряду кремации (нередко групповых, иногда разнокатегорных) под округлыми в плане наземными постройками, как правило, в виде насыпи из камня,

земли и т. п.; 2) размещение остатков трупосожжения (кальцинированные кости и пр.) или его имитации — кенотафа (зольник без таких костей, обычно с вещами) либо на древней поверхности (или вблизи ее, в заглублениях), либо в ямках, преимущественно округлой и неправильной формы; 3) присутствие в захоронениях обожженных предметов (трупы умерших сжигались вместе с их атрибутами), а в «тайниках» — вещей без следов огня; 4) нахождение под курганом неполных костяков лошадей (реже — других животных), зачастую в отдельных могилах; 5) наличие в инвентаре специфически оформленных изделий, в частности, удила с витыми стержнями.

Примечательно, что ни одним из отмеченных признаков, кроме самого факта совершения захоронений по обряду трупосожжения, — а этот обряд, по свидетельству письменных источников, был свойствен и кимакам (Б. Е. Кумек, 1972) — не обладают акчийские погребения (исключение составляет еще лишь целиком земляное надмогильное сооружение второго объекта, но этот признак этнически малозначителен). Не обладают ими и недавно полностью опубликованные (Ю. П. Трифонов, 1987) джартаасские погребения с сожжениями (левый берег Иртыша, напротив Зевакино), которые, будучи единственными средневековыми захоронениями в своих объектах (6, 80), по всем ведущим элементам обряда сходны с центральными могилами соответственно второго и первого акчийских курганов.

Таксономический анализ, проведенный с акчийско-джартаасскими и зевакинско-камышинскими памятниками (по 11-ти совокупностям признаков, отражающих все репрезентативные элементы их обряда), показал, что первые образуют самостоятельную, резко отличающуюся от основной массы вторых групп курганов, принадлежность которой вполне правомерно, на наш взгляд, определить как кимакскую в вышепринятом значении этнонима.

Ближе всего к этой группе, если анализировать серию не по курганно, но по комплексу (помогильно), оба камышинских объекта, а из зевакинских, содержащих большинство известных на сегодня верхнеиртышских погребений с сожжениями IX—X вв., — курган 117 и в нем — центральное захоронение в широтно вытянутой могиле. Обнаруживая ряд присущих

акчийско-джартаасским памятникам показателей, важней — шими из которых являются такие, как нахождение остатков сожжений с необожженным инвентарем в сравнительно глубоких, четко выраженных могилах, они все же объединяются в отдельную группу объектов, в которой фиксируются и не встречающиеся в первой признаки (меридиональная направленность камышинских ям и пр.), и характерно кыргызские (наличие захоронений с остатками трупосожжений в небольших заглублениях). Впрочем, последние здесь единичны и отмечены только для кургана 117, в котором система размещения захоронений близка кимакской.

Неоднократная представительность комплекса признаков кыргызских погребений наблюдается в иной группе, включающей в себя курганы Зевакино — 97, 100, 103 и 123: например, в трех из них (97, 103, 123) имеются обожженные и даже оплавленные предметы, в двух (97, 103) — витые удила, еще в двух (100, 103) — неполные костяки лошадей и овец, уложенных либо совместно, либо порознь, но в особые могилы и т. д. Все это свидетельствует о чисто кыргызской принадлежности данных объектов, среди которых выделяется курган 97, прежде всего, сочетанием в нем разнокатегорных, но хорошо знакомых по метропольным кыргызским памятникам захоронений: одиночного трупосожжения (погребение «а»), трупосожжения с конем («б»), «тайника»? («в») и подхоронения по обряду труположения. Интересен этот курган и общим составом инвентаря, почти половину которого, вероятно, не случайно повторяет инвентарь кургана 100 (2 стремени, 14 стрел, нож, тесло), а также поясным набором с лировидными бляхами явно кыргызского происхождения.

В захоронениях зевакинских курганов 99, 111, 113, 114, 118 и 129, взаимосвязанных в последнюю группу серии, кальцинированные кости, как зачастую и в предыдущей, находятся вблизи горизонта — существенный фактор кыргызских погребений. Однако ни специфически кыргызских предметов, ни обожженных вещей и т. п. в них не обнаружено; напротив, весь содержащийся в этих объектах инвентарь не носит следов огня, а такие этнически показательные изделия, как керамика, бесспорно, кимакские. Примечательно, что один особенно характерный сосуд встречен здесь не в подхоронении, как остальные, а в зольнике (курган 99). Кроме того, ни-

гумированные подхоронения этой группы расположены по широтной линии, подобно кимакским погребениям, в отличие от аналогичных подхоронений кыргызской группы, заключенных в меридионально вытянутые могилы. Одним словом, памятники последней группы, как и второй («камышинской»), очевидно, нужно считать в своей основе кимакскими (в крайнем случае, кимако-кыргызскими), в результате чего количество несомненно кыргызских объектов среди курганов с трупосожжениями Верхнего Прииртышья оказывается весьма незначительным.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Астафьев А. Е.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ШЕБИР

До сегодняшнего дня археология Мангышлака остается слабо изученной. Большинство выявленных памятников представляют собой открытые местонахождения, материалы которых находятся в переотложенном состоянии. Сбор подобного материала вызывает определенные сложности, а его чистота порой весьма проблематична. В этом отношении бывают важны памятники с сохранившимся культурным слоем.

В результате работ экспедиции музея истории полуострова Мангышлак на полуострове Бузачи в районе поселка Шебир была открыта и исследована стоянка энеолитического времени. В зоне открытых песков выявлено два одновременных скопления кремнево-керамического материала с частично сохранившимся культурным слоем. Сборы материала производились на основе сеточной разбивки с последующей зачисткой исследуемой площади. При фиксации кремня применялась типологическая номенклатура для изделий из камня. Изделия из кремня и керамики, полученные в результате раскопок, аналогичны материалам с разветвленных участков.

Характерной чертой кремневой коллекции (4560 экз.) является пластинчатая макро- и микротехника расщепления камня и изготовления орудий. Из орудий в устойчивые группы выделяются резцы, острия, вкладыши, скребки и ножи на крупных пластинах. Мало концевых скребков, орудия на отщепках единичны. В коллекции нет наконечников стрел и каких-либо геометрических микролитов.

Керамика представлена обломками 4 крупных лепных сосудов яйцевидной формы с массивным подтреугольным отогнутым паружу венчиком и округло-коническим дном. Орнаментированы верхняя и нижняя части сосудов. Основная орнаментальная композиция — зоны горизонтальных оттисков гребенчатого штампа, ограниченные прочерченным зигзагом. Внутренняя поверхность сосудов имеет следы заглаживания гребенкой. В глиняном тесте примесь толченого селенита.

Другую часть находок составляют обломки абразивов, изделия из камня, 2 бусины из раковины и металлическое шило. Полученный остеологический материал плохой сохранности.

Планиграфический анализ расположения находок с выделением тех или иных видов и типов изделий позволил выявить ряд конструктивных и бытовых особенностей стоянки, а расчищенные на одном из скоплений столбовые ямы позволяют предположить наличие остатков наземного сооружения каркасного типа.

Большой интерес вызывает определение временной и культурной принадлежности стоянки. Ближайшие аналогии кремневого инвентаря найти очень сложно. Типологический набор орудий в какой-то мере сопоставим с неолитическими памятниками Урало-Среднеазиатского региона, но для последних присуща микролитичность и геометризованность форм. Памятники же энеолитического времени для территорий, прилегающих к полуострову Мангышлак, либо слабо изучены, либо не выделены совсем. В целом, у шебирского кремня наблюдается довольно развитая и устойчивая традиция обработки камня, что при богатой сырьевой базе Мангышлака позволяет высказать мнение о местных особенностях каменной индустрии.

Сосуды стоянки по своей форме, технике нанесения и композиции орнамента находят большое сходство с керамикой селища Орошаемое (Саратовское Заволжье), где, кстати, отмечается сочетание в кремнево-кварцевом инвентаре макро- и микротехники, и отдельными находками Северного Прикаспия, которые определяются временем хвалынской культуры и датируются второй половиной IV тыс. до н. э. Следует отметить, что на Мангышлаке встречаются и плоскодонные формы керамики хвалынского типа в материалах раз-

веянной стоянки и подъемных сборах у озера Кошкар-ата, а также на полуострове Бузачи в районах поселков Шебир и Тушкудук.

Выделение двух столь характерных типов керамической посуды явно говорит об их устойчивой культурной традиции, что дает возможность вновь обратиться к ранее высказанному предположению Варущенко С. И. и Галкина Л. Л. о существовании так называемого Северо-Восточного Каспийского «моста» между астраханским побережьем и полуостровом Бузачи, образовавшегося в период Махачкалинской регрессии Каспия с 3300 по 1800 гг. до н. э., и возможных путей контакта через него населения Средней Азии и Поволжья.

Алехин Ю. П., Илюшин А. М.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Семипалатинской экспедицией Кемеровского университета в 1988 г. начаты разведочно-поисковые работы в Новошувльбинском и Бородулихинском районах области.

В Новошувльбинском районе зафиксировано и обследовано 58 археологических памятников: 38 курганных групп, 7 одиночно стоящих курганов, 4 оградки из вкопанных камней (2 круглые и 2 подпрямоугольной формы), 2 каменные стелы, 3 поселения и 3 стоянки, 1 местонахождение.

Курганные группы состоят из 2—35 каменно-земляных, реже — земляных курганов диаметром 3—70 м и высотой до 6,5 м. Курганы в группах часто расположены цепочками с юга на север. Все насыпи одиночных курганов каменно-земляные, их диаметр 10—37 м, высота 0,8—2,5 м. Большинство курганов относится к эпохам раннего железного века и средневековья, небольшое количество земляных курганов относится к эпохе бронзы.

Близ с. Новая Шувба на р. Шувльбинка зафиксирован комплекс поселений (в том числе андроновское) и стоянок эпохи бронзы, где собран значительный подъемный материал: фрагменты керамики, каменные рудодробильные песты, терочки, скребки, отщепы, медные шлаки, сплески, руда, кости животных.

В Бородулихинском районе открыто 11 памятников: 2 курганные группы, 4 одиночно стоящих кургана, 5 стоянок и

1 поселение. Большинство курганов ограблено, насыпи их каменно-земляные, реже — земляные, диаметром 7—20 м и высотой 0,3—0,7 м, относятся к эпохам раннего железа и средневековья. Вдоль трассы Семипалатинск—Рубцовск (между 76 км от Семипалатинска и до с. Аул) на песчаных дюнах зафиксировано 5 стоянок и 1 поселение эпохи бронзы. Обильный подъемный материал собран на поселении Дюна I (площадь около 4000 кв. м): фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом, каменные наконечники стрел и дротик, нож, песты, терочки, медная руда, шлаки, сплески меди.

Характерно, что на всех зафиксированных поселениях и стоянках присутствуют обильные следы металлургического производства и переработки медной руды, орудия горного дела. Керамика с гребенчатым орнаментом, найденная на поселениях древних металлургов, имеет абсолютное сходство с таковой из поселения древних металлургов Колыванское I второй половины III — начала II тыс. до н. э. в Змеиногорском районе Алтайского края, что указывает на культурную однородность этих памятников, население которых специализировалось на занятии горным делом и металлургией. Результаты наших исследований еще раз подтверждают выводы С. С. Черникова о том, что Рудный (Западный) Алтай до III—II вв. до н. э. являлся крупным центром горного дела и металлургии цветных металлов, откуда металл в виде слитков и готовых изделий поступал в соседние районы Западной Сибири (Черников, 1949).

В зоне затопления Шувльбинского водохранилища в Новошувльбинском районе были произведены охранные раскопки трех курганов в группе Ак-Чий I. Курганы 1 и 2 представляли собой небольшие каменно-земляные насыпи, под которыми на глубине 0,8 м были совершены безы Inventарные мусульманские захоронения в виде одиночных трупоположений на спине в вытянутом положении головой на З. Каких-либо внутритмогильных конструкций не зафиксировано.

Курган 3 курганной группы Ак-Чий I представлял собой овальную земляную насыпь диаметром 16 м и высотой 0,21 м, под которой в центре совершенно захоронение в могильной яме пожилого человека. Погребенный, уложенный на животе с подобранными под себя ногами и вытянутыми вдоль тела руками, ориентированный головой на В, был подвергнут час-

тичному сожжению в могильной яме. В заполнении могилы найдены два обломка костяного наконечника стрелы листовидной формы. Над черепом погребенного лежал каменный фаллос и два тестиса, за черепом был установлен баночный сосуд с гребенчатым орнаментом. У бедренной кости лежали обработанная галька, круглая каменная зернотерка диаметром 25 см с углублениями по обеим сторонам, бронзовый двутельчатый кельт и обломок бронзовой гривны. Курган датируется второй половиной III — началом II тыс. до н. э. Орнамент керамического сосуда из этого кургана идентичен орнаменту на керамике из поселений древних металлургов этого же региона.

Бейсенов А.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Новостроечной экспедицией ИИАЭ АН Казахской ССР в полевом сезоне 1988 г. были начаты археологические исследования в зоне строящегося угольного разреза «Майкубенский» (Баянаульский, Экибастузский районы Павлодарской области). Из обследованных памятников к интересующему нас периоду относится 11 курганов.

Могильник Майкубен 1 находится в 30 км на ЮЗ от п. Майкани Баянаульского района, в 4 км на ВЮВ от оз. Карасор. Могильник насчитывает 7 курганов. Самые северные в группе курганы 4 и 5 расположены на уплощенной вершине невысокого холма. Курган 4 имел каменную насыпь диаметром 5,3 м, высотой 0,3 м. Погребение ограблено. В яме на глубине 0,8 м (здесь и далее глубина указывается от уровня материка) найдены разрозненные кости человека. Вещей нет. Курган 5 находился в 8 м на З от кургана 4. Диаметр насыпи кургана 5—7,5 м, высота 0,5 м. В насыпи встречены ребро и обломок трубчатой кости лошади. Могильная яма трапецевидной формы (2,5×1,7 м поверху, 2,2×1,35 м по дну), ориентирована по длинной оси с В на З. Яма до глубины 0,65 м забутована землей и камнями. Ниже шел слой серой супеси с примесью мелких камней, в котором встречались кости барана и мелкие куски древесного угля. Южную часть дна ямы

на глубине 1,15 м занимал скелет человека, северная половина оставлена свободной. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища. На уровне левого плеча покойника найден круглый каменный жертвенник с закругленным дном и неровным бортиком. В районе левой кисти лежало круглое бронзовое зеркало с петелькой на обратной стороне.

Могильник Майкубен 2 находится в 2,5 км на С от предыдущего и состоит из 5 курганов с каменными, каменно-земляными насыпями. Раскопаны все.

Курганы 7, 8, 9 расположены на вершине холма, вытянуты в одну линию с В на З. Расстояние между ними — 3—4 м. Крайний восточный в группе курган 7 имеет насыпь диаметром 4,3 м, высотой 0,3 м. Могильная яма ориентирована по длинной оси с В на З. Ее размеры: 1,8×0,7 м, глубина 0,8 м. В яме ничего не обнаружено кроме разрозненных мелких кусков древесного угля. В кургане 8 (диаметр насыпи 4,0 м, высота 0,25 м) обнаружена одна могильная яма овальной формы (1,7×0,8 м), ориентированная длинной осью с В на З. Глубина 0,7 м. В заполнении встречались мелкие куски древесного угля. На дне лежало обломанное по краям бронзовое петельчатое зеркало. Курган 9 диаметром 4,5 м, высота 0,3 м. В центре под каменной наброской обнаружена могильная яма (1,7×0,9 м, глубина 0,75 м), ориентированная с В на З. До глубины 0,35 м яма забутована камнем попеременно с землей. Камни не потревожены, тем не менее в яме, за исключением немногочисленных кусочков древесного угля, ничего не обнаружено.

Курган 14 находится в 200 м на ЗСЗ от кургана 7. Диаметр насыпи 7 м, высота 0,35 м. Могильная яма овальной формы (2,1×1,2 м), ориентированная с В на З, находилась под каменной наброской в центре кургана. Покойник лежал в подбое, устроенном в северной стенке входной ямы. Яма забутована камнями. Вход в камеру заложен крупными валунами. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Слева от черепа находился жертвенник ладьевидной формы на четырех ножках, с выступающим бортиком.

Курган 15 находится в 40 м на ЗСЗ от кургана 7. Диаметр насыпи 7,5 м, высота 0,35 м. Под каменной наброской в центре находилась могильная яма с подбоем. Вход-

ная яма (2×1,2 м), ориентированная с В на З, до самого дна забутована камнями вперемешку с землей. Вход в камеру заложен очень крупными камнями.

В подбое вытянуто на спине лежал головой на З плохо сохранившийся скелет человека. Слева от черепа найдена костяная шпилька, справа каменный плоскодонный жертвенник ладьевидной формы, с хорошо выраженным бортиком. У кисти правой руки лежало круглое бронзовое зеркало с петелькой на обороте. Вокруг него сохранились небольшие куски кожи и ткани темно-красного цвета. В области шеи и груди собрано 30 пастовых бусин светло-зеленого цвета.

Группа Майкубен 3, состоявшая из трех курганов, находилась в 2 км на ЮВ от соленого озера Карасор. Все насыпи из камня.

Самый северный в группе курган 11 имеет насыпь диаметром 7 м, высотой 0,55 м. Могильная яма (2,2×1,15 м, глубина 1,05 м) ориентирована длинной осью с В на З. В верхней части заполнения ямы встречались камни. На дне вытянуто на спине головой на З лежал скелет человека. Руки вытянуты вдоль туловища. Под правой стороной тазовой кости найден железный нож. Возле правой руки зафиксирована тазовая кость барана. Возле ступни правой ноги — 2 ребра и берцовые кости барана. Между ног на уровне коленного сустава выявлено пятно тлена коричневого цвета.

Курган 12, диаметром 8,0 м, высотой 0,5 м, находился в 70 м на ЮВ от предыдущего. Могильная яма (2,4×1,6 м, глубина 1,35 м) ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. На глубине 0,4 и 1,0 м яма перекрыта двумя слоями крупных плит. Под нижними плитами лежал скелет человека плохой сохранности. Возле правого локтевого сустава найден бронзовый листовидный втульчатый наконечник стрелы. В районе таза собраны 7 бронзовых полых обоймочек от пояса, 2 ворворки, 2 круглых пронизи, стержневая подвеска и колчаный крючок. Одна бронзовая пронизь найдена между ног. Возле левой ноги находились плохо сохранившиеся остатки деревянного колчана, 5 бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел и бронзовый нож с кольцевым навершием.

Курган 13, диаметром 6 м, высотой 0,3 м, находится в 30 м на Ю от кургана 12. Могильная яма (1,75×0,8 м, глубина 0,7 м) ориентирована по длинной оси с В на З. На дне

вытянуто на спине, головой на З, лежал скелет человека. В ногах его, у западной стенки ямы, находились кости еще одного человека. Вещей нет.

Судя по вещевому материалу, обследованные курганы относятся ко второму этапу тасмолинской культуры, хотя каменные жертвенники, бронзовые ножи, черешковые трехгранные стрелы, аналогичные описанным, характерны для обоих этапов. Хорошую датировку дают бронзовые зеркала с петелькой и без бортика, которые появляются в V в. до н. э. (Кадырбаев, 1966).

Григорьев Ф. П.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В РАЙОНЕ г. АЛМА-АТЫ

Алма-Атинский отряд института «Казпроектреставрация» в течение нескольких полевых сезонов занимался обследованием территории г. Алма-Аты и ее окрестностей с целью выявления, учета и паспортизации памятников древности, а также охраняемых раскопками поселений.

Обследование городской территории позволило установить, что из того огромного количества археологических памятников, что ранее упоминалось в литературе или было обозначено на старых планах города, к настоящему времени осталось около двух десятков, да и те — только жалкие остатки поселений, могильников, курганов. Расширение городской территории, интенсивная ее застройка без предварительных археологических разведок привели к уничтожению ряда ценных памятников и даже отдельных категорий памятников. Теперь в районе г. Алма-Аты известны лишь поселения и курганы. Раньше встречались каменные изваяния, усадьбы, ирригационные сооружения.

На территории Алма-Аты и прилегающих к ней землях (в радиусе 30—35 км) учтено около 80 археологических объектов эпохи бронзы, РЖВ и средневековья (в том числе в городе — 22), из них — 10 поселений (на территории города — 5).

Эпоха бронзы. На территории города и его пригородов были известны находки вещей II — начала I тыс. до н. э., но все они имели случайный характер. Алма-Атинским отрядом

в 1984 г. на северной окраине г. Алма-Аты на высоком мысу пос. Заря Востока и Курылышши открыто и начато исследование поселения Теренкара X—VIII вв. до н. э. Установлено, что поселение было временным (сезонным). Его обитатели жили в округлых, слегка углубленных в землю, легких жилищах. Занимались скотоводческо-земледельческим хозяйством. В составе стада у них преобладал крупный рогатый скот. Преобладает керамика с орнаментом по венчику и по горлу. Найдены ладьевидной формы зернотерки, каменные песты и другой бытовой инвентарь. Металла нет. Жители поселения имели связи с земледельческими племенами Средней Азии, носителями культуры «расписной керамики». Поселение Теренкара — один из наиболее ранних памятников района г. Алма-Аты, несущий важную информацию для решения вопросов хронологии финальной бронзы Казахстана.

Памятники РЖВ, представленные, в основном, отдельными курганами и курганными группами, наиболее многочисленны. Алма-Атинским археологическим отрядом в 1984 и 1986 гг. проведены раскопки остатков поселения III—II вв. до н. э., расположенного в районе аппаратно-студийного комплекса Казахского телевидения (АСК). Оно занимало естественную возвышенность между ул. Тимирязева и пр. аль-Фараби по ул. 6-ой Кирпичнозаводской. Раскопки показали, что это было полусоседное поселение типа летовки. При раскопках найдены зернотерки, терочники, керамическая посуда, пряслица, кости животных. В нижнем слое памятника обнаружены очаги. Основным занятием его обитателей было скотоводство. Разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов. Есть кости собаки. О занятии земледелием говорит огромное количество зернотерок. Отсутствие жилых построек может объясняться применением легких разборных жилищ типа юрт. Можно отметить ближайшее сходство керамики АСК с посудой из погребений могильников Модалы и Шубарат (V—III вв. до н. э.) около п. Чемолган. Аналогичные поселения встречаются по берегам небольших речек и сухих саев и под Алма-Атой (совхоз «Панфиловский», Кзылту 4, пос. Кок-Кайнар и др.), и в самом городе (РУРТ, район автостанции «Таугуль», склон горы Коктюбе на левом берегу р. Казачки).

Средневековые памятники представлены остатками поселений без внешних признаков, т. к. их территория давно уже

симвелирована и застроена. В их числе два известных поселения XI — начала XIII вв., расположенные соответственно в междуречье Весновки и Малой Алматинки при выходе их с гор в долину (В. Д. Городецкий), и на территории Ботанического сада (К. М. Байпаков), откуда происходит много подъемного материала. Это — фрагменты керамики кругового изготовления, с волнистым орнаментом, части кувшинов, покрытых густым красным ангобом с лощением, куски жерновов.

В. Д. Городецкий и А. Х. Маргулан полагали, что первое поселение, самое крупное на территории Алма-Аты, является остатками Алматы — города, упоминаемого в позднесредневековых источниках.

К новым памятникам относится поселение, расположенное в горах на правом берегу р. Каменки, занятое садами и клубничным полем бригады № 2 совхоза «Горный Гигант». На поверхности в большом количестве валяются фрагменты керамики X—XII вв., кости животных, жернова. Одновременное с описанным было поселение на возвышенности к югу от Казгуграда, ныне полностью уничтоженное. На территории совхоза «Горный Гигант» были и другие средневековые поселения, но их местоположение теперь неизвестно.

В окрестностях Алма-Аты (юго-западный угол пос. Заря Востока Каскеленского района) сохранился памятник XI — начала XIII вв. типа торткуля. Он расположен на высоком правом берегу р. Теренкара и относится к классу городищ-убежищ. Представляет собой трапециевидный в плане (230—320 м) четырехугольник обвалованных стен с башнями по периметру. Валы шириной 12 м, высотой 1,7—2,5 м. С трех сторон городище окружено рвом шириной 12 м, глубиной до 1,5 м. С запада со стороны крутого берега рва не было. В середине северной стены сохранился въезд с башнями радиусом 6 м по углам. Внутренняя поверхность городища почти ровная с небольшими всхолмлениями в юго-восточной части. На ней встречаются обломки лепной и станковой посуды.

Проведенные исследования подтверждают тот факт, что Алма-Ата возникла не на пустом месте. Территория города хранит напластования разных эпох и культур. В силу различных причин и жизнь людей здесь в древности и средневековье не была хронологически непрерывной и не концентриро-

валясь на одном месте. Тем не менее, в районе нынешней Алма-Аты древние люди селились постоянно на протяжении нескольких тысячелетий, что и обусловило историческую много-сложность ее территории.

Дальнейшие исследования и новые открытия позволят полнее восстановить этапы многовековой истории столицы Казахстана, но для этого нужно принять срочные меры к сохранению уцелевших памятников древности.

Грищенко А. Н.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЧИМКЕНТСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 1987 г. в с. Нижний Боралдай (центральная усадьба совхоза «Боралдайский») на культурных слоях уничтоженного городища Сарытобе (Актобе?) началось строительство школы, которое было приостановлено органами ООПИК до проведения мероприятий по их сохранению.

Экспедицией Чимкентского областного историко-краеведческого музея были вскрыты три погребения под курганами Ю-9, С-6 и Ц-1 (шифр АЭ облмузея) на юго-западной и юго-восточной окраинах села.

Курганы Ю-9 и С-6 с земляными насыпями диаметром соответственно 14 и 9 м, высотой 0,7 и 0,5 м. Курганы Ц-1 диаметром 14 м, высотой 0,3—0,4 имеет кольцевую выкладку из речной гальки у основания насыпи.

Наиболее интересным оказался курган Ю-9, содержащий основное погребение, совершенное в яме на глубине 1,7 м от вершины кургана. Погребенная лежала головой на ЮЗ, на правом боку, в скорченном положении. В изголовье найден горшковидный черноглиняный сосуд, в ногах — бронзовые бусы (19 шт.) и бронзовое же височное кольцо из витой проволоки. Обломок второго кольца найден на груди.

Комплекс можно отнести к сакской культуре и датировать его концом V—IV вв. до н. э.

Впускное погребение было совершено в катакомбе с дромосом, ведущим в нее, содержавшем парное ограбленное погребение.

По сохранившимся потревоженным костям ног погребенных, они были ориентированы головой на ССВ. Сохранились 3 бисерных пастовых бусины желтовато-зеленого цвета и 2 железные пряжки с подвижным язычком, украшавшие обувь погребенного. Погребение датируется II—IV вв. н. э. и относится к кангуйской культуре.

Курган С-6 подвергался неоднократно ограблению, что не позволяет сделать вывод о времени его сооружения.

Конструктивные особенности кургана Ц-1 — кольцевая выкладка из камня у основания и ориентация могилы по оси СЗ—ЮВ позволяют датировать его кангуйским временем, III—I вв. до н. э.

В ходе археологической разведки в районе пос. им. К. Маркса выявлен фрагмент каменного изваяния VII—VIII вв., что позволяет отнести к числу тюркских близлежащие курганы с каменными насыпями.

Начатые раскопки городища Жуантобе у с. Мамаевки являются продолжением работ предыдущих исследователей (А. Н. Бернштам, Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич и Б. Н. Нурмуханбетов) по изучению раннесредневековых памятников в бассейне Арыси.

Гуцалов С. Ю.

РАБОТЫ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1988 г.

В 1988 г. археологическая экспедиция Актюбинского пединститута, организованная на средства ООПИК Казахской ССР, проводила раскопки аварийных могильников Жаман-Каргала I в Актюбинском и Целинный I в Мартукском районах.

Курганы Жаман-Каргала I, частично распаханные, раскапывались в течение полевых сезонов 1986—1987 гг., когда было исследовано 17 курганов (2—7, 9, 13—16, 18, 22, 24, 26, 30, 36), относящиеся к эпохе бронзы, савромато-сарматскому времени и эпохе позднего средневековья. В 1988 г. было раскопано еще 22 кургана с земляными и каменными насыпями, диаметры которых варьировали в пределах от 3 до 30 м, высотой 0,1—2,5 м. Курганы 1, 23, 32 относятся к эпохе развитой бронзы (XVII—XV вв. до н. э.) и представляют собой захоронения родо-племенной знати. В погребениях покойников

сопровождал разнообразный инвентарь: каменные наконечники стрел, булава, бронзовые ножи, наконечники копий, иглы, браслеты, бисер из стеклянной пасты и т. д.).

Курганы 11, 17, 20 датируются савромато-сарматским временем (VI—II вв. до н. э.). В могилах встречены глиняные сосуды, бронзовые наконечники стрел и пр. Погребение подростка в кургане 25, над которым на деревянном перекрытии лежало чучело коня с железными удилами и стремянами, относится к огузо-печенежскому времени (IX—XI вв.). Остальные курганы насыпаны во второй половине XIV — середине XVIII вв.

Таким образом, из 45 курганов могильника исследовано 40, включая курган 18, раскопанный в 1975 г. В. В. Родионовым, и еще 5 (ограбленных в начале века) — членом ОУАК И. А. Кастанье.

Другой объект исследований — могильник Целинный 1, подвергшийся разграблению в последнее десятилетие, располагается на полях совхоза «Яйсанский» Мартукского района.

Всего здесь раскопано 30 земляных курганов (из 105), относящихся к эпохе бронзы, савроматскому, раннесарматскому и позднесарматскому времени, а также к Золотоордынской эпохе.

Пешими археологическим разведками в Актюбинском, Алгинском, Ленинском, Мартукском и Новороссийском районах обнаружено 65 неизвестных ранее могильников.

Досымбаева А. М.

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ГОРОДИЩЕ КУЛАН

Упоминания о городе Кулан, что локализуется в долине р. Чу, имеются в письменных источниках, относящихся ко времени средневековья: в маршрутке Сюань-Цзяня; в сообщениях арабских авторов Ибн Хордадбега, ал-Макдиси; о том, что «Кулан — приятный городок на границах страны тюрок...» говорит и автор географического словаря Якут (XIII в.).

Из данных нарративных источников нетрудно установить: 1) локализацию пункта, который расположен на трассе Великого Шелкового пути («...на большой таразской дороге...»

в 14 фарсах западнее Тараза» (Ибн Хордадбег, VIII—X вв.) и 2) что этот населенный пункт — город, имеющий такие морфологические признаки, как укрепления и мечеть (ал-Макдиси, X в.).

Изучение городища Кулан связано с именем востоковеда В. В. Бартольда, в трудах которого имеются сведения о памятнике, расположенном при въезде в Тарты (Луговое). Археологические исследования проводились в советское время (Бериштам А. Н., 1936—1938; Байпаков К. М., 1966). Со второй половины 80-х годов на городище Кулан проводится планомерное изучение, целью которого является проблема генезиса города в Чуйской долине, со всеми вытекающими из этой проблемы составными атрибутивными данными (культура населения, развитие архитектуры, производства, производственных отношений и др.).

Общая площадь, занимаемая городом, равнялась приблизительно 12 кв. км. Для топографии характерно наличие центральных развалин (цитадель, шахристан), округи, сохранившейся в виде многочисленных тобе, примыкающих с юго-восточной стороны; вся территория была укреплена оборонительной стеной, дошедшей до нас лишь фрагментарно.

Процесс зарождения и развития любого города, в том числе и города в Семиречье, довольно сложен, но вполне вероятно, что этап неукрепленного поселения (первые века н. э.), на базе которого постепенно вырастает укрепленный город, вполне закономерен (А. Н. Бериштам, 1949).

Исследованиями на шахристане (Байпаков К. М., 1966), замке Луговое А, усадьбе Луговое Б установлено наличие двух периодов жизни (первый — в VII—VIII вв., второй — в X—XII вв.). Опорным материалом для датировки Кулана служили данные особенностей архитектуры, с одной стороны, керамический и другой материал из культурных слоев — с другой.

В результате исследований 1988 г. на постройках замкового типа Луговое В, Г, аварийных объектах на трассе прокладки газопровода выявлен многоплановый характер городской застройки. Первичное визуальное обследование (без топосъемки) позволило выделить несколько типов тобе: 1) тобе с площадкой; 2) одиночные, круглые или близкие к круглым в плане тобе; 3) одиночные прямоугольные, близкие к квадрат-

ным (замок Луговое В), с примыкающими к нему небольшими всхолмлениями; 4) подпрямоугольные с примыкающим двором, также подпрямоугольным в плане (замки Луговое А, Г) и, наконец, 5) несколько жилых холмов, соединенных между собой невысоким валом.

Подъемный материал с раскопов представлен, в основном, керамикой двух строительных горизонтов. Первому соответствует грубая, лепная, с обильной примесью дресвы, представленная, в основном, фрагментами сосудов типа котлов, стенок хумов. Хронологически этот период укладывается в рамки VII—VIII вв. Верхний горизонт (IX—X вв.) характеризуется очагами настенного типа несколько иной архитектурой и керамикой, как правило, изготовленной на круге.

Елин В. Н.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАЙОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КАТУНСКОЙ ГЭС НА АЛТАЕ

Археологическим отрядом Горно-Алтайского государственного педагогического института в 1968 г. проводились исследования в среднем течении р. Катунь.

Основной целью являлось обследование изученных ранее наскальных изображений, а также выявление степени их сохранности и подготовка проблемы их будущей эвакуации в связи со строительством Катунской ГЭС.

Сейчас существуют два варианта дальнейшего использования спасенных от затопления петроглифов. Первый вариант предполагает доставку скал с рисунками в Горно-Алтайский областной краеведческий музей, второй — организацию своеобразного музея в районе плотины, где предусматривается демонстрация не только рисунков, но и реконструированных курганов, древнетюркских оград, каменных стел.

Изученные десять лет назад петроглифы средней Катунь были датированы от неолита до раннего средневековья. Нами обнаружено и снято еще несколько новых местонахождений петроглифов раннего железного века. Основные сюжеты изображений — одиночные фигуры козлов и оленей. Наибольший интерес представляют рисунки, выполненные в технике

граффити, в устье р. Карбан (левый приток Катунь). Здесь также десять лет назад проводилась съемка рисунков, но основная их часть по непонятной причине зафиксированной не оказалась. Следует заметить, что прочерченные рисунки выполнены на сланцевых скалах, подверженных интенсивному разрушению. К тому же часть древних изображений была перекрыта «автографами» современных «художников». В разное время дня рисунки читались по-разному, а иногда не читались вовсе.

Результатом этой работы явилось обнаружение и фиксация целой серии «священных деревьев», изображений людей, олицетворяющих солнечные божества и плодородие. Среди рисунков имеются изображения оленей, выполненные в ранне-средневековой манере. Такая датировка подтверждается некоторыми сценами боевых действий, на которых очень четко фиксируются удлинённо-шестиугольные наконечники стрел с отверстиями в лопастях, получивших широкое распространение в эпоху древних тюрков.

В контексте с рисунками была зафиксирована также новая вертикально исполненная древнетюркская надпись. В основании одной из скал с рисунками в устье Карбана обнаружено множество фрагментов орнаментированной и неорнаментированной керамики. Предварительно керамика датируется РЖВ и средневековьем.

Оразбаев А. М.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Археологические исследования 1985—1988 гг. велись в малозученных районах Восточно-Казахстанской области: Катон-Карагайском, Курчумском, Маркакольском. Экспедицией КазГУ разведано 43 могильника, в которых зарегистрировано 825 оград и курганов. Раскопано 44 сооружения.

Памятники эпохи бронзы исследовались в Таврическом районе. На могильниках Койтас и Баймурат раскопано 14 оград, в которых вскрыто 16 могил. Сооружения представлены круглыми, квадратными и прямоугольными оградами, сооруженными из гранитных плит, вкопанных на ребро. Встречаются ограды и из положенных плашмя камней.

В могильнике Койтас исследована ограда в виде трех концентрических кругов, сооруженная из положенных плашмя камней. Такие ограды встречаются среди памятников андроновской культуры в Центральном и Восточном Казахстане.

Погребенные захоронены в грунтовых ямах, каменных ящиках и цистах. Обряд захоронения — трупосожжение и труположение. Могильные ямы ориентированы по линии З—В и ЮЗ—СВ. Стенки ящиков и перекрытия, как правило, сооружены из цельных обработанных каменных плит. На дне цист прослеживаются следы истлевшего войлока. Расовый тип погребенных — европеоидный.

Сопровождающий инвентарь состоит, в основном, из глиняной посуды, бронзовых украшений и бронзовых кинжалов. Глиняные сосуды характерны для федоровского (нуринского) этапа андроновской культуры. По совокупности материала могильники датируются XIX—XVIII вв. до н. э.

В Катон-Карагайском районе в могильнике Черновая II исследованы два захоронения под каменной наброской в овальных грунтовых могилах, в одной из которых лежал скелет на спине с подогнутыми ногами, коленями вверх, интенсивно окрашенный красной охрой. Найден сосуд баночного типа, сплошь орнаментированный горизонтальной слочкой, нанесенной гребенкой. Погребения относятся к эпохе энеолита (конец III — начало II тыс. до н. э.), находя близкие аналогии в памятниках афанасьевской культуры юга Сибири.

Основное количество археологических памятников в исследованных районах составляют курганы раннего железа с земляными и каменными насыпями различной высоты и диаметра. Захоронения совершены в грунтовых ямах и каменных ящиках. Дважды найдены захоронения в деревянных колодах-саркофагах (Черновая I, III). Крышки плоские в виде плах, крепившиеся к колоде при помощи 4-х деревянных штырей, которые вбивались в парные отверстия на концах колоды и крышки.

В могильнике Черновая I исследованы три однотипных кургана. В двух из них были каменные ящики, ориентированные по линии ЮЗ—СВ. В одном из ящиков, содержащем ограбленное погребение женщины, найдены янтарные бусы и одна большая бочковидная бусина из сардоникса, аналогичная обнаруженным в Кармир-Блуре (Армения) и относящихся

к числу ассирийских VII—VI вв. до н. э. Захоронения в каменных ящиках и колоде могильников Черновая I и III могут быть датированы VIII—VII вв. до н. э.

В могильнике Еки-Аша (Катон-Карагайский район) из 11 курганов с каменными насыпями исследован курган I. В единственной могиле было совместное захоронение лошади и человека, лежавших головами на С. Человеческий костяк был уложен вытянуто на спине на берестяной подстилке. В могиле обнаружены железный меч с прямым перекрестьем, костяная пряжка с железным язычком, 3 железных наконечника стрелы и крестец барана. Еще 6 наконечников стрел найдены под насыпью. Дата кургана — IX—X вв. н. э.

Подводя итоги, отметим своеобразие андроновских памятников Восточно-Казахстанской области, проявляющееся в отсутствии в них типичных для погребений других районов морских раковин и, напротив, в наличии бронзовых кинжалов.

Памятники РЖВ Восточного Казахстана демонстрируют генетическую преемственность с населением эпохи бронзы. В то же время прослеживается влияние носителей пазырыкской культуры Алтая.

Куш Г. А.

МОГИЛЬНИК АИР-ТАУ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Могильник Аир-Тау, состоящий из 68 оград, расположен на левом берегу р. Дресвянки, у подножия горы Аир-Тау, в 2,5 км от с. Ново-Канайка Таврического района Восточно-Казахстанской области.

В 150 м восточнее могильника на мысу, образованном высоким берегом реки, зафиксировано поселение. На современной дневной поверхности прослеживаются фундаменты наземных сооружений в виде вертикально поставленных плит. Здесь собран подъемный материал в виде фрагментов керамики ручной лепки.

Исследование могильника ведется с 1986 г. Конструкции изученных объектов довольно разнообразны. Это ограды округлой и овальной в плане формы, одна из них с пристройкой к северо-западной стенке. Внутри двух оград стояли каменные стелы прямоугольной формы. Одиночные ограды сооружены из больших и малых плит. Ограда с пристройкой сло-

227

жена из небольших плит, уложенных в три-четыре ряда, а сама пристройка — из плит большого размера, поставленных на ребро.

Внутримогильные сооружения представлены каменными ящиками, цистами, грунтовыми ямами с перекрытием из плит.

Погребения совершены по обряду труположения скорчено на боку, преимущественно одиночные. Ориентировка умерших западная, лишь в одном случае — восточная.

В заполнении могил присутствуют кусочки древесного угля и охры. В одном из ящиков весь детский скелет был посыпан охрой.

Следует отметить и каменные стелы, которые были поставлены внутри могильных сооружений. В первом случае это составленный из двух частей каменный столб высотой 2,5 м, стоящий у западной стенки каменного ящика от самого его основания. Во втором — каменный столб, стоящий на перекрытии цисты. Еще две стелы стояли у каменного ящика, с западной стороны грунтовой ямы.

Погребальный инвентарь представлен глиняными сосудами и височными кольцами в виде несомкнутых колец и др. Сосуды ручной лепки, баночной и горшковидной формы, неравномерного обжига, поверхность серого цвета с черными пятнами.

Сосуды баночной формы толстостенные, орнамент на них однообразен. Это погтевые вдавления; вертикальные и горизонтальные зигзаги, оттиснутые крупнозубчатой гребенкой.

Сосуды горшковидной формы более нарядны, с плавной линией профиля. Венчик слегка отогнут, вышукное тулово сужается ко дну. Орнамент выполнен мелкозубым и крупнозубым гребенчатым штампом по зонам, разделенным одна от другой канелирами. Наиболее распространены такие элементы, как заштрихованные треугольники, крупные овальные ямки, елочка и зигзаг.

Височные кольца из детского захоронения в каменном ящике литые, с приотстренными сходящимися концами.

Исследованные объекты предварительно могут быть отнесены к памятникам федоровского этапа андроновской культуры.

Мирзабаев А. С.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ БОРОЛДАЯ

Впервые наскальные изображения в районе Боролдайских ворот обнаружил в 1904 г. Л. Н. Комаров. Он перечисляет изображения козлов, лошадей, оленей, упоминает о сцене охоты лучников на архаров, публикует несколько копий знаков, в основном — тамги (ПТКЛА, 1905).

Петроглифической группой института «Казпроектреставрация» были продолжены работы по изучению наскальных изображений хребта Боролдай, в районе Большого и Малого Тура. На вершине водораздела между левыми притоками р. Боролдай было выявлено несколько сотен новых гравюр (отд. К. Маркса совхоза им. XXII партсъезда Алгабасского района Чимкентской области). Скалы ущелья представляют собой выходы гранитных и эффузивных пород. Рисунки выбиты каменными и металлическими орудиями на довольно ровных плоскостях.

Сохранность основной массы петроглифов неплохая. Преобладает техника сплошной выбивки, хотя есть и контурные рисунки.

Сюжеты довольно разнообразны. Преобладают одиночные изображения животных: архаров, козлов, лошадей, верблюдов, собак, реже — оленей. Многофигурных композиций мало. Это объясняется небольшим количеством крупных, пригодных для многофигурных полотен скальных плоскостей. Наиболее излюбленные сюжеты — всадники на лошадях и верблюдах, пешей и верховой сцены. Есть изображения охотников с фитильными ружьями. Встречаются и солирные знаки в виде круга, точки, свастики, вихревой розетки. Единичны изображения змей, полиморфных существ и сюжетов, связанных с культом плодородия. Интересны схематические антропоморфные мужские фигуры в позе адорации.

Наибольшее количество петроглифов Боролдая относится к различным периодам эпохи средневековья, судя по встречающимся среди них тамгам казахов Старшего жуза (уйсун, дулат). Нанесение на скалы казахских тамг являлось продолжением традиций, восходящих еще к предшествующим периодам.

Нам представляется интересным изображение на отдельном камне большого казахского сложносоставного лука, с характерным изгибом и с вложенной в него стрелой, бытовавшего у казахов вплоть до XVIII в. О магическом значении лука в представлениях различных народов говорит ритуальная стрельба из лука по четырем сторонам света.

Таким образом, по стилю, технике исполнения и степени патинизации выделяются четыре хронологических пласта петроглифов:

1. Эпоха бронзы (II тысячелетие до н. э.) — солярные знаки, антропоморфные существа, эротические сцены.
2. Сакское время (VII—IV вв. до н. э.) — олени с характерной орнаментальной стилизацией.
3. Древнетюркское время (VI—IX вв.) — тамгообразные козлы, всадники с луками.
4. Казахский период (XVI—XIX вв.) — тамги отдельных родов, охотники с фистульными ружьями, всадники с камчой на верблюдах и ослах.

Раимкулов Б. Т.

ИТОГИ РАБОТ УРАЛЬСКОГО ОБЛМУЗЕЯ

В 1987—1988 гг. отделом археологии облмузея были проведены археологические разведки в Каменском, Зеленовском, Тайпакском, Урдинском, Джангалинском и Чингирлауском районах и аварийно-раскопочные работы в карьерах кирпичного завода у пос. Рубежинское (Приуральный район) и Уральского производственного объединения стеновых материалов в пос. Зачаганск, а также на территории полевого аэродрома совхоза «Ащесайский» (Чингирлауский район).

Разведки показали, что в понизовье, в пределах Прикаспийской низменности, курганы, как правило, располагаются в высотных точках водоразделов. Основная масса обследованных памятников археологии области сосредоточивается в северо-западной и центральной части Чижинно-Дюринских разливов. В верховье, входящем в пределы отрогов Общего сыр-та, курганы в большом количестве находятся в долинах и на склонах отдельных сыртов, реже — на вершинах.

В результате аварийно-раскопочных работ в карьере кирпичного завода у пос. Рубежинское было исследовано 11 погребений ранних и средних сарматов. Захоронения совершены в прямоугольных ямах (погребения 1, 4, 6, 7 и 8), в нишах (погребения 10 и 11), в катакомбе (погребение 5), в погребениях 2, 3 и 9 контуры ям не прослежены. Большинство погребенных лежало в вытянутом положении на спине, лишь в погребении 3 скелет лежал в позе всадника и в погребении 9 умерший покаялся на левом боку в полусогнутом положении.

Компактность расположений погребений позволяет предположить, что в исследованном нами пространстве находился один курган диаметром не менее 25—30 м. Среди сопровождающего погребального инвентаря преобладают бронзовые наконечники стрел. Наиболее интересными являются бронзовый котел гуннского типа на высоком коническом поддоне, колчаный крючок, конусовидная подвеска стекла синего цвета и спиралевидные серьги, изготовленные из меди и плакированные золотом.

В итоге аварийно-раскопочных работ в карьере в пос. Зачаганск было обнаружено 27 погребений эпохи бронзы ранних и средних сарматов. Экспедиционные работы показали, что на этом участке существовал один курган ранних сарматов. До возведения кургана на этом месте, возможно, существовал грунтовый могильник эпохи бронзы. Курган имел сложное строение и был обведен внешним валом. Образовавшийся между валом (внешнее кольцо) и насыпью кургана ров засыпался гумусом. Кроме того, курган имел в северо-восточной стороне вход. О возможности использования внешнего кольца для захоронений свидетельствуют погребения 1, 2, 3 и 4. Единственность возведения внешнего кольца и совершения захоронений доказывается тем, что горизонт желтого грунта над этими погребениями не был потревожен. Контуры «землянок» на вертикальных стенках карьера на самом деле оказались западинами, образовавшимися в результате выборки оттуда грунта для создания насыпи кургана.

Среди исследованных наиболее интересным является погребение 8. Наличие каменного орудия с костяной ручкой, которое могло использоваться в качестве молота, фрагмент песчаника (наковальня?) и других орудий, заготовок медных руд и кусочка красного железняка не исключает возможности счи-

тать это захоронение погребением ремесленника-кузнеца. Погребальный обряд (вытянутое положение на спине, южная ориентировка и тип курильницы) позволяет отнести захоронение к сарматскому времени.

В результате аварийно-раскопочных работ на территории аэродрома совхоза «Ащесайский» раскопаны два кургана, где были обнаружены 3 погребения среднесарматского времени. К сожалению, все они ограблены. Инвентарь представлен бусинами различных форм и размеров, фрагментами железных предметов и керамики. Захоронения совершены в могильных ямах подпрямоугольной формы. В погребении 2 кургана 19 и погребении 1 кургана 20 обряд захоронения не прослеживается, в погребении 1 кургана 19 умерший лежал на спине в позе всадника, головой на ЮЗ. В ногах и возле левого плеча были сложены кости жертвенных животных. Инвентарь очень беден. У кисти правой руки лежал бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой. Между коленями находился фрагмент железного предмета, а с внешней стороны правой бедренной кости найден кусочек серы.

Синенькая Н. И.

СВОД ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОЙ ССР: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Работа над Сводом памятников истории и культуры Казахской ССР ведется с 1981 г. В настоящее время сдав в производство I том (Чимкентская область), готовятся материалы для II тома (Джамбулская область). Написано более 600 статей о памятниках археологии, относящихся к различным эпохам, начиная с каменного века и кончая поздним средневековьем. Идут подготовительные работы (паспортизация памятников, написание статей) по другим областям республики. В некоторых из них эта работа закончена (Северо-Казахстанская область), в других (Восточно-Казахстанская, Алма-Атинская, Кызыл-Ординская) — близка к завершению. На I том получена положительная рецензия. Однако, несмотря на положительные моменты, в этом огромном научно-энциклопедическом труде есть недостатки, мешающие выполнению работы на более высоком профессиональном и качественном уровне.

В процессе работы над Сводом выяснено, что сведения о памятниках, изложенные в паспортах, не соответствуют требованиям Методических указаний по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры народов СССР, а соответственно и Инструкции к открытым листам. Задачи, стоящие перед исследователями, готовящими материалы для Свода, ни в коей мере не противоречат требованиям Инструкции к открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, утвержденной президиумом Академии наук СССР по согласованию с Министерством культуры СССР. Поэтому отсутствие конкретных данных в паспортах, необходимых для описания памятников в Своде, а именно: точные привязки памятников к населенному пункту, историкографический раздел, характеристика памятников и др., можно расценивать как нарушение элементарных правил исследования археологических объектов. При подготовке статей к печати отсутствие многих данных в паспортах требует значительных дополнительных усилий и средств по уточнению необходимой для такого рода работ информации.

Замечаний авторам, работающим только над II томом (Джамбулская область), было сделано более 300. В связи с этим возникает вопрос о принятии более строгих мер контроля при выдаче открытых листов на обследование памятников археологии для Свода памятников истории и культуры Казахской ССР.

При подготовке паспортов и написании статей о памятниках археологии следует обратить особое внимание на точность сведений, касающихся следующих положений: расположение памятника относительно ближайшего населенного пункта; краткие сведения об исследовании памятника и степени его изученности; характеристика памятника с точными размерами, описанием плана, указанием площади, формы памятника (если памятник раскопан — стратиграфии и мощности культурного слоя).

Учитывая огромную важность Свода памятников истории и культуры Казахской ССР в деле учета и охраны памятников, а также тот факт, что Свод станет основой для дальнейшего изучения памятников археологии многими будущими поколениями исследователей, он должен быть выполнен на высоком научном уровне, а это возможно при четком соблюдении правил исследования археологических объектов.

Чиндин А. Ю.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАГАНДИНСКОЙ И ДЖЕЗКАЗГАН- СКОЙ ОБЛАСТЕЙ

В 1988 г. отряд экспедиции КарГУ проводил разведки и раскопки на территории Джезказганской (Джездинский, Актогайский, Приозерный районы) и Карагандинской (Осакаровский район) областей.

Было продолжено начатое в 1987 г. сплошное разведочное обследование долины р. Байконур. Река издревле была удобным местом для жизни человека, здесь проходили торговые и караванные пути. Террасы р. Байконур и ее многочисленных притоков, саев и стариц в буквальном смысле слова завалены археологическими артефактами. За два года работы открыто поселение, 139 стоянок, 40 могильников и отдельных погребальных сооружений эпохи бронзы, РЖВ, средневековья.

В настоящее время река протекает через пустынные и полупустынные районы Центрального и Южного Казахстана. Характерные условия — отсутствие дернового покрова, плотность суглинков, разряженность растительного покрова, резкие перепады температур, сильные ветра и т. д. — способствуют активным процессам эрозии и дефляции. Это обстоятельство во многом объясняет преимущественно наземный тип стоянок, не имеющих культурного слоя. Подъемные сборы чаще всего содержат разновременный материал, поэтому при датировке учитывались лишь типологические характеристики инвентаря. Большинство стоянок представлены материалами неолит-энеолитического времени.

Самым ранним памятником является стоянка Сарысай 8 (в 3 км к ЮЗ от зимовки Сарысай совхоза «Байконурский»). На вершине сопки собраны отщепы из кварцита палеолитического облика.

С целью выявления культурного слоя проведены рекогносцировочные раскопки неолитической стоянки Балкимбай 5. На раскопе площадью 16 кв. м находки идут не глубже 0,15 м от поверхности. Обнаружен кремневый и керамический мате-

риал. Из кремневых орудий преобладают скребки на отщепах, единичны обломки наконечников стрел, ножи и скобели на отщепах и пластинах. На поверхности найдена высокая симметричная трапеция.

Поселение Байконур расположено в 10 км к ЮЮВ от центральной усадьбы совхоза «Байконурский». На поверхности фиксируются фрагменты керамики от тонкостенной посуды, украшенной заштрихованными треугольниками, зигзагами, горизонтальными линиями. Датировка — эпоха развитой бронзы.

Погребальные сооружения эпохи РЖВ представлены курганами с каменно-земляными насыпями диаметром 10—20 м, высотой 1—2 м. Наиболее интересен могильник Актас 3 (совхоз «Карсакапский», в 6 км к ЮЮВ от поселка Актас), где обнаружен единственный пока на Байконуре курган «с усами».

Курганы эпохи средневековья имеют каменно-земляные насыпи диаметром 3—7 м, высотой до 1 м.

В Актогайском районе интересна родниковая стоянка Акчатау (земли Акчатаусского ГОКа, у трассы Алма-Ата — Караганда). В результате шурфовки удалось обнаружить культурный слой мощностью до 0,2 м. Основной материал найден на поверхности: скребки на отщепах, пластины с ретушью, мотыжка, низкая симметричная трапеция. Памятник, судя по всему, разновременен и содержит материалы эпохи неолита и энеолита.

В Приозерном районе разведки проводились близ горы Итмурунды и в местечке Бектау-Ата. Открыто 11 памятников (6 стоянок и 5 могильников), вторично (после А. Г. Медоева) обследовано 2 стоянки-мастерские на горе Итмурунды.

Охранные раскопки проводились на стоянке близ с. Крещеновка Осакаровского района.

Стоянка Крещеновка расположена на левом берегу ручья у родника, в 300 м к ССВ от ремонтной мастерской села. Раскоп площадью 148 кв. м был заложен на ровной задернованной поверхности. Культурный слой мощностью до 0,5 м содержит кремневый и керамический материал. Насыщенность слоя слабая, в среднем 1—2 находки на 1 кв. м. На поверх-

ности и в слое зафиксированы кремневые изделия и фрагменты керамики от толстостенных сосудов, иногда орнаментированных горизонтальными линиями, треугольными вдавлениями, желобками. Интересны костяная поделка, каменное пряслице со шлифованной поверхностью и др. Комплекс укладывается в рамки позднего неолита, возможно, энеолита.

Поселение Крещеновка находится в 2 км к ЮЮВ от поселка на правом берегу р. Ишим. Раскопом захвачено одно жилище овальной формы (4×9 м) со столбовыми конструкциями. Мощность культурного слоя свыше 1 м. Стратиграфические, планиграфические наблюдения, однородность керамического и вещевого материала свидетельствуют об однослойности памятника. Найдены обломок бронзового предмета, «пращевой» камень, каменный пест, лошילו из бараньего астрагала, костяная поделка и обломок костяного псалня. Керамический материал представлен фрагментами от сосудов горшечной, горшечно-баночной и баночной форм. Горшки с плавной профилировкой, чаще тонкостенные, нередко с лошением, украшенные преимущественно мелкозубчатыми косыми треугольниками, зигзагами, меандровыми узорами. Жилище относится к кругу памятников федоровской культуры, хотя в верхних слоях и был найден фрагмент сосуда петровского типа.

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

Абишев С. А.

А. И. КРАХАЛЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОБЫЧНОГО ПРАВА КАЗАХОВ

Среди исследователей обычного права казахов дореволюционного Казахстана видное место занимает Александр Иванович Крахалев. О нем, как об исследователе обычного права казахов, находившемся в тесной творческой связи с Ч. Валихановым, впервые напомнил академик А. Х. Маргулан (Маргулан А. Х., 1984).

А. И. Крахалев родился в 1826 г. в Омске. Образование получил в Отделении переводчиков и толмачей при Омской начальной школе (ЦГА Казахской ССР) и в училище Сибирского казачьего войска (ЦГА Казахской ССР). Вся жизнь А. И. Крахалева связана с казахской степью. От рядового переводчика, писаря он становится исследователем обычного права, оставившим ряд ценных трудов (Крахалев А. И., 1894). Благотворное влияние на становление А. И. Крахалева как исследователя обычного права оказал Муса Чорманов, при котором он работал делопроизводителем (ЦГА Казахской ССР).

Муса Чорманов — один из просвещенных людей своего времени, много внимания уделял изучению этнографии, прекрасно знал нормы обычного права. Многие чиновники, работавшие в помощниках у М. Чорманова, увлекавшиеся изучением жизни края, в том числе правовой жизни, пользовались его помощью и материалами (Русано ВИФ).

А. И. Крахалева хорошо знал Ч. Валиханов, который отзывался о нем как о деятеле с демократическими взглядами. В письме к К. К. Гутковскому он отмечал, что «Крахалев от-

крыто выступает против беззакония и произвола Ивашкевича и Кури», которые подговаривали местных богачей и администрацию Западной Сибири выступать против Чокана, брали взятки, продавая за предоставление должности волостного управителя (Валиханов Ч. Ч., 1985).

Критически осмысливая бесправие местного населения и административный произвол в Западной Сибири, А. И. Крахалев писал: «Коренной киргиз (казах—С. А.) смотрит на царский закон и на правительственные распоряжения как на акты произвола» (Крахалев А. И., 1888).

В работах А. И. Крахалева значительное внимание уделено бийским судам. Колониальная администрация, подготавливая реформу 1868 г., основное внимание обратила на вопросы обычного права, организацию бийских судов и их роль в обществе. К работе комиссии были привлечены наиболее знающие специалисты внутренней жизни казахского общества. А. И. Крахалев в 1863 г. включает в комиссию с поручением представить «Соображения и замечания о преобразовании судебной части» (ЦГА Казахской ССР).

Как известно, Чокан Валиханов готовил для членов комиссии и правительственных органов «Записки о судебной реформе». Мысли А. И. Крахалева о демократических институтах судопроизводства по обычному праву казахов, о преимуществах судов биев перед чиновничьими судами созвучны идеям Ч. Валиханова.

Идеализируя традиционные бийские суды, функционировавшие в «древней форме» до колонизации края, он верно подметил необходимость различать бийские суды после этого периода, испытавшие влияние административно-судебной системы империи. Самым главным недостатком в организации судопроизводства в Казахстане А. И. Крахалев считал огосударствление местной судебной системы, приведшее к тенденции отрыва судов биев от общества, от аульных и подродовых коллективов. По этому поводу он писал: «Родоначальники и другие административные лица захватили судебную власть в свои руки, пользуясь упадком значения суда биев в крае. Народ стал жертвою всевозможных притеснений» (Крахалев А. И., 1888). Выборы биев превратились в схватку за власть, породили группировку. Они в конечном счете привели к

деформациям социальных отношений и отразились на благополучии народных масс, способствовали усилению среди них процесса разорения.

А. И. Крахалев, занимая ответственные посты в администрации Омска, выступал против насаждения в казахском обществе чуждых ему судебных органов, указывал на необходимость сохранения демократических форм местных судов и бережное отношение к нормам обычного права как к памятнику народной мудрости, отшлифованному временем. Представляет интерес его отношение к отдельным институтам обычного права. В 1862 г. А. И. Крахалев производит следствие о спорных зимовых местах между акмолинскими и кокчетавскими казахами (ЦГА Казахской ССР).

История этого спора выглядит весьма интересной.

В конце XVIII в. в Еременских горах из-за пастбища между родами Сундук и Канжыгалы произошла стычка, в которой было убито 7 человек из рода Канжыгалы. На судебном процессе знаменитый бий Шон Едигин присудил Еременские горы, в том числе 7 зимовок, Канжыгалинскому роду в виде куна за убитых (Материалы киргизского землепользования, 1903). Стороны представляли знаменитые бии Ералпи Саккулак, Шорман, Мати-Даулен. В середине XIX в. спор возобновился в связи с ограничением пастбищных пространств. Боясь межродовых распри, администрация Западной Сибири командировала А. И. Крахалева, как знатока обычного права и казахского языка, окончательно отрегулировать противоречия по народному обычаю. Играя роль посредника, он во многом способствовал мирному решению затянувшегося конфликта. При этом он настаивал на том, чтобы была сохранена сила старого решения суда биев, мотивируя это тем, что оно было обоснованным, исходя из этого учитывает специфику казахской жизни. А. И. Крахалев особо подчеркивал незыблемость авторитета среди казахского населения решений, вынесенных с участием знаменитых биев, отмечал распространенность прецедентного права в кочевом и полукочевом казахском обществе. Данный исторический факт дает определенное основание предположить, что случаи возмещения куна землей в виде уступки пастбищ были в казахском обществе нередкими, и эта форма куна имела свою историю. Нашу мысль подтверждает следующий пример из жизни казахского общества второй половины XIX в.

Куназар Сарин из 1 адм. аула Токраунской волости Караулинского уезда за незаконное использование пастбищ избил казаха аула № 2 Кулеке Кармысова, связав веревками, привел его в свой аул, оставив связанным среди ягнят (коген-де). За это оскорбление родственники Кармысова потребовали у волостного бия наказать Сарина. Родственники Сарина предложили аип в размере тогуз, но другая сторона потребовала отдать вместо аипа летовку, на которой избили Кармысова. Местные бии решили удовлетворить требования сторон и отдать им летовку Куназара Сарина (Материалы этнографической экспедиции за 1985 г.).

Коллективная юридическая ответственность членов семьи выступала, главным образом, как имущественная ответственность. Поэтому можно полагать, что было нередкостью, когда земля выступала одним из главных эквивалентов возмещения куна или аипа. Ибо «одним из основных средств общественного производства была земля, экономическая роль которой определялась тем, что она использовалась преимущественно как пастбища для скота, охотничьи и сенокосные угодья для зимней стоянки, возведения жилищ и хлебопашества» (Зиманов С. З., 1960).

Абусеитова М. Х.

О РОЛИ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

Творческий опыт академика Алькея Хакановича Маргулана с многогранным диапазоном исследовательских интересов уникален. Проблемы источниковедения всегда привлекали внимание А. Х. Маргулана. В своих трудах он использовал разнообразные восточные источники, русские архивные материалы. А. Х. Маргулан изучил замечательные памятники устного народного творчества казахского народа и указал их место в ряду исторических источников.

Весьма существенные проблемы и вопросы истории средневекового Казахстана еще ждут своего более глубокого и всестороннего изучения, значительно большего, чем сейчас, накопления разнообразного фактического материала, его обобщения и анализа. К числу больших и сложных проблем прошлого Казахстана относится изучение ранних этапов его

истории, монгольского и послемонгольского периодов, в том числе изучение этнической, политической, социально-экономической истории, культурного наследия казахского народа.

В исследовании этих проблем важное значение имеет целый комплекс источников: археологические, нумизматические, антропологические, эпиграфические, письменные и устные. Для изучения вышеназванных проблем необходимо существенное расширение источниковой базы исследования, привлечение нового круга источников, максимально полное их вовлечение, систематизация, классификация, анализ. В настоящее время в Казахстане отсутствует собственная источниковая база для развития источниковедения, то есть отсутствуют хранилища восточных рукописей. Так как основная масса восточных рукописей все еще не опубликована и сохраняется в виде рукописей, то тем самым Казахстан оказывается в положении республики, в которой отсутствует основная предпосылка развития источниковедения.

Однако это узкое место преодолимо. Если отсутствуют хранилища рукописей, то существует возможность создания хранилища микрофильмов основной массы восточных (арабо-персо-тюркоязычных) рукописей, содержащих сведения по истории и культуре Казахстана. Для этого требуется настойчивая, планомерная и последовательная деятельность по приобретению микрофильмов рукописей из основных хранилищ Советского Союза и мира. Поэтому с целью создания источниковой базы при президиуме Центрального совета Общества охраны памятников истории и культуры Казахской ССР была учреждена Постоянная востоковедческая археографическая экспедиция и разработана программа маршрутов в различные центры хранилищ рукописей. С 1981 г. было проведено более 10 экспедиций в гг. Москве, Ленинграде, Ташкенте, Душанбе, Казани, Омске, Тобольске, Барнауле, Чимкентской области и др.

Собранные экспедиционные материалы представляют собой нередко уникальные источники, содержат много оригинальных сведений по истории и культуре казахов, тем самым значительно пополняют источниковую базу. Накопление фактов из письменных источников, интересные археологические находки приводят к формированию новых взглядов, к более полному исследованию проблем.

Политическая, социально-экономическая, культурная история раннесредневекового Казахстана изучена слабо. Нет ни одного общего труда, в котором связно и последовательно была изложена событийная история казахских степей периода формирования казахского народа, век предыстории казахской государственности. Практически почти вся раннесредневековая история Казахстана соткана из сплошь запутанных вопросов. Все это говорит о том, что прогресс в изучении истории Казахстана возможен на основе широкого развертывания работы в области источниковедения.

Поскольку этническая история является процессом взаимосвязанным и взаимодополняемым, где историю одного народа трудно искусственно отделить от истории других народов, то и этническая история казахского народа неразрывно связана с историей и культурой других соседних народов. Оценить значение культурного наследия казахского народа невозможно без глубокого исследования его истоков. Эта проблема требует раскрытия глубинных процессов взаимодействия и взаимообогащения народов при необходимых конкретно-исторических, теоретических и научно-практических исследованиях.

Историко-культурные контакты, обмен культурными ценностями, взаимодействие кочевой и оседлой культуры являются столь же древними, как и сама история. Анализируя ранее не исследованные труды восточных мыслителей прошлого Средней Азии, необходимо раскрыть роль их наследия в истории казахского народа. Разработка данной проблемы предусматривает изучение динамики историко-культурного развития Среднеазиатско-Казахстанского региона с раннего средневековья. Одной из важных черт развития истории является ретроспективный поиск истоков взаимодействия культур различных народов.

Для исследования истории и культуры средневекового Казахстана неопределимое значение представляют труды восточных мыслителей прошлого народов Средней Азии, таких как ибн Кутайба (IX в.), аль-Фараби (X в.), Юсуф Баласагунский, Махмуд Кашгарский (XI в.), Ходжа Ахмад Ниссави (XII в.), ибн ал-Асир, Ата-Малик Джувайни (XIII в.), Рашид ад-Дин (XIV в.), Мирза Мухаммад Хайдар доглата (XV в.), Утемиш-Хаджи (XVI в.), Кадыргали Джалаири, Абулгази

(XVII в.), Халиди (XIX в.) и др. В целом письменные памятники вышеперечисленных авторов заслуживают довольно высокой оценки как исторический источник по этнополитической истории, проблемам изучения идеологических течений, процессу проникновения ислама в Казахстан, его роли в духовной и политической жизни, проблемам культуры и искусства.

Однако для освещения истории Казахстана важны сведения от самих народов, населявших этот регион, то есть таких источников, как «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, «Джами ат-Таварих» Кадыр-али-бия Джалаири, «Шаджара-и таракима», «Шаджара-и турк ва могул» Абулгази, основанных на устной историкографической традиции поселенцев Дашт-и Кипчака. Они важны для реконструкции истории культуры Казахстана, поскольку написаны на тюркском языке, отражавшем язык поселенцев Казахстана, и называют реалии так, как их называло население Казахстана. Это и есть внутренние источники, которые по сравнению с внешними наиболее объективны.

Судя по образцам устного народного творчества казахского народа, сохранившимся в источниках, в нем преобладал эпический жанр, зародившийся в гуще народных масс. В устном творчестве были богато представлены сказания, связанные с жизнью и историей тех или иных племен и их отважных предводителей.

У казахов большинство посланий передавались устно искусно рифмованной и инсказательной речью. Многие послания ввиду их важности и предельной отработанности литературной формы надолго запоминались народом. Так называемое «устное письмо» служило способом воспроизведения исторического прошлого и увековечения памяти выдающихся личностей, известных, в частности, по их остроумным речениям и посланиям. Можно поэтому сказать, что подобные послания являлись произведениями особого жанра устного исторического творчества казахов, в известной мере заменявшими письменные документы.

Главным в них все же была история, изложение подлинных исторических событий, деятельности правителей. Исторический характер этих источников выражается еще в том, что в них строго выдерживается хронологический принцип повествования по годам правления ханов. В них довольно под-

робны известия о родо-племенном составе населения казахских степей, о войнах и союзных отношениях, скрепленных династическими браками казахских и других правящих династий. Эти известия при сопоставлении с письменными, археологическими и другими источниками имеют колоссальное значение для раскрытия этногенетических процессов в степях.

Таким образом, новые сведения персоязычных и тюркоязычных источников, материал других язычных групп, устного народного творчества по истории, культуре Казахстана и соседних стран, их анализ позволяют оживить синкретическую картину прошлого в ее подлинной достоверности, глубже понять и полнее осветить вопросы, остающиеся все еще недостаточно выясненными.

Артыкбаев Ж. О.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СРЕДНЕГО ЖУЗА В СЕРЕДИНЕ XIX В.

На первый взгляд, этническая структура казахов представляется упрощенной моделью родо-племенных схем. В самом деле она гораздо сложнее. Действительно, казахи, как и все кочевые народы, имели постоянный атрибут этих обществ — родо-племенные группы. Но многоступенчатость, разветвленность, генеалогическое родство между элементами этой структуры создают сложную картину. Более того, кроме основных этнических элементов имеются еще субэтнические группы, входящие в общую конфигурацию этноса. Речь идет о социальных прослойках общества, не лишенных этнических красок, кроме особого социального статуса.

Реконструкция родо-племенного состава этнической общности дело очень трудоемкое; целесообразнее, по-видимому, выделить из большого генеалогического древа одну ветвь ее иерархии, а также характер родственной связи. Как известно, Средний жуз был составлен из шести древних племен, известных еще по ранним письменным источникам: Аргын, Найман, Керей, Уак, Копырат, Кыпшак. Существование определенных взаимоотношений между этими племенами, дифференциация их места и значения в этнической структуре косвенно подтверждаются полевыми материалами: «В одной из триз — «ас»

в середине XIX века старый оратор (Сакулак бий) предложил знатым представителям Среднего жуза загадку: Черный нар, устав, остался в пути, передняя лука седла из золота, задняя — из серебра, из чего состоят обе боковые стороны? Ответ: Черный нар — это Копырат и Кыпшак, когда-то сильные племена, подобные старому верблюду. Золотая лука — Аргын, фактический лидер жуза, Найман — по значению и по численности идет после Аргына. Керей и Уак составляют фланги структуры» (полевые материалы экспедиции 1983 г.). Наличие подобной структуры, конечно же, объясняется устойчивостью традиционной модели. Впрочем, мы предполагаем, что она более действенна в сфере идеологии. Характерная черта традиционной этнической модели — ее гетерогенность, она закреплена в эндогамии составных компонентов и в поливариантности бытовой культуры. Поэтому для иллюстрации структуры можно взять отдельное племя, скажем, племя Аргын, рассматривая его как объект, в известной мере отражающий закономерности общеэтнической структуры. Для удобства изложения воспользуемся следующей схемой:

АРГЫН — подразделяется на две большие группы родов:

БЕС МЕЙРАМ — союз пяти родов, от старшей жены, подразделяется:	ЖЕТИ МОМЫН — союз семи смирных от младших жен.
ТОРТУУЫЛ — союз четырех родов. В середине XIX в. подразделяется на семь административно-родовых единиц: 1. Кулеке Каржас 2. Кулюк 3. Айдабул 4. Сатылган Алтын торы 5. Жангозы Айдабул 6. Акбура Тул-нар 7. Орманшы.	КАРАКЕСЕК и в союзе с ним 3 рода.
	КУАНДЫК и в союзе с ним 2 рода.

«Устав о сибирских киргизах» не затронул родо-племенную схему, организация округов и волостей производилась по желанию самих казахов, принимавших подданство целыми родовыми группами. Вместе с тем имелись обширные маргинальные зоны на стыках границ родов и племен. Эти зоны, населенные представителями разнородных общин, ослабляли родовые связи, усиливали центробежные тенденции традиционной этнической структуры. Смешанность родового состава резко возрастает в 40—50-х годах, на то были следующие причины: во-первых, строительство на севере и на юге укреп-

ленных линий и крепостей России и Коканда — появление их в центре Сарыарки (Улутавский, Актавский, Джарканский — Ж. А.) не только сжало со всех сторон прежние границы этноса, но и расстроило суть принципа расселения племен, во-вторых, антиколониальное движение племен и родов Среднего жуза в 40-е годы, ответные военные экспедиции и военная колонизация. Откочевки принимают массовый характер, ряд родов оказывается вне пределов жуза, многие покидают родовые территории и уходят в глубь степи. Приблизительно в это же время в этническую структуру жуза вошел ряд групп из Старшего и Младшего жузов: Тама, Табын, Уйсун. По сравнению с предшествующим периодом доля лиц из других жузов значительно увеличилась.

Таблица 1.

Айбике-Чанчарская волость Каркаралинского округа (ЦГА Казахской ССР)

Из подразде- ления Айбике- Чанчар	Из рода Каракесек	Из племен Артын	Из Среднего жуза	Из Младшего и Старшего жузов	Из туре, ту- ленгутов и ходжа
Джаныбек	Усен	Капжыгалы	Керей	Тама	6 семей
Тыныбек	Худайберды	Қараул	Қышак	Рамадан	туре,
Келдыбек	Алдияр	Басентейн	Бура Найман		3 семьи
Асырбек	Каракемпир	Камбар	Сргей Уак		туленгутов,
	Алысай	Қараул- Жаулыбай	Чага Уак Найман		6 семей ходжа.

Для ясности следует привести сравнительные показатели численности населения по некоторым административно-родовым единицам:

Таблица 2.

Сравнительные данные о составе родов

Название волости	Число аулов	В них кибиток	Из них посторо- нных «кирме»	Доля посторо- нных, в %
Айбике- Чанчарская	10	1417	230	16
Жапгозы- Айдабульская	7	814	175	22
246				

Если видеть зерно истины в приведенных таблицах, в данном регионе наблюдалась высокая степень смешанности родовых групп. Трудно судить о том, является ли это число посторонних допустимым или же явление случайное.

Если рассматривать этническую структуру как коническую фигуру, то на ее вершине располагалась бы правящая туре (в русских источниках — Султаны. — Ж. А.), затем духовная прослойка, состоящая из «потомков» Али, известных под именем ходжа. Источники свидетельствуют о существовании в данном обществе нескольких категорий зависимого и бесправного населения — туленгутов и рабов, а также метисов — чалаказахов. В отличие от первых двух последние занимались торговлей и относились к категории свободных. Все указанные социальные прослойки отличались от родовых кочевников не только социальным статусом, но и иноэтничным происхождением, а «белая кость» — туре, ходжа — еще и эндогамней.

Туре — противопоставляли себя всем остальным слоям населения; видимо, по этой причине казахи широко применяли этот термин по отношению к русскому начальству. В середине XIX в. представители правящего рода расселились по всей территории изучаемого региона, но в удельном весе населения они занимают незначительное место. Как потомки ханов Аблая, Самеке, Букея, Абульмамбета в общественной жизни занимали значение, обратно пропорциональное своей численности. В этот период за ними сохранялись почти все привилегии господствующего класса: они не подчинялись обычному праву, не были подсудны суду биев, не принимали запрет на брак по седьмое колено, имели особую тамгу и клич, были эндогамны и, наконец, содержали слуг и дружину. Существование в этнической структуре института «туленгутов», становление механизма господства и подчинения является последствием институционализации особых правовых положений туре.

Архивные документы под названием «туленгуты» — подразумевают следующую группу населения: во-первых, они «суть слуги, безусловно, в повиновении владельца находящиеся», во-вторых, «по неудовольствиям оставшие от своего аула и, присоединившись к какому-нибудь султану», находящиеся в относительной свободе выбора. Туленгутство — наи-

более гетерогенная по своему составу прослойка в этнической структуре казахов; наряду с представителями казахских родов в нее входило множество групп иноэтнического происхождения, например, каракалпаки, башкиры (естек), киргизы, уранхайцы, алтайцы, туркмены. Наибольшее число туленгутов сосредоточивалось в местах прежних ханских ставок — в Кокчетавском и Каркаралинском округах, в последнем многочисленные группы туленгутов из родов Калмак, Кусчи, Сабанши и Мамадайр образовали отдельную волость.

Таблица 3.

**Состав туленгутов Каркаралинского округа
(Коншин Н., 1901)**

Туленгуты иноэтнического происхождения	Туленгуты из родов Старшего и Младшего жузов	Туленгуты из родов Среднего жуза
Ески Киргиз с отделения- ми: Естек, Найман, Жун- ды, Байты, Хангелды, Рамадан Бектемир. Кусчи Калмак Сабанши	Жалайыр Жагалбайлы	Камбар, Канжыгалы, Са- дыр, Тлеу, Айтымбет, Кыпшак, Темеш, Мама- дайр, Таракты.

Источники свидетельствуют и о существовании рабства и широкой работорговле. Во внутренней жизни общества, кроме основного предназначения — тяжелой домашней работы, рабы выполняли обрядово-символическую роль, если так можно выразиться. Рабынь и рабов обычно включали, в числе основных предметов, в приданое невесты, в калым; как главный приз ставили на больших конных скачках; за тяжкие преступления ответчики платили штраф «уш тогуз» во главе с рабом. За отсутствием значительных материалов определить хотя бы приблизительно численность рабов в регионе, их долю в этнической структуре невозможно.

Что же касается сословия ходжа, то и их происхождение и вопросы расселения в регионе нуждаются в специальных исследованиях. По сведениям информаторов, они — потомки Али и Фатимы, прямые племянники пророка, по другим данным, под именем ходжа называются все потомки четырех последователей Мухаммеда, и, наконец, все информаторы заявляют,

что все ходжи, когда-либо приходившие в этот край, имели базовой точкой Туркестан. Подробный анализ казахского шежере, на наш взгляд, удревляет связь ходжей с племенами Среднего жуза, мы подозреваем, что главная редакция шежере сделана ими.

Право на сбор зякета быстро обогащало ходжей, регулирование обрядов, например: обрезание мальчиков, соблюдение пятикратной молитвы, омовения и т. д., придавало им «святость» в глазах простых кочевников. «Святое» происхождение давало им право не заключать браков с «черной костью» и сохранять эндогамию.

Наконец, мы должны упомянуть еще об одном элементе этнической структуры казахов региона — о чалаказахах. Под этим прозвищем известны метисы, родившиеся от брака татар и среднеазиатцев с казашками, т. е. те, кто «избрали себе род жизни между киргизами, или детей таковых людей, рожденных от брака с киргизкой». О занятиях чалаказахов говорится, что они «занимались торговлей, другие же занимаются скотоводством, обучением киргизских детей грамоте».

Картина этнической структуры казахов в середине XIX в., в том виде, в котором она поддается реконструкции, в известной мере отражает закономерности развития этнических процессов в докапиталистических формациях. Во взаимном социальном, культурном и хозяйственном проникновении раскрываются все грани этнических процессов внутри этноса, без основательного изучения основных подразделений которых невозможно сделать какие-либо общие оценки.

На наш взгляд, можно выделить две тенденции в характере этнических процессов данного периода: внутренняя консолидация и интенсивная ассимиляция. Укрепление территориальных связей, ломка границ родового этноцентризма, усиление смешанности родов и активизация общетнического самосознания — основные черты этого переходного периода.

ГИДРОНИМ «АРЫСЬ» И ВОПРОСЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ АРСУБАНИКЕТА

Слово «Арысь» упоминается в работах Н. Г. Малицкого, С. П. Толстова, А. Н. Бериштама, К. Омиралнева, Г. К. Конкашпаева, Е. Койчубаева (Малицкий, 1945). Тем не менее, этимология слова остается неясной. Гидроним не находит объяснения в тюркских языках. Чтобы осмыслить его, необходимо обратиться к индоевропейским языкам.

Вторая часть слова определяется гидроформантом «ас» (вода, река), довольно хорошо представленным в топонимии Западной Сибири: Олжерас, Таз, Учас и др.; в местах Саяно-Алтайского нагорья: Асхыз, Бадавас, Кибрас и др.; в Чу-Илийском бассейне: Талас, Асса, Баканас, Балхаш и др.; в низовьях рек Джунгарии: Канас, Манас; в среднем течении Сырдарьи: Келес, Арысь. Интересна на этот счет оценка К. Омиралнева. Он считает, что в древнем имени Сырдарьи Силес (Силес) сохранился слог «ас» в форме «ес» (Омиралнев, 1967).

На основании имеющихся аналогов форманта в названиях гидрорельефа можно предположить, что слог «ас» угорский или хотя бы употреблявшийся уграми, который впервые был выявлен С. Паткановым (Дульзон, 1960).

Слог «ар» сопоставляется с индоевропейским термином «гар»: авестийское «гагау» — гора, древнеиндийское «giris» — гора, афганское «гар» — гора, славянское «гора» в этом же смысле. Термин очень продуктивен в топонимии Евразии (Мурзаев, 1984). Э. М. Мурзаев этот термин рассматривает как индоевропейский субстрат в позднейшем тюрко-монгольском переосмыслении в формах «кара, хара» (Мурзаев, 1970).

Известно, что в верхнем течении р. Арысь граничит с горным хребтом Каратау. В первом слове топонима Каратау прослеживается индоевропейский термин «гар». В связи с этим уместно вспомнить сведения античных авторов о Каратах, локализованных Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем у северо-восточных склонов Каратау (Агеева, Пацевич, 1958), и предположить, что гидроним получил название в предгорьях. Та-

ким образом, эти слова этимологизируют гидроним, как «река с гор», «горная вода». Позже гидроним был адаптирован тюркскими языками в формах Карас, Арс, Арсу. Форма Арсу впервые зафиксирована К. М. Байпаковым в названии города Арсубаникета (Байпаков, 1986).

В последних работах по вопросу локализации городов Южного Казахстана, в среднем течении Арыси, определены два пункта. Домонгольский Арсубаникет (Усбаникет, Субаникет) — центр округа Кенджида на месте городища Шор-тобе (Караспан II) и послемонгольский Карасеман (Халадж Карасаман) на месте городища Караспан-тобе (Байпаков, 1977).

Если вышеуказанные топонимы сопоставить по слогам: Ар-су-бан-и-кет, Ус-бан-и-кет, Су-бан-и-кет, Кар-ас-/ман, Кар-ас-а-ман, определяется их конвергентность. В первом слове первого, второго и третьего слов (АР), су, ус, су гидроформант представлен тюрко-монгольской калькой — вода, река. Второй слог «ман» присутствует во всех вышесказанных топонимах с обычным тюркским фонетическим переходом на Б и П (бан, пап). Слог «кет» — согдийский (дом, селение) (Караваев, 1980). Последние два произношения построены на субстратной форме гидронима.

А. П. Дульзон сопоставляет компонент «ман» с индоевропейской основой «мано-мани» (влажный, мокрый) и связывает с водой (Дульзон, 1964).

В древнетюркских языках компонент «ман» разъясняется как глагол, имеющий смысл «опоясываться, окунуть, обмакнуть (в воду)» (Древнетюркский словарь, 1969).

В данном контексте приоритет сохраняется за древнетюркским глаголом, по которому топоним Арсубаникет в различных вариантах произношения осмысливается как «опоясанный Арысью», «окунутый в воду (в реку)». Возможно, это предположение найдет подтверждение в топографии Караспан-тобе. Этот памятник отличается от других городищ региона (кроме городища Жуан-тобе) круглой в плане цитаделью, кольцевым рабадом, площадкой, опоясывающей цитадель ниже уровня дневной поверхности, которая, вероятно, заполнялась водой. Ясно одно: название населенного пункта происходит от названия реки. В итоге Арсубаникет, Усбаникет, Субаникет, Карасеман, Карасаман составляют синонимический ряд «археонима» Караспан-тобе, в котором отождествляется

домонгольский Арсубаникет. Этим объясняется тот факт, что в постемонгольское время город Арсубаникет не упоминается, так как он носит название Карасеман, а монеты от имени Кенджида продолжают чеканиться (Байпаков, 1986).

Галиев А.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СУЩНОСТИ ТРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У КАЗАХОВ

В основе родо-племенных традиций казахского народа лежит его разделение на три жуза. В связи с тем, что это разделение играет негативную роль в современных условиях, важной задачей является научное объяснение этого деления. Следует отметить, что этот вопрос имеет определенную историко-географическую традицию (Юдин, 1983 и др.), но, на наш взгляд, он нуждается в дальнейшей разработке.

Прежде всего отметим, что деление общества на три части не является каким-то исключительным явлением, присущим только казахскому народу — данный феномен мы связываем с триничной моделью Космоса и общества, а она, несомненно, является ранним общечеловеческим представлением. Это представление нашло свое отражение в орнаменте, мифах, легендах, сказках многих народов Старого Света.

Одним из таких мифов является миф о трех братьях. Его вариантами является легенда о Кие, Щеке и Хориве у восточных славян, у финнов миф о Вяйнямейнене, Ильмаринене и Еукухайнене встречается в «Калевале». Широко известна легенда, записанная Геродотом у скифов: у первого человека, которого звали Таргитай «...родилось три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При них упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и «чаша» (История, кн. IV).

В работах Ж. Дюмезиля и Э. Бенвениста было установлено, что золотые предметы, упавшие с неба, соответствуют трем социальным функциям, выполняемым братьями. При этом секира символизирует варну воинов, чаша является непременным атрибутом жреца, поскольку она использовалась при исполнении религиозных обрядов, плуг и ярмо — символ земледелия и скотоводства.

Скифской легенде полностью соответствует казахская пословица: «Ұлы жүздің қолына тайқ берде, малға қой. Орта жүздің қолына қалам берде дауға қой. Кіші жүздің қолына найза берде жауға қой».

Из этой пословицы видно, что жузы также выполняли социальные функции, полностью соответствующие функциям, сложившимся в скифском обществе. И это не случайно, так как, по мнению исследователей, такое разделение общества по выполняемым различными группами обязанностям сложилось в развитом первобытном обществе и восходит к делению общества по возрастным группам:

1. Юноши-воины.
2. Зрелые мужи, производители материальных благ.
3. Старики, основным занятием которых было отправление культа и регулирование отношений между членами общества.

В первобытном обществе эти ступени последовательно проходил каждый мужчина. Впоследствии же началась специализация отдельных групп населения на одном из этих трех занятий. Символом группы, из которой происходили жрецы, стал белый цвет седины, мудрости. Символом воинов — красный цвет (огонь, кровь), цветовой символ производителей материальных благ у различных народов мира варьировался, но чаще всего был черным (Берзин, 1986).

У каждой из этих групп были свои боги-покровители, каждый из которых управлял одной из трех сфер Космоса, соответственно эти сферы стали связываться с определенными группами (варнами). В индийской мифологии варнам соответствуют части тела Пуруши, которые также относятся к трехчленной системе Космоса (Бонгард-Левин, Ильин, 1985; Акишев, 1984) и с функциями варн. Так, уста Пуруши, из которых произошли брахманы, связаны с мудростью, его руки, давшие начало кшатриям, символизируют воинское занятие, бедра, из которых происходят вайшьи, должны символизировать плодородие.

Индоевропейскую систему трехчленного деления общества и Космоса (Дюмезиль, 1986) можно представить следующим образом:

Ведийские боги	Римские боги
I. Варуна Митра	Юпитер
II. Индра	Марс
III. Близнецы Насатья Божества плодородия и изобилия	Божества плодородия и изобилия

Как видно из таблицы, индоевропейская система отличается порядком чередования функций от сложившейся в первобытном обществе системы. Здесь бог-покровитель кшатриев Индра (Марс) занимает уже не третью, а вторую ступень, а боги плодородия перешли со второй ступени на третью. Отличается порядком чередования от индоевропейской и первобытной и система казахских жузов — здесь производство материальных благ вышло на первое место. Объясняется это тем, что «порядок старшинства богов, представляющих социальные группы во время сложения трехчастного пантеона, диктовался не только порядком старшинства возрастных классов, но и степенью важности дела каждой группы для общества в конкретный период его развития» (Берзин, 1986).

На различных этапах развития общества на первое место стали выдвигаться те функции, которые больше соответствовали нуждам данного общества на данном этапе. Этот процесс, процесс перехода власти к младшей варне, нашел отражение в мифе о трех братьях, сюжет которой известен многим народам мира, в том числе и казахам. Отражением этого процесса является обычай казахов передавать все наследство младшим сыновьям (кенже).

Таким образом, казахские жузы — явление не исключительное, не этническое, поскольку оно зафиксировано у различных народов индоевропейской, уральской, алтайской, карт-

вельской семей, а стаднальное, и в его основе лежат конкретно-исторические условия.

Традиция же деления казахского общества на три жуза, существовавшая до недавнего времени, объясняется тем, что на территории Казахстана издавна существовали три обособленные естественно-географические, хозяйственные области (Аргынбаев, 1988).

Гриценко В. В.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЕЙ В ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

(На примере исследования казахско-русских семей
в г. Аркалыке)

Роль национально-смешанных семей в этнических процессах велика. В них происходит наиболее тесное взаимодействие культур контактирующих этносов, открываются возможности передачи отдельных элементов соционормативной, материальной и художественной культуры, языка и т. д. Оговоримся, переоценивать эту роль не следует, поскольку межнациональные браки в значительно большей степени сами находятся под влиянием этнических процессов.

Распространение межнациональных браков в республике влияет на языковые процессы, развитие этнического самосознания, изменение норм внутрисемейного общения и т. д.

Увеличение доли лиц, вступивших в межнациональные браки, и потомков от таких браков сами по себе является важным фактором развития двуязычия, хотя и не единственным, так как в национально-смешанные браки вступают люди, как правило, хорошо владеющие языком межнационального общения. В то же время усвоение казахского языка русскими в значительной степени происходит в казахско-русских семьях. Высокий процент русских женщин, изъявивших желание овладеть родным языком мужа, т. е. смешанные семьи с участием лиц коренной национальности служат на сегодняшний день одним из основных каналов восприятия казахского языка представителями русского и других народов.

Сферой этнических процессов, где межнациональные браки могут играть особую роль, является формирование этнического самосознания. Здесь существуют некоторые трудности в определении национальной принадлежности детей. Мнения супругов по этому вопросу в казахско-русских семьях расходятся очень заметно, тогда как в семьях любого другого национального состава мнения супругов совпадают. В казахско-русских же семьях мужья обычно настаивали, чтобы в любом случае национальность подростка от смешанного брака определялась по отцу; русские женщины, состоящие в таких браках, придерживались мнения, что главным в этом случае должно быть желание самого подростка. Третья часть респондентов, состоящих в казахско-русских браках, считала, что национальность в личных документах вообще не надо указывать, достаточно указать только гражданство: гражданин СССР; тогда как среди респондентов, состоящих в однонациональных казахских и русских браках, такого мнения придерживались единицы. В казахско-русских семьях, где имеется сын и дочь, родители указывали, что в национально-смешанных семьях национальность сына надо определять по отцу, а дочери — по матери. В однонациональных семьях такого дифференцированного подхода к определению национальности не наблюдалось.

Тот факт, что в большинстве случаев родители в этнически смешанных семьях не могут четко определить национальную принадлежность ребенка, косвенно свидетельствует о тесном взаимодействии и определенном слиянии элементов культуры и быта представителями двух национальностей.

Этнокультурная специфика казахско-русских браков проявляется также в структуре семьи, характере внутрисемейных отношений и родственных связей.

Как показали материалы нашего опроса, казахско-русские семьи отличаются от однонациональных казахских и русских семей большей эгалитарностью и демократизацией внутрисемейных отношений, распространенностью так называемого «двойного главенства». Супруги, состоящие в межнациональных браках, не реже, а чаще по сравнению с теми, кто состоит в однонациональных браках, совместно решают важнейшие семейные вопросы. Наблюдается фактическое

равенство в распределении семейных обязанностей, в ведении домашнего хозяйства, осуществлении ежедневных покупок, воспитании детей, организации досуга.

Характер межличностных отношений, взаимоотношения межнациональных семей с их социальной микро- и макросредой оказывают определенное влияние на психологические установки и ориентации, на межнациональное общение вообще и межнациональное общение в семье в частности. Наше исследование выявило определенные различия между супругами, состоявшими в казахско-русских и однонациональных браках, в национальном составе ближайшего социального окружения. Прежде всего, у лиц, вступивших в казахско-русский брак, чаще встречаются родители, принадлежащие к разным народам, чем у лиц, вступивших в однонациональный казахский или русский брак, т. е. наблюдаются межнациональные браки во втором поколении. У половины респондентов, состоящих в казахско-русском браке, есть родственники (братья, сестры, тети, дяди), избравшие спутником жизни человека другой национальности. Особенно в этом отношении выделяются мужчины-казахи. В то же время среди супругов, состоящих в однонациональных казахских браках, на наличие родственников других национальностей указали только 12% ответивших, в однонациональных русских семьях — около трети. Существенно различается также национальный состав ближайших друзей, соседей, коллег по работе у супругов казахско-русских браков по сравнению с супругами однонациональных браков.

Таким образом, национально-смешанные семьи выступают в качестве одного из важнейших показателей развития этнических процессов в нашей многонациональной республике.

Исмагулов О., Сихимбаева К. Б.

ЭТНИЧЕСКАЯ ОДОНТОЛОГИЯ КАЗАХОВ

Изучение особенности зубного рельефа современных казахов представляется весьма перспективным для характеристики их расогенеза в этнической истории края. Собранный одонтологический материал по Казахстану составил более 30 тыс. коронок зубов, относящихся к свыше 5 тыс. индивиду-

умам обоего пола, составляющим 32 локальные группы казахов. Эти данные достаточно репрезентативны, чтобы показать прежде всего географическое распределение по отдельным фенам зубного рельефа, а также раскрыть характерные черты зубной морфологии казахов с учетом разнообразных фенотипических маркеров, таких как: соматологический (расовый), дерматоглифический, изосерологический и др. При этом в фенологии зубного рельефа казахов особое внимание обращалось на высокую расово дифференцирующую значимость ряда одонтоскопических и одонтоглифических строений верхних резцов и нижних и верхних моляров. Всего изучено более 50 фенотипических признаков зубной морфологии у современных казахов.

Одонтологически фенология зубной коронки казахов характеризуется низкой частотой диастемы (J^1-J^1), повышенным показателем краудинга (J^2), средневыраженной лопатообразностью верхних резцов (J^1), относительно пониженной концентрацией бугорка Карабелли, не очень низкой частотой шестибугорковых и низким процентом четырехбугорковых форм M_1 , довольно повышенной концентрацией четырехбугорковых форм на M_2 , сравнительно невысокими частотами дистального гребня тригониды, коленчатой складки метаконида и повышенным процентом внутреннего среднего дополнительного бугорка, а также умеренной частотой 2 med (II) и средневысокой формы 3 первой борозды параконуса. Эти и другие фены — признаки зубного рельефа казахов в целом демонстрируют их промежуточное положение между двумя одонтологическими стволами — восточным и западным.

Следовательно, одонтологические особенности зубной морфологии казахов в полной мере совпадают с их характерными чертами по другим системам фенотипических маркеров морфофизиологических свойств.

В одонтологическом типе казахов определенно выражена преобладающая доля восточного компонента. В масштабе казахской популяции спектр изменчивости фенотипических признаков «восточной» ориентации представляется довольно вариabельным как в одонтоскопии, так и в одонтоглифике. К числу первого относятся большой размах частот краудинга, лопатообразных форм медиальных резцов, дистального гребня тригониды, шестибугорковых M_1 и др., а к числу второго — повышенная вариabельность впадения Irg (II) на M^1 ; Irg на M^1 , трира-

дуса на ра M^1 , наличие ложной передней ямки на M^2 , форма «с» второй борозды метаконида на M_2 и др. В то же время размах изменчивости одонтоскопических и одонтоглифических фенотипических признаков «западной» ориентации у локальных групп казахов носит относительно стабильный характер. Таковым является размах частот бугорка Карабелли, четырехбугорковых форм M_1 и M_2 , 2 end (IV), на M_1 , 2 med (II) на M_2 и др. С учетом этих одонтологических особенностей в качестве самостоятельной локальной популяции можно выделить казахстанский одонтологический вариант.

Исходя из градиента изменчивости основных фенотипических признаков зубной морфологии и их географического распределения в масштабе Среднеазиатско-Казахстанского региона, как нам представляется, следовало бы выделить среднеазиатский одонтологический тип с подразделением его на два составных варианта: собственно среднеазиатский (таджики, узбеки) и северосреднеазиатский или казахстанский. Такая морфологическая дифференциация зубного рельефа народов этого региона находит реальное отражение в масштабе южного градиентного одонтологического канала.

Географическое распределение ряда ключевых одонтологических фенотипических признаков на изученной территории показало, что центром повышенного показателя «восточных» черт зубного рельефа становится обширная зона Казахстана, в частности северо-восточная и южная части республики. Центром относительно низкого показателя этого комплекса является ее западная часть. Здесь можно выделить условно две одонтологические зоны: северо-западная и юго-восточная. Различия между ними выражены в виде тенденции, которая связана с ослаблением фенотипических признаков «восточной» ориентации у первого, усилением их у второго. Установление таких местных комплексов в антропологическом составе казахского народа заслуживает пристального внимания.

В общем контексте расовых типов Евразии следует заметить, что в географическом отношении характерные представители южносибирской расы расселены, главным образом, в обширной зоне Туранской низменности, затем, охватывая южную часть Западной Сибири, вплоть до Алтае-Саянского нагорья. Поэтому, придерживаясь современного географического принципа, а также принимая во внимание широкое рас-

пространение индоевропейских туров, эту региональную местную группу лучше было бы именовать туранондой расой. Такой термин гораздо больше отражает глубинное содержание расогенетических процессов, связанных исторически с данным регионом.

Кызласов Л. Р.

ЭТНОНИМЫ «ХААС» И «ХАСХА» В ХАКАССКОМ

В хакасско-русском словаре есть статья: «ХААС. 1. Качинец (название представителя племени хакасов); Хаастарным, аразында хыргыс сѳѳк пар среди качинцев есть род (букв. кость) киргизов. Хаас II. 1. Ремень... 2. Ременный; хаас хур ременный пояс; хааш кыз см. хаас I» (1953, с. 261). В конце словаря в списке сеоков (колен или подразделений) хакасского народа приведены сеоки хаасов (по-русски называемых качинцами) — этой наиболее крупной этнической группы хакасов. Среди них обращают на себя внимание сеоки: хасха, ах-хасха, паратан-хасха, талджан-хасха, ус-хасха и хара-хасха (1953, с. 357—358.).

Имеются еще наименования территориальных групп хакасского населения, не являющихся «родовыми»: хара хаас, ѳѳк хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы) (Н. Г. Доможаков, 1956), а также пограничная группа сагай-хаас (сагайцы-качинцы) (Д. Ф. Патачакова, 1963).

Как видно, этнонимы хаас и хасха являются широко распространенными среди названий хакасских этнических подразделений, но ни формальная структура этих терминов, ни их происхождение или семантика в настоящее время непонятны и потому не имеют народного объяснения. Тем не менее, для решения проблемы происхождения хакасов выяснение сущности и происхождения этих терминов имеет первостепенное значение.

Нельзя сказать, что подобные вопросы не ставились. Еще в 1945 г. видный археолог и историк Сибири С. В. Киселев предполагал, что «помещенное в китайской летописи наименование «хагаса», по-видимому, отражает самоназвание населения Минусинской котловины, сохранившееся у качинцев, которые зовутся «хаас»».

Относительно этнонима хаас имеется определенное заключение тюрколога Н. Г. Доможакова: «Древнее название «хягас», от которого, возможно, образовано слово «хакас», является нестяженной формой слова «хаас». В слове «хаас» выпал звук «г». Китайские летописцы сохранили более древнюю форму этого слова с интервокальным «г»: «хягас», «хагас». Термин «хаас» отражает действительное положение вещей и народ употребляет именно его, а не «кач»; «мин хаас-пын» («я хаас»), а не «качпын» («я кач») скажет человек, принадлежащий этой группе хакасов» (1956, с. 65).

В тюркских языках долгие гласные имеют разное происхождение: долгий звук бывает или исконным и древним, или появляется в результате изменения слова со временем. В языках южносибирских тюркоязычных народов (тувинцев, шорцев, северных алтайцев, тофаларов) древние долгие звуки практически неизвестны. Большинство слов с долгими гласными являются вторичными и появились в результате стяжения двух гласных звуков вследствие выпадения согласного между ними (чаще всего звуков г, г', к, х, н).

Строгая закономерность позволяет восстанавливать форму древних слов по облику современных. Например, хакасское слово «оол» (сын, парень) произошло от древнего «огул» после выпадения интервокального г и стяжения; название реки «уус» (например, Ах уус, Хара уус, Сралыгуус) — из древнетюркского названия реки «ѳгуз» и т. д. Очевидно, что Н. Г. Доможаков прав, и древний облик этнонима «хаас» (со вторичным долгим а) закономерно восстанавливается, как «хагас» («хакас» или «хагас») и, следовательно, в самоназвании «хаас» сохранилось древнее имя народа — хакас.

Подтверждением того, что древний народ хакас существовал, является то, что этот этноним был в так называемую «эпоху великодержавия» (IX—X вв.) (Л. Р. Кызласов, 1984), вместе с термином «кыргыз», широко распространенными носителями этнонима и до сих пор он сохраняется у некоторых тюркоязычных групп или у их омонголизовавшихся собратьев. Кроме современных хакасов тот же этноним (также в стяжательной форме, со вторичным долгим звуком а) зафиксирован в виде подразделений (сеоков) у тувинцев — хаасут (хаазут), у тофаларов — хааш, хара-хааш, сарыг-хааш; у окинских бурят (сойотов) — хаас; у дархатов Прикаспия — хза-

сут. Это, несомненно, та же поздняя форма древнего этнонима хакас, только иногда оформленная аффиксом множественного числа (хаас-ут; ср. тюркское оформление: хаастар — самоназвание качинцев). Наиболее показательно, что башкиры, благодаря особенностям их языка, сохранили этноним хакас в древней нестяженной форме (но с явлением метатезы) — «кахас» (Л. Р. Кызласов, 1984, с. 62—63; Р. Г. Кузеев, 1974).

Очевидно, что закон имеет обратную силу и лингвист-диалектик также закономерно восстанавливает из современного слова «хаас» средневековую форму хагас /хакас, как из современного «аас» (рот) — древнее «афыз», а из «аал» (селение) — древнетюркское «агыл» (загон) и т. п.

Такой вывод существенно подкрепляется анализом современного хакасского этнонима «хасха». По поводу одного М. И. Боргойков однажды справедливо предположил: «А может быть, термин «хакас, хагас», встречающийся в китайских источниках и обозначающий имя народа, обитавшего в бассейне Среднего и Верхнего Енисея, это то же самое, что и современное название рода (сеока) «хасха», сохранившегося среди качинцев (хаас), вошедших в состав нынешнего хакасского народа» (1959, с. 137). К сожалению, автор на этом останавливается, не выяснив самого механизма исторического изменения этого слова.

Известно, что для тюркских языков характерно явление метатезы, т. е. взаимное перемещение звуков и слогов в составе слова на ассимилятивной или диссимилятивной основе. По данным А. Н. Кононова: «Метатеза как особый источник фонетико-морфологического развития слова в памятниках рунической письменности — в отличие от живых современных тюркских языков — развита довольно слабо, что, конечно, следует объяснить довольно строгой нормализацией языка ТРП». Автор приводит примеры из более позднего «Дивана» Махмуда Кашгарского (XI в.) (1980, с. 72). Более подробно метатеза в тюркских языках X—XIII вв. отмечена А. М. Щербаковым (1961, с. 65). Распространение явления метатезы в современных языках тюркоязычных народов Южной Сибири широко известно.

Подобно тому, как башкирский этноним «кахас» является явной метатезой от древнего «хакас», так и этноним «хасха» является слоговой метатезой от древнего «хакас» (хагас/хахас).

Таким образом, две словоформы, два этнонима современных хакасов — хаас и хасха — образовались, хотя и разными способами, но из одного и того же древнего этнонима. Этот уникальный случай наглядно доказывает, что древний этноним хакас /хагас/ хахас является реальностью. Существование его в VI—XII вв. на территории Южной Сибири подтверждается китайскими средневековыми хрониками, определенно указывающими на местное происхождение этого термина (Н. Я. Бичурин, 1950, с. 350—357). Важно, что китайские источники указывают и на время, когда в языке древних хакасов произошла указанная метатеза. Это XIII в. «Юань ши» под 1293г. впервые сообщает об этнониме «хасха» как об одном из самоназваний населения Южной Сибири (Л. Р. Кызласов, 1984).

Собранные в настоящей статье факты и их анализ со всей очевидностью устанавливают, что проблема существования в период средневековья этнонима «хакас» вышла за пределы исторических изменений китайского языка и письменности и заняла самостоятельное место в соответствующем разделе тюркского языкознания.

Кызласов И. Л.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПАМЯТНИКАХ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В большинстве тюркологических работ памятники так называемой рунической письменности Азии осознанно или неосознанно воспринимаются как нечто единое. Хотя в литературе признается существование палеографически отличных друг от друга орхонских, енисейских, таласских и ленских надписей, наиболее широко бытует обобщенное понятие «орхоно-енисейское письмо». Вероятно, с этим связано и распространенное представление о рунических памятниках (прежде всего енисейских) как о явлении палеографически несовершенном, неустойчивом, пестром. Подобные взгляды не способствуют выявлению и анализу конкретных особенностей памятников, особенностей, подчас вполне очевидных.

Таковыми прежде всего являются различия в общих принципах размещения камнеписных текстов и сопутствующих им элементов. Заметны определенные правила, соблюдавшиеся в этом деле в каждом из раннесредневековых государств. Ныне наиболее показательными представляются композиционные каноны эпитафийных памятников. Эпитафии достаточно многочисленны, разнообразны, а их хронологические отличия совпадают со сменой государственных образований в Азии.

На сохранившихся поминальных памятниках крупнейших военачальников II Восточнотюркского каганата VIII в. тексты начинаются с изображений личных геральдических знаков. Эти тамги на трех известных стелах (Онгинской, Кюль-Тегина и Тоньюкука) размещены на самом верху и строки надписей, читаемые справа налево, направлены сверху вниз. Подобное размещение аристократических символов и текстов, как и другие не столь значимые для нас черты оформления эпитафий тюрко-тугю (лишювка текста, обрамление тамг, форма стел и их постаментов), вероятно, восходят к основным особенностям раннесредневековых китайских императорских стел с текстами. Главное различие состоит в иной геральдической и письменной системе, что не оставляет сомнений в том, что рассматриваемые эпитафии являются важным признаком собственно тюркской государственности.

Устойчивость и политическую значимость подобного композиционного построения эпитафий раннесредневековых государственных деятелей подтверждают и эпитафии Уйгурского каганата. Судя по особенностям стелы кагана Моюн-чура (середина VIII в.), на которой тамги размещены в верхней части камня, а строки направлены сверху вниз, уйгурские правители сохранили «тюркские» принципы построения таких памятников. С одной стороны, это свидетельствует о преемственности государственной системы уйгуров от II Восточнотюркского каганата, выразившейся, как известно, и в других политически значимых проявлениях, вплоть до размещения столичного центра. Композиционный эпитафийный канон тем самым превращается в показатель культурно-государственной традиции. С другой же стороны, отмеченное сходство лишает его этноопределяющего значения.

Совершенно иные требования к размещению тамг и текстов отражают енисейские эпитафии, оставшиеся от древнехакасского государства. На этих памятниках, в большинстве своем относящихся к IX—X вв., надписи также начинаются геральдическими знаками, однако тамга размещается в нижней части стелы, а строки направляются снизу вверх. Это расхождение с центральноазиатским каноном настолько ясно и столь твердо выдерживалось в свое время, что его учет позволяет производить начальное определение государственной принадлежности любого памятника еще до анализа содержания его текста. Значимость нашего показателя сохраняется и при подобной работе с частично сохранившимися стелами, не позволяющими учесть в полной мере какую-либо из основных эпиграфических составляющих — будь то тамга или надпись. Тому есть надежные подтверждения. Так, на стеле Бильге-Кагана не сохранился тамговый знак, но форма камня указывает на размещение строк текста сверху вниз, что соответствует «орхонскому» канону. Принадлежность памятника II Восточнотюркскому каганату подтверждается, как известно, содержанием надписи. Суджинская стела (Е 47) не содержит ясно различимой тамги, но направление строк эпитафии снизу вверх свидетельствует о ее принадлежности Кыргызскому каганату, о чем говорит и текст.

В 1960 г. по особенностям погребального обряда были выделены письменные памятники чиков Тувы. Две их эпитафии сопровождалась самобытными тамгами, учет которых позволяет ныне дополнить эту группу третьей стелой с надписью. Сравнительно-типологический взгляд на композиционные принципы этих памятников позволяет отметить две важные особенности. Камень Уюк-Аржан (Е 2) демонстрирует не орхонскую и не енисейскую, а третью, самостоятельную схему размещения текста и геральдического знака. Четыре строки надписи размещены здесь горизонтально, а тамга находится ниже текста, близ его начала у правого края плоскости.

Горизонтальные строки находим и на некоторых орхонских эпитафиях, например, на боковой поверхности Онгинского камня (730-е гг., тюрки-тугю) и на верхнем поле Харабаласской стелы (822 г., уйгуры). Однако там подобным образом расположены дополнительные строки, основные же

тексты размещены по центральноазиатскому канону. Тувинская эпитафия вся подчинена вновь отмечаемому композиционному принципу, в котором, следует подчеркнуть, своеобразна и позиция тамги. Возможно, приведенные аналогии с горизонтальным размещением строк указывают лишь на определенную хронологическую близость со стелой Уюк-Аржан, относимой к концу VIII — началу IX вв.

Пожалуй, существование на Улуг-Хеме третьей композиционной традиции косвенным образом подтверждает и так называемый «Третий памятник из Тувы» (Е 51), на котором строки, хотя и направлены снизу вверх, но тамга все же размещена в стороне от текста в положении, сходном с уюкаржанским. По-видимому, отражая сильное воздействие древнехакасского канона в размещении текста, эта стела сохраняет пережиточные местные черты в местонахождении тамги и в целом является типологически переходным памятником. Любопытно, что и тамга этой эпитафии представляет следующий этап в развитии геральдического знака, вырезанного на Е 2.

Завершение эволюции чикских эпитафий встречаем на памятнике Уюк-Орзак II (Е 109), уже полностью подчиненном требованиям, принятым в древнехакасском государстве. Вероятно, памятник оставлен после включения Тувинской котловины во владения кыргызских каганов. Так или иначе, перед нами новое подтверждение государственного, а не этнического значения принципов построения элементов эпитафийных памятников. Об этом же свидетельствуют и две своеобразных эпитафии Горного Алтая — Кошагачская и Талдуайрынская, начертанные снизу вверх. По-видимому, они также возникли после захвата этих земель древними хакасами и под прямым воздействием последних, ибо до тех пор для тюрок-туго, как известно, не была характерна установка поминальных текстов своим умершим, за исключением редких представителей высшей военной аристократии VIII в.

Четвертый композиционный тип выделяется для эпитафий Таласской долины. Это известные валуны, строки текста на которых нанесены горизонтально и, достигая края поверхности, могут загibasься, принимая возвратное или спиральное направление. Личные тамги на камнях отсутствуют, что при учете их относительно поздней датировки (не ранее IX—

X вв.), вероятно, находит соответствие в древнехакасских памятниках конца X—XI вв., также лишенных княжеских знаков. Вместе с тем нет сомнения, что таласский композиционный канон совершенно своеобразен и, в зависимости от определения эпохи его бытования, должен быть соотнесен с тем или иным западнотюркским государством (карлук-караханидским?). Очевидно также, что его принцип размещения текста восходит к горизонтальному положению строк надписи. Последнее объединяет таласский канон с отмеченной самобытной композицией чикских эпитафий Тувы и позволяет поставить вопрос об их единой культурно-государственной предтече.

Описанные композиционные особенности эпитафийных памятников, выполненных руническим письмом, свидетельствуют о существовании в раннесредневековых государствах Средней Азии своеобразных требований, предъявлявшихся к размещению текста и сопутствовавших ему элементов на поминальных памятниках. Эти требования не являются этнически показательными (хотя и возникали, и утверждались они, конечно же, в конкретной национальной среде), так как соблюдалась представителями разных народов. Причины этого могли быть неодинаковыми. Если необходимость проявить преемственность политической власти кажется возможным объяснением сходства облика уйгурских и тюркских эпитафий — явления довольно редкого даже в узкой среде правящей верхушки, то эпитафийный канон в условиях массового обычая водружения стел в многоэтничном древнехакасском государстве определялся, вероятно, единственно принадлежностью представителя того или иного народа к аристократическому кругу державы, его нахождением на государственной службе соответствующего уровня.

Дальнейший источниковедческий анализ, надо полагать, будет способствовать углублению наших знаний и представлений. Несомненно одно — перед нами важная черта письменной культуры раннесредневековых тюркоязычных обществ Азии, отразившая как высокий уровень их социального развития, так и присущую каждому из них самобытность. Думается, совсем не случайно указанные здесь композиционные типы эпитафий совпадают с другим, палеографическим, членением рунических памятников, Эпитафии тюрок и уйгуров

(первый тип) вырезаны орхонским письмом, древних хакасов, чиков, горноалтайских тюрков IX—X вв. (второй тип и единично — третий тип) — енисейской письменностью, населения Таласской долины (четвертый тип) — таласской азбукой. Рунические алфавиты также отразили не этническое, а государственное величие и своеобразие раннесредневековых тюркоязычных обществ Азии. С учетом этого и следует строить конкретно-исторические исследования оставленных ими памятников культуры.

Мендикулова Г. М.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Исследовать демографические характеристики казахского населения Оренбургской губернии во второй половине XIX в. побудила нас проблема специфики этнического развития групп казахского населения, проживавшего за пределами основной территории расселения этноса, в инонациональном окружении.

Во второй половине XIX в. в России учет населения проводился губернскими статистическими комитетами, которые для этой цели рассылали по всем губерниям статистические ведомости. В «Статистических ведомостях по переписи населения Оренбургской губернии за 1868—1870 гг. «число казахов составило 2851 человек, из них 1228 мужчин и 1623 женщины. В Оренбургском уезде насчитывалось 93 казаха, из них 56 мужчин и 37 женщин; в Троицком уезде — 1203 чел., из которых 605 мужчин и 594 женщины; в Верхнеуральском — 1134 человека (368 мужчин и 766 женщин). В Челябинском уезде проживал 421 казах, в числе которых 195 мужчин и 226 женщин. Никаких других характеристик казахского населения Оренбургской губернии ведомости не приводили.

Затрудняет определение численности казахского населения Оренбургской губернии то, что в статистических ведомостях, отчетах Оренбургского статистического комитета всех представителей неславянских национальностей, если не обговаривался конкретный случай, объединяли под заголовком «Инородцы».

Учет населения России на более научной основе был организован в конце XIX в., когда страна вступила в эпоху империализма. 28 января 1897 г. в Российской Империи была проведена единственная, одноподневная научно организованная перепись населения, которая зарегистрировала его численность, сословно-классовый состав и языковую принадлежность.

На 28 января 1897 г. в Оренбургской губернии казахское население проживало во всех 5 уездах: в Оренбургском — 933 человека, из них 722 мужчины и 211 женщины; Орском — 413 (350 мужчин и 63 женщины); Верхнеуральском 365 (231 мужчина и 134 женщины); Троицком 2229 (1292 мужчины и 937 женщины); Челябинском — 1031, в том числе 625 мужчин и 406 женщины. Всего 4971 человек, что составляет 0,31% от всего населения Оренбургской губернии. Из приведенного выше очевидно, что казахи Оренбургской губернии размещались неравномерно и по количеству казахского населения выделяются Троицкий (2229 человек) и Челябинский (1031 человек) уезды.

При соотношении мужчин и женщин казахского населения Оренбургской губернии на 100 мужчин приходится 54,38 женщины в целом по губернии.

Половозрастное распределение казахов Оренбургской губернии отличалось по 9 возрастным группам. Большинство казахского населения — 3345 человек, из которых 2282 мужчины и 1063 женщины, — насчитывается в возрастных группах от 10 до 50 лет, т. е. наиболее пригодные для активной трудовой деятельности.

Соотношение городского и сельского населения является одной из основных характеристик экономико-географического положения любой страны, района. Из всего количества казахов, проживавших в Оренбургской губернии, в городах обитало 1040 человек обоего пола, в уездах — 3931. Основное большинство проживало в сельской местности и занималось сельским хозяйством.

По социальному составу казахи Оренбургской губернии распределялись по 11 категориям. Подавляющее большинство зафиксировано в графе «Инородцы» — 4829 человек, из них 3117 мужчин и 1712 женщины. Следующим сословием, к которому были причислены казахи, является категория кре-

стьян. Их насчитывалось 70 человек (50 мужчин и 20 женщин). К сословию войсковых казаков было причислено 17 человек (13 мужчин и 4 женщины). Дворяне — 10 мужчин и 4 женщины, мещане — 10 мужчин; купцы — 4 мужчины и 2 женщины.

Самое непосредственное влияние на воспроизводство населения оказывают брачность, разводимость и семейное состояние. Среди взрослого казахского населения наиболее многочисленной группой являлись холостые и девицы — 1911 мужчин и 719 женщин, что составляет 52,9% от всего количества казахов. Следующая, не менее многочисленная группа лиц, состоявших в браке: 1208 мужчин и 869 женщин, что составляет 48,7%. Группа вдовых была незначительной, причем вдовы в 1,6 раза превышали по численности вдовцов. Их было 161 женщина и 96 мужчин.

Других демографических характеристик Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. не предоставляла. По замечанию В. И. Ленина, она имела целый ряд недостатков: отсутствие прямых сведений о классовом и национальном составе населения, нечеткое определение образовательного ценза и др.

Мингулов Н. Н.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАХСТАНА СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ В XVIII в.

Взаимоотношения, создавшиеся между казахскими и среднеазиатскими ханствами (Бухарой, Хивой и Кокандом) на протяжении длительного периода их непосредственного соседства, отличались значительной сложностью. Поэтому мы до сего времени не имеем сводных трудов, посвященных исследованию данной темы.

В основных чертах эти отношения определялись характером и особенностями экономического уклада соседствующих народов. С одной стороны, полунатуральное кочевое скотоводческое хозяйство казахов нуждалось в изделиях городской ремесленной промышленности оседлых районов, которые, в свою очередь, испытывали большую потребность в скоте и сырье, производившихся в изобилии в кочевом хозяйстве.

Экономические отношения между кочевниками и оседлыми районами были обычным явлением, основанном на взаимной заинтересованности каждой из сторон. Однако по временам эти отношения нарушались вследствие возникавших феодальных войн, посягнувших обыкновенный характер взаимных набегов.

Взаимоотношения казахов с народами Средней Азии имеют длительную историю и занимают чрезвычайно важное место в политической и экономической жизни ханств Средней Азии. Главным районом соприкосновения интересов среднеазиатских ханств (владений) и казахских ханов являлись присырдарьинские районы и низовья Амударьи.

Политическая власть, точнее «сфера влияния», в районах непосредственного соседства казахов со среднеазиатскими ханствами вообще была неустойчивой и часто переходила из рук в руки (район Ташкента).

Борьба была длительной и упорной. Казахи неоднократно захватывали и вновь теряли эти районы. Успех был попеременный, но большей частью сопутствовал казахам. Эти районы служили не только центром для укрепления экономических связей со среднеазиатскими ханствами, но и как важные укрепленные опорные пункты для борьбы казахских ханов с внутренними противниками, т. е. на территории Казахстана не было единого централизованного сильного государственного образования. Кроме того, присырдарьинские районы искони являлись местом зимних кочевий казахов и центром товарообмена с оседлыми районами.

Для среднеазиатских феодальных государственных образований эти районы также представляли особую важность для защиты оседлых районов Мавераннахра от кочевников Дашт- и Кипчака.

Главной причиной особого интереса казахских ханов к районам, соседствующим со среднеазиатскими ханствами, было установление и сохранение постоянных хозяйственных и регулярных торговых связей с оседлыми земледельческими районами. Поэтому частые нарушения этих связей из-за экономической разрухи среднеазиатских ханств, которую они переживали в результате отсутствия единой власти и постоянных междоусобиц, а иногда и преднамеренных актов, как «наказывание» по тем или иным политическим мотивам, пред-

принимаемых отдельными правителями, воспринимались крайне болезненно и вызывали проявление активного недовольства, которое выражалось в стремлении добиться восстановления нарушенных хозяйственных связей или частично заменить их путем грабительских набегов, вмешательством, большей частью по приглашению той или иной группировки феодалов, в междоусобную борьбу в ханствах.

История XVI—XVIII вв. дает достаточно примеров подобного рода, так как в этот период часто наблюдались случаи нарушения или ограничения торговли. Большой частью это осуществлялось посредством вступления на службу и оказания помощи тем или иным группировкам, боровшимся за власть в среднеазиатских ханствах. Так, даже утверждению ханом на Бухарском престоле Абдулах-хана (1581 г.) немало способствовали казахи во главе с Шигаи-ханом, его сыном Тевеккель-султаном и др., за что Абдулах даровал Шигаи-хану в удел Ходжентскую область, а Тевеккель-султану — область Аферикент в долине Зарафшана — лучшее место во всем Согде самаркандском. В это же время, по сообщению Хафиз-Таныша, владетель Ташкента Баба-султан передал казахам города Тассы и Сауран. В 1598 г. в сражении между Ташкентом и Самаркандом Тевеккель-хан разбил бухарские войска и подчинил себе Ташкент, Фергану и Самарканд, вплоть до Мианкаля, оставил брата своего Ишим-султана с 20 тыс. человек в Самарканде, а сам с 70—80 тыс. человек двинулся к Бухаре и обложил город.

В 1599 г. преемник Тевеккеля Ишим (Есим)-хан заключил, при посредничестве шейхов накшбендиев, договор с правителями Бухары и Самарканда, по которому Туркестан и Ташкент оставались за казахами.

После смерти Абдулах-хана (1588 г.) казахи захватили и подчинили все сырдарьинские города, начиная от Сыгнака и кончая Туркестаном и Ташкентом, которым казахи затем владели 200 лет, вплоть до конца XVIII в., до завоевания Ташкента кокандцами.

Так завершилась длительная, почти двухсотлетняя борьба казахских ханов за сырдарьинские районы, как наследие Ак-орды. По этому договору, заключенному с новой аштарханидской династией, Туркестанские земли и Ташкент перешли к казахским владетелям.

В борьбе Имам-Кули-хана за укрепление власти в Бухаре с балхским наместником Баки-Мухаммедом и пращами большую помощь оказали ему казахи из Ташкентского района. Но в 1613—1621 гг. Имам-Кули-хан делает попытки отнять у казахов Ташкент. С этой целью он предпринимает успешный поход на Кара-Тау, где разбивает казахов, каракалпаков и калмыков и на несколько дней овладевает Ташкентом. Но Ташкент остается в руках казахского хана Турсун-хана (при дворе которого два года жил Абу-л-Гази-хан во время своих скитаний). При Надыр-Мухаммаде (1642—1645 гг.) казахи в своем очередном набеге на Мавераннахр дошли до Ходжента.

Так, при Субхан-Кули-хане (1680—1702 гг.) для защиты от хивинских ханов из Дашт-и Кипчака были приглашены казахи присырдарьинских районов и «Абд-ал-Карим-бий найман, который получил должность парванчи, удостоился чести управлять подобным раю Самаркандом, привел к его величеству (Субхан-Кули-хану бухарскому) шесть тысяч вооруженных и оснащенных людей Дашт-и Кипчака, которые суть казахи и каракалпаки, известные всему миру как «обладатели большого количества военного снаряжения и отличающиеся постоянством в союзе». Племена: утарджи, хытай, кипчак, найман, джалаир, кунграт, юз. (Из них назначались шигаулы и правители Самарканда, Карши и др.) ...Прибывший Али Сайид из ишик-ага-баши Аргун с отрядом воинственных тюрок... изгнал хорезмийцев из Самарканда».

В 1723 г. джунгары вытеснили казахов с присырдарьинских районов и захватили города Сайрам, Туркестан, Ташкент. Именно в этот период из-за раздоров в государстве аштарханидов правитель Самарканда Раджаб-хан обратился за помощью к казахам, обещая богатую добычу в завоеванных областях. Казахи в это время переживали тяжелые дни — джунгары, вторгшиеся в казахские кочевья, произвели страшный погром. Они бежали за Сырдарью, по голод и нищета подстерегали их и здесь. В этом бедственном положении казахи охотно откликнулись на приглашение идти походом на богатые области Мавераннахра.

Обищавшие, голодные кочевники явились со всеми своими кибитками и скотом в Самаркандский вилайет, откуда разлились по всему Мианкалю до Бухарских туманов. В те-

чение 7 лет казахи производили опустошения по всей Зарафшанской долине, не встречая отпора. Многие из казахов оседали на новых землях (Тамдынские казахи). Казахские племена стали проникать в Мавераннахр и Хорезм еще задолго до этого, этот процесс особенно усилился в XVI в. Местные правители были даже заинтересованы в привлечении казахов, которые служили им, хотя и в малой степени, доходной статьей (Зекет) и набирали из них отличных воинов. В ходе длительных связей, как мирных, так и военных, казахи вошли в тесный экономический и культурный контакт с оседлыми народами. Составляя довольно многочисленную группу населения среднеазиатских ханств, казахи очевали на обширных пустынных и полупустынных районах от устья Амударьи, побережья Сырдарьи, в районах Ташкентской области и, занимая значительные земельные районы по долинам Зарафшана, Кашкадарьи, районов Чирчика, Ангrena, долгое время сохраняли связь со скотоводством и кочевой уклад жизни. Часть их претерпела процесс смещения (Курама, Чали-казак и т. д.), но продолжали занимать какой-либо определенный район. Так, под Курамой в географическом смысле подразумевалась, как известно, юго-западная часть бывшего Ташкентского уезда. Кураминский район занимал посредствующее положение между Ферганой и Ташкентом, автор Мунтахаб-ат-таварих в состав Курамы включает и долину Ангrena. Этнический состав курамы смешанный, с преобладанием казахов. Капитан Андреев, описывавший Кураминский район в 1785 г., отмечает, что народ курама обитает за Чирчиком, в числе 10 тыс. человек, имеет девять городов (поселений), подвластен Кокандскому беку Нарбуте.

В 1770 г. во время пребывания там Поспелова и Бурнашева район Курама входил в состав государства Юнус-ходжи (правитель Ташкента). В Кураме в это время насчитывалось 10 селений. В войсках Юнус-ходжи (правитель Ташкента) основной костяк состоял из казахов родов чанкклы, катаган и канглы, кочевавших в окрестностях Ташкента.

Неоднократно повторявшийся на протяжении XVII—XVIII вв. переход политической власти в районе Ташкента от казахов к узбекам и обратно также, как и кратковременное господство здесь джунгаров в первых десятилетиях XVIII в., не изменили существенно ни этнического состава

населения района, ни основных границ распространения казахов (долина р. Ангrena), установившихся, по-видимому, еще в XVI в. и оказавшихся довольно устойчивыми. В такой же мере устойчивой явилась граница культурного района и в северо-западной части Средней Азии — в Хорезме, где на протяжении ряда столетий она совпадала с северными пределами распространения земледельческого хозяйства в дельте Амударьи.

Становление казахско-среднеазиатских границ проходило в течение длительного времени (XVI—XIX вв.). Границы формировались как результат взаимоотношений феодальных ханств на тех или иных этапах исторического развития, в самых различных, очень сложных исторических условиях. Границы сложились лишь условные, говорить о каких-либо пограничных линиях вряд ли возможно, скорее можно говорить о «сфере влияния» ханств на жизнь кочевой периферии. Границы самих среднеазиатских ханств были слишком аморфными.

Северные границы Хорезма соприкасались с Аральским владением в дельте Амударьи, существовавшим в 1630—1800 гг., с некоторыми перерывами. Эти Аральские владения с центром в Кунграде, населенные казахами и каракалпаками, были присоединены к Хиве лишь в 1805 г.

Северная граница Хорезма временами доходила до р. Эмбы.

Особенностью географического положения Хивинского ханства являлась, как известно, его полная изолированность от соседних государств.

Связи казахов с Хивой в XVIII в. были самыми широкими. Главным районом сбыта скота в 40—50 годах XVIII в. была Хива, в результате чего скот перестал поступать на оренбургский рынок.

В течение XVIII столетия хивинцы постоянно приглашали чингисидов из казахских степей, так что в течение этих лет на хивинском престоле побывало около 30 казахских царевичей.

Некоторые казахские ханы использовали пребывание на престоле в целях укрепления торгово-экономических интересов Казахстана с Хорезмом. В конце XVIII в. с укреплением

экономической и политической разрухи заметно усиливается торговля через казахстанские степи с Дальним Востоком, Кашгарией, Сибирью и Россией.

Смагулов Е. А.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ОДНОЙ КОМПОЗИЦИИ В КАЗАХСКОМ ОРНАМЕНТЕ

Богатое орнаментальное наследие казахского народа материализовано во множестве удивительных произведений декоративного искусства и до сих пор оплодотворяет творчество современных народных мастеров. В истории изучения казахской орнаментики возобладаало направление, вскрывающее смысл, значение отдельных элементов, опираясь на современные народные названия («номинативизм»). Но этот подход оказывается малопродуктивным при рассмотрении вопросов первоначального значения устойчивых орнаментальных композиций. По преобладающему среди специалистов мнению, эти орнаментальные композиции возникли не в результате случайной игры формами, а являлись в начальной стадии специфическим отражением его наиболее значимых представлений и понятий. Ныне изначальный смысл в казахской орнаментике, зафиксированный иными средствами (например, в народной памяти), повсеместно утрачен. Раскрыть его — «задача будущих исследователей», — писал академик А. Х. Маргулан.

Ниже мы предлагаем попытку вскрытия палеосемантики одной композиции, широко распространенной в орнаменте многих народов Евразии. Во множестве вариантов известна она в казахском орнаменте. При всем графическом разнообразии их роднит общая композиционная основа, поэтому все эти варианты можно рассматривать как «вариации на определенную тему». Эта композиция имеет формально-искусствоведческое название — «учетверенная пальметта с роговидными отростками», или же народное название «кос муиз», представляет собой крестообразную фигуру, определенным образом соотносительную с фигурой ромба (или круга). Смысл этой композиции традиционно сводится к учетверенному изображению рогов барана. Лишь однажды в истории изучения казахского

орнамента была попытка сломать сложившийся стереотип. Шнейдер Е. Р. применил историко-генетический подход к выяснению происхождения и семантики основного элемента интересующей нас композиции («кошкар муиз») и достаточно аргументированно опроверг точку зрения, возводящую происхождение всех спиралевидных элементов к изображению бараньих рогов. Хотя им и не было раскрыто значение крестообразных композиций, однако вполне обоснованно показано, что эти фигуры могли быть образованы из учетверенного изображения дерева. Акцент на выявление прообраза отдельных элементов, в то время как в орнаменте основную смыслообразующую роль выполняет композиция этих элементов, не позволил Шнейдеру Е. Р. сделать следующий шаг в направлении выявления палеосемантики рассматриваемой композиции.

Плодотворное начало, положенное Шнейдером Е. Р., в дальнейшем не было реализовано. Последующие авторы при рассмотрении семантики исходили из сомнительного положения, что «терминология некоторых современных узоров соответствует смысловому значению изначального появления элементов орнамента», а рассматриваемую композицию понимали как чисто декоративную розетку, построенную по формальным законам симметрии.

Шнейдером Е. Р. было доказано, что элемент «кошкар муиз» является стилизованным изображением дерева. Но им не было объяснено явление скручивания в спирали ветвей деревьев, что являлось основанием, по нашему мнению, после утраты первосмысла всей композиции вторично систематизировать ее на основании графического сходства изображений, как учетверенное изображение рогов барана. Устойчивое явление скручивания ветвей деревьев в изобразительной традиции евразийского региона наблюдается с глубокой древности. Она имела основание в религиозно-мифологических представлениях прошлого. В основе ее лежит обычай «завивать» ветви деревьев, участвующих в определенных ритуалах (Пропп В. Я., Латынина Б. А.).

Розетка из крестообразно расположенных стилизованных деревьев обычно соотносится с фигурой ромба, квадрата. Исследованиями Рыбакова Б. А., Амброза А. К. установлено, что эти элементы широко представлены в декоративном искус-

стве многих народов и символизировали собой «землю-почву» с широким спектром ритуально-мифологических значений, ведущую роль среди которых играли представления о пространстве.

Универсальная идея о четырехугольности пространства, о четырех сторонах света в различных культурных традициях воплощалась различным образом, но в основе ее лежали близкие представления, обусловленные единством психико-интеллектуальной природы человечества. Простейшими символическими знаками, воплощавшими эти представления, были изображения квадрата, ромба. Более сложные представления выражала композиция из ромба с вписанными в него или вырастающими из его углов деревьями. Такое символическое представление о пространстве коррелируется с мифологической картиной мира, донесенной до наших дней в шаманских космографиях.

В качестве семантических эквивалентов деревьев в мифологическом мышлении выступают горы, башни, столбы, колонны. Крестообразные композиции этих элементов (деревьев, колонн) были широко распространены в древнем и средневековом искусстве. Мы их встречаем в декоре керамики средневековых городов Южного Казахстана. Наиболее убедительна интерпретация орнаментальной структуры древних китайских бронзовых зеркал (Лавров М.). На одном из них можно видеть горизонтальный срез космологического пространства, стороны которого маркированы традиционным для китайской геосимволики элементами, в систему которых помещена и крестообразная пальметта с роговидными отростками. Взятая из орнаментального репертуара кочевых народов, который смысл этой фигуры был еще ясен, эта розетка дублировала значение орнамента зеркала, закодированное китайскими символами, переводила его на язык другой орнаментальной системы. Вся орнаментика данного зеркала, отображая структуру гармонизированной вселенной, приобретала благостное значение, которое в переводе с орнаментального на вербальный язык звучит как традиционное благопожелание. В одном из декоративных поясов этого зеркала такое благопожелание передано с помощью китайских иероглифов.

Таким образом, на основании вышеприведенных материалов и наблюдений мы можем заключить, что наиболее попу-

лярная в народном орнаменте казахов и других тюркских народов розетка типа «кос муиз» и ее варианты изначально понимались как символическое изображение земли в состоянии спокойствия и гармонии, земли, дающей жизнь растительности, а значит, и всему живому на земле.

Возникнув в далекой древности в период становления производящей экономики, этот символ вошел в орнаментальный репертуар многих родственных в своих истоках народов. Первоначально имея вполне конкретный спектр значений и характер магического символа, изображение отдельных его элементов со временем подверглось стилизации, возникали многочисленные иконографические вариации. В эпоху средневековья, при интенсивном забвении его первоначального и с изменением хозяйственного уклада племен степного пояса в сторону специализированного кочевого скотоводства, произошла и семантическая переориентировка рассматриваемой орнаментальной композиции. В этот период произошло наложение иконографических традиций изображения деревьев со спиралевидными ветвями и рогов кошара, при этом возобладало новое направление осмысления, хотя на протяжении довольно большого периода можно предполагать амбивалентность этих двух тем. Этот процесс не был закончен полностью к новейшему времени, о чем говорят приведенные выше реминисценции из области народного сознания, а также сам орнамент, сохранивший эту композицию как центральный элемент декоративной системы.

Токтабаев А. У.

ЖЫЛҚЫ АУРУЛАРЫН ЕМДЕУДІҢ ХАЛЫҚТЫҚ ТӘСІЛДЕРІ

Төрт түлік ауруларын емдеудегі казактың халық ветеринариясы мамандардың назарын ежелден аударып келе жатыр (Ибрагимов М., 1890). Басқада көшпелі халықтардың өміріндегі сияқты жылқы түлігінің ролі ерекше болғандықтан; жылқыны емдеуде казак өмірінде ерекше мән берілген. Ел ішінде жылқы ауруларын емдейтін — оташыларды, аттың сынған, буыны шыққан жерін салатын — сынықшыларды қа-дірлеген. Мал ауруларын классификациялап халық ветери-

нарнясының сап-салалы қызметін жан-жақты ашып көрсеткен Х. Аргынбаевтың белгілі монографиясындағы бір бөлім осы тақырыпқа арналған (Аргынбаев Х., 1969). Бірақ соңғы уақытқа дейін халықтық емдеу тәсілдері түлік-түлікке бөліп қарастырылмағандықтан, біз жылқыны емдеу жолдарын экзопедиция кезінде жинаған материалдарға сүйене отырып жаздық.

Жылқыда болатын жұқпалы індеттердің бірі — маңқа ауруы. Ауырған малды емдеу үшін өріске жібермей әбден жазылғанша қолда ұстайды. Маңканың өзі үш түрге бөлінеді. Ауру ошағының орналасуына сәйкес індет өкпе (көкірек маңқа), танау (боз маңқа) және тері маңкасы. Алғашында ауру жылқыны қатты қинап келіп, суық сумен шомылдырып тап асырады. Мұнан соң әр танауына қарандыздың кепкен тамырын тығып қояды. Біраздан кейін қарандыздың нісіне түншыққан жылқы қатты пысқырады, танаудағы барлық ірің сыртқа шығады. Әдетте мұндай емді 2—3 рет қайталайтын (Автордың материалдарынан). Мандамды емдеудің өте сирек кездесетін бір тәсілін Талдықорған облысының жылқышы Базарбаев Мырзатай былай көрсетеді. Ауырған жылқының аузын кере ашып, тілін тартып тұрып, басы мен құйрығының ұшы кесілген жыланды екіге бөліп жұтқызып жібереді. Болмаса жыланды шөлке орапта жегізетін болған. Жылқышының айтуынша маңканы бұлай емдеу ауру малдың жылдам сауығып кетуіне кепіл болады деседі (Автордың материалдарынан). Жалпы жыланмен мал ауруларын емдеу қазақ емшілері ежелден пайдаланған. Осындай бір жылан терісі ауру жылқыны емдеуге қолданылған. Ленинградтағы этнография музейінде сақтаулы тұр. Маңқа болған аттың тағы бір емдеу жолы танауына тиер-тимес етіп тірі құрбақаны, аттың кекілінен байлап қою тәсілі бар. Құрбақаның өзінен, пішінен сескенген жылқы түшкірінің мұрнындағы қанды ірің ағады (Автордың материалдарынан).

Жылқыда кездесетін індетті жұқпалы аурулардың бірі — мандам. Ауруға көбінесе терінің жиі жарақаттанатын жерлері шалдығады. Алдымен бұл жерлерде бірен-саран қап-қатты түйіншектер сол тамырлатын бойлай қаптап кетеді. Бірнеше күннен кейін олар іріңдеп жұмсарады да үстіндегі жұқарған теріні жарып ірің шығады. Жарадан ақ-сары қою ірің ағады. Емдеуі: тотиянды шала күйдіреді, айнақ түсті болады. Жара-

ның пайда болған жерлерін тауып, атап айтқанда әр түйіртпектің сыртын кесіп ішіне тотиян салады. Осылай етіп емдеуді әр 3—4 күн сайын, соңырақ бір апта сайын қайталап отырады. Жылқы 1,5—2 ай ішінде жазылып кетеді. Аурудың белгілері ең алғаш біліне бастағанда қарсы қолданылатын шаралардың бірі желісін кино болып табылады. Бұл үшін мандам желісі деп аталатын түйін салатын оң тамырды жылқының танауын тіліп жіберіп ақ тамырдың өзін кесіп тастайды (Автордың материалдарынан).

Жылқыда кездесетін тері ауруларының бірі — «қыршаңқы» дейді. Қыршаңқы көбінесе алдымен жылқының қапталынан және жаяның үстінен басталады да, малдың жүні сиреп, реңсізденеді, қайызғағы бүркырап тұрады. Алдымен қыршаңқы болған малды жеке бағып, емшілер сүйектің қыздырылған майын жағады. Немесе қайыңның майымен көдімгі майды араластырып, темекінің суымен ыстық күлдің қоламтасымен емдейтін болған (Добросмыслов И. И., 1894).

Локкы — деген ауру көбінесе жылқының шоқтығында, болатын іріңдеп кететін жара. Емшілер жараны ортасынан өткір пышақпен тіліп, іріні ағызып, екі жерден жылқының қылын салып тігіп тастайтын болған.

Қалған ірің өткізілген қыл арқылы ағып тұрады. (Автордың материалдарынан).

Аттың ақсауы көбінесе шауып келіп қоя салғандықтан, аяғына қап ұйып қалады. Оташылар тобықтың екі жағындағы екі күре тамырды өткір бөкімен шауып жібереді, сонда 4—5 литрдей қап ағып, ат сауығып кетеді. Жетісу қазақтары ақсаған аттың аяғын адамның зәрі сіңірілген құрым киізбен орап тастап, аяғын басқанша киізге адамның зәрін құйып отырады. Информаторлардың айтуына 1,5—2 аптаның ішінде аттың аяғы жазылады дейді (Автордың материалдарынан). Табанындағы жүрегі өсіп кетсе майтабан болып ақсап қалады. Бұны емдеу үшін жүрекшені қатты тұяқпен бірдей болғанша жонып тастайды.

Тегене — бауыры үлкейіп ісіп кетеді. Ісіген жеріне тегенені не қазанды отқа қыздырып байлап тастайды. Сөйтіп үш рет қайталайды.

Жылқының көзін шел басып көрмей қалғанда, емішілер көздің қабын иімен шапшып бері шығарып алады да, соңан соң ар жағындағы шеміршекті бәкімен кесіп сылып алып тастайды.

Аяғын шұңқырға тығып алып, ортан жілігі шығып кеткен атты атбегі Сайдрахманов Нұртайдың қалай емдегенін көзімізбен көрдік. Алдымен аяғы шыққан атты жерге жығып басын қатты тартып тұрып қазаққа байлайды. Үш аяғын мықты жіппен түйіп байлап тастайды. Ортан жілігі шыққан артқы аяқты екі қарулы жігіт шашаусынан бар күшімен тартып тұрып, биіктігі 1,5—2 м қазықтың түбінен шамасы 1 м биіктіктен байлайды. Байланған арқан тырсылдап домбыраның шегінде болуы керек. Бір жігіт 7—8 кг бөрене ағаш, немесе келсаппен ұрады. Ұрып кеп қалғанда жамбастың аяғында тұрған адам қолымен сырт еткізіп ортан жіліктің басын салып жібереді. Аттың басын аяғын шешкенде аяғын ауырсына басып кеткен жылқыны көрдік. Белгілі атбегі мұндай операцияны бірнеше рет жасағанын айтты. Тек буыны орнына түскен атты артынан ауырған жері мүлдем жазылу үшін бірекі ай қоя беру керек.

Жайсыз ерттегендіктен мініліп жүрген жылқының кейде арқасы кетеді, яғни ер батқан жері ісініп, жауырға айналады. Қазір Қазақстанның барлық жерлерінде кавалериялық жатаған ерлер қолданылатындықтан аттың арқасы жылдам жауыр болады, арқаға тигіш болады. Дәстүрлі қазақы ердің бір ерекшелігі ешқашан аттың арқасына тимейді. «Алтын ерің аттың арқасына тисе, алтының алда отқа жақ», — дейді қазақ малшы.

Жауырдың үлкен-кішілігіне, ауыр-жеңілсіне, асқынған асқынбағанына қарай — қызарған, домбыққан: жалақ жауыр, жайдақ жауыр, жүн жауыр, мандам жауыр, өлетсіз жауыр, өлетті жауыр, ірінді жауыр тәрізді атаулармен айтылады.

Емі: өлі етті сылып алып тастайды. Одан соң резинаның күлін салады. Жайдық жауырды сабындап жуып, резинаның күлін себеді. Басымен үйкеп соғып тастамас үшін, мойнына «кескек» байлайды. «Кескек» дегеніміз төрт ағаш ромбы тәрізді, аралары қайыс баумен бекітіледі. Аттың мойнына камыт сияқты кигізіледі.

Қорыта айтқанда қазақ халқының жылқы емдеу тәсілдері бай. Көпшілігі әлі күнге дейін қолданылады. Халық ветеринариясын зерттеу тек ғылыми маңызды ғана емес, таза практикалық мәні де зор.

Толесубаев А. Т.

СИНКРЕТИЗМ КАЗАХСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

(На примере демона албасты)

В казахском пандемонизме можно выделить следующие демонологические персонажи: албасты (марту), дию (дау), жып шайтан, біліс, жалмауз кемпір (мыстан кемпір), жез тырнак, Обр, Уббе, сэрель, көнаяк, күлдіргіш, еге (домовой).

Одним из архаичных и широко распространенных демонов у казахов является албасты. Казахи, как и все среднеазиатские народы, албасты представляют в образе женщины с большими, длинными грудями, лохматых косами. Албасты в особенности страшна для рожениц. Во время родов она нападает на роженицу, наваливается на нее и давит огромными длинными грудями. С этим и связывают потерю сознания женщины во время родов. В таких случаях в родильное помещение входит баксы или батыр и бьет плетью вокруг роженицы словами: «Кет бөлекет, кет бөлекет», затем, обращаясь к роженице, приказным тоном произносит: «Албасты басып жатырма, түр!» — «Вставай, албасты что ли тебя давит!».

Среди казахов широко распространено поверье, что женщина (роженица) умирает, если албасты успеет проникнуть к ней, вынет у нее легкие (часто и печень) и бросит в воду (Мироппев М., 1888). Приведем следующую легенду. Батыр Кабанбай гостил у своего «тамыра» (приятеля). В эту ночь как раз рожала сноха хозяйина дома. Роды затянулись, женщина потеряла много сил и упала в обморок. Это явление все приписывали действию албасты. На помощь позвали батыра. Выйдя из юрты, Кабанбай якобы крикнул: «Ох, унес» (экетті-ау) и, миглом сев на коня без седла, поспежал. Примерно через полтора часа (ет пісірім уақыт) батыр вернулся с печенью в руке, которой он несколько раз ударил роженицу, последняя пришла в себя, и в это же время послышался звук появившегося ребенка.

Считается, что албастаны боятся определенных категорий людей — баксы, муллы, батыров, кузнецов — и показывается она только этим людям. Известный исследователь Кустанаев Х. подчеркивает, что албастаны могут видеть только люди с аруахами (Кустанаев Х., 1884). В народе верили, что албастаны боятся ружья, сабли, нагайки.

По одной из легенд, албастаны к роженице приходят в образе козла, вынимают у нее печень. Мужчины аула силой заставляют албастаны вернуть печень роженице, после чего женщина снова приходит в сознание (Мироппев М., 1888).

У Кастанье есть сведения, что одну девушку каждую ночь давили, душили две албастаны. Родители девушки обращались к баксам и мулле, но бесполезно. Однажды гость этого дома ночью проснулся от шепота двух албастаны и убил их на месте. По поверью казахов, отмечает Кастанье, «гость же убил албастаны... при посредстве керемети» (Кастанье И., 1912).

Интересно привести рассказ Мироппева о Молжигит баксе, который увидел белую длинногрудую собаку с печенью во рту. Баксы, сразу поняв все, взял кобыз, начал петь и играть:

Эй, албастаны залым,
Салшы өкпепі орнына
Жанын берші бишараның колына
Тындамасаң сөзімді,
Сыламасаң өзімді,
Алармын ойып көзіңді,
Жоқ қилармын өзіңді

Эй, коварный албастаны,
Верни печень на место,
Верни бедной душу.
Если не послушаешься,
Если не уважась,
Выколю глаза твои,
Уничтожу тебя.

Тогда албастаны вернул печень роженице (Мироппев М., 1888).

Местом обитания албастаны считалось безлюдное место, развалины старых построек, старое ореховое дерево, крутой, обрывистый берег реки. Она именно в таких местах ждала молодых женщин. Встречала очень приветливо, притворялась слабой и беспомощной. Обычно просила помочь вычистить или помыть ей волосы. От прикосновения к ней, особенно к ее волосам, молодая женщина могла заболеть. Ей во сне снилась эта старая ведьма, которая запутывала ее длинными волосами (косами), давила огромными грудями. Как самым злокачественным, так и самым уязвимым местом албастаны считалась ее длинная лохматая коса. Считалось, что ее можно победить,

только схватив за волосы. Есть сведения, что физически сильные, смелые люди таким образом ловили албастаны и держали их в подчинении.

По описанию Н. Иванова, албастаны всегда живут с людьми и вредят им во время сна: садятся на грудь, душат и сосут кровь (Иванов Н., 1899). По данным И. Кастанье, албастаны появляются в образе кошки, козла и пр., но чаще в образе мальчика и девушки с огромными грудями, закинутыми через плечо на спину, голые, косматые (Кустанаев, 1894). А. Диваев сообщает, что у албастаны 70 грудей (Диваев А., 1897).

По характеристике Пояркова, албастаны — злой дух рожениц, наиболее подходит к ведьме, живет в логах и ярах. Албастаны представляют в образе женщины высокого роста, с большой головой и большими грудями, доходящими до колен; пальцы рук окружены длинными и острыми ногтями, волосы очень длинные и спускаются до земли (Поярков Ф., 1891).

По сведениям муллы Мечнева, иногда албастаны появляются в образе человека с одним только глазом среди лба (Кастанье И., 1912). По народным сказаниям, встречающимся у Ч. Валиханова, можно заключить, что одноглазыми были царь албастаны (Валиханов Ч., 1984).

Казахи, как и киргизы, различают два вида албастаны: сары албастаны (желтый албастаны) и кара албастаны (черный албастаны). По описанию Х. Кустанаева и сообщению наших информаторов, эти два вида албастаны различаются как по своему отношению к людям, так и по своему характеру. Сары албастаны — ужасная хитрюга и обманщица. Иногда она дает человеку обещание оставить его в покое и держится подальше от него, но ищет удобный случай повредить. Кара албастаны или просто «кара» хотя и редко преследует человека, но гораздо опаснее. Она редко вредит человеку, но если навредит, то только в самых редких случаях можно отстранить ее пагубное влияние (Кустанаев Х., 1894).

В казахском языке есть изречение «кара басу», т. е. буквально «оставаться под давлением «кара», где под словом «кара» понимается кара албастаны (иносказательная, сокращенная форма). Когда женщины умирают от трудных родов, говорят «задавила кара» (Кустанаев Х., 1894). По некоторым сообщениям, кара албастаны не в силах победить даже муллы и баксы (Мироппев М., 1888).

Победу над царями кара албасты, закованными с ног до головы в сплывшее железо, могут одержать только самые сильные шаманы, как Қойлыбай (Валиханов Ч. Ч., 1984).

По поверьям казахов, у кара албасты глаза круглые и большие; отличительное свойство их то, что они не мигают. У некоторых из них только один глаз. Кара албасты в большинстве случаев — женщина довольно страшного вида с длинными волосами и большими грудями, которые в концах разделяются на шесть сосков (Кастанье И., 1912).

В религиозном мировоззрении казахов одним из подобных албасты демонологических персонажей является марту. В этнографической литературе между определенными албасты и марту ставился знак равенства (Кустанаев Х., 1894; Кастанье И., 1912). Наши информаторы различают их и считают марту намного более сильным и опасным: если он навалится на роженницу, то давит ее в течение семи дней, что в большинстве случаев кончается смертью роженницы. По своим другим характеристикам марту не отличается от албасты.

В связи с албасты только у казахов известно поверье, что этот демон кроме нанесения вреда во время родов может подменить ребенка. Вероятно, в связи с этим поверьем у казахов осталось изречение: «албасты тастап кеткен» (оставленный албасты), «албастының қаны» (потомок албасты). Поэтому в первые дни для ребенка и роженницы устраивали «шілдехан» или «шілде күзет», смысл которых заключался в ритуальной охране от албасты и других злых духов.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в верованиях, связанных с демоном албасты, имеют место характерные черты, свойства дино (например, одноглазость, большая голова, огромное телосложение), джина и пери (сказания о царе албасты), жалмауыз кемпір (внешний вид по многим описаниям), жез-тырнак (длинные острые ногти). В свое время Ч. Валиханов отмечал: «Албасты — дух, вредящий при родах. Их называют также джезтырнак. Их глава — сорель...» (Валиханов Ч. Ч., 1984). Думается, известный знаток казахской культуры тонко подметил синкретический характер этого демонологического персонажа.

Если мы бросим общий взгляд на границы распространения названия злого духа албасты, то заметим, что она охватывает территории от Монголии до Германии, от Поволжья до Турции и Ирана. Албасты у народов отмеченного региона

имеет следующие названия: казахи — албасты; киргизы, узбеки — албарсты; таджики — албасты, алмасти, абарси; апа-толийские турки — албасты; крымские армяне — албасты; марийцы, удмурты, чуваш, татары, башкиры — албаста или албасты; алтайцы — албыс; телеуты — алмыс; монголы — албин; пенцы — албрина.

Из области народных верований именно демонологические представления наиболее подвижны. Они часто в виде легенд, мифов и сказок передаются из уст в уста, нередко легко переходя из одних этнических и культурных границ в другие.

Таким образом, полисемантическая некоторых демонических существ, видимо, объясняется тем, что «их функции переходили от одного образа народных верований к другому в результате многовековых взаимовлияний, а также в результате разложения, деформации представлений» (Сухарева О. А., 1975).

Генезис этого демонологического персонажа пока трудно связать с определенными этнокультурными традициями. Исследователь этнографии таджиков М. С. Андреев на основе семантического анализа названия этого демонологического существа приходит к предположению о его иранском происхождении (Андреев М. С., 1953). Известный исследователь О. А. Сухарева тоже склонна к этому мнению (Сухарева О. А., 1975). Нам трудно сказать что-либо определенное в подтверждение или опровержение данной точки зрения. Хотелось бы только заметить, что столь широкое распространение этого демонологического персонажа, безусловно, говорит о его арханке. Кроме того, этот злой дух в широком плане распространен именно в тюркской культурной среде. И, наконец, в верованиях и мифологии казахов этот злой дух как ни в одной культурной среде присутствует в трех разновидностях, в трех качествах: кара албасты, сары албасты и марту, что, несомненно, говорит о его глубокой традиции.

Тоқтабаева Ш. Ж.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ МАТЕРИАЛА В КАЗАХСКОМ ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ

Особенностью произведений народного ювелирного искусства является их полифункциональность. Предметы сочетают в себе в синкретическом единстве практическое, эстетическое, праздничное, обрядовое, идейно-смысловое значение

ния. Казахские женские украшения в XIX—начале XX вв. выполняли магико-религиозную, этнознаковую функции, а также отражали возрастные, имущественные и территориальные различия.

Как показывают полевые материалы, смысловым значением наделялась вся структура ювелирного изделия: его форма, целиком или в деталях, материал и орнамент. Сложна символика материала: камней, металла, натуральных. Вставки из камней в украшениях именуются у казахов словом «тас» (камень) или «көз» (глаз).

Последняя метафора отнюдь не случайна, так как камни, вставленные в украшения, осмысливались в традиционном представлении как всевидящее стерегущее око и наделялись охранными свойствами так же, как и чеканный «глазковый» узор, имеющий семантическую параллель у многих тюркоязычных народов. Сердолик, бирюза, коралл, жемчуг и перламутр издавна в сознании народов Востока обладали всевозможными магическими и лечебными качествами. Сохранились средневековые трактаты по минералогии, где перечислены чудодейственные качества камней.

По сведениям казахов, сердолик ограждает от сглаза, жемчуг лечит бельмо, а янтарь — зоб, коралл оберегает от порчи, наговора, перламутр защищает от языка и одновременно способствует жизненному благу, бирюза приносит счастье и т. д. (п. м. 1980 г.). В качестве оберега широко используется у казахов сердолик, часто имитируемый пастой, стеклом, смальтой. Аналогичное значение сердолика устанавливается также у узбеков (Борозна Н. Г., 1925; Сухарева, 1982) и кавказских ногайцев (Гаджиева С. Ш., 1981).

Такой же популярностью в традиционном казахском быту пользуется перламутр, пристрастие к которому, вероятно, связано с лунарным культом. Многие женщины старшего возраста объясняли свою симпатию к перламутру тем, что в нем, как и в серебре, содержится частица лунного света. С представлением о магических качествах перламутра связан, по-видимому, обычай «тана тагу», распространенный на юге Казахстана. Суть этого обычая состоит в том, что если женщина подарит ребенку, оказавшемуся в ее доме или рядом, перламутровую бляху «тана», то родители в ответ обязаны устроить небольшое пиршество с приглашением дарительниц

или либо принести ей мясное угощение. Этим обычаем удобно было воспользоваться в моменты занятости какой-либо важной и трудоемкой работой, например ткачеством. Вместо перламутровой бляхи могли пристегивать кисточку из шнуров, кость бараньей грудники (которые относятся к разряду магических предметов) не только ребенку, но и юноше, мужчине. Взрослым помимо всего этого могли засыпать в карман первый снег, что в шутку приравнивалось подношению бараньей грудники «тёс тактык» (п. м. 1980 г.).

Как сообщает А. А. Диваев, положительная роль камней была отражена и в казахских приметах: если во сне найдешь коралл, жемчуг, значит, дом не покинет изобилие (Диваев А. А., 1901). Предзнаменованием богатства считается также увидеть во сне серебро (п. м. 1980 г.), обладающее в традиционном сознании очистительным и магическим свойствами. Помимо всего прочего, в воду для купания сорокадневного ребенка бросали серебряные монеты со словами «баланын кунн кумистей жарык болсын» (пусть дни ребенка будут светлыми как серебро). Интересная параллель в аспекте магического значения серебра прослеживается у монголов: «... во время поклонения озерам с береговых скал бросают в воду серебро и хадаки» (Потанин Г. Н., 1881).

Тот факт, что казахские украшения изготавливались, в основном, из серебра, объясняется не только его доступностью, но и, надо полагать, этническими мировоззренческими установками. В отдельных областях Казахстана, по народным поверьям, определенными магическими свойствами наделяется также и медь. Так, например, существуют два варианта казахской поговорки: «Тамак адал болу үшін, колда жузык болу керек», «Тамак адал болу үшін, колда жез болу керек» (Чтобы пища была чистой, на руке должны быть перстень или медь).

Защитной силой казахи наделяли также натуралли — наиболее древние формы амулетов, восходящие к эпохе неолита. В качестве оберега используют астрагалы, пучки овечьей и верблюжьей шерсти, что представляет особый интерес, так как может быть связано с пережитком идущих с глубокой древности тотемических представлений: культ барана, верблюда и их магическая сила прослеживаются в устно-

поэтическом творчестве казахского народа, в народных обычаях и поверьях (Турсунов Е. Д., 1973; Аргынбаев, 1975).

Сильными амулетами признавались голова, когти и перья филина. Пучки перьев филина с целью охраны подвязывали к колыбели, шее молодняка скота (верблюжонка, жеребенка, ягненка), пришивали на детскую одежду, настенные ковры «тус кинз» и образовывали из них султанчики почти для всех типов головных уборов, а также подвязывали их к домбре, чтобы оградить от сглаза акына. Пучки перьев филина в качестве оберега используются также у киргизов (Абрамзон С. М., 1978), узбеков (Сазонова М. В., 1970). Когти филина подвязывались также к колыбели, а оправленные в серебро украшали головные уборы, детские и девичьи камзолы. Стилизованное орнаментированное изображение головы совы часто воспроизводят серебряные бляхи и пряжки от наборных кожаных поясов.

Сова осмысливалась казахами двойственно. С одной стороны, она воспринимается как представитель негативных сил (Диваев, 1901) и поэтому считается способной противодействовать отрицательным явлениям, поскольку зло, причисляя ее к своему разряду, не причиняет ничего дурного тому, кто ею обладает. С другой стороны, сова обожествляется. «Амулеты из перьев и ножек совы, — пишет Р. Карутц, — особенно трудно получить, так как сову не стреляют, считая ее священной птицей» (Карутц Р., 1910). Вера в защитные качества птиц и их изображений, символизировавших оплодотворяющую и очищающую силу солнца, восходит, очевидно, к очень древним временам.

В силу своего магического значения пучки перьев филина «уки» образно приравнивались к материальному эквиваленту в свадебном церемониале. Так, например, сваты в качестве «уки» преподносили родителям невесты барана и деньги, а к головному убору невесты прикалывали пучки перьев филина «уки». Кроме этого, сваты дарили невесте какие-либо украшения, чаще серьги, после чего она считалась уже засватанной, т. е. подаренные украшения и перья филина являлись своеобразным знаком, отмечающим тот факт, что девушка засватана — «ен тагып кеттик», «уки тагып кеттик».

Аналогичное представление связано у казахов и со змеей, хотя здесь не исключается основа и тотемическая (Турсунов

Е. Д., 1973). Раковины каури, названные «жылан бас» (змеиная голова), также считаются действенным оберегом, их пришивают к детскому костюму, на девичьи камзолы, нагрудники, подвязывают к колыбели. Со сходным значением раковины каури бытуют также у узбеков (Сазонова М. В., 1970) и других народов Средней Азии.

Чудодейственной силой, приносящей добро и благоденствие, наделялись финиковые косточки, часто оправленные в серебро и используемые как подвески и пуговицы. Особо ценятся косточки, привезенные якобы из Мекки (п. м. 1981 г.). Здесь, вероятно, мы сталкиваемся с реликтовой формой анимизма. Культ священного дерева существовал вплоть до недавнего времени. Еще в начале нынешнего века по традиции клятву или правдивость слов казахи подтверждали обломанной веткой дерева (Диваев, 1901). На магическом дереве возле целебных источников можно и в настоящее время видеть оставленные людьми лоскутки ткани. Обращение к природе как священному объекту поклонения распространено также в Средней, Центральной Азии, Южной Сибири (Абрамзон С. М., 1978). О пережиточных формах культа природы у казахов XIX в. писал Ч. Ч. Валиханов. «Все необыкновенные явления природы считают за места священные... Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенными кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевки. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит в жертву животных или навязывает гриву лошадей» (Валиханов Ч. Ч., т. I, 1961).

Согласно представлениям казахов, припятствовали дурному влиянию злых сил оправленные в серебро керамические пуговицы чаще коричневого, черного цветов. Семантическое значение керамических пуговиц, связанное, очевидно, с образом земли, имеет очень древние корни: именно магической природой, видимо, можно объяснить массовое распространение у египтян V—III тыс. до н. э. керамических бус, несмотря на наличие множества драгоценных камней. (Кинг Х. А., 1976).

О ГЕНЕЗИСЕ НАСТЕННЫХ РИСУНКОВ В МАВЗОЛЕЯХ КАЗАХСТАНА

Ходжаев М.

Одним из своеобразных элементов декора ряда казахских мавзолеев являются фрески, изображающие бытовые, охотничьи, военные сцены, различные предметы (Тереножкин, 1938). Можно выделить две группы мавзолеев с фресками. Первые — с изображениями различных предметов: сабли, копья, пилы, самовары, пояса и т. д. в большинстве памятников Западного Казахстана (Кастанье, 1958; Мендикулов, 1957).

Мавзолеи с сюжетными изображениями, иногда вместе с рисунками бытовых предметов, распространены на территории Южного Казахстана (Тереножкин, 1938). К этой группе относился ныне не существующий мазар волостного правителя на кладбище Коркыт, описание внутреннего декора которого оставил Кастанье: «Сцены из пастушеской жизни представляют покойного то верхом на лошади, то на верблюде, то окруженного своими сородичами... Справа налево: два на-ра (одногорбые верблюды), группа верблюдов и лошадей, всадник, может быть, сам покойный, который с уздечкой в руке говорит с женщиной (быть может, с женой). Рядом с нею стоят несколько детей. Оба они одеты по-киргизски, как и вся свита, состоящая из всадников, всего человек двадцать» (Кастанье, 1958).

Каковы функции фресок?

Несомненно, что сюжетные фрески в мавзолеех — это рассказ о жизни погребенного. На назначение изображений различных предметов существуют различные мнения. Согласно Вострову: «Запрещение класть к умершим оружие, посуду, т. е. вещи, которые окружали его при жизни, послужило в конечном итоге толчком для изображения этих вещей на стенах надгробия» (Востров, 1959). Муканов М. также связывал эти рисунки с культом загробной жизни (Муканов, 1979). Карелин считал, что «они служат вместо надписей, представляя звание или ремесло покойного» (Свидин, 1975). Блинский А., вместе с аксакалом осмотревший многие мазары, пришел к выводу, что народные мастера «не стремились к совершенству в изображении, они ставили перед собой иную

цель — ознакомить каждого, посещавшего мавзолей, грамотного и неграмотного, с биографией и доблестными качествами покойного» (Блинский, 1973).

На наш взгляд, рисунки предметов в мазарах представляли своеобразную пиктограмму о жизни покойного, т. е. они, как и сюжетная роспись, давали информацию о деяниях и богатстве погребенного.

Почему, говоря словами Кастанье, «жизнь покойного вопреки магометанскому закону воспроизведена художником?» (Кастанье, 1911). Где истоки мавзолеевых фресок?

Басенов Т. видел здесь влияние русской культуры (Басенов, 1957). Кастанье И. предполагал, что «эти рисунки — лишь отдаленное эхо фресок, которыми украшались могилы в древности» (Кастанье, 1911). Интересную информацию о рисунках в поминальных постройках знатных тюрков дают китайские источники. В хронике Суйшу говорится: «у могилы из дерева ставят дом. Внутри его рисуют облик покойного, а также военные подвиги, совершенные при жизни» (Альбаум). Другое сообщение: «Император приказал иссечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его: на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличною работой, чего в тукюеском государстве еще не было» (Бичурин, 1950). При раскопках погребальных храмов тюркских каганов найдены фрагменты росписей (Федоров-Давыдов, 1976).

Примечательная информация о фресках есть в «Манасе», сложение которого относят к древнетюркскому времени. 59 строк эпоса посвящено описанию настенных росписей мазара Манаса (эпос «Манас»).

Таким образом, письменные источники, археологические изыскания, фольклорный памятник свидетельствуют о наличии в погребальных сооружениях древних тюрков сюжетных росписей, сообщающих о деяниях покойника. Здесь наличие генетической связи между рисунками казахских мазаров и фресками погребальных построек древних тюрков. Распространение ислама среди тюркской знати, переход после нашествия монголов политической власти к чингизидам, несомненно, ограничило круг мавзолеев с фресками, сказалось на качестве рисунков. Этим можно объяснить схематичность до-

шедших до нас рисунков, преобладание изображений различных предметов над сюжетными росписями, отсутствие фресок в мавзолеях высшей знати.

Щербик Г. А.

БУХТАРМИНСКИЕ ПОЯСА

Чисто народным искусством является изготовление тканых узорных поясов. Такие пояса были широко распространены в селениях русских крестьян—старожилов Восточного Казахстана, которые ранее входили в волости: Верх-Бухтарминскую (Катон-Карагайский район), Бухтарминскую, Нарымскую (Зыряновский, Большенарымский районы), Бобровскую, Александровскую, Владимирскую, Риддерскую (Глубоковский, Шемонаихинский районы). Бытование поясов в этих местах с 60-х годов XVIII в. объясняется ранним русским заселением Верхнего Прииртышья.

Отрывочные сведения о бухтарминских поясах, как неотъемлемой детали крестьянского костюма, содержатся в трудах ученых, посетивших верховья Иртыша в XIX в., — С. И. Гуляева (1845), Н. М. Ядринцева (1878), М. В. Швецов (1899). У авторов краеведческих публикаций упоминается о тканых поясах — Е. Ф. Шмурло (1907), Б. Герасимова (1911), Г. Д. Гребенщикова (1911), А. Е. Новоселова (1915). Единственную общую характеристику бухтарминских поясов находим в материалах комплексной экспедиции Академии наук СССР по северо-восточной части Казахстана в 1927 г. в статье Е. Э. Бломквист (1930). Краткие сведения о поясах имеются в этнографических исследованиях последних лет — А. А. Лебедевой (1981), Л. М. Русаковой (1983, 1985), Е. Ф. Фурсовой (1985), О. Н. Шелегиной (1985).

В этнографической коллекции Восточно-Казахстанского музея хранится 160 поясов второй половины XIX — начала XX вв. Все они собраны в старинных селах края, возникших еще в XVIII в. в долине р. Бухтармы и ее правых притоках, а также в междуречье Ульбы и Убы. За 1978—1988 гг. в пяти районах Восточного Казахстана автором путем подворного обхода обследовано 32 села с целью сбора материала по художественному творчеству русских крестьянок.

Общезвестно, какое важное значение имеют пояса, являясь не только утилитарной и декоративной, но и ритуальной принадлежностью быта. По словам старожилов, роль поясов в старину была многозначна. Они являлись обязательной принадлежностью крестьянского костюма («без пояса грешно ходить»). Особо украшались свадебные пояса, так как пояс служил «на девиннике» подарком жениху, родственникам; отметкой для «дружики», украшением свадебной расписной дуги; являлся составной частью приданого («в приданое давали от 10 до 30, а то и 40 поясов», «к каждой парочке был свой пояс, у самых бедных 10 парочек и 10 поясов, у богатых 20—30 парочек, а значит, и поясов»). Пояса были необходимы в ритуале родни («окрестив, давали пояс»), во время похорон (пояс входил в комплекс «смертной» одежды: «давали за помин души»).

Сам процесс изготовления поясов был полон сакрального смысла, его орнамент становился символическим. Архаичные геометрические знаки, изображения антропоморфных фигур, «громоотводных» стрел, тексты воскресных молитв и церковных песнопений — благодаря всему этому бухтарминские пояса выполняли своеобразную магическую роль оберега.

Пояса музейной коллекции изготовлены из гаруса (132), из домашней крашеной шерсти (21), из льна (4), из шелка (3). По технике изготовления различаются тканые (147), вязаные (8), плетеные (5). Пояса длинные (138—340, чаще 250 см), шириной от 3 до 9 см. Самые широкие пояса (30—35 см) назывались опоясками, носились поверх верхней одежды. Пояса носились женщинами по сарафану, мужчинами — поверх рубахи, а широкие опояски — поверх верхней одежды. В крае пояса повязывали таким образом: «Один раз вокруг талии завернешь, а сбоку бантом завяжешь, кисти ниже колен, петельку большую сделаешь». Пояс завязывался с правой, но чаще с левой стороны. «От роста зависело, сколько раз на талии завернуть, опустив кисти чуть не до подола сарафана (информатор Другова Н. Г., 1908 г. рожд., со слов бабушки Сидоровой А. С., 1844 г. рожд., д. Шемонаиха). Примечательно, что в деревнях Межовке, Выдрихе, Шемонаихе в старину пояса называли «покримкой», как в Пермской, Воронежской губерниях.

Художественной особенностью поясов является четкий геометрический многоцветный орнамент, ритмично повторяющийся по всей длине пояса, бесконечно варьируясь в каждом новом изделии. В изготовлении поясов можно отметить сохранение ряда архаичных черт: 1) технические приемы — тканье на «досточках», плетение, закладное и браное тканье; 2) цветовая гамма — одноцветность фона и узора, чередование цвета утка отдельными участками, преобладание красного цвета; 3) ограниченный набор мотивов геометрического орнамента («крюки» — кресты с крючками на концах, «репы» — гребенчатые ромбы и ромбы-меандры); 4) устойчивая структура по всей длине пояса. До сих пор бытуют различные местные названия прежних узоров на поясах: «поклопишному» ткан, т. е. «кругом нити лоптовочкой перебираешь»; «хитрый» узор или «узорчатый» пояс; «в елочку» или «ребрышком» ткан; «клубочком браный»; ткан «окошечком»; выкладная опояска из отдельных звенушек». Старожилы по характеру орнамента безошибочно определяют: «ромбы» — в Шемонаихе, «елочка» — в Малолюбинке, «крюки» — в ясачных деревнях.

Локальное своеобразие проявляется в различных приемах орнаментации и в украшениях концов поясов. Это видно из порайонной характеристики изделий.

Бухтарминские пояса изысканны, сдержанны, чаще двуцветны (красно-зеленый, коричнево-красный, желто-красный). В орнаментации преобладают гребенчатые ромбы (от 2 до 10 лучей по каждой стороне), часто внутри крестовидная фигура и крючковатые кресты (от «четырех» — до «двадцатикрюшной» фигуры), которые на широких поясах компануются поперечными полосами. Концы заканчиваются бахромой из нитей основы, которую иногда скрепляют в ряды треугольников или ромбов.

Отличительной чертой поясов Зыряновского района является многоцветность (от 4 до 8 цветов). В орнаменте преобладают концентрически вписанные ромбы (от 3 до 5), а также почти на каждом поясе наблюдаем в тканье чередование утка отдельными участками (11, 17, 23—35, 37 участков). Кисти пришитые, пышные всевозможные. Делались кисти «колокольчики» из 2—3 разноцветных петельчатых рядов,

иногда скрепленных в «клетку». На отдельных поясах встречаются нашивки из тесьмы, ткани, на концах кистей закрепляли бисер.

Изделия мастериц Глубоковского, Шемонаихинского районов очень нарядны, «накищенные», с полихромным простым ромбическим и меандро-ромбическим узором. Дополнительную красоту поясам придают сложные составные кисти, которые состоят из 2—8 петельчатых рядов, закрепленных «кошпичкой», «плетешком», пуговицами. Причем каждая пуговица заключена в круглый ободок из гаруса, являясь сердцевиной своеобразного цветка. В отделке широко использованы пуговицы, мелкий бисер, стеклярус, шерстяные шаррики.

Есть в музейной коллекции три десятка поясов «именных», гарусных, тканых на «кружках». «Кружки» — деревянные, квадратные плоские дощечки с круглыми отверстиями на углах. Примечательно, что тканье поясов при помощи дощечек принадлежит к очень древним видам ткачества с широкой географией распространения. На двадцати «именных» поясах вытканы надписи, иногда сохраняя славянское начертание букв. Тексты-«словеса» различные по содержанию. Это имена мастериц: «Начинается работать сей пояс 1889 года июля 2 дня принадлежит девнице Томской губернии Бийского уезда Александровской волости деревни Выдрихи Авдотье Степановне Фоминых, носить не терять женихам кажить» (ВКОМ, ШФ КПО 2—789) или «Сей пояс ткала Матрена Максимова» (ВКОМ, КПО 8 — 1365). На одиннадцати поясах вытканы имена владельцев: «Сей пояс следует носить Ирине Прокопьевне Денисовой 1904 года 14 июня Барыня ты сударыня конец» (ВКОМ, КПО 1 — 188). Мастерицы обязательно ткали пояс на память детям: «На память сыну Якову Максимовичу носи этот пояс и помни мать родную ткала и плохо видела и было мне семьдесят лет» (ГИК XXIII—10 386). Пояс датируется 1920 г. Невеста обязательно готовила пояс жениху, часто с пожеланиями: «Суженый мой голубочек носи поясок — тому кто мил сердцу моему, лети завивайся» (ГИК — XX — 8934. с. Риддер. 1898 — 1900 гг.).

Среди текстов встречаются поговорки, строчки старообрядческой воскресной молитвы, набор слов с оберток торговых товаров. Следует отметить, что только на «именных»

поясах, которым в прошлом придавался особый магический смысл, встречены нами антропоморфные изображения, сильно геометризованные, подчиненные строгому линейному ритму. В фас представлены следующие фигуры: фигуры с ромбической головой, торсом из двух треугольников, руками-треугольниками, короткими ногами, данными в профиль; две геометризованные фигуры с одной общей или двумя головами-ромбами; две пары из двух противопоставленных фигур с треугольным торсом, с руками, согнутыми в локтях, опущенными вниз или поднятыми вверх; голова в одной паре ромбовидная с двурогим головным убором, прямые ноги развернуты в стороны.

Выделяются среди поясов шесть интереснейших экземпляров очень широких опоясок. Свадебные, яркой расцветки, тканые, плетеные, вязаные на спицах, с меандро-ромбическим узором опояски достигают в ширину 19—35 см, в длину 250—308 см. В старину считалось, «чем шире опояска, тем богаче хозяин». Стоили опояски дорого, очень ценились, так как «на изготовление одной шло до 4 кг гаруса. Носили опояски с длинными широкими суконными зипунами и «пестрегинновыми понитками», завертывая туго вокруг талии, разделенные пополам кисти подтыкали вверх и вниз».

Музейная коллекция позволяет характеризовать технико-художественные особенности поясов; исследовать распространенные виды, а также редкие образцы; провести аналогии сочетанию в изготовлении поясов северо- и южнорусских культурных черт (близость с Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской, Воронежской губерниями, с народами Прибалтики и Поволжья); выявить локально-региональные особенности русской художественной традиции.

АРХИТЕКТУРА

Аджигалнев С. И.

НЕИЗВЕСТНАЯ ШКОЛА КАЗАХСКИХ ЗОДЧИХ СЕВЕРНОГО ПРИАРАЛЬЯ

В ареальном отношении памятники Северного Приаралья являются своеобразной составной частью западноказахстанского архитектурно-мемориального комплекса — здесь распространены специфические малые формы камнерезных сооружений (стелы-кулпытасы, изредка надгробия), но отсутствуют характерные монументальные типы сооружений из опиленных каменных блоков, плит (шлемовидные мавзолеи, саганатамы и т. п.). Здесь кулпытасы создают оригинальный симбиоз с сооружениями формально иного типа — мавзолеями из жженого и сырцового кирпича. В настоящее время намечаются черты самостоятельной архитектурной школы Северного Приаралья эпохи позднего средневековья и нового времени.

Яркими образцами этой школы зодчества являются мавзолеи Оналбек-ата в комплексе Балгасын, Кошкар-ата на северо-восточной оконечности Устюрта: XVI (XVII?) — XVIII вв., мавзолеи-тамы XIX в — Жаныс, Байгабыл, Алмат, Кали, Назар в долине р. Иргиз, Карагул, Алдияр, Мусирәлі в Мугоджарах и др. Появление этой плеяды памятников не в последнюю очередь было связано с мощными традициями средневековой монументальной архитектуры региона. В Арало-Каспии непосредственными прецедентами являлись такие выдающиеся мавзолеи, как: «башня Балгасын (предположительно XIII в., сохранилась в развалинах), Абат-Байтак, Кызыл-там, Кесене (конец XIV—XVI вв.).

Рассматриваемая группа поздних памятников выделяется комплексом характерных признаков: в архитектуре — четкая пространственная концепция основного объема (четверик, впоследствии — восьмерик остова, граненый барабан, купол), оригинальное решение порталной части сооружения; в конструкциях — использование жженого кирпича (нередко в комбинации с сырцовым — массивы кладки), применение многоярусной системы переходов к перекрытию (ярусы тропов-парусов, ячеистых тропов); в текстуре — облицовка жженым кирпичом и оригинальное декоративное оформление (зачастую с использованием лекальных кирпичей).

По композиционно-планировочному принципу среди данных памятников можно выделить следующие типы мавзолеев: 1) центрические с остовом — четвериком (мавзолей Кошкарата, Оналбек-ата) либо восьмигранником (Жаныс, Карагул, Назар, Кемер); 2) портално-купольные с аналогичными основаниями: квадрат (Жалимбет-тамы), восьмигранник (Алдияр, Байгабыл-тамы); 3) портално-купольные со сложным входным тамбуром (нередко с поворотным коленом), соответственно: с основанием-четвериком (мавзолей Токбана, Мусирал, Нурсейита, Косамаи) и многогранником (6) — мавзолей Кали (Карттын-тамы); 4) многокамерные, как правило, прямоугольные в плане, с осевым делением на четыре либо три камеры (мавзолей Және, сырцовые тамы Есета, Дарибая) и с более сложной своеобразной структурой (Алмат-тамы). Следует отметить, что большинству этих типов соответствуют многочисленные сырцовые сооружения с более характерным для них округлым планом основания (уйтамы).

Генезис оснований изучаемой группы памятников довольно показателен. На раннем этапе (XVII—XVIII вв.) доминирует традиционный остов-четверик, но с XIX в. все большее распространение получает восьмигранное основание мавзолеев (реже шестигранные), что связано с влиянием образа жилища кочевников-казахов — юрты. Использование октагональной ротонды как основного объема памятника характерно для самобытной группы мавзолеев Иргизско-Мугоджарского района, среди которых выделяются выдающиеся образцы казахского народного зодчества XIX в.: мавзолей Жаныса, Карагула, Назара, Алдияра.

Достаточно типичен и своеобразен мавзолей Карагул, находящийся в 10 км к Ю-В от пос. Борлы Мугоджарского района. Это купольный мавзолей, сложенный комбинированной кладкой жженого (наружные части стен) и сырцового кирпича на глинистом растворе, без фундамента. На восьмиграннике основания покоится семнадцатигранный звездчатый барабан, ребра которого плавно переходят в сфероконический купол. В четырех широких вогнутых гранях барабана устроены световые окошки. Оригинально решение входа в виде небольшого тамбура с поворотным коленом в массиве западной стены сооружения. Характерно перекрытие четырехугольного центрального зала радиально-клинчатим куполом с удачным использованием глубоких угловых тропов. Переход к кривой купола подчеркнут декоративным поясом сырцовых кирпичей в виде цепочки треугольников. Стены интерьера оформлены глубокими стрельчатыми нишами, внутренние поверхности здания оштукатурены.

Своеобразны портално-купольные мавзолей Северного Приаралья, в частности, с выступающим входом-тамбуром. Поиски оригинальных композиционных решений народных зодчих этого периода хорошо иллюстрируются мавзолеем Кали- (Карттын-) тамы, расположенном на правом берегу р. Улы-Талдык. Памятник состоит из двух объемов: шестигранника с выступами на углах и примыкающего к нему с Ю пятикамерного тамбура со входом в него с западной стороны. Средняя камера портала соединена сводчатым проходом с основным залом. Первоначально камеры входного коридора перекрывались куполками. Купол над залом радиально-клинчатой конструкции, облицован снаружи жженым кирпичом трапецевидной формы. Несущие элементы сложены комбинированной кладкой жженого и сырцового кирпича, оштукатурены известковым раствором в интерьере. В камере сохранились следы трех захоронений, снаружи у западной стенки установлен кулпытас. Характерно оформление шестигранника поверху поясами фигурно уложенных и лекальных кирпичей. Своеобразны фигурные пояски в интерьере, дополненные орнаментальными и сюжетными фресками, среди которых выделяется ритуальная орнаментика (древо жизни и т. п.).

Большинство портално-купольных сооружений изученного района имеет более простые однокамерные тамбуры (мавзолей Токбана, Мусирәлі, Қосаман, Нурсейита), характерные и для сырцовых памятников (Сахабай-, Сентирбай-тамы).

Большой интерес представляют многокамерные сооружения как своеобразие планировки, так и архитектуры (каждая камера покрывалась куполом). Часто встречаются памятники крестообразные в плане. Среди сырцовых сооружений встречаются и другие варианты: прямоугольник с угловыми камерами (Токсанбай-тамы на юге Мугоджаров), круг с округлыми камерами по периметру, выступающими в виде башенок (Жапак-, Мылтыкбай-тамы в Иргизском районе).

Наиболее интересен в этом отношении мавзолей Алматы Тобабергенова — известного деятеля середины XIX в. Памятник, находящийся в 22 км к В-Ю-В от пос. Иргиз, представляет собой прямоугольное в плане сложное по структуре многокамерное сооружение. Вход, устроенный в правом углу северо-западного фасада, представляет собой сводчатый коридор вдоль юго-западной стены, в центре которой он переходит в промежуточную камеру, а затем и центральный, округлого плана зал, раскрывающийся низкими арочными проемами в пять смежных в плане камер (одна из них, северо-восточная, прямоугольная). Арки проемов полуциркульные, выразительно подчеркнуты архивольтами. Во всех комнатах этого фамильного сооружения имеются склепы для захоронения. Фриз центрального зала украшен декоративными поясками, между которыми устроен ярус замечательных штампованных орнаментальных ганчевых плиток в метопях. Извне памятник удачно декорирован, о чем свидетельствует сохранившаяся облицовка юго-западного фасада с трехчастной разбивкой его плоскости лопатками и выступами, панелью из фигурных кирпичей. Все это дополнено декоративной кладкой, что придает зданию парадность. Внутренний массив стен выложен кирпичом-сырцом и облицован с обеих сторон жженым.

Строитель мавзолей Алматы — народный зодчий Жига — сумел создать незаурядный памятник, гармонично увязав основные композиционно-планировочные и ритуальные особен-

ности не совсем обычного мемориального сооружения. Этому же мастеру приписывают также строительство мавзолей Каражан в междуречье Иргиз-Олькейек.

Необходимо упомянуть о творчестве другого замечательного народного архитектора — Мейрбека из рода шекты, создателя мавзолей Жаныса (волостного управителя в Иргизском уезде). При постройке мавзолей Мейрбек-уста, по словам стариков, основывался на памятники комплекса Балгасын, что отразилось в подкупольных конструкциях. Ему удалось создать выдающийся архитектурный памятник — цельное по пространственно-композиционному решению, смело подчеркнутой центральной вертикальной осью, сооружение, в котором культовая сторона подчинена архитектурной идее¹. Известны имена некоторых других казахских зодчих Северного Приаралья — Ырыш из рода каракесек (Назар-тамы), Ырышым из рода шекты (Омар-тамы). Имеются сведения о том, что участие в создании рассматриваемого круга памятников принимали также мастера с низовьев Сырдарьи («с района Казалы») и даже каракалпакские мастера.

Арзымбетова М. С.

ПРИНЦИПЫ САДОВО-ПАРКОВОГО ИСКУССТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА ЭПОХИ ТИМУРИДОВ (XIV—XVI вв.)

Исследования, предпринятые советскими архитекторами и археологами на территории Средней Азии, позволили еще в 50-х годах открыть традиционные регулярные сады Самарканда, один перечень которых включает десятки названий. Иранские ученые считают Среднюю Азию прародиной садов сасанидского и сефевидского Ирана.

Территория Южного Казахстана, этнически взаимосвязанная со Среднеазиатским регионом, в древности также славилась своими оазисами. Однако каких-либо систематических

¹ В замковой части купола мавзолей Жаныса, как и многих других мавзолеев Северного Приаралья (Оналбек-ата, Каражан, Назар-тамы и др.) устроено колесо — древний символ солнца (солнечной квадриги), играющее в структуре казахских мавзолеев полисемантическую роль (ср.: шанырак юрты).

исследований по садово-парковому искусству Казахстана в республиканской историографии нет. Между тем изучение истории отечественного паркостроительства позволяет не только раскрыть законы его развития в прошлом, но и правильно объяснить современные проблемы, выделить тенденцию будущего развития.

Для мусульманского Востока XIV век характерен множеством социально-экономических потрясений. Центр развития садово-паркового искусства в этот период переходит на территорию владычества династии Тимуридов: Мавераннахр и Хорасан (современные Южный Казахстан и Средняя Азия) и переживает там небывалый расцвет в XV—XVI вв. Доктор архитектуры Г. Пугаченкова пишет о Тимуридских садах: «В письменных источниках сохранились упоминания, а иногда и краткие описания достопримечательных садов Самарканда, Герата, Кабула, один перечень которых исчисляется десятками». Все сады Тимуридской эпохи имели регулярную планировку и обносились стеной, богато декорированной изразцами. Основные компоненты парковой архитектуры: зелень, вода и малые архитектурные формы, гармонично дополняя друг друга, создавали такой единый композиционный организм, который позволяет говорить о национальном своеобразии садово-паркового искусства Средней Азии и Южного Казахстана. Ретроспективный анализ традиционных приемов паркостроительства помогает выявить принципы ландшафтной архитектуры, которые и сегодня не утратили своего значения, и которые достойны возрождения в современной практике озеленения городов.

Анализ литературных источников позволяет выделить ряд специфических признаков архитектурно-планировочной организации парков Средней Азии и Южного Казахстана эпохи Тимуридов: регулярный (квадратный или прямоугольный) симметричный план парка; четкое осевое построение, при котором главная аллея (хиабан), обсаженная тополями, имеет широкий проток и завершается зданием дворца; геометричность отдельных участков, разделяющихся на «чор-чаманы» (четырёхчастные садики); террасная обработка склонов; обязательное наличие арыков и искусственных водоводов из гончарных труб для питания бассейнов сада; инкрустация из полудрагоценных камней на подпорных стенках, арочных порта-

лах, стеновых башнях и покрытиях дорожек и площадок; тщательно продуманный подбор зеленых насаждений, создающих комфортный микроклимат парка и колористическую гармонию непрерывного цветения; наличие нормативных документов, регулирующих предпроектные исследования, составление генерального плана парка, последовательность осуществления посадок и возведения парковых сооружений, из которых наибольший интерес представляет трактат XVI в. «Нршиад аз-Зира».

Типологическая классификация исторических садов и парков, проведенная по функциональному и территориальному признакам (Таблица 1), обнаруживает достаточно развитую функциональную специфику парков эпохи Тимуридов и широкое использование в них **принципа территориального соседства**, способствующего формированию единого многофункционального комплекса, повышающего разнообразие среды и комфортность отдыха в нем. Этот принцип в полной мере отвечает современным требованиям, которые предъявляются в советском паркостроении к многофункциональным паркам культуры и отдыха принципиально новому типу культурно-просветительных учреждений, приоритет в становлении которого принадлежит Советской стране.

Концепции пространства среднеазиатской архитектуры обусловлены защитой от природной среды, тогда как пространства традиционных северных городов подчинены раскрытию на природу. Поэтому жизненно важным для садово-паркового искусства Тимуридских городов был **принцип непрерывности озелененных участков**. Плотные посадки формировались в местах пребывания людей и делались разреженными над местами декоративного свойства. Отсюда проистекает своеобразие традиционного построения парковых пространств, в котором большое внимание уделялось коммуникациям — пешеходным и водным, с целью защитить их от повышенной инсоляции, характерной для этого региона.

Принцип полихромии паркового пространства Тимуридских парков, заключающийся в умелом сочетании света, цвета и тени на основе глубоко продуманной режиссуры колористики зеленых насаждений, чрезвычайно актуален в современном садово-парковом искусстве, поскольку эта сторона вопроса не разрабатывается в должной мере.

ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ САДОВ И ПАРКОВ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ПРИЗНАКАМ (XIV—XVI вв.)

Таблица 1

Тип парка	Примеры	Типологические признаки	
		территориальные	функциональные
1	2	3	4
Культовые сады	Сад мавзолея Ходжа-Ахмеда-Яссави Сад Муссалы-мечети Сад намазгоха Шемс-Абад	При усыпальнице в Туркестане В пригороде Герата в комплексе с городской аллеей У загородной резиденции принца	Парки, посвященные живым или умершим. Служили местом религиозных празднеств, церемоний, похорон. Выполняли функции: культовые, ритуальные
Семантические сады	Сад царевича Шахруха Сад пленяющий сердца Сад у моста носильщиков	В аристократическом пригороде Самарканда В 6 км к востоку от Самарканда Загородный сад Алишера Навои	Парки, посвященные героям, победам или другим знаменательным событиям. Выполняли функции: идеологические, познавательные
Зонсады	Сад воронов Сад тигров	В северном предместье Герата Близ гостиницы двора	В садах нередко содержались красивые животные для украшения сада. Выполняемые функции: зрелищные, эстетические
Ботанические сады	Дворец плодового сада Чинаровый сад	В самаркандской цитадели К югу от Самарканда	Сады-огороды, фруктовые сады, сады редких цветов. Функции: утилитарные, познавательные
Геоэтнограф.	Сад, показывающий мир	На пути к Шахриябзу	Сады тихого отдыха и созерцаний. Функции: культурные, познавательные

1	2	3	4
Ландшафтные сады	Сад северного нетерка Белый сад Террасный сад Высокий сад Сад хауза (бассейна)	В аристократическом предместье Самарканда и Герата Сад загородный вельмож К северу от Самарканда В комплексе с бульваром	Сады, искусно использовавшие ландшафтные особенности — перепады рельефа, наличие водоемов, направление ветров. Выполняли функции: эстетические, микроклиматические
Архитектурные сады	Сад открытой площадки Садик Городской сад Хрустальный сад	Загородный сад у подножия горы По соседству с садом открытой площадки В пределах городской стены Дворцовый сад в Герате	Сады с правильной регулярной планировкой, симметричным планом, осевым построением, завершаемым дворцовыми сооружениями. Функции: увеселительные, эстетические
Бульвары парков	Аллея четырехчастного сада в Исфахане	Сад в комплексе с аллеями	Тенистые аллеи, выполняющие роль общественных бульваров для собраний и увеселений

Байтенов Э. М.

НЕИЗВЕСТНЫЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕТПАКДАЛЫ

Случайные сведения о памятниках рассматриваемых районов разбросаны по страницам различных изданий еще с прошлого века (Потанин Н., Шмидт Ю. А., Селевин В. А., Яковлев Д. И., Мынбаев К. М. и др.). Широкомасштабные же археологические исследования были осуществлены только в первые послевоенные годы под руководством А. Х. Маргулана. Интересы ученого охватывали не только неолитические стоянки, средневековые городища (Талды-кент, Кызыл-кент, Урдашагыл), но и более поздние кокандские укрепления (Тасты, Жаман-курган), а также казахские зимовки и мавзолеи XIX — начала XX в. (Ольке и др.).

В рассматриваемых районах исследователями в 1981, 1983, 1985, 1986, 1988 гг. было выявлено богатое архитектурное наследие, включающее, большей частью, мемориальные постройки, а также народное жилище. Последнее представлено казахскими зимовьями (в основном, тип «коржын-үй»), которые обычно возводились в низовьях рек Чу, Сарысу.

Эти жилые постройки состоят из трех фронтально расположенных комнат, где средняя является входной (здесь же была печь) и связана с двумя другими (зимовья Батеша, Едыге, Утембая). Совершенно иную композицию имеет зимовье Жундыбая (XIX в.), с доминирующим купольным объемом высотой 5—6 м, используемым для копчения мяса, с южной стороны к которому примыкали жилые постройки. Купольные хозяйственные дворовые постройки (шошала) известны и для низовьев р. Сарысу, но шошала таких больших размеров, к тому же включенная в объем жилища, встречается здесь впервые. Интересно, что такая планировка созвучна древним жилищам, выявленным археологическими исследованиями в Центральном Казахстане (памятник находится в центральной части Бетпакдалы).

Мемориальное зодчество представлено различными купольными, сводчатыми и оградяющими постройками, которые объединяются в некрополи-бейты. Предварительно можно выделить два основных типа некрополей: первый включает одно-два доминирующих сооружения на фоне нескольких рядовых захоронений, второй же состоит из большого количества монументальных памятников. К первому типу относятся некрополи Кызылмола, Сенгирбай, Шожобай, Толебай, Есентай, Жанабай, Мурзакельды, Ерубай, Қазыбек, Қарақыз (окрестности песков Жетықонур), Тасқонырдан, Қызылұй, Сргелиқазған, Оксықпай, Бокетау, Қипчакбай, Уванас (центральная Бетпақдала), Текей, Бегер, Бокенбай (Борибас), Утембай, Бейна, Бектыбай и др. (низовья р. Чу), ко второму — Ольке, Қарабиданк и др. (долина р. Қоктас), Шалтай, Баракбай, Самень, Табан (пески Жетықонур), Сымтас, Қоқирюм 1, 2, Айбат, Шыбынды, Жузасар (центральная Бетпақдала).

В качестве строительного материала чаще использовался сыровый кирпич, реже камень-плитняк и обожженный кирпич. При этом последний больше применялся в постройках конца XIX — начала XX вв. (мавзолеем Борибас, мавзолеем

Ольке, сына Ерубая, Бектыбай, Утембай, мавзолеем на некрополе Қоқирюм 2, Ақтай и др., тортқулаки Батеш, Едыге, Қызылмола и др.), где под влиянием проникшего в Казахстан так называемого «кирпичного стиля» играл стилиобразующую роль.

Большинство памятников относится к XIX — началу XX вв., значительно реже встречаются позднесредневековые (более ранние архитектурные памятники не выявлены). В их местонахождении существует определенная закономерность — ранние постройки расположены относительно равномерно по всей территории, поздние же находятся поблизости от наиболее удобных для проживания мест (низовья р. Чу, Сарысу, Қоктас, окрестности песков Жатықонур). В то же время позднесредневековые памятники включают совершенно различные мемориалы, не закрепленные в устойчивые типы: известны купольные мавзолеи (Талмас-ата, Той, Текей, Байғана), монолитная монументальная башня в комплексе с оградой (Уванас), вертикальный трехметровый камень, сложенный из плитняка надгробия и овалынные оградки (Сымтас), квадратные сыровые оградки (Белен-ана, Алатағы) и т. д. Памятники XIX — начала XX вв., напротив, отличаются устойчивыми композиционными сочетаниями, хотя внутри них образуют множество образно-стилистических тем. Наиболее распространены купольно-центрические и портално-купольные мавзолеи, реже встречаются памятники с развитой входной частью.

Купольно-центрические мавзолеи включают значительно больше планировочных сочетаний (круг, квадрат, шестиугольник, семигранник, восьмигранник, круг в квадрате, круг в восьмиграннике), чем портално-купольные (квадрат, восьмигранник в квадрате, исключительно редко восьмигранник). При этом разработка форм центрических мавзолеев значительно различается (совершенно различные пропорции и очертания куполов, «усеченные» купола) по сравнению с портално-купольными, пропорциональный строй которых стабильней. Вероятно, все это связано с тем, что центрические мавзолеи сложились на основе местных усыпальниц, а предельно простое объемное решение стимулировало поиск выразительности, в то время как портално-купольный тип был воспринят местным зодчеством в уже сложившемся виде и подвергся лишь незначительным изменениям. Конструкции перехода от основа-

ния камеры к куполу просты, это или паруса, выведенные на пуском кладки, переброшенные в углах жерди или арки, если камера восьмигранна.

Параллельно с мавзолеями развивались сводчатые постройки — миниатюрные квадратные сооружения с сомкнутым пирамидальным сводом (некрополь Шалтай), а также самобытный тип прямоугольной постройки, перекрытой сводом стрельчатого очертания (Оксыкпай). Широко распространен обычный для Казахстана тип квадратной (прямоугольной) ограды с угловыми приливами — торткулак. В то же время встречаются и необычные ограждающие постройки с завершением торцовых стен треугольными фронтонами (некрополи Кызылмола, Айбат, Кокирюм 2), среди них особо выделяется одна, на некрополе Айбат, имеющая два входных проема (расположенных друг против друга) с ведущими в них сводчатыми коридорами. Композиция этого типа построек предполагает устройство двускатной кровли, следов которой, впрочем, ни в одной из них нет. В связи с этим большой интерес представляет подобное сооружение, выявленное в устье р. Чу (Бокенбай), но с остовом кровли из центрального прогона (опирающегося на колонну с резной подбалкой) и уложенных поверх жердей, образующих двускатную кровлю, обычную для зимовок. Вероятно, подобный тип мемориала, возводившийся в отдаленных степных районах, из-за нехватки древесины утратил кровлю, сохранив при этом треугольное завершение стен.

В целом, сложное переплетение взаимовлияний и заимствований на фоне местной основы привели к сложению в Западной и Центральной Бетпакдале самобытного «букета» архитектурных форм.

Джанысбеков Т.

К ТЕХНОЛОГИИ ВОЗВЕДЕНИЯ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Литература по архитектурному наследию Мангышлака и Устьурта, в основном, касается вопросов генезиса, типологии, классификации, датировок, топографии, истории исследований. Вопросы технологии обработки камня мемориальных памятников купольных и бескупольных мавзолеев не освещались,

Едиличное описание технологии изготовления купыптасов западных районов Актюбинской области приводится в статье Е. Р. Шнейдера в сборнике «Казахи».

Технология возведения купольных и бескупольных мавзолеев восстанавливается следующим образом.

Основой для заготовки определенного объема материала, т. е. известняковых блоков, камня-известняка служили для одних мастеров предварительно вырубленный из того же камня макет, для других — созревшая в голове объемно-пространственная композиция с определенными параметрами интерьера, экстерьера и конструкции. В том и другом случае мастера знали, каких размеров блоки нужно заготавливать на карьере с тем, чтобы при распиловке на месте строительства были минимальные отходы, которые в свою очередь использовались в кладке или забутовке. Опытные мастера по внешнему виду умели различать «тұшы тас» (пер. «несоленный» камень), т. е. породы без гипсовых включений, устойчивых к выветриванию.

В зависимости от параметров будущего сооружения мастер выбирал основную конструктивную систему памятника. Стены купольных мавзолеев ориентировочно до середины XIX в. имели двухслойную, со второй половины XIX в. — трехслойную структуру. Кладка с одновременной облицовкой велась без фундаментов на одно-, двух-, трехступенчатом цоколе. В бескупольных мавзолеях-саганатамах, в связи с меньшей высотой стен и отсутствием нагрузок на них, со второй половины XIX в. межоблицовочное пространство заполняется бутром.

Распиловка доставленных на место строительства блоков производилась по заранее установленным размерам элементов. В соответствии с этими размерами для крупных элементов применялась большая пила (үлкен ара), для средних и мелких элементов — средняя пила (орта ара). Зубья пил разводятся специальным шаблоном-инструментом (іскенжі). Для получения одинакового размера типовых элементов применяют деревянный шаблон (үлгі). Поправка пилы по разметочной линии обеспечивается специальным приспособлением (түзеу ағаш). Проверка соответствия размеров образцам, ровность

поверхностей осуществляется деревянными рейками (өлшегіш), уровнем (суағаш) и углы — угольником (бұрыш өлшегіш).

Обработка фигурных камней производится на специальном столе-верстаке, покрытом кошмой, по заготовленным шаблонам (үлгі). Грубая обработка фигурных камней (замкового камня — тұғыртас, камней пяты купола — додеге, архитектурные обломы обреза коколя — іргелік жнектас и другие) производится топором (балта) и теслом (шаппа шот). Для получения обработки этих деталей применяют разнообразные инструменты типа циклей (түрпі), имеющие различные размеры и формы, изготовленные из стальных пилок, вставленных на деревянную пластину типа терок или фигурных реек. Для изготовления архитектурного облома — выкружек приспособляли обычные рубанки с округленным острием ножей (сүргі). В дело шли металлические изогнутые терки (қайқы түрпі) при получении обработки криволинейных плоскостей.

Чистая обработка поверхностей осуществляется, как правило, после подгонки и окончательной установки элементов на место. Подгонка и установка элементов на место с «волосным» швом обеспечиваются при помощи специальной ручной пилы-пожовки (койтіс, колара) с мелкими зубьями и деревянными клиньями (сына). Для чистой обработки поверхностей применяются деревянные терки (сүргі), обернутые наждачной бумагой с различной абразивов.

Технология монтажа облицовочных плит, анкерочных блоков сочетается с одновременным ведением кладок. Тем самым облицовочный ряд включается в несущую часть конструкции стены, что обеспечивает ей пространственную жесткость. В сооружениях с двухслойными стенами кладка стен ведется одновременно с облицовкой наружной стороны из чередующихся вертикальных облицовочных и горизонтальных анкерочных в тело кладки рядов. В сооружениях с трехслойной стеной возведение стен в мавзолеях зависит от взаимосвязи внутренней, наружной облицовки и включения ее в общую систему через горизонтальные анкерочные ряды и угловые паруса. Последние служат одновременно элементами пространственной жесткости всей системы конструкции здания. Поэтому угловые паруса, характерные для купольных систем, присутствуют в бескупольных сооружениях — сагана-тамах.

Указанная технология сохраняется в купольных мавзолеях до уровня верхней отметки ложного декоративного барабана — до пяты (ііп) шатрового купола. Пята купола в большинстве случаев смоделирована двумя рядами анкерочных рядов кладки (кос ііп) в тело забутовки между кладками ложного купола и декоративного барабана. На анкерочные ряды кладки барабана устранивают закругленный в сечении ряд кладки перехода от барабана к облицовке шатра купола (додеге). Затем выравнивают забутовкой плоскость между этим рядом замковым камнем (айкел, тұғыртас, шацрактас), по которой ведется облицовка (үзіктас) шатра. Монтаж завершает скульптурное навершие (найзатас, коңыраутас).

Если по композиционным соображениям отсутствует барабан, то кладка купола доводится до замкового камня, затем производится его облицовка.

Еспембетов А. С.

АРХИТЕКТУРА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА

В Казахстане исторически сложившиеся города имеют характерные региональные отличия. Так, если в городах Восточного Казахстана, например в Семипалатинске, памятники архитектуры, в основном, рассредоточены, то в Усть-Каменогорске частично сохранилось историческое ядро города с застройкой XVIII — начала XX вв.

Историческая застройка города отличается достаточно высокой степенью историко-архитектурной ценности — пластичными фасадами, украшенными искусной резьбой, придающие неповторимый колорит городу.

План города по урегулированию застройки был разработан и утвержден в 1845 г. На плане старого Усть-Каменогорска выдержана строгая прямолинейность улиц, предусмотрены площади, занимавшие территорию одного квартала. В отличие от регулярных планировок других городов России, расположенных на берегах рек и моря, в которых центр, как правило, создавался на берегу водоема, центральная площадь Усть-Каменогорска сложилась в стороне от реки, в геометрическом центре городской застройки. Так произошло потому, что город

систематически заполнялся паводковыми водами Иртыша и Ульбы, а береговая полоса была наиболее подвержена затоплению и разливу. Кроме того, общественная застройка к реке не тяготела, так как в районе Усть-Каменогорска судоходство на Иртыше было развито слабо. И наконец, в центральном расположении городской площади сказались соображения стратегического характера — стремление защитить центр от внешнего нападения.

Особый интерес в городской застройке представляют гражданские (общественные), промышленные и культовые здания.

Гражданские и промышленные здания, в основном, возводились в начале XX в. и несут отпечаток русского кирпичного стиля. Из гражданских зданий наибольшими архитектурно-художественными достоинствами выделяется здание драмтеатра (бывший народный дом, 1902). Планировка здания (I этаж) симметрична — два крупных пятна фойе и зал лежат на одной оси, с обеих сторон от них расположены более мелкие помещения (администрация и т. д.). Фойе в плане имеет эллиптическое очертание, что позволяет удобно расположить входные проемы в разных направлениях. Главный фасад, с двумя входными проемами, наиболее выделен и состоит из выступающей в виде ризалита центральной части, входной и боковых. Композиция этой части строго симметричная, двухчастна по вертикали и трехчастна по горизонтали.

В целом архитектура здания имеет различные стилевые напластования, особенно свойственные памятникам конца XIX — начала XX вв. Так, решение овального фойе носит влияние модерна, архитектура фасадов во многом типична для русского кирпичного стиля, есть и другие опосредствованные влияния (классика и т. д.). При этом характерно приведение их к законченному единству, что создает образ нового для своего времени типа здания.

Здание кинотеатра «Октябрь» (бывший кинотеатр «Эхо», 1909—1911 гг.) является органичной частью малоэтажной исторической застройки, несколько выделяясь из фасадной застройки своим «полуостровным» характером расположения. Главный фасад имеет строго симметричную композицию из трех участков — центрального и двух боковых, по вертикали

фасад разделен на части в соответствии с этажами. В первом этаже находится входной проем, в боковых участках расположены значительной величины оконные проемы.

Второй этаж проработан более детально. Центральный участок имеет балкончик с небольшим выносом, опирающийся на пилястры нижнего этажа. Внешние углы балкона оформлены круглыми, «оторванными» от стен колонками на всю высоту этажа, несущими кровлю над балконом и опирающимися на пилястры первого этажа. Колонки второго этажа имеют капители, базы, отделенные от ствола поясками, и надкровельные продолжения в виде наверший, соединенных декоративной стенкой. Венчается балкончик навершием из металлических полос в виде фигуры с килевидным очертанием. На балкончик ведет дверной проем с круглым окошком над ним. Боковые участки фасада второго этажа имеют по одному окну, аналогичному окнам первого этажа, но имеющему меньшую высоту. Они заключены в П-образные рамы, простенки, имеют пилястры. Углы второго этажа оформлены квадратными колонками, поднимающимися над кровлей.

Здание кинотеатра является типичным по архитектуре для конца XIX — начала XX вв. Это относится и к характеристике композиции в целом, где наблюдается поиск ярко индивидуального образа общественного здания с сильной акцентировкой входа, с устройством больших оконных проемов, а также в трактовке отдельных форм и деталей, которым присущи черты стилизации под средневековую архитектуру.

Как пример одноэтажного общественного здания представляет интерес ресторан «Алтай», возведенный в 1914 г. Фасад имеет оконные проемы с выступающими обрамлениями и подоконниками. Плоскости тимпанов имеют центральное декоративное пятно с двумя валютообразными фигурами по обе стороны. Простенки оформлены заглубленными прямоугольного очертания филеками. Обращает на себя внимание вход, устроенный в срезанной под 45° и пересекающейся со смежным фасадом угловой части.

Здание типично по архитектуре для начала XX в. со своеобразным смешением форм деталей и их интерпретацией (решение карниза). Характерно неординарное решение фасадной поверхности здания, поиск нового с помощью приемов стиля модерна.

Примером промышленной архитектуры являются два здания механических мастерских О. Ф. Костюрина, возведенных в начале XX в.

Оригинально размещение зданий в квартале. Они обращены узкими торцевыми фасадами на линию фронта застройки улицы, а сами корпуса уходят в глубину квартала, на манер средневековой городской застройки.

Парадные торцевые фасады являются типичными по архитектуре для конца XIX — начала XX вв., с поиском новых средств выразительности, с приданием зданиям яркой индивидуальности.

Из зданий торгового назначения сохранились бывшие торговые купеческие ряды, построенные в начале XX в. Здание одноэтажное, вытянутое вдоль улицы. Ощущение вытянутости сбивается рустованными пилястрами, членищими фасады на участки. Это непритворная по архитектуре цепочка одноэтажных зданий, в настоящее время является своеобразной оградой парка, сохраняющая масштаб окружающей исторической застройки.

Из зданий культового назначения (Троицкая церковь, Покровский собор, Преображенская церковь, Трехсвятительская церковь, мечети Ахмет-Сафа и Рангулова) до настоящего времени сохранилась лишь Троицкая церковь (1800 г.) и то со значительными изменениями. Отсутствует колокольня, есть изменения во внутренней планировке.

Церковь была трехпрестольной, имеет хорошо выраженную симметрическую глубинно-пространственную структуру, что подчеркнуто архитектурой фасадов. Наиболее разработанным является главный фасад с входным проемом, несущий наибольшую функциональную и смысловую нагрузку. В целом это скромное, но достаточно выразительное по архитектуре здание.

За долгую историю Усть-Каменогорска сложилась своеобразная планировочная структура города — старая и новая, каждая из которых имеет свои ярко индивидуальные особенности.

Многое из архитектурного наследия города безвозвратно утрачено, снесен Покровский собор, на месте которого разбит парк, изменена архитектура бывших торговых рядов, значительно искажен облик здания Троицкой церкви — единствен-

ного культового памятника города и в настоящее время самого раннего сооружения города, от крепостного вала остались лишь кое-где небольшие возвышения, тем более необходимо сберечь своеобразие и очистить исторически сложившееся ядро от поздних, искажающих его облик наслоений.

Елгин Ю. А.

К ГЕНЕЗИСУ ДВУХПОРТАЛЬНЫХ МАВЗОЛЕЕВ САЙРАМА

Характерной особенностью мавзолеев Карашаш-Ана, Ибрагим-Ата и Ходжа-Талиг (Ходжа-Талип), Мир-Али-Баб является угловое расположение двух одинаково архитектурно разработанных фасадов. Эти памятники принадлежат позднефеодалному зодчеству, продолжая архитектурную традицию Мавераннахра. Судя по косвенным источникам, анализу и сопоставлению сохранившихся в натуре зданий, им предшествовали более ранние постройки. Между этими поздними мавзолеями и культовыми сооружениями X—XII вв. возможна генетическая связь.

Современное здание мавзолея Карашаш-Ана сооружено в 1851—1852 гг. (Массон М. Е., 1928), когда Сайрам входил в состав Кокандского ханства. Позднее (Иванов П. П., 1923) в 1880-х годах сооружен мавзолей Ибрагим-Ата. Он повторяет объемно-пространственную композицию мавзолея.

Оба мавзолея имеют по два одинаковых по размерам и композиции портала (пештака), оформляющие юго-западные углы зданий. Считалось, что устройство двух соседствующих равнозначных фасадов с входными проемами есть отзвук центрической композиции, в частности, мавзолея Саманидов в Бухаре (рубеж IX—X вв), что связывается с сасанидскими и хоросанскими чортаками (четыреарочными купольными нишами, раскрытыми на четыре стороны), в строго центрической композиции которых воплотились индоиранские представления о четырехчленной системе мира (Прибыткова А. М., 1973; Литвинский Б. А., 1979). Однако не центрическая композиция оказала прямое влияние на структуру рассматриваемых мавзолеев.

В качестве аналога сайрамским памятникам мы выдвигаем Средний мавзолей в Узгене (XII в.), первоначально имевший два равнозначных портално разработанных фасада (южный и западный). Позднее к нему были пристроены Северный (1152 г.) и Южный (1186—1187 гг.) мавзолей (Крюков К. С., 1967). Понимание пространственной структуры как узгенского, так и сайрамских памятников надо искать в особенностях функционального порядка, связанных с неким поминальным ритуалом, до нас не дошедшим. По мнению Л. Ю. Маньковской, Средний Узгенский мавзолей мог быть поминальной мечетью-зиаратханой, открывающей выход к некрополю под открытым небом и превратившейся позже в мавзолей (Маньковская Л. Ю., 1980). Входные проемы таких мечетей устраивались в зависимости от положения захоронения под открытым небом и ритуала поминовения.

Сайрамские двухпортальные мавзолеи повторяют композиционную структуру пространства Среднего Узгенского мавзолея. В основе этих разновременных памятников — единая пространственная идея. Определенность ориентации с обязательным выделением южного и западного фасадов (в этом уже есть некая закономерность) диктует поведение в пространстве и направляет восприятие памятника в связи с обрядовой функцией. Так как форма в архитектуре более устойчива, чем назначение, мы имеем поздние варианты исходного типа пространственной структуры, утратившей (возможно, не полностью) первоначальную функцию.

Эволюция сайрамских двухпортальных мавзолеев предстает в таком виде: в XII в. при почитаемых захоронениях сооружаются мечети, в которых акцентируются южный и западный фасады с входными проемами, открывающие выход к этим захоронениям, которые уже тогда превращаются в мавзолеи; затем следуют промежуточные фазы — восстановление мавзолеев в XV и XVIII вв. (по косвенным источникам), и наконец, в середине второй половины XIX в. строятся здания, дошедшие до наших дней.

Мавзолей Ходжа-Талиг датируется XVIII в. Он целиком сложен из квадратного кирпича (в мавзолеях Карашаш-Ана и Ибрагим-Ата из квадратного кирпича выведены только купола и арки), выделяется чистотой архитектурных форм, пропорций, наличием декора. Он имел двойной купол (внешний ут-

рачен). Переход от четверика основного объема к куполу осуществлен с помощью яруса тропов, в результате чего архитектурника кирпичной конструкции не нарушена, как в первых двух мавзолеях, где переход к куполу осуществлен путем простейшего скоса углов четверика. Мавзолей Ходжа-Талиг — качественно иной памятник, но в основе его лежит та же пространственная идея. В нем центрирующее начало выражено более последовательно — при квадратном плане он имел четыре портално разработанных фасада с проемами (три заложены). Южный и западный выделены более подробной проработкой форм и декором. Этот памятник также является звеном эволюции двухпортальных мавзолеев Сайрама.

Здания сайрамских мавзолеев утратили первоначальные функции. Ныне это сугубо надгробные сооружения. Об этом говорит превращение дверных проемов в низко поставленные оконные с деревянными панджарами, по высоте равные дверным. Подобные проемы часто соединяют зиаратхану и гурхану в многокамерных мавзолеях.

Второй портал мавзолея Ибрагим-Ата является ложным, к его щипцовой стене изнутри приставлено надгробие. Вследствие устойчивости традиций и религиозного догматизма строители повторили исходный тип пространственной композиции. Таким образом, структура портално-купольного сооружения, являясь универсальной, на первых порах выполняла назначение и поминальной мечети, и дарвазаханы, и мавзолея.

Исабаев Г. А.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ПРИНЦИПОВ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ МОДЕРНА В АРХИТЕКТУРЕ КАЗАХСТАНА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВВ.

В оценке эволюции архитектуры рубежа XIX—XX вв., безусловно, центральное место занимает проблема модерна. В это время происходят процессы интенсивного поиска нового стиля, наиболее мощно проявившие себя в европейском модерне, захватившие Северную и Южную Америку и получившие распространение, с приходом капиталистических отношений, на евразийском континенте.

Казахстан также втягивается в орбиту капиталистических отношений, сопровождавшихся развитием торговли, транспорта, роста существовавших и возникновением новых городов. Вместе со строительством новых общественных зданий (торговых, постоянных домов, особняков буржуазии, школ, больниц, вокзалов и др.) и постановкой перед архитектурой, в связи с развитием строительной техники, новых задач в Казахстане проникают формологические принципы модерна.

В Казахстане модерн нашел отражение в следующих направлениях:

1. «Модернизированная» классика.
2. Обращение к традициям средневековья.
3. Поиск истоков в народном (русском) искусстве прошлого.
4. Так называемый «чистый» модерн, не имевший прецедентов в прошлом.
5. Обращение к местному национальному традиционному искусству (Глаздинов, 1987; Сейдалин, Карпыков).

Ярким воплощением мотивов «модернизированной» классики является дом купца Янгуразова в г. Петропавловске. Во внешнем облике здания ощущается динамичность и гротескность, создаваемая неожиданной трактовкой оконных проемов и детализировки.

Механический техникум (бывшее Романовское училище) в г. Петропавловске представляет собой «чистый» модерн. Новые декоративные детали, криволинейные, угренодобные орнаменты и завитки формируют своеобразный силуэт венчающей части и пластическую выразительность фасадной плоскости.

К одному из совершенных произведений архитектуры модерна в Казахстане относится здание диспансера в г. Кустанай, отличительная особенность которого выражена в гармонической связи форм и пластики фасадов.

Волна новаций в принципах формообразования коснулась культового и мемориального зодчества Казахстана. Своеобразное преломление привнесенной системы модерна ярко иллюстрируют такие памятники, как мечеть в Сузаке, мавзолей Куттыбая (Казалинский район Кызыл-Ординской области), мечеть Бальдык под Кызыл-Ордой и др. Пластические мотивы

модерна улавливаются и в упругих линиях порталов мавзолея Айтмана (Устьюрт). С приходом капитализма и присущих ему в этот период архитектурно-художественных принципов наблюдается процесс сплава различных стилевых систем, ведущий к переоценке формологических основ традиционного зодчества. Образы зданий, не теряя характерного облика, обогащаются новыми чертами художественной выразительности.

Рахимжанова Л. Ш.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ МАРГИНАЛЬНЫХ ЗОН

В археологической литературе часто обозначается стремление авторов выделить те или иные элементы городской структуры, такие как «жилой квартал», «городской центр», «массив застройки», но при этом нередко возникают спорные ситуации. Например, в Ургенче частью квартала была названа группа построек, примыкающих к городской стене, хотя впоследствии потребовался поиск иных границ квартала (Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б., 1981). А. М. Беленицкий в Пенджикенте границами кварталов обозначил улицы (Беленицкий А. М., 1965), в то время как О. А. Сухарева проводит деление кварталов по глухим стенам жилых образований (Сухарева О. А., 1976). Такое положение в исследованиях авторов книги «Позднесредневековый Отрар» связывают с отсутствием единого понятия «квартал средневекового города».

Однако все эти исследования посвящены одной основополагающей проблеме организации архитектурного пространства, а именно: определению видов неравномерности пространств и поиску соответствующих им маргинальных зон. Маргинальные зоны предполагают разделение пространств на разнородные участки, при котором возникают оппозиции: «пространство — масса», «внешнее — внутреннее», «организованное — неорганизованное». А. М. Беленицкий, выявляя границы кварталов, противопоставил «массив застройки» — «пространство улиц», т. е. вел исследование по внешним признакам архитектурных форм. У О. А. Сухаревой основу определения кварталов составил признак его социальной органи-

зации. При решении подобных задач важен выбор ведущего признака, в качестве которого могут выступать различные функции, главное здесь не спутать их в процессе исследований, как это может наблюдаться при описании культовых сооружений Казахстана. В одном ряду оказываются: порталыно-купольные, однокамерные, многокамерные...

Точка зрения многих исследователей совпадает с представлениями о квартальной единице О. А. Сухаревой, поскольку оно дает более глубокие представления о соответствии пространственной организации среды содержанию протекающих в ней социальных процессов, затрагивая основные процессы архитектурного формообразования Среднего Востока.

Решение мест соприкосновения различных зон зависит от выполняемых ими функций. Функции могут быть: утилитарными, социальными, символическими. Они могут совмещаться в одном архитектурном образовании либо рассредоточиваться, получая каждый свое пространственное выражение. Так, утилитарная функция мечети требует отграничения территории зданиями медресе, в то время как социальная ее функция выходит за пределы этой утилитарной, и, если это квартальная мечеть, то она распространяется до маргинальных зон следующего квартала, совпадая с ней в архитектурной организации. В символических функциях пространства степень отмеченности признаков маргинальности падает, сводится к условным знакам, точкам, линиям. В качестве примера может служить пространство, выражающее понятие «Тёр», — это зона почетных посетителей и может находиться в пределах единого пространства с зоной остальных посетителей, однако символически она определяется оппозицией к входной части и может быть обозначена, например, более декоративным оформлением.

Стирание признаков маргинальности обуславливает взаимное перетекание функций соприкасающихся пространств. Многие города степного пояса в XIII—XIV вв. не имели оборонительных стен. Так, Каракорум был обнесен лишь небольшим валом, имевшим больше административно-таможенное значение, чем военное. Города улуса Джучи не обносились

фортификационными сооружениями. Даже среднеазиатские города, такие как Шемаха-кала, Миздахан Шахорлик, появившиеся в этот период, не имели своих стен (Федоров-Давыдов Г. А., 1983). По исследованиям В. Л. Вяткина, А. М. Беленицкого, О. А. Сухаревой, Самарканд в середине XIV в. также не имел оборонительных стен (Сухарева О. А., 1979). Такое положение было связано с градостроительным бумом XIII—XIV вв., инициатором которого выступила ханская власть. Города в степном поясе возникали, главным образом, как центры администрации и при этом, обычно в районах зимовий орды (Федоров-Давыдов Г. А., 1983). Примакивающие к летним или зимним стоянкам Орды города получали наибольшее развитие. Отсутствие маргинальных зон в структуре городов степного пояса свидетельствует о единой, взаимосвязанной политической и экономической системе на этой территории во главе с централизованной ханской властью и позволяет их рассматривать на уровне районных планировок.

При организации маргинальных зон решаются вопросы не только расчленения пространства, но и соединения различных участков. Один и тот же элемент способен выступить одновременно в той или другой роли. Описывая улицы Отрар-тобе, Е. А. Смагулов указывает на «связывающе-разделительные» функции главных городских улиц, которые, с одной стороны, связывали въезды в город, с другой — разделяли территорию на качественно разнородные участки, выделяя «городской центр» от «прочих районов» (Смагулов Е. А., 1983).

Такие улицы, используя терминологию Кевина Линча, выступают в роли «барьера» и «шва» (Линч К., 1982). Однако можно определить и более однозначные функции улиц: магистральные являются «барьерами» в общении людей, внутриквартальные — «швами», связующими элементами в жизнедеятельности людей.

Выявление основных маргинальных ситуаций позволяет перейти к определению способов их моделирования. Либо они группируются в единый хребет, образующий растянутую или сжатую конструкцию, рассекающую пространство на качественно разнородные участки, либо выражается серией проме-

жуточных, переходных пространств, при котором происходит последовательная трансформация понятия «внутреннее» во «внешнее».

Многообразие приемов организации маргинальных зон обеспечивает сложно организованный «порядок пространства», тесно увязанный с «порядком жизни» в восточных странах.

Шарденова З. Ж.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩА СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАЛГАРА

В 25 км восточнее Алма-Аты на южной окраине г. Талгара расположено городище Талгар, отождествляемое со средневековым городом Тальхиз (Тальхир).

Центральная часть памятника представляет возвышенный, почти квадратный в плане участок, ориентированный углами по сторонам света. Размеры сторон: северо-восточной — 300 м; северо-западной — 298 м; юго-западной — 280 м; юго-восточной — 302 м. Со всех сторон этот участок окружен оплывшей стеной, в значительной степени разрушенной.

За пределами центральной части прослежена застройка, которая на юге примыкает к подошве гор, на востоке распространяется на 0,4 км, на севере до — 0,5 км. Общая площадь городища занимает около 28 га, из которых 9 приходится на центральную часть. Городище датируется IX—XIII вв. (Байпаков К. М., 1982).

С точки зрения выбора места под город, памятник занимает удобное положение. С западной стороны вплотную к городу протекала река, дающая жителям воду. Найденные в раскопах обломки водопроводных труб свидетельствуют о наличии в городе системы водопровода. С юга Талгар окаймляли горы, и дозорные на них могли сообщить горожанам о приближающемся неприятеле. С севера и востока примыкали обширные пастбища и поля. Кроме всего этого, Талгар входил в систему местных и международных караванных путей, и жителям предоставлялась широкая возможность обмена, купли, продажи всей своей продукции — зерна, ювелирных, ремесленных изделий, гончарной посуды,

Город был разбит взаимно перпендикулярными улицами на сетку кварталов, плотно облегающую центральную возвышенную часть города. Каждый квартал насчитывал от 12 до 14 домов-усадеб, соединенных между собой внутриквартальными улочками. Предполагается, что на Талгарском городище квартал объединял людей, связанных родственными узами.

Все усадьбы имеют характерную особенность: наличие жилой части — непосредственно дома и скотного двора, площадь которых колеблется в зависимости от зажиточности хозяина. В целом, площадь домов-усадеб на Талгарском городище превышает площадь усадеб иных городов Казахстана в 2—4 раза. Это свидетельствует о том, что недавние предки жителей были кочевниками и полукочевниками, а сами жители сохранили традицию — содержать скот при доме, отсюда необходимость значительной территории под скотный двор (Байпаков К. М., 1978).

Рассмотрим поближе одну из усадеб. При внимательном изучении плана участка становится ясным, что древний зодчий тщательно продумывал каждый момент в своей работе, будь то расположение усадьбы в системе квартала, будь то внутренняя планировка самого дома.

Как и все остальные дома-усадеб в городе, рассматриваемая усадьба разбивалась на 2 части: меньшая — жилая часть дома и большая — скотный двор. Входы в жилую часть и на скотный двор располагались по разные стороны. Выход со скотного двора находился с южной стороны и вел на магистральную межквартальную улицу. Отсюда скот удобно было выгнать на водопой и на выпас. Два входа в жилую часть дома располагались на северной стороне и выходили на узкую внутриквартальную улочку. В жилых кварталах Талгара даже в суровую зимнюю стужу не ощущалось особого холода, поскольку ветер, благодаря узким улочкам и высоким стенам, не мог попасть внутрь квартала; таким образом, жилые дома особенно не охлаждались.

Стены усадьбы были выложены из местного материала — глины для сырцовых кирпичей и каменного булыжника с берегов реки. Нижняя часть стены была выложена из булыжника и незначительно заглублена в грунт для сохранения тепла

в суровое время года. Высота каменной кладки составляет примерно 1/3 часть от всей высоты стены, что является (учитывая и заглубление в грунт) значительным увеличением прочности стен в целом, а также некоторым предохранением жилища от возможных землетрясений. Связующим материалом каменного булыжника является глиняный раствор, из глины же приготавливают и сырцовые кирпичи для верхней части стен. Внутренние стены дома изготавливались только из сырцового кирпича.

Кровля над жилой частью дома — двухскатная. Это необходимое условие в предгорных районах, где выпадает много осадков. Стена I является основной опорной стеной перекрытия. Ее высота на 20—30 см выше остальных стен. В верхней части стены вырубается полукруглая выемка или же на стену сверху устанавливаются деревянные «подушки». Затем в выемку или на «подушки» кладется основная продольная балка (матица) — «юрлюк» — круглое бревно диаметром 14—20 см. Высота этой стены от пола до матицы является наибольшей внутренней высотой дома. В среднем она достигает приблизительно 3 м. Вдоль всей стены I умещается несколько таких бревен — «юрлюк». К стенам V и VI эти бревна крепятся вмазыванием глиной. После закрепления матиц на нее перпендикулярно укладываются жерди — «жоро» диаметром 6—10 см. Другими концами жерди упираются в стены III и IV. Образуется «решетка» двухскатного перекрытия. На нее сверху укладывается слой камыша или тростника, а затем — пласт сухой травы или сена. На пласт травы наносится слой хорошо размешанной на воде глины «топрак» Образуется ровная, непроницаемая для атмосферного воздействия крыша.

Перекрытие над загонами для скота и над айваном — плоское, так как значительно проще в исполнении. Обычно загонные кроют только одной травой, тростником или соломой (Глухов А. Н., 1927).

Следует сказать несколько слов об айване. В среднеазиатских и южноказахстанских городах мы часто встречаемся с наличием жилых айванов-навесов, опирающихся на колонны-опоры (нередко изысканной формы). В жаркое время года горожане проводят там большую часть дня — пьют чай, отды-

хают. В данном же случае мы имеем дело с нежилым айваном-навесом, расположенным на скотном дворе и предназначенным для хранения сена, некоторых принадлежностей. Поскольку летняя жара в Талгаре непродолжительна, жители обычно не использовали жилых айванов.

Подводя итог нашему обзору, можно сделать вывод, что города Илийской долины формировались не хаотично, а по строгим законам градостроительства, с ориентированием углов городского участка по сторонам света.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-----------------------	---

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

Акишев К. А. (Алма-Ата) А. Х. Маргулан-археолог	8
Аргынбаев Х. А. (Алма-Ата) Об экзогамном запрете у казахов	12
Алимбаев Н. (Алма-Ата) Этнографическое пространство казахского фольклора. Введение в проблематику	16
Ахинжанов С. М. (Алма-Ата) А. Х. Маргулан и некоторые вопросы истории кыпчаков	22
Байпаков К. М. (Алма-Ата) К вопросу о локализации Джамуката	25
Грошев В. А. (Алма-Ата) Академик А. Х. Маргулан и вопросы древней ирригации Центрального Казахстана	30
Джангужин Р. (Алма-Ата) К вопросу о применении элементов традиционного народного искусства в современной художественной практике	33
Зайберт В. Ф. (Петропавловск) К проблеме выделения ботайского ХКТ	35
Кадырбаев А. Ш. (Алма-Ата) К вопросу о государственности найманов и киреитов накануне монгольского нашествия	40
Кумекон В. Е. (Алма-Ата) Генезис и трансформация сведений о кыпчаках VIII—XIV вв. по арабским и персидским источникам	45
Мартынов А. И. (Кемерово) Современный этап изучения археологических культур скифо-сибирского мира	49
Матющенко В. И. (Омск) Вклад М. П. Грязнова в изучение древней истории Казахстана	53
Худяков Ю. С. (Новосибирск) Оружие как показатель историко-культурных связей в кочевом мире в древности и средневековье	56
Шер Я. А. (Кемерово) Об истоках скифского звериного стиля	59
Шуховцов В. К. (Алма-Ата) Локализация саков-тиграхауда и саков-хаумаварга древнеперсидских надписей	64

КАМЕННЫЙ ВЕК

- Волошин В. С. (Целиноград) К типолого-стратиграфической схеме по палеолиту Центрального Казахстана 70
Исмагулова А. О. (Алма-Ата) Энеолитический череп из Восточного Казахстана 75
Логвин В. Н., Калиева С. С., Гайдученко Л. Л. (Кустанай) О помандизме в степях Казахстана в III тыс. до н. э. 78
Таймагамбетов Ж. К. (Алма-Ата) Палеолитические памятники Центрального Казахстана 81

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

- Арсланова Ф. Х., Куш Г. А. (Калинин, Усть-Каменогорск) Новые источники по эпохе бронзы степного Прииртышья 86
Дэвлет М. А. (Москва) Изображения матерей-родоначальниц на скалах Бижикинг-хая близ Кызыл-Мажалыка в Туве 89
Ермолаева А. С. (Алма-Ата) Некоторые итоги изучения памятников эпохи бронзы Восточно-Казахстанского Прииртышья 91
Карабаспакова К. М. (Караганда) Этнокультурные связи населения эпохи поздней бронзы Семиречья. (По материалам могильника Арасан) 95
Кузнецова Э. Ф. (Алма-Ата) Горно-металлургическое производство древнего Джезказгана 97
Новоженков В. А. (Караганда) Петроглифы долины реки Байконур 100
Рудковский И. В. (Караганда) Резная кость поселения Кент 104
Самашев З. С., Шер Я. А. (Алма-Ата, Кемерово) Словесные мифопоэтические формулы и их изобразительные параллели в петроглифах Саяно-Алтая и Тянь-Шаня 107
Ткачев А. А. (Караганда) Новые памятники эпохи бронзы в Центральном Казахстане 111
Усманова Э. Р. (Караганда) Андроновский могильник Лисаковский 116

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

- Акишев А. К. (Алма-Ата) Система «степь — город» и закономерности сложения кочевых культур скифо-сакского времени 119
Васютин А. С., Ложкин К. В., Петенева Г. Г., Самашев З. С. (Кемерово, Усть-Каменогорск, Алма-Ата) Новые данные о памятниках кулажургинского типа Восточного Казахстана (По материалам могильника Курук-1) 123
Галкин Л. Л., Ольховский В. С. (Москва) Комплекс святилищ Байте (Начало исследования) 126

330

- Зиняков Н. М. (Кемерово) Чугунолитейное производство саков Семиречья 129
Зуев В. Ю. (Ленинград) Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства евразийской Скифии VII—V вв. до н. э. 132
Исмагилов Р. Б. (Алма-Ата) К этимологии Massagetae и Phryssagetae 137
Кулемзин А. М. (Кемерово) Опыт социального исследования древнетагарского общества 141
Кузнецова Т. М. (Москва) Пути распространения «зеркал» скифского типа 144
Курманкулов Ж. К. (Алма-Ата) Новые материалы VIII—VII вв. до н. э. из Центрального Казахстана 145
Могильников В. А. (Москва) К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая 147
Савинов Д. Г. (Ленинград) Об одной группе оленных камней (По материалам Центрального Казахстана) 150

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

- Арсланова Ф. Х. (Калинин) Образ птицы на головных уборах кимакских женщин 156
Бурнашева Р. З., Юсупова С. М. (Алма-Ата) Монетные находки с городищ Отарского оазиса (Алтынтабе, Мардан-Куюк) 160
Буряков Ю. Ф. (Самарканд) Новые данные к истории средневекового Бенакета — Шахрухин 165
Длужневская Г. В. (Ленинград) О времени и путях проникновения изделий кидане-тюхтятского облика в Восточный Казахстан 168
Добжанский В. Н. (Кемерово) К вопросу о погребальном обряде восточных тюрок 173
Ерзакович Л. Б. (Алма-Ата) Отарский жилой дом XI—XII вв. 177
Ермоленко Л. Н. (Семипалатинск) О реалиях древнетюркских изваяний 179
Заднепровский Ю. А. (Ленинград) Проблемы Кенкола 181
Итенов А. О. (Алма-Ата) Фортификация позднесредневекового Туркестана 183
Каратаев П. Е. (Алма-Ата) Архитектурно-планировочный комплекс северо-западной округи городища Сауран в XV—XVII вв. 184
Касенов М. С. (Алма-Ата) Некоторые итоги исследования Костобинского некрополя 187
Петенева Г. Г. (Усть-Каменогорск) Зооморфные мотивы в искусстве средневековых кочевников Верхнего Прииртышья 190

331

Савельева Т. В. (Алма-Ата) Экология и размещение средневековых городищ и поселений в северо-восточном Семиречье	195
Сылайлов Ж. Е. (Алма-Ата) Средневековое городище Аяккамыр	199
Суворова Г. И. (Усть-Каменогорск) Новый памятник кимаковского времени в Восточном Казахстане	202
Трифонов Ю. И. (Алма-Ата) О средневековых погребениях с трупопожжениями Верхнего Прииртышья	204

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Астафьев А. Е. (Шевченко) Энеолитическая стоянка Шебир	210
Алехин Ю. П., Илюшин А. М. (Кемерово) Исследования в Семипалатинской области	212
Бейсенов А. (Алма-Ата) Новые памятники тасмолинской культуры в Центральном Казахстане	214
Григорьев Ф. П. (Алма-Ата) Археологические памятники в районе г. Алма-Аты	217
Грищенко А. Н. (Чимкент) Исследования Чимкентского областного историко-краеведческого музея	220
Гущалов С. Ю. (Актюбинск) Работы в Актюбинской области в 1988 г.	221
Досымбаева А. М. (Алма-Ата) Об исследованиях на городище Кулан	222
Елин В. Н. (Горно-Алтайск) Некоторые результаты археологических исследований в районе строительства Катунской ГЭС на Алтае	224
Оразбаев А. М. (Алма-Ата) Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана	225
Куш Г. А. (Усть-Каменогорск) Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане	227
Мирзабаев А. С. (Алма-Ата) Наскальные изображения Боролдая	229
Раимкулов Б. Т. (Уральск) Итоги работ Уральского облмузея	230
Синельная Н. И. (Алма-Ата) Свод памятников истории и культуры Казахской ССР: состояние и проблемы	232
Чиндин А. Ю. (Караганда) Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской областей	234

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

Абишев С. А. (Алма-Ата) А. И. Крахалев — исследователь обычного права казахов	237
Абусейтова М. Х. (Алма-Ата) О роли источников в изучении истории средневекового Казахстана	240

Аргыбаев Ж. О. (Алма-Ата) Этническая структура Среднего жуза в середине XIX в.	244
Байтанаев Б. А. (Чимкент) Гидроним «Арысь» и вопросы локализации Арсубаникета	250
Галиев А. (Алма-Ата) К вопросу о происхождении и сущности триальной организации у казахов	252
Грищенко В. В. (Москва) Роль национально-смешанных семей в этнических процессах (На примере исследования казахско-русских семей в г. Аркалыке)	255
Немагулов О., Сихимбаева К. Б. (Алма-Ата) Этническая одонтология казахов	257
Кызласов Л. Р. Этнонимы «хаас» и «хааха» в хакасском	260
Кызласов И. Л. Отражение этнополитических традиций в памятниках рунической письменности	263
Мендикулова Г. М. (Алма-Ата) Демографические характеристики казахского населения Оренбургской губернии во второй половине XIX в.	268
Мишгулов Н. Н. (Алма-Ата) Взаимоотношения Казахстана со среднеазиатскими ханствами в XVIII в.	270
Смагулов Е. А. (Алма-Ата) К вопросу о семантике одной композиции в казахском орнаменте	276
Токтабаев А. У. (Алма-Ата) Жылкы ауруларын емдеудің халықтық тәсілдері	279
Толеубаев А. Т. (Алма-Ата) Синкретизм казахской демонологии (На примере демона албасты)	283
Тохтабаева Ш. Ж. (Алма-Ата) К вопросу о семантике материала в казахском ювелирном искусстве	287
Ходжаев М. (Шаульдер) О генезисе настенных рисунков в мавзолеях Казахстана	292
Шербик Г. А. (Усть-Каменогорск) Бухтарминские пояса	294

АРХИТЕКТУРА

Аджигалиев С. Н. (Алма-Ата) Неизвестная школа казахских зодчих Северного Приаралья	299
Арзымбетова М. С. (Алма-Ата) Принципы садово-паркового искусства Средней Азии и Южного Казахстана эпохи Тимуридов (XIV—XVI вв.)	303
Байтенов Э. М. (Алма-Ата) Неизвестные и малоизвестные памятники народного зодчества Западной и Центральной Бетпақдалы	307

Джанысбеков Т. (Алма-Ата) К технологии возведения мемориальных памятников Западного Казахстана	310
Есенмбетов А. С. (Алма-Ата) Архитектура дореволюционного Усть-Каменогорска	313
Елгин Ю. А. (Чимкент) К генезису двухпортальных мавзолеев Сайрама	317
Исабаев Г. А. (Алма-Ата) Становление новых принципов формообразования модерна в архитектуре Казахстана конца XIX—начала XX вв.	319
Рахимжанова Л. Ш. (Алма-Ата) Пространственные структуры маргинальных зон	321
Шарденова З. Ж. (Алма-Ата) Архитектурные особенности жилища средневекового Талгара	324

Сдано в набор 26.06.1989. Подписано в печать 22.08.1989.

Формат 60×84/16. Бум. кн.-журн. для высокой печати.

Усл. печ. л. 20,87. Тираж 500 экз. Заказ № Д-257

УГ 13135. Алма-Ата, 1989. Типография МВД Казахской ССР